

Тамплиеры и другие тайные общества Средневековья

Томас Кейтли

calibre 0.7.44

Annotation

В книге на широком историческом материале рассказывается о развитии средневековых тайных обществ, созданных людьми, которые стремились освоить и применить на практике мистические знания, далеко выходявшие за пределы догм их вероучения, отображены источники их конфликтов с правящими кругами. Это и тамплиеры – воинствующие монахи, которые доказывали преданность своей религии и ее истинность силой оружия, и ассасины – первый монашеский военный орден в исламе, который, распространяя свое вероучение, устранял на занятой им территории руками мулахидов, фанатиков-убийц, мусульман и христиан без особого разбора.

Помимо тамплиеров и ассасинов, это историческое исследование повествует о тайных трибуналах Вестфалии, известных также как суды фемы – своеобразные комитеты бдительности граждан, вершивших тайный суд и неукоснительно приводивших в исполнение приговоры в Средние века, когда в Германии царило беззаконие.

Ставшее классическим исследование английского историка Томаса Кейтли, отличающееся глубоким проникновением в тему, представляет интерес для всякого любознательного и пытливого современника.

-
- [Томас Кейтли](#)
 - [Введение](#)
 - [Ассасины\[3\]](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)

- [Глава 10 \(продолжение\)](#)
- [Глава 11](#)
- [Тамплиеры](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
- [Тайные трибуналы Вестфалии\[107\]](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)

- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)

- [126](#)

Томас Кейтли
Тамплиеры и другие тайные
общества Средневековья

Введение

Всякое исследование причин появления тайных обществ вероятнее всего приводит к выводу, что они формировались определенными группами лиц при приобретении неких знаний, не являющихся общедоступными. Со знаниями происходило то же, что и с любой другой собственностью людей – их владельцы стремились владеть ими безраздельно. Правда, в данном случае это нежелание делиться приобретенными знаниями с другими людьми мотивировалось несколько иными причинами, не похожими на те, которые выглядят естественными, когда речь идет о ценностях любого другого рода. Распространяя знания, их владелец ничем себя не обделяет. Ведь если подходить к обладанию знаниями как к владению реальными благами, то владелец такого богатства не становится беднее, раздавая его, как это было бы с деньгами, напротив, он остается столь же богат, как и раньше, даже после того, как сделал множество других людей обеспеченными не хуже себя самого. Тем не менее кое-что при этом теряется, и это то, чему человеческий разум склонен придавать крайне большое значение: теряется предоставляемая знаниями исключительность. Данная исключительность в самых разных своих проявлениях служит тем же самым целям, что и деньги. Так же как и деньги, она приносит почет и внимание. Как деньги, она приносит самую желанную для людей вещь – власть. Более того, знания, если они держатся в тайне, дают существенную власть. Здесь стоит отметить, что в английском языке «знаю» и «могу» звучит одинаково. Но у власти есть еще и особенности: обладание некими знаниями возвышает индивидуумов над всеобщим невежеством. Это не только возможность делать нечто, чему можно научиться, лишь владея этими знаниями, но и способность управлять другими людьми, используя свое сравнительное могущество на фоне чужой слабости.

Мотивы, побуждающие обладателей знаний к сохранению своих эксклюзивных прав пользования ими, столь сильны, что, не будь у людей прямо противоположных, действующих таким же образом интересов, удовлетворяющих личные эгоистические устремления,

вряд ли можно было бы рассчитывать, что когда-либо знания стали свободно распространяться. В данном случае мощным противодействующим средством является понимание, что в большинстве случаев знания наиболее эффективно можно использовать для привлечения всеобщего внимания и восхищения, лишь передавая их. Лучи света должны пробиваться вовне и освещать мир даже тогда, когда вполне можно любоваться ими в закрытом помещении. В самые мрачные времена ученый или философ мог считать свои амбиции вполне удовлетворенными, получив репутацию человека, достигшего невероятных результатов, вызывающих бестолковое удивление либо суеверный ужас непритязательной толпы. Но как только такие вещи, как тяга к знаниям и любопытство, становятся характерной чертой человеческого рассудка, все те, кто желал извлечь славу или почет своими интеллектуальными возможностями, тем, чему они научились, что узнали, стремятся вызвать восхищение у подобных себе, уже делаясь, а не скрывая свои знания. Они не закрывают доступ к бесценному фонтану, а, наоборот, позволяют его водам свободно течь, давая тем самым возможность испить из него любому желающему. С этого момента у науки практически не остается никаких секретов, более того, все, что можно изучить, подвергается тщательному исследованию, и всеобщая распространяемость знаний становится основной тенденцией.

Однако в предшествовавший этому период положение вещей было прямо противоположным. Стимулов к передаче знаний было мало либо их вообще не существовало, зато у их обладателей было множество мотивов скрывать знания от всех, сохраняя их исключительно для себя. Способность воспринимать и даже просто понимать поступающие из-за рубежа философские истины не была достаточно развита, особенно если они приходили в своем исконном виде и объяснялись собственными же принципами и категориями. До них никому не было дела, либо они понимались толпой извращенно, преобразовываясь ею в нечто настолько неожиданное и мистическое, насколько это позволяло их практическое применение. В большинстве случаев попытки преподавать философские учения, заниматься этим профессионально сопровождалась реальными опасностями. Слишком сильно они противоречили некоторым из наиболее сильных предубеждений, господствовавших повсеместно. Поэтому не стоит

удивляться, что носителям новых знаний приходилось охранять и защищать их путем создания тайных обществ, которые не только огораживали и скрывали членов от широких масс, исключая толпу из процесса познания, но и попутно решали и другие насущные проблемы затворников. Они предоставляли возможность свободного обсуждения и обмена мнениями, недоступную иными способами. Их внешний облик специально окутывался мистикой и тайной, чтобы поражать воображение людей, вызывать слепое почитание и благоговейный трепет. И наконец, дымовая завеса, которой они окутывали свою деятельность, позволяла членам тайных обществ объединять свои усилия, действовать по плану, чувствуя себя в безопасности, свободными от вторжения извне. Особенно важно это было, если ими вынашивались какие-либо политические новации либо другие проекты, открытое отстаивание которых официальные власти никогда бы не потерпели.

Предоставляемые тайными сообществами возможности, а можно сказать и искушения преследовать именно противозаконные политические цели были настолько велики, что налагавшиеся властями запреты на них выглядели вполне оправданными вне зависимости от предлогов, под которыми те возникали. Спору нет, что при неудачном управлении государством желательные политические реформы осуществлялись зачастую именно при помощи таких тайных сообществ и какими-либо иными способами достичь их было невозможно. В силу природы вещей тот же самый образ действий не менее эффективен для свержения успешных правителей. Люди с дурными намерениями будут собираться для осуществления втайне своих дурных замыслов с той же вероятностью, что и люди с благими – для реализации своих благих планов. В любом случае тайное общество – это государство в государстве, самостоятельная сила, независимая от той, что признается высшей властью в государстве, и тем самым нечто настолько дезорганизирующее и противоречащее основополагающим принципам любого правления, что ни одно государство его не терпит. В случае с «плохим» правительством действительно для его свержения хороши все средства, которые не противоречат моральным принципам. Здесь главным правилом должно быть применение критериев благоразумия и целесообразности. Тогда тайное объединение сторонников реформ в определенных

обстоятельствах может быть наиболее эффективным средством достижения желаемой цели, однако насколько бы желательна ни была такая цель, она не входит в число тех, которые предусматриваются конституцией государства. Ни одна конституция не может исходить из допущения, что пусть даже необходимые изменения должны осуществляться не регулируемые ею институтами, не составляющими часть действующего государственного механизма. Тот самый момент, когда подобные институты начинают успешно действовать, знаменует начало революции и окончание конституции. Даже внесение поправок в конституцию, осуществленное подобным образом, означает ее уничтожение.

Тем не менее большинство из наиболее известных тайных обществ, существовавших в различные века и в разных странах, либо изначально создавались для достижения неких политических целей, либо постепенно приходили к тому, что подобные цели начинали рассматриваться ими среди своих основных задач. Даже если главной целью создания общества были, к примеру, религиозные реформы, все равно, насколько об этом можно судить по сохранившимся документам, они могли рассматриваться как имеющие политический характер, учитывая, насколько переплетены были церковные и гражданские институты власти почти в любой стране. При этом влияние, какое тайные общества стремились оказать на официальную власть, далеко не всегда было столь амбициозным, чтобы полностью низвергнуть ее и заменить другой формой правления. Все, чего они хотели, могло заключаться лишь во внесении изменений в какой-нибудь определенной сфере. Более того, целью организации могла быть поддержка основных принципов конституции перед силой обстоятельств, угрожавших их попранию или изменению. Но на что бы они ни нацеливались: на изменение или поддержку действующего порядка вещей, – нелегитимность и опасность деятельности тайных союзов, как уже было сказано, относит их к той разновидности политических сил, которую ни одно здравомыслящее правительство не будет терпеть. Вместе с тем случалось, что в чрезвычайных ситуациях и в периоды крушения цивилизаций именно такие организации оказывали неоценимую пользу в обеспечении наиболее важных потребностей общества и в определенной степени восполняли прорехи в прогнившей системе официального правления.

Система тайных обществ – это настоящий клад для сторонников политических реформ во времена, когда общественное сознание еще не освободилось от предрассудков, чтобы воспринять и поддержать проекты улучшения существующих институтов и общественных устоев. В таких условиях публичное изложение своих взглядов было бы гласом вопиющего в пустыне. В худшем случае результатом подобной попытки стала бы гибель. Между тем, объединяясь в тайном сообществе и извлекая все преимущества передовых знаний и интеллектуальных способностей, а также действуя сообща, очень малое количество людей могло добиваться непропорционально значимых результатов. Порой им удавалось в существующие достаточно сильные социальные системы вбить такой клин, который разбивал и разносил их в клочья независимо от того, сколько веков невежества требовалось на их выстраивание. В отсутствие действенных формальных законов и правоохранительной системы такие общества могли брать на себя роль обеспечения правосудия, применяя собственный авторитет там, где не хватало власти парализованного и бессильного государства. Даже суеверия и страхи, поражающие воображение масс и заставляющие их преклоняться перед загадочной организацией и ее таинственными методами деятельности, берутся на вооружение и помогают держать население в повиновении.

В целом систему тайных обществ, создаваемых в политических целях, даже если не принимать во внимание, насколько желательно их достижение, можно рассматривать как средство, позволяющее людям с благими намерениями компенсировать враждебность внешней среды во времена всеобщего невежества либо в тех государствах, где нарушаются основные принципы справедливого правления и путем наложения запрета на свободное высказывание своего мнения останавливается развитие общества. Однако в странах, где существует свобода слова, где общественное сознание достаточно просвещено, чтобы не воспринимать идеи, идущие вразрез с основополагающими правилами и принципами государственности, необходимость объединения людей в политических целях будет минимальна. В подобных благоприятных условиях для сторонников улучшения социальной системы существует один способ действия – выходить на свет, поскольку нет другого более достойного места для

осуществления их миссии, и стараться реализовать свои планы путем нахождения взаимопонимания у своих сограждан.

Однако существенным изъяном, которому подвержены любые тайные общества, является вероятность того, что цели и методы действия их членов будут искажены теми, кто заинтересован в ослаблении власти и влияния конкурентов. До тех пор пока бдительное око государства и всех заинтересованных в сохранении системы лиц будет приковано к подобным сообществам, последние будут жестко ограничивать круг посвященных и действия допущенных членов. А поскольку их собрания по той же самой причине должны протекать в удаленных местах и чаще всего в ночное время, их противники получают возможность, крайне редко упускаемую, распространять какие угодно очерняющие слухи о покрытых тайной действиях. И насколько бы невиновными себя ни чувствовали оклеветанные, открыто выступать с опровержениями они обычно тоже не способны. Подобными уловками в людях вызываются столь сильные подозрительность и неприязнь к непонятым обществам, что они порой начинают преследовать защитников их же интересов, впрягаясь в ярмо, надеваемое на них истинными недругами. Схожесть обвинений, выдвигаемых против тайных организаций в самых разных частях света, является вполне достаточным доказательством их надуманности, поэтому к ним следует относиться с известной долей недоверия. Та безупречная чистота, в которой изначально проповедовалось христианство в Римской империи, не давала поводов для каких бы то ни было кривотолков. Тем не менее, когда гонения на христиан стали организовываться именно так, как если бы те состояли в некоем тайном сговоре, против них стали выдвигаться такие же обвинения, какие ранее приписывали различным течениям гностической ереси. Например, в фиестовых пирах (выражение, обозначающее каннибализм, по имени героя древнегреческих мифов – Фиеста, Тиеста. – *Пер.*) и беспорядочных половых связях, что они сами же потом подтверждали, хотя и вряд ли правдиво. Там, где присутствует таинственность, всегда будут рождаться подозрительность и появляться обвинения, на которые невозможно пролить свет.

В античном мире существовало лишь одно тайное общество исключительно политической направленности – это пифагорейцы.

Желающие взглянуть на религиозные сообщества, вероятно, соберут весьма богатый урожай, особенно если вспомнить все то, что было написано в древние и нынешние времена по поводу наиболее известных мистерий. Однако первоначальные греческие таинства и обряды, такие как элевсинские мистерии, представляется, были не чем иным, как публичными богослужениями, сопровождавшимися несколько необычными церемониями, которые проходили под надзором государства и на которых председательствовали члены городских советов. При этом участникам не раскрывались какие бы то ни было секреты и не передавались знания, выходящие за рамки общедоступных. Другие разновидности мистерий, в частности культы Орфея, Исаака, Митры, заимствованные с Востока, были всего лишь орудием в руках хитроумных самозванцев, активно наживавшихся на слабостях и доверчивости грешных и суеверных людей, убеждая их, что путем тайных необычных ритуалов и обращения с мольбами к неведомым божествам можно избежать грядущей расплаты за грехи. Ночные сборища для совершения этих культовых ритуалов слишком часто превращались в распутные оргии и вызывали неприятие у любых здравомыслящих правителей. Именно подобные, а не элевсинские мистерии подвергались строжайшему осуждению со стороны служителей церкви^[1].

Сведения о Пифагоре и его учении крайне обрывочны. Дошедшие до нас высказывания этого мудреца были записаны лишь спустя много веков после его смерти, и не так уж много доверия заслуживает их содержание. Пифагор родился на острове Самос, расцвет его учения пришелся на VI век до Рождества Христова, те времена, когда Греция находилась под огромным влиянием Египта и ее мудрецы устремлялись на берега Нила в поисках знаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в традициях Пифагора было посещать эту загадочную страну, а возможно, и страны Востока, что наложило отпечаток и на безмятежный взгляд на мир, в котором те, кто считается мудрым, управляют невежественными людьми. Исходя из этого, возможно, ему и пришла в голову идея слияния этой жреческой системы со строгими моральными нормами и аристократическим устройством греческих государств дорийцев. Поскольку, по его представлениям, родной остров, находившийся в то время во власти Поликрата Самойского, не очень подходил для внедрения новой

системы правления, Пифагор обратил свой взор на города Великой Греции, нынешней Южной Италии, которые процветали в тот самый период и где жители стремились приобретать новые знания, а некоторые провинции уже располагали сводами законов. Его выбор пал на Кротон – один из богатейших и прославленных городов региона.

Аристократия олицетворяла всю систему политического устройства дорийцев, а все города Великой Греции были их колониями. Тем не менее в результате активных торговых отношений у населения была естественная тяга к демократической системе правления. Целью Пифагора было сохранение аристократических принципов, при этом он стремился к тому, чтобы принадлежность к аристократическому классу была не только тем, что дается при рождении, но, как и в жреческих кастах Востока, она означала бы и превосходство в уровне просвещенности. Поскольку его система шла вразрез с тем, чем жило общество, Пифагор понимал, что внедрить ее он сможет лишь при всеобщем положительном к ней отношении. К тому же, обладая такими личными достоинствами, как прекрасное телосложение, достигнутое в результате постоянного выполнения специальных гимнастических упражнений, ораторское мастерство, гордая манера держаться, он вызывал к себе всеобщее расположение, еще больше привлекаемое мистическим налетом его учения. Тем самым он в итоге привил людям благосклонное отношение к своим идеям, а знать с рвением стремилась быть посвященной в его секреты.

Невероятный успех, как говорят, сопровождал этот проект философа. Произошло всеобщее изменение нравов в Кротоне, где общественное устройство стало почти спартанским. Управляла там группа из 300 аристократов, которые, согласно учению мудреца, уже при рождении были одарены высшими, по отношению к прочим людям, знаниями во всех областях. Знать из других полисов стекалась в Кротон, чтобы научиться, как управлять мудро. Посланники Пифагора направлялись во все концы, чтобы проповедовать новое политическое учение. Они прививали людям религиозные воззрения, покорность и смирение, те же из знати, кто считался достойным, приобщались к знанию системы в целом, им преподавались ее правила и принципы. Казалось, что золотой век гармоничного слияния власти, мудрости и добродетели воцарился на земле.

Однако как всему, что вступает в противоречие с духом времени, подобному политическому устройству не суждено было устоять. В то время как Кротон был основным местом сосредоточения пифагорейцев, богатство и роскошь в качестве своей резиденции избрали соседний город Сибарис. Эти города соперничали между собой: один из них должен был пасть. Прошло чуть больше 30 лет с момента прибытия Пифагора в Кротон, как ожесточенная война разгорелась между ними. Возглавляемые Милоном и другими пифагорейцами, которые в военных делах были не менее искусны, чем в философских, кротонцы свели на нет влияние своих соперников, и Сибарис пал, чтобы никогда вновь не подняться. Но вместе с ним рухнуло и влияние пифагорейцев. Они полагали нецелесообразным делиться богатыми трофеями с простыми людьми, в результате стало расти народное недовольство. Этим воспользовался Цилон, которому было отказано во вступлении в союз. Он подстегнул население к массовым расправам над пифагорейцами, демократическая система правления была установлена. Другие города последовали примеру Кротона, началось всеобщее преследование пифагорейства, сам Пифагор был вынужден спасаться бегством и умер вдали от города, который когда-то принял его как пророка. Пифагорейцы никогда после этого не пытались прийти к власти, став не более чем сектой философов-мистиков, выделявшихся причудливостью в еде и одежде.

Античные времена не предоставляют нам других сколь-нибудь значимых обществ, к которым можно было бы применить термин «тайное».

Различные секты гностиков, которые служители церкви обвиняли в ереси, в определенной мере являлись тайными обществами, поскольку они не распространяли свои учения в открытую и публично. Но сведения о них настолько скудны и безынтересны, что их изучение вряд ли привлечет внимание широкого круга читателей.

Настоящая книга посвящена истории трех выдающихся обществ, которые процветали в Средние века и полное подробное описание которых, насколько известно, в англоязычной литературе трудно найти. Речь идет о ближневосточных ассасинах, или исмаилитах, чье название во всех европейских языках стало синонимом «убийцы», которые действительно были тайным обществом и о которых мы имеем лишь самые смутные и неопределенные представления.

Следующее общество – это рыцарский орден тамплиеров, с которыми расправились наиболее варварским образом именно под предлогом их приверженности тайному учению и в отношении которых новые обвинения были выдвинуты в наши дни. И наконец, тайные трибуналы Вестфалии в Германии, вся наша информация о которых до сих пор черпалась главным образом из ненадежных суждений писателей и поэтов^[2].

На следующих страницах читатель найдет правдивую историю во всей ее простоте, лишенной волнительного романтизма, знания, а не одни лишь развлекательные истории, хотя, впрочем, последним тоже будет уделяться внимание в той степени, сколь это не противоречит истине и целям повествования.

Ассасины [3]

Глава 1

Мир в VII веке. – Западная империя. – Восточная империя. – Персия. – Аравия. – Мухаммед. – Чем он мог руководствоваться. – Особенности его вероучения. – Коран

В начале VII века эры христианства государства большей части мира были готовы к тому, чтобы принять новые границы. В течение двух предшествовавших веков готы, вандалы, гунны и прочие воинственные племена германцев преуспели в снесении возникавших на их пути препятствий, завоевав и расчленив Западную Римскую империю. С собой они принесли и сохранили свободолюбивый нрав и дух неустрашимого героизма, отказавшись при этом от своих древних диких суеверий и заложив порочную систему, которая позже подорвала авторитет самого христианства. Эта система, еще больше закаленная идеями, привнесенными и трансформированными ее новыми приверженцами, которые стали превозносить положения Ветхого Завета, вписывавшиеся в их собственное мироощущение, впоследствии, слившись с феодализмом, породила дух, который погнал армии Западной Европы через горы и степи Азии на завоевание Святой земли.

Восточная Римская империя представляла в то время совсем другую картину. Она все еще сохраняла пределы, которые имела при Феодосии Флавии. Все страны от Дуная, через восточное и южное побережье Средиземного моря вплоть до Гибралтарского пролива в той или иной степени проявляли повиновение перед наследниками Константина Великого. Но деспотизм в более разлагающем, хотя и менее безжалостном виде, чем в Азии, парализовал патриотические чувства подданных и их энергию. А острота, беспокойность и гибкость ума греков в сочетании с мистицизмом и безудержной фантазией азиатов преобразили простоту вероучения Христа в мятежную систему труднодоступной метафизики и великого идолопоклонничества, что вносило свою лепту в общеполитическую ситуацию, охлаждая воинственный запал населения. Различные

провинции империи удерживались вместе крайне непрочными связями, было очевидно, что сильного потрясения будет достаточно для распада союза.

Горы Армении и воды Евфрата отделяли Восточную империю от Персии. Эта страна во времена, когда орлы Римской республики впервые появились у берегов Евфрата, находилась во власти народов, носивших имя парфян, и римские армии не раз терпели поражение, пытаясь вторгнуться в их пределы. Как любая власть, подданным которой не дарована свобода, правление Аршакидов (царская династия Парфии) со временем становилось все более немогущим, и по прошествии почти пяти веков скипетр Аршака из ослабевшей руки последнего в династии монарха перешел к Ардаширу Папакану (то есть сыну Папака) – доблестному воину царской армии, притязавшему на принадлежность к древнему роду персидских монархов. Ардашир, чтобы осуществить переворот, обратил себе на пользу религиозные воззрения персов. Парфийские монархи были приверженцами греческого образа жизни и религии, а к огнепоклонничеству – традиционной вере в Персии – относились пренебрежительно. Ее жрецы были обделены вниманием членов царской семьи. Для Ардашира же она была источником гордости и частью политики по восстановлению авторитета древнего вероучения до уровня, каким оно обладало во времена наследников Кира Великого. Религиозные деятели в ответ предоставляли ему свою могущественную помощь в его планах придания монаршей семье былой силы и по вселению в души соотечественников любви к своей стране и жажды расширения персидских владений до прежних масштабов. На протяжении 400 лет династия Сасанидов^[4] была самым грозным врагом Римской империи. В период, который здесь описывается, их владения почти достигли величайших размеров среди восточных династий. Хосров I Ануширван приобрел великую военную славу, был энергичным и справедливым правителем, что сделало его имя общеизвестным на всем Востоке. Хосров II Парвиз продемонстрировал такое великолепие, которое до сих пор является отдельной темой поэзии и литературы Персии, и пронес свое победоносное оружие сквозь Сирию и Египет и дальше по африканскому побережью, куда даже Дарий I не смог продвинуться. Поражение от доблестного императора Гераклиуса омрачило его последние дни, а на тринадцатый год после его смерти армия персов

была обращена в бегство. Священная реликвия империи – украшенный драгоценными камнями и расшитый золотом фартук кузнеца Кавэ – попала в руки грабителей. Все это раскрыло тайну, и былая сила покинула Персию. Блистательность начала правления Хосрова II Парвеза была последней вспышкой перед гибелью, что случается не только с империями, но и с отдельными людьми. Ушло могущество, которое требовалось, чтобы сдерживать фанатичный натиск, уже готовый вырваться с аравийских просторов.

Аравия гордится именно тем, что она никогда не была завоевана. Этот иммунитет к порабощению тем не менее был лишь частичным и обязан, главным образом, естественным свойствам этих земель. Бесплодные пески Неджда и Хиджаза всегда сводили на нет старания враждебных армий, но более привлекательный район Йемена – Счастливая Аравия, как его называли в древности, – не раз притягивал завоевателей и покорялся их власти. Население этой страны оставалось единым по крови и образу жизни с незапамятных времен. Храбрые, но не кровожадные, разбойники, но любезные и гостеприимные, с живым и проницательным умом – такими мы видим арабов со времен Авраама и до наших дней, занимающимися выпасом скота и кочующими по пустыням, выращивающими сельхозпродукцию в Йемене, торгующими на побережьях и на границе с Сирией и Египтом. Их зарубежные военные действия никогда не выходили за рамки грабительских набегов в две упомянутых страны, если не принимать во внимание гиксосов, или царей пастухов, как их еще называли, которые, согласно преданиям, однажды завоевали Египет. Аравия была своего рода миром в самой себе, ее многочисленные племена находились в бесконечной вражде друг с другом. Но было очевидно, что, если отважные и искусные всадники были бы объединены вождем и воодушевлены мотивами, вызвавшими прилив решимости и героические чувства, они стали бы силой, способной нанести сокрушительный удар империям Персии и Рима.

Если трезво взглянуть на мировую историю, невозможно не признать существование предрасполагающих факторов, которые определяют время и обстоятельства каждого события, которому суждено произвести серьезные изменения в людских делах. Действие этого всевластного провидения ощутимо в данном случае как нигде более. Арабам пришло время покинуть свои пески и начать движение

к покорению мира, и родился человек, который должен был стать для них необходимой побуждающей силой.

Мухаммед (*Восхваляемый*^[5]) был сыном Абд-Аллаха (*Слуга Божий*) из знатного арабского племени Курайш, которое было хранителем Каабы (дословно: «куб» – мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе Запретной мечети в Мекке. – *Ред.*). Находящийся в ней Черный камень (предположительно метеорит; мусульманская святыня, камень прощения, по легенде, посланный Богом Адаму и Еве. Вмонтирован в восточный угол Каабы и заключен в серебряную оправу. Согласно преданию, Черный камень изначально был белым, но постепенно почернел, пропитавшись человеческими грехами. До сих пор является предметом паломничества мусульман для поцелуя. – *Ред.*) на протяжении многих веков был предметом религиозного поклонения аравийских племен. Мать Мухаммеда Амина была дочерью вождя знатного рода. Мухаммед рано остался сиротой со скудным наследством, состоявшим из пяти верблюдов и рабыни-эфиопки. Его воспитанием занимался дядя Абу Талиб. В ранние годы юный Мухаммед постоянно сопровождал своего дядю на базар в Бозре, на границе с Сирией, а на восемнадцатом году жизни продемонстрировал свою отвагу в столкновении между Курайшем и враждебным племенем. В возрасте 25 лет поступил на службу к богатой вдове Хадидже, товары которой он возил на одну из крупнейших ярмарок Сирии. Несмотря на бедность, Мухаммед был благороден, красив, силен и храбр. Хадиджа, которая была на 15 лет старше, страстно полюбила его. Ее чувства встретили взаимность. Ее рука и богатство принесли племяннику Абу Талиба достаток и почет.

По всей видимости, изначально Мухаммед отличался целенаправленностью, и нельзя исключать, что великая истина единобожия была навеяна ему матерью либо еврейской родней. Курайшиты и прочие его соотечественники поклонялись идолам; христианское вероучение было искажено примесью множества суеверий; огнепоклонничество персов являлось поклонением Божеству в материальной форме; вера в учение Моисея была подорвана мечтами и нелепыми наставлениями раввинов. Людям, похоже, требовалось нечто более простое. К тому же существовала уверенность, что Бог время от времени посылает в мир для его

реформирования пророков и может сделать это вновь. Евреи все еще ждали обещанного мессию, многие христиане полагали, что с небес еще должен сойти Параклит. Кто возьмет смелость утверждать, что Мухаммед не убедил себя, что его удел – это служение Господу и Божественным предназначением ему суждено быть проповедником более чистого вероучения, чем все те, которые он видел? Кто скажет, что, ежегодно уединяясь на 15 дней в пещере на горе Хира, он в экстазе не впадал в галлюцинации и что в одном из таких снов наяву архангел Гавриил не снизошел к нему в его болезненном воображении, чтобы назначить его пророком Божьим и преподнести видимый образ той части будущего свода законов, которая, возможно, уже созрела в его голове раньше?^[6] Определенная доля самообмана всегда является составной частью успешного мошенничества. Любой жулик, и так всегда было, свой первый эксперимент ставит над собой. Уместно предположить, что первоначально Мухаммед не имел иной цели, кроме распространения истины путем убеждения, и, скорее всего, он ввел в заблуждение лишь самого себя, уверовав, что является избранным свыше для этой цели. Все же не стоит избегать и другой, возможно, более правдивой версии, а именно: что, по мнению Мухаммеда, равно как и многих других, цель оправдывала средства, и он считал позволительным придумать Божественные явления и наставления, чтобы заставить людей прислушаться к истине.

Какими бы изначально ни были идеи и планы Мухаммеда, он ждал, пока ему исполнится 40 лет (возраст, в котором Моисей впервые появился перед израильтянами), и тогда раскрыл свое Божественное предназначение жене Хадидже, рабу Зеиду, двоюродному брату Али, сыну Абу Талиба, и своему другу, добропорядочному и богатому Абу Бекру. Трудно себе представить какой-либо мотив, кроме убежденности, завладевшей умами этих разных людей, которые сразу признали его притязания на роль пророка. Безупречность предыдущей жизни нового пророка сыграла немалую роль в том, что ему удалось заставить поверить в свое предназначение тех, кто был наиболее близко с ним знаком. Как гласит мудрость, не славен пророк в отечестве своем и среди ближних своих, и пример Мухаммеда подтверждает истинность этого утверждения. В течение тринадцати лет новая религия развивалась в Мекке с трудом и болезненно. Население же Ясриба, города, который впоследствии стал почитаться

как «Город пророка» (*Medinat-en-Nabi*), оказалось более восприимчивым к новой вере. После смерти Абу Талиба, который хоть и не разделял убеждений своего племянника, но оберегал его, Мухаммед переселяется в Ясриб (событие, почитаемое как хиджра – паломничество), население которого с оружием в руках встает на защиту его от курайшитов. Возможно, именно в этот момент перед пророком открылись новые взгляды на мир. Принц Ясриба надеялся расширить свою власть над неблагодарной Меккой, а тем, кто насмехался над его доводами и убеждениями, можно было бы преподать урок мечом. Эти послы оказались верными и менее чем через десять лет после битвы при Бадре (первая битва Мухаммеда), когда он добился того, что его светская власть и пророческая роль были признаны по всему Аравийскому полуострову.

Очень часто случается, что, когда человечеству предлагается принять новую форму религиозного учения, оно превосходит по чистоте то, которое должно заменить. Арабы времен Мухаммеда были идолопоклонниками. Количество идолов, которым следовало поклоняться у Каабы, как говорят, равнялось тремстам. Среди арабов было широко распространено распутство, полигамия не знала пределов^[7]. Все это пророк заменил поклонением единому Богу и поставил под контроль плотские пристрастия своих соотечественников. Его религия содержала описание того, какими будут награды и наказания в будущем, чем он завлекал, чтобы внушить послушание, и запугивал против неповиновения и противостояния. Страдания ада, которыми он грозил, были наиболее устрашающими для всего тела и отдельных его органов; радостями рая были зеленеющие луга, раскидистые деревья, журчащие ручьи, легкое дуновение ветра, изысканные вина в золотых и серебряных кубках, роскошные жилища и пышные диваны. Мелодии распеваемых ангелами песен должны были ублажать души благословленных. Черноокие хурии должны были стать вечно цветущими невестами верных слуг Всевышнего. Но, хотя чувственное блаженство являлось главной наградой, поборников этой веры учили: чтобы заслужить ее, необходимо самоотречение на земле, и строго следили за тем, чтобы «правоверный мусульманин проявлял в своем характере больше черт стойков, чем эпикурейцев»^[8]. И поскольку пророк уже твердо решил, что меч непременно будет задействован для распространения истины,

наивысшая степень будущего блаженства, как было заявлено, была уделом мучеников, то есть тех, кто пал в святых войнах за распространение веры. «Рай, – говорил пророк, – находится в тени мечей». В Судный день раны павших воинов засверкают ярко-алым цветом и заблагоухают мускусом, а крылья ангелов заменят утраченные конечности. Религия Мухаммеда получила название ислам (*смирение*), его последователи стали называться мусульмане (*moslems* – у арабов и *mussulmans* – у персов). В их вере было пять догматов: вера в Бога, в его ангелов, в его пророка, в Судный день и в предназначение судьбы. Благочестивых обязанностей было также пять: духовное очищение, молитва, пост, подаяние и паломничество в Мекку. Различные обряды и ритуалы, которые прежде соблюдались арабами, были сохранены пророком либо из уважения к религиозным пристрастиям своих последователей, либо потому, что он не хотел или не мог освободиться от почтительного отношения к обычаям, в которых он сам был взращен с младенчества.

Так в самых общих чертах выглядит та религия, которой Мухаммед заменил аравийское идолопоклонничество. Оригинального в ней было мало. Все ее детальное описание загробной жизни были заимствованы из иудаизма или от магической системы Персии. Содержащая их книга, названная Кораном (*чтение*), составлялась на протяжении многих лет из разрозненных отрывков *неграмотным* (выделено автором. – *Пер.*) пророком и записывалась с его слов книжниками. По его собственным рассказам, каждая сура, или откровение, была преподнесена ему с небес архангелом Гавриилом. Они почитаются всем мусульманским Востоком и большинством европейских востоковедов как шедевр арабской литературы. И если уделить должное внимание разнице в образе жизни и в пристрастиях европейцев и арабов, а также учесть, что рифма^[9] в прозе для первых нестерпима, а последним может доставлять огромное удовольствие, то можно признать, что щедро воздаваемая этому произведению хвала не является незаслуженной. И хотя большую часть книги занимают нудные, зачастую наивные легенды, а также долгие, утомительные общественные наставления, она пронизана возвышенной силой горячего почитания и смиренной покорности перед волею Бога, что вполне достойно священных провидцев Израиля. Доктрина единого Бога, словно жила чистейшего золота, проходит через все части книги,

придавая ей достоинство. Нельзя ли рискнуть предположить, что христианство выиграло от жульничества Мухаммеда и что четкое, открытое вероисповедание Божественного Единства их мусульманскими недругами спасло христиан Темных веков от удушения под массой суеверий и вранья, которые столь сильно извратили и деформировали величественную простоту Евангелия? Разумеется, никому в голову не придет сравнивать сына Абд-Аллаха с Сыном Божьим, ставить тьму рядом со светом. Но мы вполне можем допустить, что он был орудием в руках Всевышнего, и признать, что принятие им на себя роли пророка повлекло за собой как положительные, так и вредоносные последствия.

Мусульманская религия настолько тесно связана с историей, законами, образом жизни и мировоззрением той части Востока, о которой здесь пишется, что без этого краткого экскурса в истоки ее происхождения и особенностей было не обойтись.

Глава 2

Происхождение халифата. – Первые халифы. – Пределы Арабской империи. – Раскол среди мусульман. – Сунниты и шииты. – Секты шиитов. – Кайсаниты. – Зейдиты. – Гуллаты. – Имамы. – Секты имамитов. – Особенности их политической системы. – Карматы. – Происхождение халифов Фатимидов. – Тайное общество в Каире. – Преподаваемое там учение. – Его упадок

Мухаммед объединял гражданские и церковные властные полномочия. В качестве эмира (*принца*) он вершил правосудие и вел своих последователей в битву; как имам (*духовник*) он каждую пятницу (*шабат – день отдохновения у мусульман*) проповедовал принципы и священные обязанности своей религии. И хотя у него было множество жен, на момент, когда пророк начал ощущать приближение смерти, у него не было ни одного выжившего сына. Его дочь Фатима, однако, была замужем за своим двоюродным дядей Али, который был одним из первых и наиболее преданных учеников пророка. Ожидалось, что угасающий глас Мухаммеда наречет брата халифом (*наследником*) перед лицом приверженцев своей веры. Но Аиша – дочь Абу Бекра, юная и наиболее любимая жена Мухаммеда – была крайне враждебно настроена в отношении сына Али Абу Талиба, и, вероятно, мстительная женщина использовала все свое влияние на умирающего пророка. Также возможно, что Мухаммед, как и Александр, ошеломленный объемом власти, которую он приобрел, и осознавая, что лишь мощь сопоставимой с ним самим личности будет способна сохранить и приумножить ее, и, возможно, считая, что он отвечает перед Богом за выбор, который должен сделать, решил оставить решение этого вопроса последователям как самый безопасный вариант. То, что за несколько дней до своей смерти Мухаммед уполномочил Абу Бекра совершить богослужение вместо себя самого, может указывать на планы передачи халифата ему. Тем не менее он однажды заявил, что сила характера, проявленная его выдающимся последователем Умаром, ясно показывает наличие у того достоинств

пророка и халифа. Предания не оставили свидетельств столь же ясных высказываний относительно мягкого и добродетельного Али.

Как бы то ни было, пророк ушел, не оставив преемника, и при выборе того, кому передать полномочия, чуть не возник разлад среди его сторонников, когда Умар, отказавшись от притязаний, отдал свой голос в пользу Абу Бекра. В результате вся оппозиция утихомирилась, и отец Аиши в течение двух лет властвовал над правоверными. Вначале Али не захотел подчиниться, но в конце концов принял наследника пророка. Умирая, Абу Бекр завещал верховную власть Умару как самому достойному, а когда двенадцать лет спустя тот погиб от кинжала убийцы, освободившийся высокий сан шестью голосами был дарован Усмани, являвшемуся до этого секретарем пророка. Ослабивший влияние Усмана возраст подорвал авторитет его правления, и над всей Аравией стал преобладать дух раздора, что стало наглядной иллюстрацией к словам пророка о том, что энергичность является ключевым качеством для халифа. Бесчисленная масса бунтовщиков осадила престарелого Усмана в Медине, и он, держащий Коран в своих руках, был убит бандой мародеров во главе с братом Аиши, пламенным поборником ислама, который, вполне возможно, втайне и был зачинщиком беспорядков.

Теперь выбор народа пал на Али, однако непримиримая Аиша подговорила двух влиятельных арабских лидеров, Телху и Зобейру, восстать против его власти и поднять боевые флаги в арабской провинции Ирак. Аиша, верхом на верблюде, появилась в решающий момент битвы, в которой вожди восставших потерпели поражение и погибли. Великодушный Али отправил ее к могиле пророка, вблизи которой она безмятежно и провела остаток своих дней. Самому халифу повезло гораздо меньше. Муавия – наместник Сирии и сын Абу Софияна, самый яростный из противников пророка, – решил, что должен отомстить за Усмана, в чьей смерти он обвинил Али и его сторонников. Объявив самого себя истинным халифом, он поднял Сирию с оружием против зятя пророка. В последовавшей за этим войне успех был на стороне Али до тех пор, пока религиозные предрассудки его войск не вынудили его пойти на заключение мирового соглашения. А вскоре после этого он был убит фанатиком в мечети Куфы. Его сын Хасан под уговорами Муавии отказался от своих притязаний и удалился в Медину. Однако его более горячий брат

Хусейн с оружием в руках пошел против халифа Язида – сына Муавии. Изложение подробностей его гибели является одним из наиболее душераздирающих и широко освещенным эпизодом восточной истории^[10]. Сестры и дети Хусейна были спасены милосердием победоносного Язида, и от них происходят многочисленные родовые линии, гордящиеся своими истоками из крови Али и самого пророка.

Арабская империя к этому времени имела внушительные размеры. Египет, Сирия и Персия были завоеваны в царствование Умара. При первых халифах династии Омейядов (названа по имени прадеда Муавия Омейя) удалось завоевать Африку с Испанией, и последние представители этой династии управляли самой обширной империей в мире.

Великий раскол в мусульманской церкви (здесь уместно использовать этот термин, поскольку он единственно доступный в нашем языке. Термин «великий раскол» (Great Schism) в английском языке обозначает раскол на Восточную и Западную церковь, начавшийся в 1054 году и завершившийся в 1472 году. – *Пер.*) начался с приходом рода Омейя. Мусульмане с того времени и по наши дни разделены на две основные секты: суннитов и шиитов – правоверных и раскольников, как можно было бы их назвать, чьи противоположные доктрины, как, например, в католической и протестантской церквях, формируют религиозные убеждения целых самостоятельных наций. Оттоманские и узбекские турки привержены суннитскому направлению. Персы – ярые шииты. Межнациональная и межрелигиозная вражда способствовала тому, чтобы сделать их убежденными и закоренелыми противниками друг друга.

Сунниты считают, что первые четыре халифа были законными наследниками пророка, но поскольку их место среди высшего духовенства определялось степенью святости, то на самую низшую ступень они ставят Али. Шииты же, напротив, убеждены, что сан пророка по справедливости был унаследован сыном его дяди и мужем его дочери. Поэтому они считают Абу Бекра, Умара и Усмана узурпаторами, проклинаят и поносят воспоминания о них, в особенности о жестоком Умаре, убийцу которого они почитают как святого. При обсуждении всего, что касается мусульманской религии, необходимо постоянно держать в уме, что Мухаммед и его преемники преуспели в том, чего безрезультатно пытался добиться дальновидный

и емкий ум Григория VII, – объединить в одном лице гражданскую и церковную власть. В отличие от раскола восточной и западной, католической и протестантской церквей, который проистекал из разницы во взглядах на вопросы богослужения или на существование религиозной доктрины, в мусульманстве он возник исключительно из-за амбиций и борьбы за светскую власть. Верховная власть в величайшей империи мира была наградой той стороне, которая могла через свое право овладевать умами и заполучить самое большое количество верующих людей и восходить на подмостки пророка Божьего. Позже, когда арабы познакомились с учениями греков и персов, появились теологические и метафизические нюансы и отличия, два главных религиозных направления породили многочисленные сектантские ответвления. Сунниты раздробились на четыре главные секты, каждая из которых тем не менее считается ортодоксальной, поскольку они сходятся во взглядах по основным моментам, но отличаются по второстепенным. Разделение шиитов также произошло на четыре секты, точкой соприкосновения которых является признание права Али и его потомков на имамат – занятие высшего церковного поста. Расхождение во мнениях идет относительно характера доказательств, подтверждающих его права и по вопросу порядка наследования между его потомками. Эти четыре направления и взгляды их последователей выглядят следующим образом:

1. Кайсаниты, которые придерживались мнения о праве семьи Али на имамат, образовали первое и наиболее безопасное из всех течений. Они были названы так по имени одного из руководителей восстания Кайсана. Разделенные, в свою очередь, на еще несколько сект, кайсаниты полагают, что права Али были унаследованы не Хасаном, или Хусейном, а их братом Мухаммедом ибн-Ханафии. Одна из этих сект отстаивает мнение, что имамат должен остаться закрепленным^[11] именно за Мухаммедом, который никогда не умер, а время от времени являлся на Землю под разными именами. Другая секта, называемая хашимиты, полагает, что имамат от Мухаммеда ибн-Ханафии унаследовал его сын Абу Хашим, который потом передал его Мухаммеду из рода Аббасов, от которого тот перешел Саффаху – основателю Аббасидской династии халифов^[12]. Очевидно, что целью этого направления было приукрасить притязания рода Аббасов,

которые заклеили Омейядов как узурпаторов и настаивали, что халифат по праву принадлежал им. Абу Муслим – выдающийся полководец, который первым присягнул семье Аббасов, был убежденным, а может, и мнимым сторонником догмата этой секты, единственного, кстати, направления в шиизме, поддерживавшего род Аббасов.

2. Приверженцы второго ответвления шиизма получили название зейдиты. По их мнению, имамат перешел от Хасана и Хусейна к Зейну аль-Абидину, сыну последнего, после чего к Зейду (отсюда и название), сыну Зейна, в то время как большинство других шиитов считают Мухаммеда аль-Бакира, брата Зейда, легитимным имамом. Зейдиты отличаются от остальных шиитов тем, что признают трех первых халифов законными преемниками пророка. Идри, который вырвал у абасидских халифов часть Африки и основал королевство Фез, был или выдавал себя за потомка Зейда.

3. Гуллаты (крайние) названы так по причине чрезвычайно необычной доктрины, выходящей за рамки здравого смысла. В результате к ней с одинаковым отвращением относятся и остальные шииты, и сунниты. Утверждается, что данная секта существовала уже во времена Али, который сжег некоторых из них на костре за их нечестивые и сумасбродные взгляды. Так, гуллаты убеждены, что был только один имам, и приписывают Али Божественные качества. Некоторые утверждали, что в нем были две сущности (Божественная и человеческая), другие – что только одна человеческая. Также они заявляли, что эта истинная сущность Али путем переселения души переходила к его потомкам, и так будет продолжаться до скончания веков. Другие считали, что переселение души остановилось на Мухаммеде аль-Бакире, сыне Зейна аль-Абидина, который все еще пребывает на Земле, но невидимо, как Хизир – хранитель Колодца жизни, согласно красивой восточной легенде^[13]. Прочие, еще более дерзкие, отрицали переселение души и заявляли, что божественный Али воцарился на троне в небесах, где гром – это голос, а молнии – бич, которыми он наводит ужас и карает грешников. Эта секта представляет собой первый (хотя и очень ранний) пример внесения того мистицизма в ислам, который, похоже, берет свои начала в мифических дебрях Индии. Как политическая партия гуллаты не запрещались.

4. Это направление не имеет отношения к имамам – наиболее опасным врагам рода Аббаса. Соглашаясь с гуллатами в теории «невидимого» имама, они утверждали, что был еще ряд «видимых» имамов, предшествовавших ему, но исчезнувших. Одно из ответвлений этой секты (себиины, «семерные») закрывало список Исмаилом, внуком Мухаммеда аль-Бакира, седьмым имамом, если считать Али как первого. Эту секту также стали называть исмаилиты, от Исмаила. Другое течение, называвшееся имамиты, продолжало счет от Исмаила через его брата Мусу аль-Казима до Аскери, двенадцатого имама. Поэтому их стали называть двенадцатниками (*иснаашири*). Они верили, что имам Аскери исчез в пещере Хиллы на берегах Евфрата, где он будет незримо пребывать до конца света, когда снова явится мессией (*махди*), чтобы привести человечество к истине. Имамиты, независимо от того, на каком количестве «видимых» имамов они останавливались, понимали, что в политических целях им было необходимо признавать неких имамов-временщиков. Но если зейдиты, которые сходились с ними по этому пункту, требовали, чтобы эти правители обладали такими королевскими добродетелями, как мужество, щедрость, справедливость, мудрость, имамиты заявляли, что их вполне удовлетворит, если те будут обладать всего лишь качествами праведных: регулярно молиться, соблюдать пост, раздавать подаяния. Таким образом, ловкие и амбициозные люди могли посадить любую куклу, которая могла быть объявлена потомком последнего из видимых имамов и возвыситься до управления всем мусульманским миром его именем.

Двенадцатники очень близко подошли к тому, чтобы овладеть халифатом в период первых Аббасидов. Так, прославленный сын Харуна ар-Рашида аль-Мамун, восьмой халиф этой династии, либо под влиянием силы и могущества, которые приобрела партия шиитов, либо, как заявляют историки-востоковеды, под действием уговоров его визиря, восьмого имама Али Ризы, который был шиитом-имамитом, приблизился к тому, чтобы сделать Ризу своим преемником на троне. Он даже снял черные одеяния, принятые в его семье, и стал носить зеленое – цвет Али и пророка. Однако род Аббасов, который насчитывал уже 30 тысяч человек, не согласился с подобным отречением от прав своей династии. Подняв оружие, они объявили халифом дядю аль-Мамуна Ибрагима. Зловредный визирь погиб, и его

очень своевременная смерть (по слухам, от яда) спасла сына Харуна ар-Рашида от унижения. Али Риза был предан земле в Мишеде в провинции Хорасан, и его могила до наших дней является местом паломничества верующих персов^[14].

Исмаилиты были более успешными в своих попытках заполучить церковную власть, и, как мы теперь видим, значительная часть их владений была отвоевана у рода Аббасидов.

Во все века и во всех частях света религия становилась прикрытием для амбиций, чему очень способствует ее мощное воздействие на невежественные умы. Но политическое влияние религии среди умеренных и рассудительных народов Европы незначительно по сравнению с ее властью над более пылкими и впечатлительными уроженцами Азии. Благодаря этому деспотизм на Востоке никогда не отличался спокойным безмятежным характером, как мы могли бы предположить. Не говоря о кровопролитных войнах и массовых расправах, которые происходили под религиозными предлогами в странах от Японии до Индии, мусульманский Восток постоянно, практически без передышек был театром жесточайших драм, в которых амбиции, маскируясь религиозными убеждениями, боролись за империю. И даже в середине XIX века можно было видеть, в случае с ваххабитами, дерзкую, хотя и безрезультатную, попытку фанатиков разжечь революцию в одной из частей Оттоманской империи. Именно это слияние религии и политики посадило семейство Суффавии на трон в Персии в XV веке; то же самое в существенно более ранний период утвердило власть фатимидских халифов в Египте. То, как протекало данное событие, описано историками-востоковедами^[15].

Оказанное просвещенным аль-Мамуном содействие развитию литературы и науки расширило интерес к размышлениям и исследованиям до такого уровня, какой до этого времени не был известен в империи арабов. Мозаичные вкрапления философии греков теперь соприкоснулись с возвышенной, хотя и искаженной теологией персов, а мистицизм Индии незаметно примешался к общему потоку знаний. Пожалуй, не стоит верить утверждению арабских историков, что это был тайный и намеренный план персов по подрыву и разложению религиозной идеологии нравов с целью ослабления империи тех, кто превзошел их на поле боя. Тем не менее не сложно

заметить, что как трансформация Моисеева вероучения в иудаизм уходила корнями в Персию и эта самая страна распространяла нелепые воззрения, которые исказили простоту Священного Писания, так и истоки большинства сект, которые расцвели в исламе, точно так же можно найти именно в Персии. Не разделяя мнения тех, кто приписывает происхождение всех знаний Индии, можно считать вполне вероятным, что замысловатые метафизика и мистицизм этой страны стали причиной разложения различных религий, которые были распространены в Индостане. По крайней мере, можно заметить, что северо-восток Персии, наиболее близкая к Индии часть страны, был местом, в котором появлялись многие из самозванцев, заявлявших о своем общении с Всевышним. Именно здесь Мани (*Манис*), лидер манихейцев, демонстрировал свое искусство, и именно в Хорасане (*Страна Сунн*) Хаким, который выдавал себя за земное воплощение Всевышнего, поднял революционные флаги против дома Аббасов. И как бы это ни выглядело, но, изучая ранние века истории ислама, можно заметить, что все восстания, сотрясавшие империю халифов, произрастали из слияния притязаний рода Али с текущими философскими доктринами Персии.

Утверждается, что в IX веке от Рождества Христова Абдалла, человек персидского происхождения, проживавший в Ахвазе, на юге Персии, задумал план низвержения империи халифов путем тайного внедрения в ислам атеизма и неверия. Дабы не потрясать давно устоявшуюся и глубокую приверженность к традиционной религии и власти, он решил распространять свою доктрину постепенно и остановился на мистической цифре 7, как том количестве уровней, через которые должны пройти его последователи до получения великого откровения о ничтожности всех религий и тщетности всех деяний. Политическим прикрытием его учения было признание притязаний потомков Мухаммеда, сына Исмаила, на имамат, и его проповедники (дейзы) были активно приобщены к работе по привлечению новых сторонников по всему халифату. Позже Абдалла переселился в Сирию, где и умер. Его сын и внуки продолжили реализацию этого плана, и при них появился неофит, который быстро заставил всю систему активно работать ^[16].

Звали этого человека Кармат, он был уроженцем Куфы, по его имени членов секты называли карматы. Он внес существенные

изменения в первоначальную систему Абдаллы, и, поскольку секта стала уже многочисленной и влиятельной, Кармат решил рискнуть опробовать притязания потомков Исмаила силою меча. Он придерживался мнения, что неотъемлемые права на властвование на Земле находятся у, как он охарактеризовал, имама Маасума (*незапятнанный*), своего рода идеала образцового правителя, так же как мудрец у стойков. Соответственно все правящие владыки были узурпаторами ввиду своих пороков и несовершенства. Воины же идеального владыки должны были низвергнуть всех их без разбора с их тронов. Кармат также учил своих сторонников понимать заповеди и предписания ислама в переносном смысле. Молитва символизировала повиновение имаму Маасуму, подаяние означало уплату причитающейся ему десятины (тем самым пополнялись средства общины), соблюдение поста – сохранение в тайне политических сведений об имаме и его деятельности. Внимание следовало уделять не прямому смыслу слов Корана (*тенсил*), а только их толкованию (*тоуил*). Как сторонники Моканны и другие оппоненты рода Аббасов, последователи Кармата выделяли себя, надевая белые одежды, чтобы подчеркнуть свою враждебность правящим халифам, чьи одеяния и штандарты продолжали содержать черный цвет, который они противопоставляли белым флагам рода Омийя. Кровопрлитная война между сторонниками Кармата и войсками халифов периодически возобновлялась в течение всего столетия с переменным успехом. В ходе этой войны священный город Мекка был взят сектантами (как это случилось позже с ваххабитами) после того, как, обороняя его, пали 30 тысяч мусульман. Знаменитый Черный камень был с триумфом перевезен в Хайяр, где и пребывал в течение 22 лет, пока не был выкуплен за 50 тысяч дукатов иракским эмиром и возвращен на свое первоначальное место. В итоге, как и многие предшественники карматов, они все-таки были подавлены мощной силой империи, а их имя, но не идеи, было стерто из памяти.

В период соперничества между династией Аббасидов и карматами проповедник последних Абдалла умудрился освободить, возможно, и мнимого потомка Фатимы по имени Обейд-Аллах^[17] из тюрьмы, в которую того заключил халиф Мотадхад, а потом отправил освобожденного в Африку и, объявив его обещанным мессией (*мессией*), сумел обеспечить ему владения на северном побережье континента.

Свою «благодарность» Обейд-Аллах выразил тем, что отправил на смерть того, кому был обязан приходом к власти. Тем не менее талант и отвага вполне могут существовать без благородства, и Обейд-Аллах со своими двумя потомками расширил свою власть до берегов Атлантики. Моиз-ладин-Аллах, его внук, завоевав Египет и Сирию, благоразумно покинул свои прежние отдаленные владения вдоль средиземноморского побережья и обратил свой взор на более богатую азиатскую империю Аббасидов. Эта династия фатимидских халифов, как они назывались, правила в течение двух столетий в Каире на берегах Нила и находилась во враждебных и сопернических отношениях с теми, кто правил в Багдаде на Тигре. Как любая другая восточная династия, они постепенно обессиливали, и в итоге их трон занял прославленный курд Саладин.

Обейд-Аллах вел свою родословную от Исмаила, седьмого имама. Его род поэтому искал поддержки всей секты «семерных», или исмаилитов, в планах по распространению своей власти на весь мусульманский мир. И очевидно, что их интересам отвечало увеличение численности и влияния этой секты настолько, насколько это возможно. Поэтому будет оправданным положительно отнестись к уверениям восточных историков, что в Каире существовала тайная организация, во главе которой стоял один из фатимидских халифов и целью которой являлось распространение учения секты исмаилитов, хотя правдивость отдельных деталей можно поставить и под сомнение.

В это общество, как утверждается, входили как мужчины, так и женщины, которые собирались в отдельных помещениях; и представления о том, что женщины не играли особой роли на Востоке, являются ошибочными. Председательствовал в нем главный проповедник (*дай-аль-доат*)^[18], который всегда был лицом, занимавшим важный пост в государстве, и нередко был верховным судьей (*кадхи-аль-кадхис*). Их собрания, называвшиеся «Общества мудрости» (*Мейджалис-аль-хикмет*), проводились дважды в неделю, по понедельникам и средам. Все члены приходили одетыми в белое. Председатель, дождавшись халифа, сначала читал ему намеченную на этот день лекцию либо, если это было невозможно, получал его подпись на обратной стороне текста, после чего проходил к собравшимся и зачитывал обращение. В завершение этого

присутствующие целовали его руку и благоговейно прикасались своим лбом к подписи халифа. В таком виде общество просуществовало вплоть до правления невероятного безумца халифа Хакима-би-имр-иллаха (*судья по воле Божьей*), который принял решение поставить его на широкую ногу. Он возвел для него роскошное величественное здание, получившее название Дом мудрости (*дар-аль-хикмет*), щедро наполнив его книгами и математическими инструментами. Его двери были открыты для всех, а бумага, письменные принадлежности, чернила в изобилии предоставлялись тем, кто становились его завсегдатаями. Профессора в области права, математики, логики и медицины были назначены для преподавания. А на ученых диспутах, которые зачастую проводились в присутствии халифа, эти профессора появлялись в своих парадных одеяниях (*кхалаа*), которые, как утверждается, точь-в-точь повторяли мантии в английских университетах. Средства, выделенные этому учреждению необычайной щедростью халифа из доходов от получаемых короной десятин, составляли 257 тысяч дукатов в год.

Курс обучения в этом университете продолжался, согласно Макризи, в течение 9 следующих ступеней. 1. Первой целью, достижение которой было длительным и утомительным, являлось вселить сомнения и противоречия в ум претендента и заставить его со слепой уверенностью положиться на знания и мудрость учителя. Для этого он сбивался с толку придирчивыми вопросами; старательно отмечалась абсурдность Корана и несовместимость его со здравым смыслом, при этом давались невнятные намеки, что за всем этим должна лежать некая суть, сладкая на вкус и питательная для души. Но вся остальная информация строжайше утаивалась до тех пор, пока он не согласится связать себя святой клятвой абсолютной веры и слепого подчинения своему наставнику. 2. После клятвы ученику позволялось перейти на второй уровень, на котором насаждалось признание того, что имамы назначены Богом как источники всех знаний. 3. На третьем этапе ему сообщалось, каково же число этих благословенных святых имамов, и это было мистическое число семь. Так как Бог сотворил семь небес, семь миров, морей, планет, металлов, нот и цветов, то семь является и количеством этих самых достойнейших из созданных Богом людей. 4. На четвертом уровне воспитанник узнавал, что Бог послал в мир семь законодателей, каждому из которых предназначалось

изменить и усовершенствовать систему своего предшественника. У каждого из них было по семь помощников, которые являлись в промежутки времени между тем, кому они помогают, и его преемником. Эти помощники, поскольку они не проявляют себя как публичные проповедники, назывались безмолвными (*самит*), в противоположность вещающим законодателям. Семью законодателями были: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед и Исмаил, сын Джаффара. Семью главными помощниками, называвшимися ситами (*сус*), были: Ситх, Шим, Исмаил (сын Авраама), Арон, Симон, Али и Мухаммед, сын Исмаила. Справедливо подмечено^[19], что последний из названных умер в середине XVIII века. Наставник был вправе выбрать кого заблагорассудится в качестве безмолвного пророка среди современников и внушить веру в него и подчинение всякому, кто не перешел на более высокий уровень. 5. Пятая ступень учила тому, что у каждого из семи безмолвных пророков было двенадцать апостолов для распространения веры. Истинность этого числа также доказывалась по аналогии: существует двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать родов в Израиле, двенадцать фаланг на четырех пальцах каждой руки и т. д. 6. Воспитаннику, которого довели до этого уровня и который не продемонстрировал своенравия, вновь предлагалось поразмыслить над заповедями Корана и говорилось, что все позитивные составляющие религии должны подчиняться философии. В результате его в течение длительного времени познакомили с философскими системами Платона и Аристотеля. 7. Когда испытуемый был полностью готов, он допускался на седьмой уровень, где посвящался в мистическое учение пантеизма, которого придерживалась и проповедовала секта суфитов. 8. На восьмой ступени все положительные религиозные принципы вновь подвергались осмыслению, вуаль срывалась с глаз воспитанника, и все, что было до этого, объявлялось лишь строительными лесами для возведения величественного здания знаний. Пророки и наставники, рай и ад – это все ничто. Будущие благодать и страдания – всего лишь бесполезные сны, и любые действия позволительны. 9. Девятый уровень был предназначен лишь для того, чтобы внушить: ни во что верить нельзя, можно делать все что угодно^[20].

Внимательно знакомясь с тем, что написано о тайных обществах, их порядках, уставах, иерархии, а также об объемах и характере

знаний, которые передавались в них, всегда сталкиваешься с трудностями. Поскольку таинственность является главной сутью всего, что касается этих обществ, то возникает вопрос: а получили ли те, кто писал о них и кто был, как правило, враждебно настроен к ним, корректную информацию об их внутреннем устройстве, истинном характере их установок и убеждений? В данном случае в разговоре об обществе, которое процветало главным образом в X–XI веках, приходится полагаться на Макризи, который писал это в XV веке. Источники его информации и по более ранним векам не подвергались сомнению, но неизвестно, кто они были и откуда получали свои сведения. Вероятно, наиболее правильным в данном случае, как и в других ситуациях, будет признать за правду предоставленные сведения в целом, но позволить себе усомниться относительно точности деталей. Так, можно согласиться с фактом существования учебного заведения в Каире и что в нем преподавались мистические учения суфизма, а также то, что учащимся внушалось наличие у халифов Фатимидов прав на власть в халифате, что проповедники оттуда отправлялись по всему Востоку. Но вряд ли стоит доверять легенде о девяти ступенях, через которые должны были пройти воспитанники, или соглашаться с тем, что курс обучения заканчивался доктриной, ниспровергающей любые религии и все нормы морали.

Как уже известно, дай-аль-доат, или главный проповедник, находился в Каире, чтобы руководить деятельностью общества, в то время как подчиненные ему дейзы пошли по всему владению династии Аббасидов, переманивая сторонников для поддержки притязаний Али. Вместе с дейзами путешествовали их товарищи (*рифийик*), которые были лишь до определенного момента посвящены в тайные учения, но им и не полагалось учить либо привлекать новых сторонников, эта почетная обязанность лежала целиком на дейзах. Через деятельность дейз общество распространилось настолько широко, что в 1058 году эмир Бессассири, входивший в него, стал властителем Багдада и сохранял власть в нем в течение целого года. Он чеканил деньги и организовывал богослужения от имени египетского халифа. Тем не менее эмир пал от меча Тогрула Тюркского, к помощи которого воззвал немощный Аббасид, и эти два характерных в истории суверенитета мусульман действия вновь осуществлены династией Аббасидов. Вскоре после этого, похоже, общество в Каире пошло на спад вместе с

утратой влияния халифов Фатимидов. В 1123 году могущественный визирь Афдхал, воспользовавшись беспорядками, вызванными обществом, закрыл дар-аль-хикмет и, скорее всего, разрушил его. Его преемник Мамун разрешил обществу проводить собрания в здании, возведенном по другому случаю, и оно продолжало влачить там свое существование до падения египетского халифата. Политику Афдхала лучше всего, видимо, объясняет положение вещей на Востоке в то время. Халиф в Багдаде стал красивой пустышкой, лишенной всякой реальной власти; бывшие владения династии Аббасидов находились в руках турок-сельджуков; франки владели основной частью Сирии и угрожали Египту, в котором халифы тоже пришли к полной несостоятельности, а вся реальная власть перешла к визирю. И поскольку последнего ничто не беспокоило, кроме сохранения Египта, общество, созданное с целью набора сторонников прав Фатимидов, было для него скорее помехой, чем наоборот. Поэтому он, видимо, и был склонен к тому, чтобы извести его, особенно когда уже появилось его ответвление – общество ассасинов, которое, пренебрегая интересами Фатимидов, искало власти для себя. Теперь можно перейти к рассказу об этой примечательной организации.

Глава 3

Али из Рея. – Его сын Хасан Сабах. – Хасан направлен на учебу в Нишабур. – Встреча с Омаром Хайямом и Низамом аль-Мульком. – Заключенное между ними соглашение. – Хасан представлен Низамом султану Малек-Шаху. – Хасан вынужден покинуть двор. – Притча о нем. – Его собственное изложение обращения в исмаилиты. – Поездка в Египет. – Возвращение в Персию. – Хозяин Аламута

Был такой человек по имени Али, который жил в городе Рей в Персии. Он был рьяным шиитом и утверждал, что его род изначально прибыл из Куфы в Аравии. Однако жители Хорасана считали, что его семья всегда жила в одной из деревень вблизи города Тус, в этой провинции, и потому его притязания на арабские корни были ложными. Али, по всей видимости, был склонен скрывать свои убеждения и в самых клятвенных заверениях убеждал наместника провинции, сурового суннита, в своей правоверности. В конце концов он удалился в монастырь, чтобы провести остатки своих дней в медитационных размышлениях. В качестве еще одной попытки очистить себя от обвинений в ереси он отправил своего единственного сына Хасана Сабаха^[21] в Нишабур в обучение к известному имаму Моуафеку в его обители. Чему он научил молодого Хасана и что они могли обсуждать в последующем общении друг с другом, история умалчивает.

Слава об имаме Моуафеке была велика во всей Персии, в те времена существовало убеждение, что те, кто удостоился счастья изучать Коран и Сунну^[22] под его началом, обеспечивали свое существование и в загробной жизни. Соответственно, его школа была полна молодежи, жаждущей знаний и признания в будущем. Здесь Хасан встретил и очень близко сошелся с Омаром Хайямом, прославившимся впоследствии как поэт и астроном, а также с Низамом аль-Мульком (*Управление королевством*), который стал

визирем у монархов королевства сельджуков. Последний в книге, которую он написал о себе и о своем времени, приводит следующий пример того, как рано в Хасане стали проявляться амбиции. Однажды, когда все трое, являвшиеся наиболее преуспевающими учениками имама, были вместе, Хасан сказал: «Считается, что воспитанники имама обеспечены счастливым будущим. Это правило может быть проверено на одном из нас. Давайте же поклянемся друг перед другом, что тот из нас, кто преуспеет, поможет двум другим разделить свою счастливую участь». Два его товарища охотно согласились, и клятва была дана.

Низам аль-Мульк пошел в политику, где его таланты и выдающиеся способности могли проявиться со всей полнотой. Он прошел через различные должностные ступеньки, пока, наконец, не получил высший пост в королевстве – визиря при Альп Арслане (*Могучий Лев*), втором монархе в династии Сельджукидов. Взлетев столь высоко, он не забыл своих старых друзей и, стараясь сдержать данное им обещание, с величайшей любезностью принял Омара Хайяма, который дожидался его, чтобы поздравить с таким повышением. Новый визирь предложил использовать все свои возможности, чтобы получить пост в правительстве для своего друга. Однако Омар, который был привержен эпикурейским наслаждениям и избегал всяческих трудов и забот, поблагодарив своего друга, отказался от предложенных услуг. Все, на что визирь смог его уговорить, – это согласиться на ежегодную пенсию в размере 1200 дукаатов из казны Нишабура, в котором тот поселился, чтобы провести свои дни в тишине и спокойствии.

По-другому все было с Хасаном. В течение 10 лет правления Альп Арслана он держался вдалеке от визиря, возможно вынашивая собственные планы на будущее. Но когда на трон взошел молодой принц Малек-Шах (*Король Королей*), он понял, что его время пришло. Внезапно появившись во дворе молодого монарха, он стал ожидать могущественного визиря. Эта история рассказана самим визирем в его книге, озаглавленной «Васайя» (*Политическое устройство*), по которой ее излагает Мирхонд.

«Он пришел ко мне в Нишабур в год, когда Малек-Шах, избавившись от Каварда, усмирил волнения, вызванные его восстанием. Я принял его с величайшими почестями и со своей

стороны исполнил все, что можно ожидать от человека, который является верным своей клятве и рабом заключенных соглашений. Каждый день я представлял ему новые доказательства своей дружбы и старался угождать его желаниям. Однажды он сказал мне:

– Ходжа (*господин*), ты принадлежишь к числу ученейших и достойнейших, ты знаешь, что блага этого мира не более чем кратковременные наслаждения. Неужели ты позволишь себе нарушить свои обязательства, дав обольстить себя привлекательной силой величия и любви народа? И не попадешь ли ты в число тех, *кто нарушил клятву, данную пред Всевышним* (выделено автором. – Пер.).

– Да хранят меня Небеса от этого! – ответил я.

– Хотя ты осыпаешь меня почестями, – продолжал он, – и хотя проявляемые тобой ко мне милости не имеют числа, ты не можешь не знать, что это совсем не то, как следует выполнять данную нами когда-то клятву не забывать друг друга.

– Ты прав, – сказал я, – и я готов сделать для тебя то, что я обещал. Весь почет и власть, которыми я обладаю, которые получены от моих предков и добыты мною самостоятельно, принадлежат тебе наравне со мной.

После этого я ввел его в окружение султана, дал ему чин и необходимые титулы и рассказал владыке обо всем, что было между нами в прошлом. Я настолько хвалебно отзывался об уровне его знаний, отличных способностях и высоких моральных качествах, что он получил пост министра и доверенного лица. Но, как и его отец, он был плутом, лицемером, тем, кто умел обманывать, и негодяем. Он настолько хорошо владел искусством прикрываться внешне честной и добродетельной натурой, что в короткое время целиком овладел расположением султана и внушил ему такое доверие к себе, что владыка слепо следовал его советам в большинстве вопросов такого значения и важности, какие требовали огромной честности и искренности, а для монарха всегда решающим было лишь мнение Хасана. Все это я рассказал для того, чтобы было понятно – именно я был тем, кто привел его к такому успеху. И вот, как следствие его дурной природы, между мной и султаном начались трения, неприятным результатом которых, похоже, стало то, что в течение многих лет завоеванные и работавшие на меня положительная репутация и расположение превратились в пыль, были уничтожены. И в

завершение злобность Хасана внезапно вырвалась наружу, а сила его зависти проявила себя самым ужасным образом в его действиях и словах».

Фактически Хасан сыграл роль предавшего друга. Все, что происходило в диване (государственный совет в Турции. – *Пер.*), подробнейшим образом передавалось султану и истолковывалось в самом дурном свете, а в удобные моменты делались намеки на некомпетентность и нечестность визиря. Сам визирь оставил описание, как он считает, самой худшей интриги своего бывшего школьного товарища, которую тот пытался провернуть. Султан, видимо желая точно и регулярно видеть баланс доходов и расходов своей империи, дал указание Низаму аль-Мульку подготовить его. Визирь запросил на выполнение этой задачи больше года времени. Хасан посчитал, что это хорошая возможность проявить себя, и дерзнул предложить выполнить требование султана за 40 дней, то есть меньше чем за одну десятую времени, которое требовалось визирю. Все работники финансового департамента немедленно были предоставлены в распоряжение Хасана. Сам визирь признает, что к концу 40-го дня баланс уже был готов к тому, чтобы быть представленным султану. Тем не менее в момент, когда можно было бы ожидать триумфа Хасана, наслаждающегося высочайшим расположением монарха, он опозоренным покидает двор и обещает отомстить султану и его министру. Этот случай остался без разъяснений со стороны «Гордости королевства», который тем не менее со всей *наивностью* (выделено автором. – *Пер.*) признает, что если Хасан не был принужден покинуть двор, то мог уйти и по своей воле. Другие же историки сообщают, что визирь в страхе перед последствиями прибегнул к помощи уловки и сумел выкрасть часть бумаг Хасана, так что, когда тот предстал перед султаном полным надежд и гордости и начал свой доклад, то ему пришлось остановиться из-за нехватки одного из самых важных документов. Поскольку он не смог объяснить причины заминки, султан пришел в ярость, посчитав это попыткой обмануть себя, и Хасан немедленно в величайшей спешке был вынужден покинуть двор.

Низам аль-Мульк, твердо настроившись не сдерживать себя в действиях с человеком, который пытался разрушить его жизнь, решил уничтожить его. Хасан бежал в Рей, но, не чувствуя себя там в

безопасности, отправился дальше на юг и нашел убежище у своего друга – рейса^[23] Абу эль-Фазла (Отец Совершенства) в городе Исфахане. Каковы были его планы до этого момента, неясно, но теперь, похоже, они приобрели определенную форму, и он беспрестанно размышлял о том, как отомстить за себя султану и визирю. Как-то в беседе с Абу эль-Фазлом, который, по всей видимости, согласился с его все же спорными убеждениями, Хасан, излив свою обиду на визиря и его хозяина, страстно завершил свою речь:

– Эх, если б только у меня было два верных друга, абсолютно преданных мне! Быстро б я опрокинул этого турка и крестьянина.

Под последними, естественно, понимались султан и визирь. Абу эль-Фазл, который был одним из наиболее ясно мыслящих людей своего времени и который еще не успел постичь дальновидные планы Хасана, предположил, что разочарование смутило рассудок его друга, и, будучи уверенным, что в данном случае убеждения не помогут, стал подавать ему с едой ароматные напитки и блюда, приготовленные с шафраном, с целью успокоить его мозг. Хасан, ощутив намерения его гостеприимного хозяина, решил покинуть его. Абу эль-Фазл напрасно задействовал все свое красноречие, чтобы уговорить того продлить свое пребывание. Хасан уехал и вскоре после этого обосновался в Египте.

Двадцать лет спустя, когда Хасан осуществил все, что замышлял, и султан с визирем были оба мертвы, а союз ассасинов уже был полностью сформирован, рейс Абу эль-Фазл, являвшийся одним из наиболее рьяных его поборников, нанес ему визит в крепость Аламут.

– Ну что, рейс, – заявил Хасан, – кто из нас был сумасшедшим? Кто из нас – ты или я – больше нуждается в ароматических напитках и блюдах с шафраном, которыми ты когда-то потчевал меня в Исфахане? Видишь, я сдержал свое слово сразу, как только нашел двух верных друзей.

Когда Хасан в 1078 году покинул Исфахан, халиф Мостансер, человек достаточно энергичный, занял трон в Египте, и миссионерами каирского общества стали предприниматься значительные усилия во всей Азии по привлечению новых приверженцев. Среди них оказался Хасан Сабах, и описание его перехода в другую веру, которое, по счастью, сохранилось в его собственном изложении, представляет

интерес, поскольку доказывает, что, как Кромвель и, как было предположено выше, Мухаммед, а также все те, кто пришел к мирской власти через религию, он начинал с искренней веры и сам был введен в заблуждение прежде, чем начал вводить в заблуждение других. Он рассказывает следующее:

«С самого детства, уже с семи лет, моим единственным стремлением было приобретение знаний и навыков. Как и мой отец, я был взращен на учении двенадцати имамов, а потом я познакомился с другом (*рифшик*), исмаилитом по имени Эмир Дареб, с которым нас сплотили тесные узы дружбы. Я придерживался мнения, что принципы исмаилитов имели много схожего с учениями философов и что правитель Египта был принят в их общину. Поэтому, как только Эмир начинал говорить что-либо в поддержку этого учения, я вступал с ним в спор, и множество противоречий по вопросам веры возникло в результате между ним и мной. Я не уступал ни в чем, что Эмир говорил, хуля нашу веру, тем не менее все это оставило глубокий след в моем сознании. Между тем мои пути с Эмиром разошлись, и я впал в крайне болезненное состояние, в котором я бранил самого себя, говоря, что несомненно учение исмаилитов является правильным и что только из-за своего упрямства я не пришел к нему, а теперь, если смерть настигнет меня (избави меня Бог от этого!), я умру, не постигнув истины. Со временем я оправился от этой болезни, и теперь встретил другого исмаилита по имени Абу Нейм Зарай, которого я попросил раскрыть мне истину их учения. Абу Нейм объяснил мне ее наиподробнее образом так, что я смог проникнуть достаточно глубоко в ее суть. В конце концов я встретил дая по имени Мумин, которому шейх Абд аль-Мелик (*Слуга Господа*) бен-Атташ, руководитель иракской общины, позволил выполнять эту роль. Я стал умолять его принять от меня клятву верности (именем халифа Фатимида), но он поначалу отказался сделать это, поскольку я был более высокого положения, чем он. Однако после того, как я надавил на него вне всяких мер, он уступил и дал согласие. Теперь, когда шейх Абд аль-Мелик приехал в Рей и нас познакомили друг с другом, мое поведение очень порадовало его, и он пожаловал мне звание дая. Шейх молвил мне:

– Ты должен идти в Египет и разделить счастье служения имаму Мостандеру.

Когда шейх Абд аль-Мелик уехал из Рея в Исфахан, я направился в Египет»^[24].

В изложении своих мыслей и ощущений Хасаном Сабахом есть нечто крайне интересное, особенно если учесть, что речь идет о человеке, который впоследствии создал общество ассасинов, на длительное время ставшее бичом Востока. Здесь, с его собственных слов, он видится человеком, трепещущим от мысли, что может умереть, не обратившись в истинную веру, между тем позже, если доверять восточным историкам, он пришел к убеждению, что любые деяния человека остаются без последствий. К сожалению, подобный отход от добродетели к пороку происходил столь часто, что позволяет усомниться, имело ли место нечто подобное в случае с Хасаном Сабахом. Эта история наводит еще и на другие размышления: есть ли что-нибудь более абсурдное, чем вопросы, по которым мусульмане раскололись на разные секты? И еще: до каких глубин задействовало при этом сознание и искренне ли принимались и отстаивались эти убеждения? Не похоже ли это в определенной степени на расхождения среди христиан, которые разъединены на части не по существенным догматическим вопросам своей религии, а по вполне второстепенным моментам?

Хасан по прибытии в Египет, куда слава о нем добралась раньше, был принят со всеми проявлениями почета. Его известные таланты, а также сведения о высоком расположении и уважении, какими он пользовался при дворе Малек-Шаха, позволили халифу считать его самым ценным приобретением для дела исмаилитов, поэтому не было стеснения в средствах для ублажения и потакания гостю. У ворот его встречали дай-аль-доат, шериф Тахер Касвини и несколько других высокопоставленных особ. Влиятельные государственные и придворные особы ожидали его, как только он вступил в Каир, где халиф предоставил ему удобное жилище и обеспечил его почетом и другими знаками своего расположения. Однако халифы-Фатимиды привыкли жить настолько изолированно, что в течение восемнадцати месяцев, которые, как утверждается, Хасан провел в Каире, он ни разу не видел Мостансера, притом что монарх всегда демонстрировал всяческое внимание к нему и не говорил о нем иначе, как с высочайшим одобрением.

Пока Хасан жил в Египте, встал вопрос наследования трона, явившийся (как и всегда в восточных монархиях) причиной раздора и ожесточенных споров при дворе. Халиф объявил своим наследником старшего сына Несара. Однако Бедр аль-Джемали, Эмир аль-Джуйуш, главнокомандующий армией, который пользовался почти неограниченной властью при Фатимидах, отстаивал первоочередное право наследования второго сына халифа Мусти-али. Хасан Сабах не очень дальновидно, как оказалось, принял сторону принца Несара, чем навлек на себя враждебность Бедра аль-Джемали, который задумал уничтожить его. Не желая этого халиф напрасно бился с могущественным и влиятельным Эмиром аль-Джуйушем и в итоге был вынужден издать указ о тюремном заключении Хасана в замке Дамиетта.

Когда Хасан находился в заключении в Дамиетте, одна из городских башен рухнула без всяких видимых причин. Поскольку сторонники Хасана и халиф восприняли это как чудо, его враги, чтобы не дать возможности извлечь какую-либо пользу из этого события, спешно переправили узника на борт судна, отправлявшегося в Африку. Не успело судно выйти в море, как началась страшнейшая буря. Морские волны вздымались как горы, гремел гром и сверкали молнии. Ужас обуял всех, кто был на борту, за исключением Хасана, который спокойно и невозмутимо смотрел на буйство стихии, в то время как прочие в агонии глядели на перспективу скорой смерти. Когда его спросили о причине такого спокойствия, он дал ответ, подражая, возможно, святому Павлу: «Наш Владыка (*сейдна*) обещал, что ничто дурное не случится со мной». Вскоре после этого шторм стих и море успокоилось. Команда и пассажиры считали его теперь человеком, находящимся под особой защитой Небес, а после того, как поднялся свежий западный ветер, принесший их к берегам Сирии, никто уже не стал противиться тому, чтобы он покинул судно и сошел на берег.

Хасан направился в Алеппо, где он на некоторое время задержался, а потом взял курс на Багдад. Из этого города он перебрался в Персию, преодолел провинцию Хузистан и, посетив города Исфахан и Йезд, продолжил путь в восточную провинцию Керман, повсеместно приобретая сторонников своих взглядов. Потом он вернулся в Исфахан, где остался на четыре месяца. Следующие три месяца он провел в Хузистане, остановив свой взор на городе Дамаган

и его окрестностях в Ираке как на месте, предназначенном для концентрации власти, которую он задумал приобрести. Три года Хасан провел здесь, набирая сторонников среди местных жителей. С этой целью он задействовал самых красноречивых даев, каких только мог найти, и поручил им всеми средствами завоевывать умы жителей многочисленных городов-крепостей, которыми изобиловали холмы этого региона. Пока его даи работали, Хасан перебрался дальше на север в районы Джориан и Дилем, а когда посчитал, что пришло подходящее время, вернулся в иракскую провинцию, в которой Хусейн Каини, один из его наиболее рьяных проповедников, уже давно убеждал жителей хорошо укрепленной крепости Аламут присягнуть на верность халифу Мостансеру. Доводы дая показались убедительными для подавляющего большинства жителей, однако начальник Али Мехди, честный и достойный человек, чьи предки построили эту крепость, оставался вместе с немногими другими верным своему долгу и не собирался признавать других духовных правителей, кроме аббасидского халифа в Багдаде, и никакого другого правителя, кроме сельджукского Малек-Шаха. Мехди, когда впервые узнал о распространении исмаилизма среди своего населения, изгнал тех, кто принял эту веру, но потом разрешил им вернуться. Уверенный в сильной поддержке со стороны общины в городе, Хасан якобы использовал против правителя такую же уловку, какой королева Дайдо, как утверждает, обманула ливийцев^[25]. Он предложил Мехди 3 тысячи дукатов за такое количество земли, которое он сможет охватить воловьей шкурой. Простодушный правитель согласился, и Хасан, постоянно отрезая по тонкой полоске от шкуры, целиком окружил ею стены Аламута. Мехди, поняв, что его провели, отказался выполнить соглашение. Хасан обратился к правосудию и к силе оружия своих сторонников внутри крепости, при помощи которых вынудил начальника крепости покинуть Аламут. Когда Мехди был готов отправиться в Дамаган, куда он собрался удалиться, Хасан вручил ему послание к правителю замка Кирдку рейсу Мозаффару следующего содержания: «Рейсу Мозаффару следует уплатить Мехди, последователю Али, 3 тысячи дукатов в качестве платы за крепость Аламут. Да придут в мире Пророк и его семья! Да придет с нами Бог, самый совершенный из всех правителей!» Мехди не верилось, что столь значительный человек, как Мозаффар, который занимал важное

место в правительстве сельджукских султанов, уделит малейшее внимание указанию какого-то авантюриста вроде Хасана Сабаха. Тем не менее он решил, то ли из любопытства, то ли, как утверждается, под давлением нужды в деньгах, попытаться узнать, что произойдет. Поэтому он вручил послание и, к своему огромному удивлению, немедленно получил 3 тысячи дукатов. На самом деле рейс уже давно втайне являлся одним из наиболее преданных последователей Хасана Сабаха.

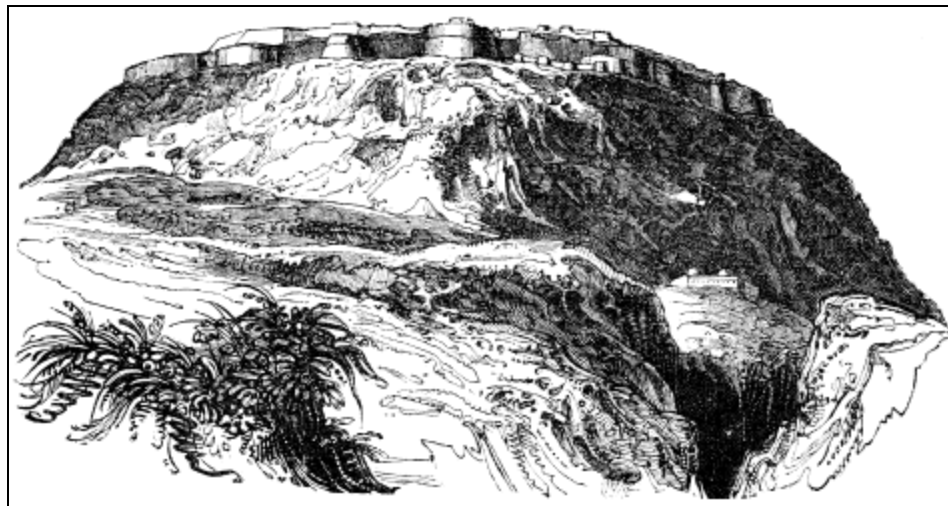

Рис. 1. Горная крепость

Историки стараются не уделять особого внимания дате, когда Хасан Сабах стал хозяином Аламута, которому суждено было стать главным местом сосредоточения сил исмаилитов, а именно в ночь среды, шестого числа месяца риджиб в 483 году от Хейры. Этот год соответствует 1090 году от Рождества Христова, следовательно, ассасины приобрели собственные владения всего лишь за 9 лет до того, как христиане Запада создали собственную империю в Святой земле.

Глава 4

Описание Аламута. – Безуспешные попытки вернуть его. – Расширение влияния исмаилитов. – Исмаилиты в Сирии. – Покушение на Абу Харда Иссу. – Заключенное с султаном Санжаром соглашение. – Смерть Хасана. – Его образ

Название Аламут, столь известное в истории Востока, означает «гнездо стервятника» и своим происхождением обязано высокому месту, на котором расположена крепость. Она была построена в 860 году на вершине холма, который своими очертаниями напоминает лежащего льва, уткнувшегося носом в землю, с координатами, согласно Хаммеру, 50,5° восточной долготы и 36° северной широты. Она считалась самой неприступной из 50 крепостей такого типа, разбросанных в регионе Рудбар (*Речная страна*), горной местности, которая образует границу между персидским Ираком и северными провинциями Дилем и Таберистан и через который протекает Королевская река (*Шахруд*). Как только Хасан оказался хозяином этого стратегически важного места, он стал искать пути его укрепления. Он отремонтировал существовавшие стены и выстроил новые, пробурил колодцы, прорыл канал, который со значительного расстояния доставлял воду к самой крепости. Поскольку владение Аламутом сделало его и хозяином окрестных земель, он быстро научился относиться к местным жителям как к своим подданным, поощрял их к земледелию, разбил крупные сады фруктовых деревьев вокруг возвышенности, на которой находилась крепость.

Но прежде чем у Хасана появилось время начать, а не то чтобы завершить планы по развитию своего хозяйства, он столкнулся с угрозой потерять все с таким трудом добытые плоды. Не стоило ожидать, что эмир, которого султан одарил провинцией Рудбар, будет спокойно наблюдать, как его самая мощная крепость перешла в руки врага династии Сельджукидов. У Хасана не хватило времени заполнить склады и амбары, когда он обнаружил, что все подступы к городу отрезаны войсками эмира. Жители были готовы покинуть

Аламут, но Хасан проявил обычное для него умение силою духа воздействовать на умы и твердо заверил их, что именно в этом месте судьба будет на их стороне. Они поверили его словам и остались. Со временем их непреклонность измотала терпение эмира, и Аламут тем самым приобрел название «Обитель удачи». Султан, который поначалу презрительно относился к достижениям своего экс-министра, вскоре начал со все большей тревогой задумываться о его возможных конечных замыслах и в 1092 году приказал эмиру Арсланташу (*Львиный камень*) расправиться с Хасаном и его сторонниками. Арсланташ осадил Аламут. Хасан, хотя у него было не более 70 человек и ощущалась нехватка продовольствия, храбро оборонялся. В это время Абу Али, правитель Касвина, который тайно был одним из даев, не выслал 300 человек ему на подмогу. Они атаковали войска эмира внезапно ночью, одновременно небольшой гарнизон организовал вылазку. Войска султана обратились в бегство, и Аламут остался в руках исмаилитов. Практически в то же время Малек-Шах выслал войска против Хусейна Каини, который активно поддерживал действия Хасана Сабаха в Кухистане. Хусейн укрылся в Муминабаде – крепости почти столь же неприступной, как и Аламут, и войска султана напрасно пытались ее штурмовать. И именно в этот момент Хасан начал демонстрировать работу системы, о которой теперь стоит сказать подробнее. Престарелый визирь, великий и благородный Низам аль-Мульк, погиб от кинжалов его лазутчиков, да и султан быстро последовал за своим визирем в могилу не без помощи таинственного яда.

Обстоятельства ныне были особенно благоприятными для реализации планов Хасана Сабаха. Со смертью султана Малек-Шаха разразилась гражданская война между его сыновьями за престол. Все военачальники и высокопоставленные чины были вовлечены в борьбу на той или другой стороне, и никому не было никакого дела до успехов исмаилитов, которые между тем продолжали набирать силу, и крепость за крепостью попадали к ним в руки. В течение десяти лет они получили контроль над основными крепостями персидского Ирака. Они подчинили Шахдор^[26] (*Жемчужина короля*) и две другие крепости вблизи Исфахана, Халанхан у границ с Фарсом и Кухистаном, Дамаган, Кирдку и Фирузку в округе Комис, Ламсир и несколько других в Кухистане. Напрасно наиболее почитаемые имамы

и правоведаы распространяли свои *фетвы* (мнения, решения, оценки, выносимые по каким-либо вопросам, приравняемые к вердикту. – *Ред.*) против секты исмаилитов и сулили им вечные муки в будущем; тщетно призывали они правоверных мечом справедливости освободить землю от этого безбожного и гнусного племени. Секта, сильная своими невидимыми узами единения и целеустремленности, развивалась и процветала. Кинжал мстил за тех, кто погибал от меча, и, как отметили европейские востоковеды, изучавшие это общество, «головы скашивались как богатый урожай под двойным серпом меча праведных и кинжала убийц».

Появление исмаилитов в их новой форме организации в Сирии произошло во время Крестовых походов на Святую землю. Эту страну уже покорили турки-сельджуки, и различные вожди, контролировавшие Дамаск, Алеппо и другие города с их окрестностями, часть из которых находилась под турецким, а часть под сирийским влиянием, были в постоянной вражде друг с другом. Такая мощная внешняя сила, как последователи Хасана Сабаха, не могли не приниматься в расчет. Рисван, принц Алеппский, столь известный в истории Крестовых походов, в открытую поддерживал и покровительствовал им, при нем всегда находился представитель исмаилитов. Первым, кто занял этот пост, был астролог, после его смерти эта должность перешла к персидскому ювелиру по имени Абу Тахер Иссейг. Враги Рисвана почувствовали результат его союза с исмаилитами. Так, принц Имесса погиб от их кинжала, когда намеревался помочь замку Курдс, который был осажден графом Тулузским Раймондом.

Рисван передал в руки Абу эль-Феттаха, племянника Хасана Сабаха, замок Сармин, расположенный в одном дне пути к югу от Алеппо, а его дай-эль-кебиру (*Великий проповедник*) – провинцию в Сирии. Правителем этой крепости был Абу Тахер Иссейг. Несколько лет спустя (в 1107 году) жители Апамеи обратились к нему за помощью в противостоянии своему египетскому наместнику Халафу. Абу Тахер взял под контроль город от имени Рисвана, но Танкред, находившийся в состоянии войны с принцем, подойдя и атаковав город, вынудил его защитников капитулировать. В качестве условия Абу Тахер выдвинул свободный выход для себя самого. Танкред, нарушив соглашение, схватил его и привез в Антиох, где тот оставался,

пока за него не был уплачен выкуп. Абу эль-Феттах и другие исмаилиты посвятили себя мести сыновьям Халафа. Танкред тем временем отобрал у них другую сильную крепость – Кефрлана. Это можно отметить как первое открытое столкновение крестоносцев с ассасинами, как сейчас их уже можно называть. Теперь стоит объяснить и происхождение этого названия.

По возвращении Абу Тахера в Алеппо произошло весьма примечательное покушение. Был такой богатый купец по имени Абу Хард Исса^[27], заклятый враг исмаилитов, который истратил значительные суммы денег, пытаясь нанести им урон. Он как раз прибыл из Туркестана с обильно нагруженным караваном из 500 верблюдов. Исмаилит по имени Ахмед, уроженец Рея, тайно сопровождал его с момента выхода каравана из Хорасана с намерением отомстить за смерть отца, погибшего от стрел воинов Абу Харда. Прибыв в Алеппо, этот исмаилит немедленно обратился к Абу Тахеру и Рисвану. Жажда мести и надежда заполучить богатства враждебного купца заставили их тут же дать добро на убийство. Абу Тахер послал Ахмеду необходимое количество помощников, а Рисван обещал содействие своей стражи. В один из дней, когда купец в окружении своих рабов пересчитывал верблюдов, убийцы напали на него. Однако преданные рабы отважно защищали хозяина, и исмаилиты своей жизнью искупили вину. Сирийские принцы стали осыпать Рисвана упреками в столь скандальном нарушении законов гостеприимства, и он тщетно пытался оправдать себя, прикрываясь полным неведением. Поскольку увеличивавшаяся неприязнь жителей Алеппо к секте делала город местом небезопасным для жизни, Абу Тахер вернулся в Персию, свою родную страну, оставив своего сына Абу эль-Феттаха заниматься делами общества вместо себя.

Захват замков и других укрепленных мест стал уже открытой и общепринятой задачей общества, целью которого, очевидно, была вся азиатская империя, и для реализации этого плана ни одно средство не оставалось незадействованным. В 1108 году была совершена отчаянная попытка завладеть хорошо укрепленным замком Хизар в Сирии, который принадлежал роду Монкад. Началось празднование Пасхи, когда мусульманский гарнизон по традиции спускался в город, чтобы принять участие в торжествах христиан, и, пока он отсутствовал, исмаилиты проникли в замок и заперли ворота. Когда

ближе к ночи гарнизон вернулся, их просто не впустили. Но исмаилиты оказались слишком беспечными в своей уверенности, что крепость неприступна. Женщины подняли своих мужей по веревкам, выброшенным из окон, и непрошенных гостей быстро изгнали.

В 1113 году, когда Мевдуд, принц Мосула, в праздничный день бродил по мечети в Дамаске, он был убит исмаилитом. Убийцу тут же изрубили на куски.

Этот год тем не менее оказался почти роковым для сирийского общества. Рисван, их главный покровитель, умер. Евнух Лулу из стражи его младшего сына был заклятым врагом исмаилитов. Незамедлительно появился приказ об их полном истреблении, и в результате более 300 мужчин, женщин и детей было убито, еще 200 брошено в тюрьму. Абу эль-Феттах был замучен до смерти, его тело разрублено на части и сожжено у ворот, выходящих на Ирак, а голова провезена через всю Сирию. Однако их гибель не осталась неотомщенной. Кинжалы общества были направлены на правителей и вельмож, многие из которых пали их жертвами. Например, в 1115 году, когда атабек (от *тюрк.* «ата» – отец и «бек» – знатный; воспитатель наследников сельджукских султанов, наследственный титул. – *Ред.*) Тогтегин получил аудиенцию во дворе халифа в Багдаде, правитель Хорасана подвергся нападению трех исмаилитов, которые, вероятно, ошибочно приняли его за атабека, он и все нападавшие погибли. В 1119 году на губернатора Алеппо Бедия и его сыновей, направлявшихся во дворец к эмиру Ил-Гази, напали два ассасина. Бедий и один из его сыновей сразу были убиты стрелами, другие его сыновья зарубили убийц, но неожиданно появился третий, который нанес смертельный удар одному из сыновей, который уже был ранен. Убийцу захватили и привели к Тогтегину и Ил-Гази, которые приказали всего лишь заключить его в тюрьму, но тот утопился, чтобы избежать мести.

Фактически к этому времени страх перед последователями Хасана Сабаха въелся глубоко в души всех властителей Востока, поскольку ничто не спасало их от кинжалов убийц. Соответственно, когда в следующем, 1120 году Абу Мухаммед, предводитель ассасинов в Алеппо, где они вновь обосновались, был послан к влиятельному Ил-Гази, чтобы потребовать от него передачи замка Шериф, находящегося вблизи этого города, тот побоялся отказать. Но жители Алеппо по

призыву одного из сограждан (который быстро заплатил за свой совет жизнью), собравшись вместе, сровняли с землей стены замка, засыпали рвы и тем самым объединили его с остальным городом. Даже великий Нур-эд-Дин (*Светоч Религии*) несколько лет спустя был вынужден прибегнуть к такому же трюку, чтобы спасти замок Бейтлаха от перехода в руки исмаилитов.

Такая же система была задействована и в Персии, где султан Санжар, сын Малек-Шаха, объединил под своим скипетром большую часть владений своего отца и Факр аль-Мулька (*Слава королевства*). Сын и преемник Низама аль-Мулька, а также Чакар Бег, выдающийся дядя султана, погибли от кинжалов лазутчиков Хасана Сабаха. Сам султан Санжар уже был готов отправиться в поход, намереваясь осадить Аламут и другие опорные пункты исмаилитов, когда утром, проснувшись, он обнаружил кинжал, воткнутый в пол недалеко от его кровати. Султан был перепуган, но сумел скрыть свой ужас, а несколькими днями позже пришла короткая записка из Аламута со следующими словами: «Не будь мы хорошо расположены к султану, кинжал пронзил бы его грудь, а не пол». Санжар вспомнил, что его брат Мухаммед, который осаждал крепости Ламсир и Аламут, умер внезапной смертью как раз в момент, когда те были на грани капитуляции, – событие настолько своевременное для ассасинов, что было вполне естественным увязать его с убийцами из Аламута, – и посчитал, что безопаснее всего не вставать на пути столь опасных противников. В результате он прислушался к предложению о мире, который был заключен на следующих условиях:

- 1) исмаилиты не будут более укреплять свои крепости;
- 2) они не будут покупать оружие и боевые устройства;
- 3) они не будут продолжать обращать в свою веру местных жителей.

В свою очередь, султан освободил исмаилитов от всех сборов и налогов в округе Кирдкох и назначил им в качестве ежегодных отчислений часть доходов региона Комис. Чтобы ясно представлять, какую мощь приобрело общество ассасинов, необходимо вспомнить, что султан Санжар был наиболее могущественным монархом Востока, что его власти подчинялись от Кашгара до Антиоха, от Каспия до пролива Баб-эль-Мандеб. Тридцать четыре года прошло с момента захвата Аламута и начала становления власти Хасана Сабаха. За все это время его никогда не видели за пределами замка Аламут, и было

известно всего лишь два случая, когда он покинул свои покои, чтобы показаться на террасе. В тиши и уединении он обдумывал средства расширения влияния ассасинов, которыми он руководил, и сам своей собственной рукой писал законы и правила, которым они следовали. Он пережил большинство из своих старых соратников и первых учеников и остался бездетным, поскольку обоим своим сыновей приговорил к смерти: старшего – по подозрению в убийстве его верного адепта Хусейна Каини, а младшего – за нарушение заповеди Корана, запрещающей пить вино. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе в Аламут Кеаха Бузург Умейда (*Кеах Доброй надежды*), жившего в Ламсире, который был завоеван двадцать лет назад, а также Абу Али из Касвина и поручил им руководить обществом после себя. Первый был назначен духовником и наставником, а в руки последнего были переданы полномочия управляющего мирскими делами и внешними связями. После этого он мирно скончался, по всей видимости не осознавая или относясь безразлично к тому факту, что, создав это смертоносное общество, сделал свое имя объектом для проклятий, символом и крылатым выражением среди многих народов.

Каким бы невзрачным ни вырисовывался образ Хасана Сабаха по скудным записям, дошедшим до нас и являющимся чем-то средним между предубеждением и ненавистью, ему нельзя отказать в обладании одним из лучших умов своего времени. Основатель империи или влиятельного общества – почти всегда великий человек. Однако, как представляется, Хасан имел то превосходство над Лойолой и другими основателями различных обществ, что он с самого начала ясно видел, чего можно достичь, и все свои планы строил, исходя из одной конечной цели. Определенно он обладал незаурядным умом, если мог заявить, что ему нужно лишь два верных последователя, чтобы сотрясти трон династии Сельджукидов, когда та была на пике могущества.

Глава 5

Внутренняя организация общества. – Присваивавшиеся исмаилитам имена. – Происхождение названия «ассасин». – Как Марко Поло описывал рай Старца Горы. – Как о нем рассказывали арабские летописцы. – Примеры степени повиновения фидави

Итак, проследив историю этого примечательного общества, рассказав о его истоках и о том, как оно выросло из притязаний потомков Али на халифат, смешалось с мистическими учениями, позаимствованными, похоже, из Индии, можно перейти к описанию его устройства и секретных принципов существования, как это преподносится историками Востока.

Хасан Сабах ясно понимал, что планы общества в Каире с точки зрения возможности обретения государственной власти были неполноценными. Даи могли оказывать влияние и могли завоевывать сторонников, но до тех пор, пока не будут получены укрепленные цитадели, а в душах властителей не поселится леденящий ужас, ничего действительно значимого не достигнешь. Поэтому он, во-первых, как было показано, сделался хозяином Аламута и других крепостей, а потом к даям и рифиикам добавил еще один класс, так называемых «фидави» (*преданный*) (точнее – жертвующей собой во имя веры. – *Ред.*), в задачу которых входило беспрекословное подчинение приказам своего начальника, чтобы без малейших вопросов и сомнений вонзать кинжал в грудь любой жертвы, на какую им укажут, даже если собственная жизнь будет немедленно пожертвована ради этого. Изначально одежды фидави (как у всех сект, выступавших против династии Аббасидов) были белого цвета; головные уборы, пояса и обувь – красного. Поэтому их стали называть белыми (*мубейяжах*) и красные (*мухаммери*^[28]), однако они с легкостью могли принимать любой облик, даже христианских монахов, чтобы осуществить свои смертоносные замыслы.

В обществе существовала следующая иерархия. Во главе стоял сам Хасан и его преемники, носившие титул сейдна или сидна^[29] (*мой господин*), и шейх аль-Джебал (*Властелин Горы*) – имя, данное по названию территории, ставшей главным местом сосредоточения сил общества. Последний из-за своего имени, часть которого – слово «шейх» – имеет двойное значение (как «синьор» во французском и итальянском означает и «более старший», и «господин»), ошибочно переводился ранними европейскими историками как «Старец Горы». В его подчинении находились даи-эль-кебиры (*великие проповедники*), коих было трое, для каждой из провинций: Джебал, Кухистан и Сирия^[30]. Затем следовали даи, потом рифиики, еще ниже фидави и, наконец, лазики, то есть ученики.

Хасан прекрасно понимал, что ни одно общество нельзя держать под контролем без ограничивающего влияния устоявшейся религии. Поэтому, независимо от того, каковы были его личные взгляды, он решил подчинить всех своих приверженцев наиболее строгим заповедям традиционного ислама, и, как уже отмечалось, фактически приговорил к смерти собственного сына за нарушение одной из них.

Утверждается, что Хасан отменил две степени каирского общества, сократив их до семи, того количества, которое изначально планировал Абдалла Маймун, первым разработавший проект этого тайного общества. Помимо этих семи ступеней, по которым к знаниям постепенно восходили ученики, Хасан, как это называет Хаммер, в своде правил написал семь предписаний, или правил поведения наставников в его обществе. 1. Первое из них называлось Ашинаи-риск (*Знание обязанностей*), оно предписывало необходимость знать людскую натуру для отбора подходящих для вступления в общество кандидатов. Сюда относились поговорки, которые якобы были распространены среди даев, идентичные использовавшимся древними пифагорейцами, например: «Не воздělывай бесплодную почву» (то есть не стоит впустую затрачивать усилия на неспособного человека); «Не разговаривай в доме с горящей лампой» (то есть молчи в присутствии представителей закона). 2. Второе правило называлось Теинис (*Завоевание авторитета*) и учило завоевывать умы кандидатов, потакая их пристрастиям и наклонностям. 3. Третье, которому не давалось название, наставляло погружать кандидатов в сомнения и затруднения, указывая на бессмыслицы в Коране и в

традиционной религии. 4. Когда обучающийся добирался до этого уровня, он давал священный обет молчания и повиновения, всеми своими сомнениями он обязывался делиться только с наставником. 5. После этого его информировали о том, что все учение и существующие в обществе понятия исходят от величайшего человека в церкви и в государстве. 6. Тессеис (*Подтверждение*) было нацелено на проверку всего пройденного учеником и подтверждение его знаний. И наконец, 7. Теивил (*Обучение символизму*) учил аллегорическому методу интерпретации Корана и извлечению из его страниц любого смысла, какой отвечал их целям. Любой, кто проходил через все эти предписания и тем самым насквозь пропитывался духом общества, считался подготовленным даем и мог начинать заниматься важной работой – набором новых сторонников и расширением влияния общества.

Необходимо вновь отметить, что подробные описания отдельных авторов, которые дошли до нас, относительно правил и доктрин секретных ассоциаций, должны восприниматься со значительной долей скептицизма, учитывая характер и источники информации, из которых мы их почерпнули. Когда Аламут захватили монголы во главе с Хулагу-ханом, он разрешил своему визирю, хорошо образованному Ата-Мелеку (*Отец короля*) Джовани осмотреть библиотеку и отобрать те книги, которые заслуживали, чтобы быть сохраненными. Визирь взял Коран и ряд других, ценных на его взгляд, книг. Остальные же, среди которых, как утверждается, были архивы и секретные правила, а также учения общества, он, после беглого ознакомления, отправил в костер. В своей исторической работе он написал о том, что обнаружил в тех книгах, и именно на него ссылаются Мирхонд и другие авторы, почерпнувшие отсюда сведения, которые тем самым дошли и до нашего времени. Вполне ясно поэтому, что визирь хана Хулагу, будучи в библиотеке, мог приписать какие ему вздумается злодеяния обществу, которое было уничтожено его владыкой, и что его показания, соответственно, являются сомнительными. С другой стороны, его рассказ в определенной степени совпадает с тем, что рассказывалось о каирском обществе Макризи, и не противоречит духу суфизма.

Последний, являющийся своего рода мистическим пантеизмом, видящим Бога во всем и все в Боге, может вызывать, как и фатализм,

не только набожность, но и ее противоположность. В глазах того, кто видит Бога таким образом, разница между добром и злом может стираться и становиться незаметной, а преступление может постепенно перестать быть злодеянием и стать всего лишь средством на пути к благой цели. То, что исмаилиты-фидави убивали невинных людей без всяких угрызений совести, если им приказывали их вышестоящие лидеры, является бесспорным фактом, и нет ничего абсурдного, если предположить, что они были уверены в правоте своих деяний, способствующих установлению истины. Подобное благословение преступления распространено на Востоке. Постулат «цель оправдывает средства» слишком удобен по своей природе, чтобы во всех уголках света от него отказались, и убившие во Франции Генриха III и Генриха IV ассасины продемонстрировали искренность и преданность исмаилитов-фидави. Поэтому, не считая, вместе с Хаммером, лидеров исмаилитов всего лишь безжалостными, нечестивыми убийцами, втоптавшими в грязь религию и все возможные нормы морали, можно прийти к мнению, что их направляющей идеей был суфизм, реализованный в своих самых худших проявлениях.

Последователи Хасана Сабаха назывались восточными исмаилитами, в отличие от африканской секты. Их также называли «банинийех» (*сокровенный, тайный*) из-за секретных толкований, извлекаемых из текста Корана, а также «мулхад» или «мулахид» (*нечестивые*), по приписываемой им доктрине безбожности. Эти названия были широко распространены для обозначения их секты и многих других, существовавших ранее. Именно под этим наименованием они стали известны венецианскому путешественнику Марко Поло. Тем не менее название, под которым они наиболее хорошо известны в Европе и которое далее будет в основном использоваться, – это «ассасины». Оно, очевидно, произошло от имени основателя их общества. Однако М. де Саси предположил, что восточный термин «хашишин», который крестоносцы превратили в «ассасин», происходит от гашиша, разновидности конопли, из которого делались опиумсодержащие наркотики. Фидави имели обыкновение принимать их перед тем, как совершить свою дерзкую миссию, либо для того, чтобы открыть себе очаровательные видения рая, обещанного шейхом аль-Джебалом.

Это чрезвычайно любопытный вопрос, как Хасан Сабах ухитрился вселить в фидави полное безразличие к собственной жизни, дополненное духом беспрекословного подчинения приказам старших, которые они неизменно демонстрировали. Рассказывают^[31], что для этого была задействована система, по которой у родителей покупались или другим образом приобретались крепкие здоровые дети. Их воспитывали в духе полного подчинения воле шейха, а для подготовки их к будущей миссии тщательно обучали на различных языках. В качестве их местожительства выбирались наиболее приятные места, удовлетворялись все их чувственные желания, и в самый разгар наслаждений к ним направлялись определенные люди, которые должны были еще больше распалить их воображение ярким описанием наивысших блаженств небесного рая, которые откроются тем, кто будет допущен отдыхать в его будуарах. Это счастье могло быть достигнуто лишь через славную смерть при исполнении приказа шейха. После того как подобные идеи вселялись в их сознание, восхитительные видения постоянно проносились перед их взорами, эти впечатления поддерживались употреблением упоминавшихся наркотиков, и молодые фидави с энтузиазмом томились в ожидании часа, когда смерть во исполнение приказа шейха откроет для них врата рая и впустит в мир вечного наслаждения и блаженства.

Известный венецианец Марко Поло, побывавший в самых удаленных уголках Востока в XIII веке, по возвращении в Европу описал места, которые посетил, удивив увиденным соотечественников. Как обычно бывает в подобных случаях, его рассказам не поверили, и лишь исследования и открытия современных путешественников подтвердили, исключив все сомнения, правдивость Марко Поло, включая рассказы о Геродоте.

Среди прочих удивительных рассказов, которые встречаются в путевых записках Марко Поло, есть история о людях, которых он называет «мулехетиты» (то есть «мулахиды»), и об их вожде – Старце Горы. Он правдоподобно описывает сущность этого общества и дает следующий фантастический рассказ способа, которым пользовался старец, чтобы привить беспрекословное подчинение в умы своих сторонников^[32].

«В прекрасной равнине, – пишет он, – зажатой между двумя высокими холмами, он разбил роскошный сад, в котором имеются все

самые вкусные фрукты и благоухающие кустарники, какие только можно раздобыть. Разного размера постройки были возведены в различных уголках сада, которые были украшены золотыми узорами, картинами и обставлены мебелью, обитой дорогими шелками. При помощи проведенных в этих зданиях небольших трубопроводов ручьи вина, молока, меда и ключевой воды текли во всех направлениях. Жителями этих садов были элегантные и красивые девушки, обученные искусству пения, игре на всевозможных музыкальных инструментах, танцам и особенно умению обольщать и ублажать. Одетых в богатые наряды, их постоянно можно было видеть праздными и развлекающимися в саду и шатрах, охраняющие сад стражницы скрывались за дверями и не показывались в саду. Цель, которую преследовал хозяин, создавая такой потрясающий воображение сад, была такая: поскольку Мухаммед обещал тем, кто подчинится его воле, блаженство рая, где в обществе прекрасных нимф будут найдены всевозможные виды чувственных наслаждений, то он желал, чтобы его последователи воспринимали его самого как пророка, равного Мухаммеду и способного допускать в рай тех, кому он выкажет свое благоволение. Для того чтобы никто без его дозволения не проник в эту прекрасную долину, он приказал возвести вокруг мощную и неприступную крепость, в которую можно было войти лишь по секретному пропуску. Также при своем дворе этот владыка воспитывал молодых людей в возрасте от 12 до 20 лет, отобранных из числа жителей близлежащих гор, у которых были способности к военному делу и которые проявляли качества беспримерной отваги. Ежедневно он проводил с ними беседы о рае, обещанном пророком и им самим, о том, как попасть туда. В какой-то момент он погружал от десяти до дюжины подростков в наркотический сон, после чего, когда они были в беспмятстве, переносил их в разные уголки сада. Пробудившись, юноши ублажались всеми теми прекрасными вещами, которые были описаны выше, и каждый из них находил себя окруженным прекрасными девами, поющими, играющими и выполняющими его пожелания с невероятной заботой, угощая его невиданными яствами и винами, до тех пор, пока он, опьяненный чрезмерными удовольствиями, посреди настоящих молочных и винных рек, не начинал верить, что находится в настоящем раю и не желает расставаться с его удовольствиями. Когда так проходило четыре

или пять дней, их снова погружали в полубессознательное состояние и выносили из сада. Когда они приходили в себя и хозяин спрашивал, где они были, они отвечали:

– В раю, милостью вашего величия.

После этого перед слушающими с превеликим любопытством и удивлением придворными они подробно описывали сцены, участниками которых стали. Затем, обращаясь к ним, владыка говорил:

– Наш пророк дал нам заверение, что тот, кто защищает своего Владыку, обретет рай, и, если вы проявите верность моим приказам, это счастье ожидает вас.

Приведенные в эйфорию подобными словами молодые люди были счастливы получить приказ своего властителя и были готовы умереть на службе ему».

Этой романтической истории, более уместной для чудес «Тысячи и одной ночи», нежели для серьезного исторического исследования, было в целом отказано в правдивости в тщательных исследованиях де Саси и Вилькена, компетентных историков Крестовых походов. Однако она находит подтверждение у Хаммера, трудам которого мы обязаны гораздо более подробным изложением деталей об обществе ассасинов. Этот пытливый ученый, как он полагает, нашел подтверждение этого рассказа в деталях похожих историй, встречающихся в работах некоторых арабских писателей, рассказывающих о жизни общества в Сирии. Поразительные легенды зачастую распространяются более широко, чем сухая правда. Поэтому все, что можно с уверенностью утверждать, основываясь на этих источниках, – это наличие одной и той же удивительной легенды, услышанной венецианским путешественником как на севере Персии, так еще и в Сирии, и в Египте. Ее правдивость может быть подтверждена фактами другого характера.

В *Сирет-эль-Хаким (Воспоминания Хакима)*, одном из примеров арабской исторической литературы, открытом Хаммером^[33], имеется следующее описание садов в Массьяте – основном месте пребывания ассасинов в Сирии:

«Наш рассказ возвращается теперь к Исмаилу – правителю исмаилитов. Он взял с собой людей с грузом золота, серебра, жемчуга и других драгоценностей, полученных от жителей побережья и частично от короля Египта Дахера, сына Хаким-биимр-Иллаха.

Попрощавшись с султаном Египта в Триполи, они добрались до Массьята, когда жители близлежащих замков и крепостей вместе с Исмаилом и его людьми собрались для увеселений. Те надели самые нарядные одежды, которыми их снабдил султан, и украсили замок Массьят самыми красивыми и изысканными вещами. Исмаил со своими преданными людьми (*фидави*) так обставил свой въезд в Массьят, как никто ни до него ни после него не появлялся в этом городе. Он задержался там на некоторое время, чтобы принять к себе на службу еще людей, из которых он мог бы сделать новых *фидави*, преданных душой и телом.

Рассчитывая на это, он приказал создать огромный сад, куда была проведена вода. Посредине этого сада он построил павильон высотой в четыре этажа. На каждой из четырех сторон были богато украшенные окна, объединенные четырьмя сводами с нарисованными золотыми и серебряными звездами. Здание было наполнено розами, фарфором, стеклянной посудой и кубками из золота и серебра. При Исмаиле были мамлюки (то есть рабы), десять мужчин и десять женщин, которые прибыли с ним с берегов Нила и едва достигли половой зрелости. Он одел их в шелка и самые изысканные ткани, нацепил золотые и серебряные браслеты. Колонны были покрыты мускусом и янтарем, а в четырех оконных сводах были размещены шкатулки с чистейшим мускусом. Стены были отполированы, и все это место было пристанищем этих рабов. Сад был разделен на четыре части. В первой произрастали груши, яблони, виноград, вишни, шелковица, сливы и прочие фруктовые деревья. Во второй были апельсины, лимоны, оливки, гранаты и многие другие фрукты. В третьей выращивались огурцы, дыни, бобовые растения и тому подобное. В четвертой находились розы, жасмин, тамаринды, нарциссы, фиалки, лилии, анемоны и другие цветы.

Сад пересекался полноводными каналами, и все здание окружалось прудами и озерцами. Были там и роци, в которых встречались антилопы, страусы, ослы и яки. Вблизи прудов можно было видеть уток, гусей, куропаток, перепелок, зайцев, лис и других животных. Вокруг здания главный исмаилит высадил стеною высокие деревья, разграничивающие разные части сада. Там же он построил огромное здание, разделенное на две части: верхнюю и нижнюю. Из последней крытые переходы вели в сад, который целиком был окружен

стенами так, чтобы никто не мог заглянуть внутрь, и все эти переходы и здания оставались скрытыми от взоров местных жителей. Прохладная галерея вела из этой части здания в расположенный еще ниже подвал. Это помещение служило местом для проведения собраний. Расположившись на софе напротив дверей, хозяин усаживал своих послушников, кормил и поил их в течение всего дня до вечера. С наступлением ночи, оглядевшись, он выбирал тех, чья стойкость понравилась ему, и говорил:

– О единственный! Подойди, сядь рядом со мной.

Так Исмаил усаживал рядом с собой на софе своих избранников и давал им напиток. Потом он рассказывал им о выдающихся и совершенных качествах имама Али, о его храбрости, благородстве, щедрости, пока они не засыпали, одурманенные силою *бенжи*^[34], который им давался и никогда не давал сбоев, оказывая необходимый эффект в течение четверти часа так, что они падали почти в безжизненном состоянии. Как только человек падал без чувств, главный исмаилит вставал и, подняв его, переносил в спальню. Затем, закрыв двери, на плечах выносил спящего в прохладную галерею, расположенную в саду, и оттуда в павильон, где оставлял его на попечение своих рабов, дав им поручение выполнять все прихоти избранника. Для пробуждения на него поливался уксус. Когда тот приходил в себя, юноши и девушки говорили ему:

– Мы ждем лишь, когда ты умрешь, ведь это место предназначено тебе. Это один из уголков рая, а мы гурии и дети рая. Если бы ты уже умер, ты навсегда остался бы с нами, но ты всего лишь спишь и скоро проснешься.

Между тем главный исмаилит возвращался к собравшимся, убедившись, что его избранник проснулся и теперь не воспринимает ничего, кроме юношей и девушек невиданной красоты и в самых великолепных украшениях.

Тот осматривался, вдыхал ароматы мускуса и ладана, приближался к саду, где видел животных и птиц, бегущую воду и деревья. Он замороженно смотрел на красоту павильона и ваз из серебра и золота, а юноши и девушки все это время продолжали развлекать его беседой. Все это оставляло его в замешательстве, невозможно было понять, бодрствовал ли он или продолжал спать. Когда проходило два часа, Исмаил возвращался в спальню рядом с

воротами и входил в сад, где его встречали рабы и почтительно вставали вокруг него. После того как избранный замечал его появление, он обращался к нему со словами:

– О господин Исмаил, сплю ли я или же все это наяву?

Исмаил же отвечал ему:

– О единственный! Поостерегись рассказывать об увиденном кому бы то ни было за пределами этого места! Знай, что Владыка Али показал тебе это место, которое предназначено тебе в раю. Знай, что в этот момент Владыка Али и я вместе с ним находимся в небесной стране. Поэтому не сомневайся ни минуты, служа имаму, который дал тебе возможность узнать его благословение.

После этого Исмаил приказывал подать ужин. Яства приносились в золотой и серебряной посуде и состояли из вареного и жареного мяса с другими блюдами. Пока избранный ел, его обрызгивали розовой водой. Когда он просил испить, ему в золотых и серебряных кубках приносили изысканные напитки, в которые также была подмешана бенжи. Как только он засыпал, слуги Исмаила через галерею вновь переносили его в спальню и оставляли там. Исмаил же возвращался к собравшимся. Через некоторое время он вновь приходил к спящему, поливал его лицо уксусом, потом выводил его в общую комнату и просил одного из мамлюков потрясти его. Проснувшись в том же месте среди гостей, он восклицал: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Божий!» Исмаил при этом приближался к нему, поглаживал, и тот, все еще оставаясь под глубоким наркотическим воздействием, был всецело предан своему хозяину, который затем обращался к нему:

– О избранный, знай, то, что ты видел, не было сном, а одно из чудес, демонстрируемых имамом Али. Знай, что он начертал твое имя среди своих друзей. Если ты сохранишь все в тайне, можешь быть уверен в своем благословении, но, если ты заговоришь об этом, то навлечешь на себя негодование имама. Если ты погибнешь, ты станешь мучеником, но упаси тебя рассказывать об этом кому бы то ни было. Ты вошел в одну из дверей для друзей имама и стал членом его семьи, но если ты выдашь эту тайну, ты станешь одним из его врагов и будешь изгнан из его дома.

Так этот человек становился одним из слуг верховного исмаилита, который подобным образом окружал себя преданными людьми, пока

его репутация не утверждалась. Вот что рассказывается о верховном исмаилите и его Преданных».

К этим красивым сказкам о рае Старца Горы необходимо добавить еще третью, рассказывающую о еще большем жульничестве, которую оставил образованный и почтенный шейх Абд ур-Рахман (*Слуга Всемилостивейшего, то есть Бога*) бен Ибубекр аль-Джерири Дамасский в двадцать четвертой главе своей книги, озаглавленной «Сборник разоблачений тайного искусства обмана»^[35].

Рассказав немного о Синане, руководителе ассасинов в Сирии, чье имя теперь представилась возможность упомянуть, шейх переходит к описанию уловки, которую тот использовал для обмана своих последователей:

«Возле софы, на которой он восседал, была яма в полу, достаточно глубокая, чтобы в ней мог уместиться человек. Он прикрывал ее тонким куском древесины, оставляя лишь небольшое отверстие размером с человеческую шею. Сверху на дерево он клал бронзовый диск с дырой посередине и двумя заслонками. Затем, взяв одного из своих учеников, которому он предварительно дал значительную сумму денег, чтобы получить его согласие, и надев на шею диск с отверстием, опускал в яму так, чтобы была видна лишь шея человека. На диск выливалась свежая кровь, чтобы создать видимость, как будто голова была отрублена только что. Затем в комнату приглашались товарищи ученика, которым показывалось блюдо с головой их друга. Наставник говорил голове:

– Расскажи своим товарищам, что ты видел и что тебе было сказано.

Ученик отвечал, как ему перед этим было наказано.

– Что бы ты предпочел, – продолжал учитель, – вернуться в этот мир к своим друзьям либо остаться в раю?

– Зачем мне это нужно? – отвечала голова. – Возвращаться в этот мир после того, как я увидел мое пристанище в раю, гурий и все то, что Всевышний приготовил для меня? Друзья, приветствуйте мою семью и постарайтесь не ослушаться этого пророка, который является главным из всех пророков наших времен, как Всевышний сказал мне. Прощайте.

Данные слова укрепляли веру присутствовавших. Однако когда они уходили, учитель помогал выбраться ученику из ямы и уже по-

настоящему отрубал ему голову. Именно такими средствами, как это, он заставлял подчиняться своих людей».

Приведенные выше рассказы, насколько правдивыми они бы ни были, подтверждают широко распространенное на Востоке убеждение, что горным владыкой задействовались некие необычайные средства для приобретения той власти, которой, как известно, он располагал над умами фидави. И в действительности это не такое уж невероятное предположение, что некий подобный трюк он периодически использовал. Поскольку, если вспомнить, что азиатское воображение очень сильно, особенно среди низших слоев общества, и то, что на Востоке мужчины редко видят других женщин, кроме членов собственной семьи, их правителю не составляло труда убедить юношу, которого он в состоянии оцепенения помещал в место, наполненное юными девами, что тот находится в настоящем раю, обещанном правоверным.

Но, отложив в сторону гипотезы, можно обнаружить, что та же самая власть над умами своих последователей, приписываемая Хасану Сабаху и его преемникам, демонстрировалась и в наши дни лидером ваххабитов. Сэр Джон Малколм^[36], на основании персидской рукописи, сообщает, что несколькими годами ранее один из тех сектантов, которые зарезали арабского вождя у Буссоры, будучи захваченным, не только отказался сделать что-либо во спасение своей жизни, но, наоборот, похоже, стремился к смерти. Было замечено, что он зажал в своей руке нечто, чем, похоже, дорожил больше, чем собственной жизнью. После того как этот предмет у него отобрали и изучили, оказалось, что это был приказ лидера ваххабитов о предоставлении изумрудного дворца и нескольких прекрасных рабынь в благословенном раю пророка. Необходимо, однако, признать, что данная история имеет мало общего с принципами секты ваххабитов, и можно предположить, что она базируется на каком-то недоразумении.

Следующий пример беспрекословного подчинения фидави приказам Хасана Сабаха приводится уважаемым восточным историком^[37]. Посол султана Малек-Шаха прибыл в Аламут, чтобы потребовать подчинения и повиновения от шейха. Хасан принял его в зале, в котором собрал нескольких своих сторонников. Подав знак одному из них, он сказал: «Убей себя!» Тут же кинжал молодого человека был вонзен в свою грудь, и его тело упало на землю. Другому

он сказал: «Спрыгни вниз со стены!» Через мгновение его разбитое тело лежало на дне крепостного рва. Затем, повернувшись к пришедшему в ужас посланнику, он сказал: «У меня имеется 70 тысяч последователей, которые повинуются мне таким вот образом. Это и есть мой ответ твоему властителю».

Почти такая же история рассказывается западным летописцем^[38] о сирийских ассасинах. Когда Генри граф Шампанский в 1194 году путешествовал из Палестины в Армению^[39], его путь пролегал через территорию исмаилитов. Их правитель выслал нескольких человек, чтобы приветствовать графа и попросить, чтобы по возвращении он остановился у них и воспользовался бы гостеприимством их замка. Граф принял приглашение. Когда он прибыл, дай-аль-кебир вышел ему навстречу, выказал ему все свое почтение, а также показал ему свои замки и крепости. Обойдя несколько из них, они в конце концов подошли к одной, башни которой поднимались на значительную высоту. На каждой из них стояло по два одетых в белое стражника. «Они, – заявил хозяин, указав на стражу, – повинуются мне куда лучше, чем подданные вашей христианской веры своим властителям». И по его сигналу двое из них бросились вниз, разбившись вдребезги. «Если вы пожелаете, – обратился он к пораженному графу, – все мои белые стражники сделают то же самое». Великодушный граф отклонил это предложение и откровенно признался, что ни один христианский властитель не может рассчитывать на подобное повиновение со стороны своих подданных. Когда он уезжал, вместе с многочисленными ценными подарками, дай-аль-кебир многозначительно сказал ему: «При помощи этих верных слуг я избавляюсь от врагов нашего общества».

В восточной, да и в западной литературе подобная легенда часто рассказывает о самых различных персонажах, что является обстоятельством, позволяющим усомниться в ее правдивости целиком либо в каком-либо определенном случае. Эта притча, например, с небольшими отличиями в деталях, рассказывается об Абу Тахере, знаменитом руководителе карматов. Он после своего похода на Мекку, где уничтожил 30 тысяч жителей, забросал священный колодец Зимзим телами убитых, с триумфом увез сакральный Черный камень и набрался дерзости подойти к Багдаду, резиденции халифа, всего лишь с 500 всадниками. Первосвященник ислама, разгневанный таким

оскорблением, приказал своему генералу Абу Саю взять 30 тысяч воинов и захватить наглеца в плен. Собрав войско, тот послал к Абу Тахеру своего человека, чтобы тот сказал ему, что из уважения к нему, как к старому другу, генерал советует Абу Тахеру, у которого такое малое войско, либо самому сдаться халифу, либо подумать о том, как скрыться. Абу Тахер спросил посланника, как много воинов у Абу Сая:

– Тридцать тысяч, – ответил посланник.

– Ему по-прежнему не хватает трех таких, как у меня, – заявил Абу Тахер и, подозвав к себе троих из своих людей, приказал одному зарезать себя, второму броситься в Тигр, а третьему спрыгнуть с обрыва. Его приказы были немедленно исполнены. После этого, повернувшись к посланнику, он сказал: – Тот, у кого имеются такие воины, не боится количества врагов. Тебя я пощажу, но знай, что очень скоро я увижу генерала Абу Сая прикованным на цепь среди моих собак.

И действительно, в ту же ночь он атаковал и обратил в бегство войска халифа, а Абу Сай, попав к нему в руки, вскоре оказался прикованным цепью среди мастифов главы карматов^[40].

Описания рая шейха аль-Джебала и его власти над умами своих последователей по меньшей мере помогают понять образ жизни и характер мышления жителей Востока.

Нить повествования теперь идет дальше и переходит к описанию деяний ассасинов, как они здесь называются.

Глава 6

Кеах Бузург Умейд. – Деятельность общества в Персии. – Захват замка Баниас в Сирии. – Попытка сдачи Дамаска крестоносцам. – Убийства, совершенные в период правления Кеаха Бузурга

Кеах Бузург Умейд в точности пошел по стопам своего предшественника. Он выстроил мощную крепость Маймундис и дал почувствовать врагам общества, что оно все еще пропитано духом Хасана Сабаха. Султан Санжар, которого из-за заключенного на чрезвычайно выгодных для ассасинов условиях мирного договора правоверные мусульмане считали тайным сторонником их учения, в очередной раз открыто объявил себя их ненавистником и выслал армию, чтобы разрушить Кирдкох. Эти войска были разбиты высланными против них Кеахом бойцами. Но на следующий год Санжар мечом вырезал из секты огромное количество ее членов. Кинжал, как обычно, стал ответной мерой. Махмуд, преемник Санжара, безрезультатно испробовав поначалу силу оружия, послал своего старшего сокольничего Беренкеша в Аламут с пожеланием, чтобы к нему оттуда был отправлен посланник для заключения мира. Коях (*Хозяин*) Мухаммед Нассихи последовал за Беренкешем ко двору и поцеловал руку султана, который сказал несколько слов о заключении мира. Но когда Коях со своими спутниками выходил из дворца, на них напала толпа и растерзала их.

Когда султан направил в Аламут посла, чтобы оправдаться в обвинении в соучастии в этом нарушающем общепринятые негласные законы преступлении, Кеах дал такой ответ: «Возвращайся к султану и скажи ему от моего имени: Мухаммед Нассихи доверял твоим коварным заверениям и отправился во дворец. Если ты говоришь правду, выдай убийц для справедливого суда. В противном случае жди моей мести». После отказа султана отдать убийц отряд ассасинов появился у ворот Касвина, они убили 400 человек и увели 3 тысячи овец, 200 лошадей и 200 волов. В следующем году султан захватил и некоторое время удерживал крепость Аламут. Но высланный им

против Ламсира отряд из 2 тысяч человек бежал, даже не обнажив мечей, узнав, что против них ассасины выслали рифииков (*товарищи*). Вскоре после этого султан умер, и ассасины организовали еще одну вылазку в район Касвина, где захватили трофеи и пленников.

Горный властитель не терпел соперников вблизи своего трона. Узнав, что некий Абу Хашим, потомок Али, присвоил себе звание имама в провинции Гилан, которая находилась к северу от Кухистана, и стал рассылать письма, призывающие людей принять его, Кеах написал ему и предложил отказаться от своих притязаний. Самопровозглашенный имам в ответ разразился бранью в отношении гнусного учения исмаилитов. Шейх незамедлительно выслал против него войска, захватил его в плен и после судебного процесса приговорил к сожжению на костре.

Хотя, как это видно, общины ассасинов располагались в горных районах Ирака, на северо-западе Персии их власть имела такие особенности, что никакие расстояния не гарантировали защиту от них. Фидави могли быстро пересечь отделяющие их от жертвы регионы и вонзить кинжал в грудь любого властителя или визиря, которые навлекли на себя месть шейха аль-Джебала. Соответственно шах (*король*) Хауризма, страны, между которой и Ираком располагалась обширная провинция Хорасан, прибыл к султану Массуду, преемнику Махмуда, чтобы обсудить с ним план уничтожения этих грозных врагов всех правителей. Ранее шах Хауризма был вполне расположен к исмаилитам, но его глаза теперь открылись, и он стал одним из наиболее непримиримых их врагов. Султан Массуд, неизвестно по какой причине, одарил его землей, которую Беренкеш, старший сокольничий, получил от султана. Беренкеш, смертельно оскорбленный таким несправедливым обращением, вместе со своей семьей переехал на территорию исмаилитов и стал искать защиты у Кеаха, чьим врагом он до этого являлся. Политические соображения либо уважение к законам чести и гуманности заставили руководителя ассасинов предоставить защиту, о которой его просили. А когда шах Хауризма написал, напоминая Кеаху об их прежних дружеских отношениях, о ярой враждебности Беренкеша и призывал на этом основании выдать ему беглеца, шейх ответил: «Шах Хауризма верно говорит, но мы никогда не бросим молящих о помощи». Длительная и

кровопролитная вражда между шейхом и шахом стала следствием этого отказа нарушить законы гостеприимства.

Сирийское подразделение общества в это время начинает привлекать еще больше внимания, чем персидское, главным образом из-за его связей с крестоносцами, которые преуспели в создании империи, раскинувшейся от границ Египта до Армении. Персидский исмаилит Беграм Астрабадский, который, как утверждается, начал свою карьеру с убийства собственного отца, заслужил доверие визиря при дворе дамасского принца, который предоставил ему замок Баниас, или Паниас (в древности Баланиа), для использования в интересах общества. Это место, ставшее центром власти ассасинов в Сирии, располагалось в плодородной, хорошо орошаемой долине, примерно в 4 тысячах шагов от моря. Долина, через которую протекали многочисленные реки, питавшие ее, называлась Вади-аль-Джинн (*Долина Демонов*). «...Место, – как отмечает Хаммер, от взора которого не ускользают случайные совпадения, – одним своим названием заслуживает того, чтобы стать пристанищем ассасинов». Из Баниаса они распространяли свое влияние на близлежащие замки и крепости до тех пор, пока 12 лет спустя резиденция их руководителя не была перенесена в Массьят.

Вскоре после этого Беграм пал в столкновении с жителями долины Таим, предводитель которых потерял брата, погибшего от кинжала ассасина. Его преемником стал Исмаил, перс, который продолжил поддерживать дружеские связи с визирем Дамаска, куда и послал на постоянное проживание человека по имени, как позже выяснится, совершенно напрасно данному, Абу эль-Вефа (*Защитник преданности*). Он добился такого расположения визиря и принца, что был назначен на должность хакима, верховного судьи. Приобретая таким образом власть и влияние, он немедленно стал искать наилучшие способы, как воспользоваться ими во благо общества – цель, которая всегда близка сердцу настоящего исмаилита. Укрепленное место на побережье, по его мнению, имело огромное значение для него, поэтому он придумал следующую уловку, чтобы овладеть Тиром.

Франки уже более тридцати лет как обосновались на Востоке. Их бесстрашие и фанатичный героизм одновременно и наводили ужас, и вызывали восхищение у их мусульманских противников, а их

доблестными всадниками демонстрировалось превосходное кавалерийское искусство. Они стали той внешней силой, на которую обратил внимание Абу эль-Вефа. Стоит отметить, что фанатические настроения еще не объединили всех мусульман в борьбе с носителями креста, и правители Алеппо, Дамаска и других районов Сирии не раз вступали в альянс с христианскими городами Иерусалимом и Антиохом. Абу эль-Вефа поэтому послал письмо и заключил тайное соглашение с Болдуином II, королем Иерусалима, в котором он обязывался в случае, если крестоносцы незаметно доберутся и появятся у стен Дамаска в пятницу, когда эмир и его придворные будут в мечети, открыть перед ними ворота города. Король в обмен должен был передать Тир в руки исмаилитов.

Была собрана армия христиан, все бароны королевства встали в ее ряды, и сам король возглавил воинство. Только что сформированный рыцарский орден тамплиеров в первый раз поднял над полем боя свой флаг с полосками Босеан («окрашенный в два цвета» + см. сноску 71), который впоследствии стал хорошо известен во многих кровавых битвах. Принц Бернард из Антиоха, граф Понтиус из Триполи, храбрый Джосцелин из Эдессы повели своих всадников и пехотинцев, чтобы поучаствовать в захвате богатого города Дамаск. Окружающие озеро Тибериас горы были позади, и войско благополучно вступило на равнину между реками Абана и Фарпар. Но здесь их ждало поражение. Тадж аль-Молук (*Монарший венец*) Бузи, эмир Дамаска, вовремя раскрыл заговор хакима. Он казнил его вместе с визирем и приказал вырезать всех исмаилитов в городе^[41]. Армия крестоносцев расположилась в районе Марж-Сафар, и пехотинцы начали грабить деревни, отбирая продовольствие, когда небольшой отряд отважных дамаскских воинов выскочил из города и ринулся на них. Беззащитные крестоносцы падали под их ударами, неспособные сопротивляться. Остальные войска поспешили помочь или отомстить за своих соратников, когда внезапно^[42] небо затянуло облаками, глубокая тьма окутала все вокруг, загредел гром, засверкали молнии, обрушился страшный ливень, и очень резко, что является обычным явлением на Востоке, дождь, потоки воды превратились в снег и лед, что лишь усилило ужасы этого дня. Суеверные и пораженные до глубины сознания крестоносцы увидели в этом жутком явлении незамедлительную реакцию Небес и решили, что оно ниспослано им в

наказание за их грехи, а также вспомнили, что в этом же самом месте четыремя годами ранее король Болдуин с горсткой людей одержал победу над армией Дамаска, чем та была страшно унижена. Единственный успех, которого они добились от этого похода, было приобретение замка Баниас, который исмаилитский комендант передал им в руки, чтобы под их покровительством он мог бы избежать участи своих собратьев.

Баниас был отдан христианам в тот год, в котором Аламут был захвачен сельджукским султаном, в результате ассасины, как казалось, утратили свое могущество. Однако это общество содержало в себе механизмы самосохранения и, подобно гидре, разрасталось от своих ран. Аламут был очень быстро возвращен, а тремя годами позже Баниас снова стал резиденцией дай-аль-кебира. В это же самое время кинжал свирепствовал с непривычной яростью против всех, кого общество считало опасным, и в анналы правления Кеаха Бузурга Умейда вошел обширный лист знаменитых жертв.

Первой из них стал известный Аксункур, принц Мосула, воин, которого одинаково боялись и христиане, и ассасины. Когда принц, вернувшись из Маары-Месрин, где мусульманская и христианская армии сошлись, так и не рискнув сразиться друг с другом, вошел в мечеть в Мосуле для того, чтобы совершить молебен, на него напали, не дав ему сесть на его привычное место, восемь ассасинов, одетых дервишами. Трое из них погибли от ударов мужественного эмира, но, прежде чем его люди успели прийти на помощь, он получил смертельный удар и скончался. Остальные убийцы стали жертвами ярости толпы, лишь один из юношей сумел скрыться. Арабский историк Кемаль-эд-Дин в этой связи рассказывает о необычной особенности фанатичного и спартанского духа, который был свойственен членам секты исмаилитов. Когда мать вышеупомянутого убийцы узнала, что грозный Аксункур убит, она выкрасила свое лицо, надела самые яркие одежды и украшения, радуясь, что ее сын оказался достойным умереть блистательной смертью мученика за благое дело имама. Однако когда она увидела его вернувшимся живым и невредимым, то обрезала свои волосы, почернела лицом и не смогла найти себе утешение.

В следующем году (1127) погиб Мойн-эд-Дин, визирь султана Санжара. В данном случае ассасин выступил в роли конюха на службе

у визиря. Когда Мойн-эд-Дин как-то днем зашел в конюшню, чтобы проверить своих лошадей, ассасин появился перед ним обнаженным, держа коня за уздечку. Как только ничего не подозревающий визирь подошел к нему, лжеконюх заставил животное встать на дыбы и, делая вид, что успокаивает своенравную лошадь, выхватил спрятанный под гривой небольшой кинжал и вонзил его в грудь визиря.

Устроенная исмаилитам бойня принцем Дамаска не была забыта, и два года спустя кинжалом ему было нанесено две раны, одна из которых оказалась смертельной. Жажда мести не была удовлетворена его кровью, его сын и преемник Шимс аль-Мулук (*Солнце Королей*) погиб в результате заговора, ответственность за который была возложена на ассасинов. В списке жертв этого периода значатся имена судей Востока и Запада – муфтия Касвина, рейса Исфахана и рейса Тебриза.

Восток во все времена изобилует преступлениями. Человеческая жизнь там не имела той ценности, которую ей придавали в Европе, и кинжал с ядом легко задействовались для устранения внушающих опасения лиц, преодоления препятствий на пути амбиций либо для утоления жажды мести. Поэтому не следует с легкостью доверять обвинениям, выдвинутым против ассасинов, и считать их ответственными за убийства, которые не приносили им никакой пользы. Так, когда в это же время от рук убийц погиб фатимидский халиф Амир би-ахками-Илах (*Ответственный за соблюдение законов Божьих*), то имеются все основания полагать с большой вероятностью, что он стал жертвой мести не общества исмаилитов, которым он никогда не причинял вреда, а скорее семьи могущественного визиря Афдала, который был убит несколько ранее по приказу халифа.

С гораздо более очевидными основаниями горному властителю может быть приписано убийство багдадского халифа Мостаршида. Сельджукские правители, предшественники Массуда, были вполне удовлетворены реальной властью, которую они имели в империи, когда-то повиновавшейся династии Аббасидов, и предоставляли этой *Тени Господа на Земле* несущественную привилегию чеканки монет королевства и пятничных богослужений в мечетях от его имени. Но Массуд даже эти права присвоил себе, и беспомощный преемник пророка был вынужден покориться унижению, с которым он ничего не мог поделать. В конце концов несколько недовольных военачальников

со своими отрядами пришли к багдадскому халифу и убедили его, что одним дерзким движением он может низвергнуть власть турецкого султана и заполучить все его права. Халиф выслушал их доводы и, встав во главе армии, двинулся на Массуда. Однако удача отвернулась от него. При первом же столкновении основная часть багдадского войска бросила халифа, и он оказался пленником султана, который взял его с собой и заключил в Мараге. Там между ними было достигнуто соглашение, по которому халиф обязался не покидать более стен Багдада и платить ежегодную дань. Похоже, данный договор не понравился ассасинам, и, увидев хорошую для себя возможность, когда Массуд выехал на встречу с послами султана Санжара, они небольшой группой напали и убили халифа вместе с его свитой. Безжизненное тело командующего правоверными было изувечено самым возмутительным образом.

После четырнадцати лет и трех дней залитого кровью правления Кеах Бузург Умейд умер. Изменяя принципам Хасана Сабаха, который, вероятно, желал подражать образу действия пророка и считал, что высший пост должен быть избирательным, он назначил преемником своего сына Кеаха Мухаммеда, руководствуясь то ли отцовской привязанностью, то ли считая его наиболее подходящей для этой роли личностью.

Глава 7

Кеах Мухаммед. – Убийство халифа. – Замки, захваченные в Сирии. – Суть вероучения исмаилитов. – Сын Мухаммеда Хасан выдает себя за обещанного имама. – Его сторонники наказаны. – Хасан становится наследником. – Он отменяет законы. – Выдает себя за потомка пророка. – Убит

Политика общества не претерпела каких-либо изменений с приходом Мухаммеда. Кинжал продолжал карать его врагов, и с каждой павшей жертвой те, кто отстаивал права Исмаила и кого держали в строгом соблюдении заповедей Корана, не замечали ничего, кроме справедливой руки Небес, обнаженной для того, чтобы осуществить возмездие за преступления и незаконное присвоение прав. Горный властитель едва успел взять в свои руки бразды правления, когда Рашид, преемник последнего халифа, стремясь отомстить за убийство своего отца, собрал армию и отправился в поход на Аламут. Он достиг Исфахана, но здесь его поход и завершился. Четыре ассасина, которые специально для этого поступили к нему на службу, напали на него в палатке и зарубили. Когда эта новость дошла до Аламута, то были устроены великие торжества, и в течение семи дней и семи ночей трубы и литавры гремели с крепостных башен, возвещая окрестностям о триумфе кинжала.

Сирийские владения исмаилитов к этому времени значительно расширились. Они выкупили у Ибн Амру принадлежавшие тому замки Кадмос и Кахаф, а также силою захватили у властителей Шейсера замок Массьят. Этот замок, расположенный на западной стороне горы Легам, напротив Антарадуса, с тех пор стал главным местом расположения исмаилитов в Сирии. Теперь обществу принадлежала вся береговая линия до Триполи на севере, а внутрь страны их владения простирались вплоть до Хаурана.

Правление Мухаммеда оставило немного событий, которые могли бы проиллюстрировать историю ассасинов. Возможно, при нем было

дано следующее описание сути вероучения исмаилитов людям, которых султан Санжар послал в Аламут, чтобы разузнать о нем^[43].

«Наше учение такое, – рассказал глава общества, – мы верим в единого Бога и признаем в качестве истинного знания и правой веры только то, что соответствует слову Божьему и наставлениям Пророка. Мы исповедуем их, как они нам даны в Священном Писании, Коране, и веруем во все, чему учил Пророк о Сотворении мира, о конце света, о вознаграждении и воздаянии, о Судном дне и о воскресении. Верить в это необходимо и никто не вправе самостоятельно судить о предписаниях Всевышнего либо исправлять хотя бы букву в них. Это фундаментальные основы вероучения нашей секты, и, если султан не согласен с ними, пусть он вышлет к нам одного из своих высокообразованных духовников, с которым мы могли бы обсудить этот вопрос».

Такому кредо ни один правоверный мусульманин не мог что-либо возразить. Единственным вопросом было – в чем заключалась исмаилитская система интерпретации и какие еще доктрины они вывели из сакрального текста. Активное же использование кинжала фидави в достаточно ясной форме предполагало, что были и другие теории и что за портьерой скрывалось нечто плохо совместимое с общественными устоями и мирным существованием. Действительно, положение дел, при котором правители исмаилитов преподносили себя всего лишь слугами и представителями невидимого имама, само по себе вызывало серьезные подозрения, что могло помешать им приказать совершить какое-либо злодеяние, которое отвечало их собственным интересам, но прикрывалось именем невидимого хозяина. Совершенно не разбираются в человеческой природе те, кто считает, что на незамедлительное исполнение подобных приказов не согласятся невежественные и фанатичные члены секты.

Гнилая сущность учения секты проявила себя достаточно быстро. Кеах Мухаммед оказался слабым, неумелым руководителем, не пользовался уважением у своих последователей. Они начали примыкать к его сыну Хасану, который имел репутацию человека поразительной эрудиции, с хорошим знанием традиций и текста Корана, искусного в его толковании и хорошо знакомого с науками. Хасан, то ли из тщеславия, то ли по политическим мотивам, тайно начал распространять утверждение, что он сам и есть имам, чей

приход был обещан Хасаном Сабахом. Обуянные этой идеей, более информированные члены общества стали соперничать друг с другом в стремлении исполнить его указания, и Кеах Мухаммед, видя, как постепенно власть утекает от него, в конце концов решил проявить силу. Собрав членов общества, он в самых жестких тонах осудил распространяемую ересь.

– Хасан, – заявил он, – мой сын, а я не имам, но лишь один из его проповедников. Любой, кто придерживается иного мнения, – неверный.

Затем, как подобает настоящему ассасину, он подтвердил действием свои слова, казнив 250 приверженцев своего сына и навсегда изгнав такое же количество из крепости. Сам Хасан, чтобы спасти свою жизнь, был вынужден публично проклясть тех, кто придерживался новых взглядов, и написать трактаты, осуждающие их взгляды и защищающие позицию отца. Тем самым ему удалось избавить сознание престарелого руководителя общества от подозрений. Но поскольку он скрытно продолжал пить вино и нарушал некоторые другие заповеди, его сторонники лишь еще больше уверовали в то, что он и есть тот имам, с приходом которого все установления законов перестанут иметь какую-либо силу.

Хасан был вынужден оставаться осторожным и скрывать свои взгляды при жизни отца, поскольку, какого бы мнения ни придерживались ассасины относительно способностей и интеллектуальных возможностей руководителя своей секты, они были убеждены, что обязаны подчиняться его приказам как исходящим от зримого представителя святого невидимого имама. И как высоко ни почитали бы они Хасана, его кровь пролилась бы в тот самый миг, как приказ об этом слетел бы с губ его отца. На как только умер Кеах Мухаммед, после двадцатичетырехлетнего правления, и верховный пост перешел к Хасану, он тут же решил сбросить маску и не только сам начал попирать законы, но позволил и стал поощрять своих подданных поступать так же.

Соответственно, когда пришел месяц Рамадан (Великий пост у мусульман) 559 года от хиджры (1163 н. э.), он приказал всем жителям Рудбара собраться на эспланаде для молебна (*мозелла*) перед стенами замка Аламут. Обращенной в сторону Кеблы^[44] по его приказу была построена трибуна, по четырем углам которой были размещены флаги

разных цветов, близких исламу, а именно белого, красного, желтого и зеленого, то есть тех, которые противопоставлялись черному цвету Аббасидов.

На 17-й день этого месяца народ, повинувшись его указаниям, в большом количестве собрался под стенами крепости. Через некоторое время вышел Хасан и вошел на трибуну. Все голоса стихли в ожидании слов шейха аль-Джебала. Он начал свою речь, ошеломив умы аудитории загадочными и невразумительными фразами. Через некоторое время, когда он ввел всех таким образом в заблуждение, Хасан сообщил, что посланник имама (то есть призрака халифа, который продолжал царствовать в Каире) прибыл и передал ему послание для всех исмаилитов, в котором обновляются и утверждаются новые фундаментальные принципы секты. Он продолжил заверять всех, что этим посланием врата Божьей милости и сострадания откроются для тех, кто последует и повинувается ему, что они являются избранными, что они освобождаются от всех налагаемых законом обязательств и избавляются от груза всех предписаний и запретов, что теперь он сопровождает их до дня воскресения и что все это является откровением имама. После этого он на арабском языке прочел Кутбех, молебен, который, по его словам, был получен от имама, а переводчик, стоявший у подножия трибуны, довел его до присутствующих следующим образом:

– Хасан, сын Мухаммеда, сын Бузург Умейда, наш халиф (*преемник*), дай и худжет (*доказательство*). Все, кто следует нашему учению, должны прислушиваться к нему в вопросах веры и мирских делах и расценивать его указы как обязательные для выполнения, его слова как весомые. Его запреты не должны нарушаться, и его приказы должны расцениваться как наши собственные. Все должны знать, что наш повелитель проявляет к ним сострадание и ведет их дорогою к самому Всевышнему.

Когда это заявление было доведено до сведения собравшихся, Хасан спустился с трибуны, приказал расставить столы и повелел прекратить пост и, как в праздничные дни, предаться всем видам развлечений, с музыкой, различными играми и состязаниями.

– Потому что, – выкрикнул он, – сегодня день воскресения!

В соответствии с тем, как исмаилиты интерпретировали Коран, это был день явления имама.

То, что правоверные ранее лишь подозревали, нашло теперь подтверждение. Было провозглашено, без всяких иллюзий, что исмаилиты – это еретики, втоптывающие в грязь все наиболее очевидные и простые заповеди ислама. Поскольку, хотя они и могли попытаться оправдать свое поведение иносказательной системой толкования Корана, все это явно противоречило здравому смыслу и могло стать инструментом для одобрения любой гнусности под религиозным прикрытием. С этого времени термин «мулахид» (*нечестивый*) стал обычным и понятным обозначением для исмаилитов в устах правоверных мусульман. Что касается самих исмаилитов, то они были в восторге от совершенного и вели себя как освобожденные рабы. Они даже начали отсчет новой эры от 17-го числа (некоторые источники указывают на 7-е) Рамадана 559 года, того дня, когда явился имам. К имени Хасана отныне они добавляли: «Да прибудет в мире память о нем». Фраза, которая, как окажется, сама по себе использовалась при упоминании о нем. Так, историк Мирхонд уверяет, что заслуживающий доверия человек рассказывал ему о существовании следующей надписи над дверями в библиотеку Аламута:

С Божьей помощью
Пути законов он снял,
Владыка сущего,
Чье имя пребудет в мире.

Безумие Хасана достигло своего апогея. Он посчитал ниже своего достоинства быть почитаемым, как его предшественники, всего лишь в качестве представителя имама на земле, но стал выдавать себя за истинного и настоящего имама, который наконец-то явился в мир. Он выслал письма во все поселения общества, требуя признать его в этом новом статусе. Ему все же хватило благоразумия, чтобы высказать в своих посланиях уважение званиям и заслугам подчиненных ему местных лидеров. Как это видно в следующем письме, высланном в Кухистан, где правил рейс Мозаффар: «Я, Хасан, сообщаю тебе, что я – посланник Всевышнего на земле, а мой посланник в Кухистане –

рейс Мозаффар, кому жители этой страны должны повиноваться и воспринимать его слова как мои».

Рейс возвел трибуну в замке Муминабад, где была его резиденция, и зачитал письмо жителям, большая часть которых с радостью вслушивалась в его содержание. Перед трибуной были накрыты столы, выставлено вино, звучали трубы и литавры, игра свирелей и флейт увеличивала веселье, и день отмены заповедей и законов превратился в торжество и празднество. Те немногие, которые искренне и честно исповедовали ислам, покинули край, который они посчитали прибежищем безбожия, и отправились искать другое пристанище. Другие, не столь решительные, остались, хотя и были шокированы тем, что были вынуждены ежедневно лицезреть. Подчинение приказам имама *сой-дисант* тем не менее было практически повсеместным и, согласно Хаммеру, которого вряд ли можно заподозрить в том, что он рассматривал систему Хасана как более свободную, чем подробно описанное им учение Магомета, «флаги неверия и самой бессовестной аморальности развевались теперь над всеми замками Рудбара и Кухистана, как примеры нового озарения и вместо имени египетского халифа со всех сторон разносилось имя Хасана как истинного преемника Пророка».

Последнее утверждение представляло определенную сложность для Хасана, поскольку, чтобы соответствовать этой высшей позиции в глазах людей, необходимо было доказать кровное родство с пророком. То была высокая честь, на которую, как хорошо было известно, семья Хасана никогда не претендовала. Он мог взять на себя ответственность отменить заповеди Корана в свое удовольствие, и люди, чьим склонностям таким образом потакали, вряд ли стали бы тщательно выяснять, на каком основании он это сделал. Однако попытка отнять у фатимидского халифа почетное звание, которое он столь долго носил, и принять в его присутствии роль наместника Бога на земле могла оказаться слишком сильным потрясением и вызвать неприятие, если действовать без предосторожностей.

Поэтому требовалось, чтобы он доказал кровное родство с Фатимидами. Он начал делать тонкие намеки относительно правдивости устоявшегося мнения о том, что он является сыном Кеаха Мухаммеда. Ранее уже рассказывалось, что, когда Хасан Сабах был в Египте, возникли разногласия относительно преемника на троне, при

которых тот чуть не лишился жизни, выступив против могущественного главнокомандующего (*Эмир аль-Джуйуш*), и Несар, принц, которого халиф Мостансер видел в качестве преемника, был лишен своих прав под влиянием этого вельможи. Доверенные Хасана начали распускать слухи, что спустя год после смерти халифа Мостансера некий человек по имени Абу эль-Зейди, старавшийся сохранить свой визит в тайне, пришел в Аламут и принес с собой сына Несара, которого он оставил на попечение Хасану Сабаху. Последний в память о халифе и его сыне принял беженца с большими почестями и предоставил небольшую деревню у подножия Аламута под резиденцию молодого имама. Когда юноша вырос, он женился и у него появился сын, который получил имя «*Пребудет в мире память о нем*». В то же самое время, когда жена имама была прикована к постели в деревне, в замке разродилась супруга Кеаха Мухаммеда. Для того чтобы потомок Фатимы смог прийти к власти, на которую имел право, пользуясь доверием женщина предприняла попытки и преуспела, незаметно подменив детей. Другие пошли еще дальше и не стеснялись предположить, что у молодого имама была интрижка с женой Кеаха Мухаммеда и что Хасан появился в результате супружеской неверности. Настоящее дитя амбиций, Хасан готов был охотно опорочить память своей матери и даже признать самого себя внебрачным ребенком, если только это поможет ему заставить людей поверить в его происхождение от пророка.

Эти притязания Хасана на происхождение от Фатимидов породили дальнейшее разрастание бесчисленных сект, на которые распадалась верующие ислама. Те, кто стал признавать это, получили название низаритов, а Хасан приобрел у них имя Владыка Воскресения (*Каим-аль-Киамет*), а самих себя они обозначили как секта воскресения.

Правление тщеславного и безрассудного Хасана было недолгим. Он возглавлял общество только четыре года, после чего был убит шурином Намвером. Утверждается, что тот происходил из рода Буяха, который управлял халифами и их владениями до того, как власть перешла в руки к туркам-сельджукам.

Глава 8

Мухаммед II. – Притча об имаме Факр-эд-Дине. – Нур-эд-Дин. – Завоевание Египта. – Попытка покушения на жизнь Саладина

Гибель Хасана была сполна отомщена его сыном и преемником Мухаммедом II. Смерть настигла не только убийцу. Мечь, в ее восточном проявлении, распространилась на все его потомство обоих полов, мужчины, женщины, дети – все пролили кровь от меча палача. Мухаммед, которого тщательно готовили, обучив философии и литературе, был, как и его отец, переполнен тщеславием и амбициями и совсем не отступился от притязаний своих предшественников на имамат, но смог прожить гораздо более длительный срок, чем Хасан. При этом ему удалось сохранить хорошую репутацию образованного и талантливого человека среди своих образованных и сведущих в литературе современников, которых было немало, так как его правление растянулось на сорок шесть лет, а персидская литература быстро приближалась к своему кульминационному периоду. Не упоминая имена, малоизвестные читателям, стоит отметить в качестве подтверждения сказанного, что это было время, когда Низами Генж мелодичной рифмой воспевал любовь Хосру и Ширин, а также Меджнуна и Лейлы. Последнее произведение – это «Ромео и Джульетта» Востока, венец и жемчужина романтической поэзии Персии. Также в расцвете творчества был панегирист Инвири и множество историков, юристов, богословов.

Одним из наиболее известных людей того времени был имам Факр-эд-Дин (*Торжество Религии*) Рази, который читал публичные лекции о законах в своем родном городе Рее. Он был оклеветан, что якобы тайно разделяет взгляды исмаилитов и даже является одним из их проповедников, поэтому принял за правило бранить и поносить эту секту. Каждый раз, поднимаясь на кафедру для чтения проповеди, он порицал и проклинал нечестивцев, не сдерживаясь в выражениях. Содержание его речей достаточно быстро долетело до орлиного гнезда шейха аль-Джебала, и фидави, получив приказ того, направился в Рей.

Он появился там как студент, изучающий право, и стал прилежно посещать лекции просвещенного имама. В течение семи месяцев он тщетно выискивал возможность для осуществления своей миссии. Наконец однажды он обнаружил, что ученики оставили имама одного в комнате и ушли, чтобы принести еды для него. Фидави вошел, запер дверь, схватил имама, бросил на землю и приставил кинжал к груди.

– Что ты задумал? – вымолвил ошеломленный имам.

– Выпотрошить твоё брюхо и грудь.

– За что?

– За что? За то, что ты с трибуны дурно говоришь об исмаилитах.

Имам стал умолять и упрасивать, обещая, что если ему сохранят жизнь, то никогда более он не скажет ничего, что могло бы обидеть исмаилитов.

– Я не могу тебе верить! – прокричал ассасин. – Вдруг, когда я уйду, ты снова начнешь вести себя как прежде и одним или другим хитроумным способом сумеешь освободить себя от уз своей клятвы.

Тогда имам самой священной клятвой присягнул не отказываться от своих слов и не искать возможности освободить себя от клятвы. Ассасин поднялся и отступил от него, сказав:

– Я не получал приказа убивать тебя, иначе я в любом случае прикончил бы тебя. Мухаммед, сын Хасана, передает тебе свое почтение и предлагает оказать ему честь, посетив его замок. Ты будешь обладать там неограниченной властью, и все мы будем повиноваться тебе как верные слуги. Мы презираем, так сказал шейх, площадные речи, которые отскакивают от наших ушей как горох от стены, но ты не должен оскорблять нас, потому что твои слова врезаются как удары гравера в камень.

Имам ответил, что не в его силах отправиться в Аламут, но впредь он будет крайне осторожен, чтобы никогда с его губ не слетело ни слова, порочащего горного властителя. После этого фидави вытащил из-за пояса 300 золотых монет и, выложив их перед имамом, сказал:

– Это тебе ежегодная плата, и по распоряжению дивана каждый год ты будешь получать такую же сумму от рейса Мозаффара. Я также оставляю для твоих учеников два кафтана из Йемена, которые шейх аль-Джебал послал тебе.

Сказав это, фидави исчез. Имам взял деньги и одежду. И действительно, в течение нескольких лет ему регулярно

выплачивалось пособие. Изменения в его речах сразу стали ощутимыми, – так, если раньше, говоря о каком-либо спорном вопросе, он имел обыкновение упоминать исмаилитов, выражаясь буквально так: «Что бы исмаилиты, прокляни и покарай их, Господи, ни говорили...», то теперь он ограничивался лишь фразой: «Независимо от того, что говорят исмаилиты...» Когда один из учеников спросил его о причинах подобной перемены, он ответил:

– Мы не можем бранить исмаилитов, у них имеются очень острые и убедительные аргументы.

Эта притча рассказывается различными персидскими историками и наглядно демонстрирует, как и случай с султаном Санжаром, приведенный выше, что исмаилиты не были столь безжалостными и кровожадными, чтобы не предпочесть путем мягких мер сделать врага безопасным для себя, а не лишать его жизни.

Историки не зафиксировали других событий, связанных с восточным подразделением исмаилитского общества в длительный период правления Мухаммеда II. Поэтому теперь стоит обратить взор на Сирию, где блистательные имена, мелькающие в истории Востока и с которыми у правителя Массьята складывались враждебные или дружеские отношения, привлекают внимание к себе. Имена Нур-эд-Дин (*Светоч Религии*) и Салах-эд-Дин (*Чистота Религии*), или Норадин и Саладин – у западных писателей, а также английский король Львиное Сердце сразу же пробудят интерес читателя.

Прославленный Имуд-эд-Дин (*Столп Религии*) Зенги, который нанес первый удар христианскому владычеству на Востоке, захватив Эдессу, вскоре погиб от руки раба. Его власть и титул атабека перешли к его сыну Нур-эд-Дину, который продолжил войну против христиан столь же активно, как и его отец, но с большей мягкостью и учтивостью, которые придавали блеск рвению и мужеству. Нур-эд-Дин представлял собой одного из наиболее совершенных персонажей, появлявшихся на Востоке. Он был щедр и справедлив, строг в соблюдении всех норм ислама. Он не был окружен роскошью и великолепием, не носил ни шелка, ни золота. Одной пятой от всех захваченных трофеев, что составляло его долю как владыки, он покрывал все свои расходы. Истинный мусульманин, он все больше и больше вовлекался в битвы священной войны – либо в великие, в которых шло противостояние со всем миром и его соблазнами путем

поста и молитв, через обучение и ежедневное проявление добродетелей, которые требовались от него как от государственного мужа; либо в малые, которые велись силою оружия против врагов ислама. От этого соединения набожности и мужества он получил звания *гази (победитель)* и *шахид (мученик)*. Притом что он не погиб, защищая веру, считалось, что он достоин всех наград, причитающихся настоящим мученикам. Несмотря на то что он был одним из наиболее опасных врагов, с которыми христиане когда-либо сталкивались, их историки отдают должное выдающемуся Нур-эд-Дину, а высокообразованный архиепископ Тире Уильям писал о нем: «Он был мудрым, умеренным человеком, который почитал Бога, в соответствии с верой его народа, удачливым и преумножающим наследие своего отца».

Владение Мосулом и Алеппо сделало Нур-эд-Дина хозяином Северной Сирии. Южная часть этой страны находилась под властью дамасского принца. Атабек дважды безрезультатно осаждал Дамаск. В конце концов жители, опасаясь крестоносцев, сами предложили ему овладеть городом, и беспомощный правитель был вынужден покинуть его, получив Эмессу в обмен на «Королеву Сирии». Власть Нур-эд-Дина простиралась теперь от Евфрата до Святой земли, и его мысли были направлены на достижение главной цели – изгнание франков с Востока, тогда ему представилась бы возможность вернуть Египет под духовное покровительство династии Аббасидов.

Разложение – неотъемлемая составляющая безграничной власти. Фатимидские предводители правоверных превратились всего лишь в кукол в руках своих министров, а за пост визиря, как это часто случалось с троном, стали сражаться с оружием в руках. В это время в Египте разгорелась гражданская война между Шавером и Даргамом, соперниками за визириат. Первый лично явился в Дамаск и предложил атабеку Нур-эд-Дину треть от доходов Египта, если тот поможет ему одолеть соперника. Без колебаний Нур-эд-Дин приказал Асад-эд-Дину (*Лев Религии*) Ширкуху (*Горный лев*)^[45], курдскому правителю, который командовал его войсками при Эмессе, собрать войско и отправиться в поход на Египет. Ширкух подчинился с трудом, против своей воли и исключительно по настоятельному приказу Нур-эд-Дина, то же самое сделал и его племянник, тогда еще малоизвестный, но столь же заслуженно знаменитый впоследствии Саладин. Он оставил

пиры и развлечения Дамаска и других сирийских городов, чтобы сопровождать своего дядю в трудностях и опасностях войны. На первых порах Даргам одерживал верх, но в скором времени был убит своим рабом, и Шавер заполучил власть, к которой стремился. Новый визирь попытался избавиться от своих союзников, что не входило в планы Нур-эд-Дина, и Ширкух со своими войсками занял позиции в северо-восточной части королевства, где он овладел приграничным городом Белбейс в самой восточной части Нила под предлогом получения обещанной Нур-эд-Дину одной трети доходов. Шавер, стремясь выпроводить столь опасных гостей, заключил тайное соглашение с Амальриком, иерусалимским королем, и обещал заплатить тому 60 тысяч дукатов за помощь в этом. Ширкух, получив подкрепление, двинулся в Верхний Египет, а Саладин принял под свое командование Александрию, которую он отважно защищал в течение трех месяцев против объединенных сил христиан и египтян. После нескольких сражений был заключен мир на условиях получения Нур-эд-Дином 50 тысяч дукатов и вдвое большей суммы в ежегодную уплату королю Иерусалима.

Вскоре после этого беспринципная попытка захватить Египет была предпринята Амальриком по предложению магистра ордена госпитальеров, и Шавер в отчаянии вновь обратился к Нур-эд-Дину. К мольбе присоединился и халиф-призрак, выславший самый главный знак нужды на Востоке – локон своей женщины, что означало следующее: «Помоги! Помоги! Враг за волосы утаскивает женщину!» Белбейс был уже захвачен, и Каир находился под осадой христиан. Шавер сжег старый город и защищал себя самого и халифа в новом городе – современном Каире. Ширкух снова появился в Египте с еще большей армией, чем до этого^[46]. Однако прежде чем он достиг осажденного города, Шавер и Амальрик пришли к компромиссу, и последний отвел войска, получив 50 тысяч дукатов. Ширкух тем не менее продолжил поход и разбил лагерь под стенами Каира. Халиф Адхад со своей высшей знатью решил принять полководца, и этот несчастный владыка начал жаловаться на тиранию и эгоистичность Шавера, который навлек столько несчастий на халифа и его королевство. Завершил же он пожеланием видеть голову визиря в руках генерала Нур-эд-Дина. Шавер, осознавая нависшую над ним угрозу, пригласил Ширкуха, его племянника и других военачальников

на пир с целью расправиться с ними, но ловушка была раскрыта, и его голова покатила к ногам халифа. Ширкух незамедлительно был назначен на освободившееся место с почетным титулом мелик-ильмансур (*Король-победитель*), но лишь короткое время успел насладиться им, чему помешала его смерть, последовавшая спустя чуть более двух месяцев с момента его назначения. Его титул и командование армией перешли к племяннику Саладину, который фактически стал властителем Египта. Нур-эд-Дин, полагая, что пришло время установить и духовную власть династии Аббасидов, дал указание Саладину все должности, на которых находились шииты, заменить правоверными, а во всех публичных молитвах прославлять имя багдадского халифа. Но этот мудрый правитель, зная, что основное большинство населения Египта являлось убежденными приверженцами учения о том, что именно Фатимиды являются истинными преемниками пророка, не спешил выполнять данный приказ. Смерть фатимидского халифа была как нельзя кстати, выводя его из затруднительного положения. Адхад-ладин-Аллах, последний из потомков Моез-ладин-Аллаха – основателя династии, умер внезапно. По причине болезни – как утверждают восточные историки, от руки Саладина – согласно слухам, ходившим среди христиан^[47]. Теперь, после устранения препятствий, молебны во всех мечетях Египта славили аббасидского халифа, и после 200-летнего господства власть западных исмаилитов здесь была окончательно сведена на нет.

Нур-эд-Дин, который понимал, что власть его наместника становилась слишком сильной, чтобы быть подконтрольной, прибегнул к мудрому плану, задабривая его титулами и знаками доверия. Багдадский халиф выслал ему праздничный наряд и грамоту с благодарностью за возвращение под его духовное владычество территории, которая столь длительное время была враждебной его династии. Однако наиболее важным последствием своевременной кончины халифа для Саладина было приобретение накопленных Фатимидами богатств, которые перешли к нему в руки и которые он использовал для того, чтобы обеспечить преданность своих солдат и военачальников. Как пример восточной склонности к преувеличениям можно привести список этих сокровищ, как они перечисляются восточными летописцами. Так, по их заверениям, они состояли из 700 жемчужин, каждая из которых была такой величины, что не

поддавалась оценке, изумруда длиною в целую пядь^[48] и толщиной с палец, библиотеки, включавшей 2,6 млн книг, а также золота в монетах и просто в слитках, сабура (экстракта алоэ), янтаря и бесчисленного количества военного снаряжения и оружия. Значительная часть этих несметных богатств была распределена Саладином среди своих солдат, остальное было направлено в течение десяти последующих лет на покрытие его военных расходов и строительство. Поскольку Саладина звали Юсуф (Иосиф), точно так же как и сына Якоба, министра короля Фараоха, можно предположить, что по египетской традиции два Юсуфа были слиты воедино, и деяния последнего были приписаны первому, поскольку для народных традиций весьма характерно перескакивать через века и даже тысячелетия и делать из нескольких героев одного, который совершает подвиги за всех.

Пока Нур-эд-Дин был жив, Саладин продолжал признавать его верховенство, и когда, после смерти халифа, его владения перешли к сыну Малек-ис-Салеху, на монетах Египта было вычеканено имя молодого правителя. Поскольку Малек-ис-Салех был несовершеннолетним и находился в полном повиновении евнуху Камештегину, среди эмиров разрасталось недовольство. Тогда Сейф-эд-Дин (*Меч Религии*), кузен молодого принца, который возглавлял месопотамскую армию, решил вырвать владения у юного Малек-ис-Салеха. Все взоры были обращены на Саладина как единственного человека, способного сохранить страну. Он покинул Египет, взяв с собой всего лишь 700 всадников. Губернатор и жители Дамаска радушно открыли ворота перед ним. Хемс и Хама последовали примеру Дамаска. Саладин принял на себя управление под скромным титулом помощника юного атабека, чьи права он объявил себя готовым защищать при любых обстоятельствах. Он направился к Алеппо, где находилась резиденция Малек-ис-Салеха. Но защитники этого города под воздействием слезной мольбы молодого правителя, на которого, в свою очередь, вероятно, надавил евнух Камештегин, боявшийся потерять власть, выступили и обратили в бегство те небольшие силы, с которыми Саладин подошел к городу. Собрав более крупную армию, Саладин уже основательно осадил Алеппо, и Камештегин, отчаявшись, решил прибегнуть к вероломству. Он обратился к Синану, шейху ассасинов, который находился в Массьяте, разъяряя ему, насколько опасным врагом исмаилитов является отважный курд,

который столь пылок в своем ревностном служении Аббасидам и положил конец династии Фатимидов, которая невероятно долго блистала среди сторонников прав Исмаила, имея значительную власть и почет. Евнух также напомнил, что, если Саладин преуспеет в своих амбициозных планах в Сирии, со всей вероятностью он обратит свою мощь против ассасинов и лишит их власти в этой стране. Эти доводы были подкреплены золотом, и шейх, не заставив себя долго уговаривать, незамедлительно отправил трех фидави, которые напали на Саладина в лагере у Алеппо. Покушение тем не менее провалилось, убийцы были схвачены и казнены. Саладин был приведен в ярость покушением на него и, прекрасно понимая, откуда дул ветер, с еще большим рвением продолжил осаду.

Обнаружив преимущества, которые могут быть извлечены кинжалами фидави, Камештегин решил задействовать их против своих личных врагов. Визирь юного принца и два верховных эмира подготовили заговор по его устранению. Узнав об этом, евнух настроился опередить их и, улучив момент, когда Малек-ис-Салех готовился оседлать свою лошадь, приблизился к нему с просьбой подписать чистый лист бумаги под предлогом необходимости уладить дело огромной срочности и важности. Молодой правитель поставил свою подпись без каких-либо подозрений, и Камештегин тут же написал на этом листе письмо к шейху ассасинов, в котором Малек-ис-Салех якобы просил выслать людей, чтобы убрать с дороги этих трех эмиров. Предводитель исмаилитов с готовностью откликнулся на просьбу, поскольку полагал, что она исходит от его юного друга и соседа, и несколько фидави были направлены на исполнение его воли. Двое из них напали на визиря, когда тот выходил из восточных ворот мечети рядом со своим собственным домом. Но их на месте порубили на куски. Вскоре трое напали на эмира Муджахида, ехавшего верхом. Один из них схватился за край его плаща, чтобы лучше захватить его, но эмир пришпорил своего коня и вырвался, оставив в руках нападавших свой плащ. Толпа схватила ассасинов, двое из которых были опознаны как знакомые старшего конюха эмира. Один из них был распят, вместе с ним и конюх как соучастник. На груди последнего была размещена табличка со словами: «Таково вознаграждение покрывающего неверных». Других притащили во дворец и били по ступням, чтобы они сознались, почему решили совершить это

преступление. В разгар пыток один из них прокричал: «Ты высказал пожелание нашему владыке Синану убить твоих рабов, а теперь караешь нас за исполнение твоей воли». Переполненный яростью, Малек-ис-Салех написал письмо шейху Синану с множеством гневных слов. Шейх не ответил ничего, лишь выслал назад подписанное халифом письмо. Историки умалчивают, чем закончилась эта история, также крайне трудно сказать, в какое именно время это произошло.

Ассасины не прекратили свои покушения на Саладина, чья власть стала более опасной для них после того, как он лишил род Нур-эд-Дина его положения и владений. Он вновь подвергся нападению с их стороны в своем лагере у крепости Изаг. Один из них атаковал его и ранил в голову, но султан (он принял на себя теперь этот титул) схватил его за руку и прикончил. Подоспел второй – его зарезала стража, третьего и четвертого постигла та же участь. Запуганный такой упорной настойчивостью, султан на несколько дней укрылся в своем шатре и приказал всем незнакомым и подозрительным лицам покинуть лагерь.

В следующем году (1176) султан, находясь в мире с прочими своими врагами, решил показательно отомстить тем, кто столь беспричинно покушался на его жизнь. Собрав армию, он вошел в горные районы, огнем и мечом опустошил территории исмаилитов и осадил Массьят. Власть сирийских исмаилитов была бы теперь уничтожена, если бы не вмешательство правителя Хамы, дяди султана, который, после мольбы Синана, уговорил племянника заключить мир на условии, что никогда больше никто не будет покушаться на его жизнь. Синан охотно пошел на эти условия и достойно выполнял свои обязательства, поскольку великий Саладин правил после этого пятнадцать лет, вел постоянные войны, захватил Иерусалим и Святую землю, подвергался опасностям на поле битвы и в лагере, но ни один ассасин никогда больше не приближался к нему с враждебными намерениями.

Глава 9

Синан – дай-аль-кебир Сирии. – Предложения принять христианство. – Его посол убит тамплиерами. – Рассказ кардинала де Витри об ассасинах. – Убийство маркиза Монферрата. – Охрана короля Ричарда

Человека, управлявшего всеми делами общества в Сирии во времена Саладина и являвшегося одной из наиболее примечательных личностей, которые встречались в истории ассасинов, звали Рашид-эд-Дин (*правоверный в религии*) Синан, сын Сулеймана из Басры. Как множеству других самозванцев, которые время от времени появлялись на Востоке, ему хватило дерзости выдавать себя за воплощение Божества. Никто никогда не видел его за едой, питьем, спящим и просто сплевывающим. Его одежда была из грубой волосяной ткани. С восхода солнца до заката он стоял на высокой горе, произнося молебны перед людьми, которые внимали его словам как исходящим от самого совершенства. К несчастью для его репутации, со временем его слушатели обнаружили, что он прихрамывает при ходьбе из-за раны, полученной им от камня при сильном землетрясении 1157 года. Это не увязывалось с общераспространенной идеей безупречности, которая должна быть присуща телесному воплощению Божества. Образ Синана тут же развеялся, и те, кто только что превозносил Бога, теперь грозили смертью мошеннику. Синан не потерял самообладания, он попросил их оставаться спокойными, спустился со скалы, приказал принести еды, пригласил их на трапезу и убедительной силой своего красноречия заставил их признать себя единственным правителем, все единодушно поклялись в послушании и верности ему.

Пренебрежение к хронологии у восточных историков либо у их европейских переводчиков и последователей зачастую настолько велико, что крайне сложно установить точное время определенного события, соответственно невозможно выяснить причины и основания, их вызвавшие. Упоминание землетрясения 1157 года тем не менее позволяет предположить, что примерно в это время Синан предъявил свои притязания на Божественность. А поскольку в то же самое время

Хасан, сын Кеаха Мухаммеда, выдавал себя за обещанного имама, можно допустить, что именно это послужило примером, подтолкнувшим Синана на дерзкую попытку самостоятельно завладеть властью над сирийским подразделением исмаилитов.

Синан, как и Хасан, был очень хорошо образованным человеком. Его труды до сих пор высоко ценятся остатками секты исмаилитов, все еще разбросанных по горам Сирии. Эти работы, как утверждается, состоят из хаотической смеси исковерканных отрывков из Евангелия и Корана, противоречивых догматов веры, гимнов, молитв, поучений и наставлений, которые непонятны даже для тех, кто принимает их и благоговейно к ним относится.

Священные книги христиан, как видно, также были изучены шейхом Массьяты; благодаря почерпнутым знаниям из них, как он полагал, он сможет получить определенные преимущества. Военно-религиозный орден тамплиеров, история которого будет описана ниже, владел землями по соседству с ассасинами, и, обладая большей мощностью, он, неизвестно в какое точно время, обложил последних данью. Дань составляла 2 тысячи дукатов, уплачиваемые ежегодно. Синан, для которого, похоже, все религии были одинаковыми и который обладал неограниченной властью над своими людьми, пришел к идее принять ту же религию, что и его соседи. Соответственно в 1172 году он отправил одного из своих самых мудрых и красноречивых министров с секретной миссией к королю Иерусалима Амальрику, предлагая от своего имени и от имени своего народа принять христианство, пройти обряд крещения при условии, если король заставит тамплиеров отказаться от требований дани в 2 тысячи дукатов и согласится впредь жить как добрые соседи, друзья и собратья по вере.

Переполненный радостью от перспективы столь значительного обращения в свою веру, король охотно согласился удовлетворить пожелания правителя исмаилитов и одновременно заверил тамплиеров, что их орден ничего не потеряет, поскольку он будет уплачивать им 2 тысячи дукатов в год из собственной казны. Братство тамплиеров не стало возражать против этого соглашения. После нескольких дней пребывания у короля, где его принимали с почетом, исмаилитский посол отправился в обратный путь в сопровождении проводника и охраны, предоставленных королем, чтобы сопроводить

его до самой границы владений исмаилитов. Они благополучно проследовали через земли Триполи и приближались к первым замкам исмаилитов, когда внезапно несколько тамплиеров выскочили из засады и убили посла. Тамплиерами командовал рыцарь по имени Уолтер дю Меснил, одноглазый, дерзкий, злобный человек, который в данном случае, как выяснилось, действовал по приказу вышестоящих братьев, которые не считали, что королевское обещание является гарантией уплаты 2 тысяч дукатов. Когда Амальрик в негодовании от этого низкого, предательского поступка собрал своих приближенных в Сидоне, чтобы определиться относительно дальнейших действий, и по их совету послал двоих из их числа к Адо де Сент-Аманду, магистру тамплиеров, для получения разъяснений по поводу этого чудовищного злодеяния, магистр стал защищаться, заявив, что наложил епитимью на брата дю Меснила и более того, безотлагательно отправил его в Рим, узнать, каково будет распоряжение святейшего отца относительно его судьбы, и на этом основании во имя папы король должен запретить применять насилие к вышеупомянутому брату. Король тем не менее не был безразличен к справедливости и к собственному достоинству. Вскоре после этого, когда магистр и несколько других тамплиеров были в Сидоне, он вновь собрал свой совет и с его согласия, послав своих людей, выкрал дю Меснила из обители тамплиеров и бросил его в темницу, где, вероятно, он и искупил бы свою вину за преступление, если бы не внезапная смерть короля. Все надежды на обращение исмаилитов в христианство рухнули.

Именно по этому поводу архиепископ Тирский описывает, что ему удалось узнать об ассасинах. Поскольку все, что рассказывалось о них прежде, базировалось на восточных источниках, будет небезынтересно привести здесь сведения, предоставленные кардиналом де Витри, который продолжил и расширил записки архиепископа.

«В провинции Фоениция, вблизи границ Антарадензийского города, который ныне называется Тортоса, проживают люди, окруженные со всех сторон горами и скалами, у них есть 10 замков, мощных и неприступных из-за узких проходов и отвесных скал^[49]. Окрестности и равнины – самые плодородные со всеми возможными видами фруктов и злаков и восхитительные своим удобством. Количество этих людей, которые называются ассасины, как утверждается, превышает 40 тысяч^[50]. Управлять собой они ставят

человека не по праву наследования, а исключительно по заслугам, и называют его старец (*Veterem seu Senem*) не столько из-за его преклонного возраста, сколько за его превосходство в мудрости и достоинстве. Первый и верховный *аббат* этой безрадостной *религии* (выделено автором. – *Пер.*), исповедуемой ими, и место, откуда они ведут свои истоки и пришли в Сирию, находится очень далеко на Востоке около города Багдада и частично в провинциях Персии. Эти люди, которые не соблюдают правило раздвоенного копыта и не отличают святого от нечестивого, веруют, что смиренно проявляемое ими повиновение своему повелителю является достаточным для вознаграждения вечной жизнью. Таким образом, они привязаны к своему хозяину, которого называют Старец, такими узами покорности и повиновения, что нет ничего настолько страшного и опасного, чтобы они испугались предпринять или чтобы они не осуществили с радостным желанием и пылким стремлением по приказу своего владыки. Старец, их повелитель, приказывает переносить мальчиков этого народа в тайные и прекрасные места, и, прилежно обучив их самым разным языкам, посылает в различные провинции с кинжалами, приказав убить знатных христиан, равно как и сарацин, либо потому, что они по той или иной причине находятся во вражде с ним, либо по просьбе его друзей, либо же ради получения крупной суммы денег. За исполнение своих приказов он обещает им не имеющие предела радости в раю после смерти. Если им выпадает удача умереть, подчиняясь такому приказу, они своими товарищами почитаются как мученики, становятся святыми у своего народа и пользуются всеобщим уважением. Их родители одариваются множеством подарков от владыки, именуемого Старцем, и если они были рабами, то им дается полная свобода. Поэтому эти несчастные обманутые юноши, которые высылаются из стен монастыря (*conventu*) упомянутого братства в разные уголки мира, выполняют свои смертельные миссии с такой радостью и восторгом, проявляют при этом такие старание и рвение, перевоплощаясь самыми различными образами и перенимая повадки и одежду других народов, иногда прячась под внешностью купцов либо в других случаях под личиною проповедников и монахов, а также бесчисленно многих других образов, что вряд ли во всем мире найдется настолько осторожный человек, чтобы обезопасить себя от их уловок. Они презирают убийство мелких людишек. Знатные

персоны, к которым они проявляют враждебность, либо откупаются большой суммой денег, либо ходят вооруженными в сопровождении отряда стражников, проводя свою жизнь в подозрениях и боязни гибели. Они следовали законам Мухаммеда и подчинялись его системе более прилежно и строго, чем другие сарацины, до того времени, когда один из их повелителей, который был одарен природным гением и занимался изучением различных летописей, начал со всем прилежанием читать и изучать учение христиан и Евангелие, восхищаясь силою чудес и святостью веры. Сопоставляя со всем этим собственную религию, он начал питать отвращение к несерьезному и абсурдному учению Мухаммеда и со временем, когда он познал истину, то стал постепенно отучать свой народ от богомерзких законов. По этой причине он убедил и повелел пить вино в умеренных количествах и есть мясо свиньи. В конце концов, после многих дискуссий и серьезных увещаний своего наставника, они все в едином порыве согласились отказаться от обмана Магомета и, приняв благодать крещения, стать христианами».

Из этого рассказа следует, что крестоносцы имели вполне ясное представление о природе и устройстве общества ассасинов. Кардинал де Витри прямо пишет о них как о *религиозной* общине, то есть об ордене с аббатом во главе. И возможно, схожесть, которую Хаммер прослеживает между ними и тамплиерами, что будет видно позже при описании общества последних, выглядит не столь уж странной, как может показаться на первый взгляд. Любопытно также видеть и христиан верящими в то, что шейх аль-Джебал тем или иным способом воодушевлял своих фидави на пренебрежение к собственной жизни и страстное влечение к райским удовольствиям.

Кинжал не обнажался против христианского правителя с тех пор, как 42 года назад (1149) молодой граф Реймонд Трипольский был убит молящимся на коленях и алтарь оросился его кровью. Теперь еще более известная жертва должна была пролить кровь. А поскольку вопрос того, кто в действительности стоял за его гибелью, остался серьезной исторической загадкой, следует начать эту историю издалека.

Маркиз Конрад Монферратский, хорошо известная личность в истории Третьего крестового похода, только что был назначен английским королем Ричардом Львиное Сердце своим наместником в

Иерусалиме. В конце апреля 1192 года маркиз, находясь в Тире, отправился на обед к епископу Бове. Один автор пишет, что маркиза слишком долго пребывала в ванной, и ее супруг, не желая ужинать один, оседлал коня и поскакал на ужин к епископу, однако, обнаружив, что прелат уже окончил свою трапезу, вернулся к себе во дворец. Когда он проезжал по узкой улочке и приближался к заставе, двое ассасинов, выискивавших удобный случай, приблизились к нему. Один из них вручил ему послание, и, когда тот начал его читать, оба нанесли ему удары кинжалами с криком: «Тебе не следует быть ни маркизом, ни королем!» Одного из нападавших зарезали на месте, другой спрятался в близлежащей церкви и, согласно одному арабскому историку, когда раненый маркиз был перенесен в ту же самую церковь, ассасин вновь напал на него и довел свое преступление до конца. Другие же сообщают, что маркиза доставили домой во дворец, где он успел принять Святое причастие и дать последние указания своей жене. Обе версии, впрочем, не сильно противоречат друг другу.

Напавшие ассасины были подростками, некоторое время, как утверждается шесть месяцев, жили в Тире, выискивая возможность для осуществления данного им поручения. Они имитировали обращение из ислама в христианство, или, как заявляют другие, изображали монахов, чтобы добиться доверия маркиза и получить больше возможностей подобраться к нему. Один из них даже якобы поступил на службу к нему, а другой – к Балиану Ибелинскому.

Теперь же возникает вопрос: по чьему наущению было совершено это убийство? Имеется несколько как восточных, так и западных свидетельств, возлагающих вину на английского короля Ричарда. Летописцы, являющиеся подданными того, возмущенно отвергают эти обвинения, поддерживают его невиновность и некоторые нейтральные очевидцы. Прежде чем ознакомиться с этими свидетельствами, стоит отметить, что король Ричард был во враждебных отношениях с Филиппом-Августом, королем Франции. И хотя он отдал корону Иерусалима маркизу Монферрату, отношения между ними, мягко говоря, не были теплыми, они попросту враждовали. Наконец, в историческом облике английского короля нет великодушных рыцарских качеств, которые ставили бы его вне всяких подозрений в причастности к убийству.

Из тех летописцев, которые обвиняют короля Ричарда в убийстве, лишь арабские историки, и это следует учитывать, относятся к его современникам.

Следующий пассаж процитирован Хаммером из «Истории Иерусалима и Хеврона», он считает его достаточно убедительным с точки зрения виновности английского короля: «Маркиз 13-го числа месяца Раби-аль-аваль отправился посетить епископа Тирского. Когда он вы ехал, на него напали два ассасина, ударившие его своими кинжалами. Когда их схватили и растянули на стойках, они признались, что их нанял английский король. Они умерли под пытками».

Боха-эд-Дин, друг и биограф Саладина, пишет о том же самом. Поэтому очевидно, что со временем пошли слухи об убийстве маркиза людьми, нанятыми английским королем, и Винисауф с другими английскими авторами стали заверять, что французы и друзья убитого маркиза задумали покрыть позором за это деяние короля Ричарда. Поскольку подобный способ избавления от недруга был более чем привычен на Востоке, вполне естественно, что арабские летописцы приняли эту версию без каких-либо сомнений. Одно это соображение делает их свидетельства сомнительными. Некоторые германские летописцы, руководствуясь широко распространявшимися не в пользу английского короля слухами в период, когда он был пленником в Австрии, также, не задумываясь, обвиняют его в убийстве маркиза. Однако они, как и предыдущие очевидцы, что уже отмечалось, предвзяты либо значительно удалены от места событий^[51].

В противовес данным утверждениям имеются единообразные свидетельства всех английских авторов, таких как Винисауф (участник и историк похода короля Ричарда), Гуведин, Уильям Бромптон Ньюбриджский. Сирийский епископ Абу-эль-Фраж упоминает свидетельства ассасина, которого пытали и который возложил вину на короля Ричарда, но добавляет, что правда появилась на свет позже. Гюго Плагон, рассудительный и беспристрастный автор, далекий от того, чтобы возлагать ответственность за смерть маркиза на короля Ричарда, указывает причину, заставившую главу ассасинов приказать убить маркиза, ту же самую, что будет упомянута ниже в письме, авторство которого приписывается Старцу Горы. Ригорд, который написал биографию Филиппа-Августа, никоим образом не обвиняет

короля Ричарда в убийстве маркиза, однако рассказывает, что, когда Филипп был в Понтуазе, ему из-за моря были доставлены письма, в которых он предостерегался от опасности, так как по указанию английского короля были высланы ассасины (*арсакиды*), чтобы убить его. «И к этому времени они уже зарезали родственника короля, маркиза». Филипп под воздействием этой угрозы, вероятнее всего мнимой, тут же окружил себя телохранителями с булавами. Арабский историк, Ибн-иль-Азир, друг Саладина, утверждает, что султан договорился со Старцем Горы покончить с обоими, Ричардом и маркизом, за 10 тысяч золотых, но Синан, посчитав, что не в его собственных интересах будет развязать руки султану, освободив его от английского короля, взял деньги и убрал с дороги одного лишь маркиза. Данная история выглядит совершенно маловероятной, поскольку вероломство явно не было присуще характеру Саладина. Тем не менее она подтверждает беспристрастность, которую столь справедливо приписывают арабским летописцам. Свидетельство Абулфеды заключается в следующем: «И тогда (в год 588 от хиджры, или в 1193 н. э.) был зарезан маркиз, властитель Суры (Тира), да проклянет его Всевышний, хвала чьему имени! Батини, или ассасин (в некоторых экземплярах «несколько батини»), который пришел в Сур в облике монаха, убил его»^[52].

Таким образом, видно, что факты в пользу английского короля преобладают, ни один автор из тех, что были близки к месту событий, не возлагает ответственность за убийство на него. Напротив, те, кто обладал возможностями быть наиболее хорошо осведомленными, презрительно относятся к подобным обвинениям как к абсолютной клевете, выдуманной французами. Однако имеется еще более, в своем роде, примечательный свидетель, если приписываемые ему слова действительно исходят от него, – Старец Горы собственной персоной. Бромптон приводит два письма, которые претендуют на то, чтобы быть написанными данной личностью. Одно – герцогу Австрийскому, другое – правителям и народам Европы. Последнее также упоминается Уильямом Ньюбриджским с некоторыми отличиями. Гиббон, которому, похоже, было известно лишь последнее, считает его «абсурдной и явной подделкой». Хаммер, чьи доводы будут рассматриваться ниже, берется доказать, что эти письма поддельны. Раумер более

рассудительно говорит лишь о том, что последнее не является подлинным в его нынешней форме.

Вот данные документы в переводе:

«Старец Горы приветствует Леопольда, герцога Австрийского. Поскольку некоторые короли и правители за морем обвиняют Ричарда, короля и властителя английского, в смерти маркиза, я клянусь Всевышним, да пребудет его власть вовеки, и верую, по которой мы живем, что он невиновен в его смерти, потому как причина смерти маркиза заключалась в следующем.

Один из наших братьев возвращался из Сателии (*Салтелейя*) в наши пределы, маркиз захватил и убил его, грубо и внезапно нарушив обещание довести его в Тир, присвоив при этом крупную сумму денег, которая была при нем. Но мы направили посланца к маркизу, требуя вернуть деньги нашего брата, а также во искупление его гибели, ответственность за которую он возложил на Реджинальда, правителя Сидона, мы стали через своих друзей искать правды, пока не выяснили, что это был сам маркиз, кто убил нашего брата и захватил его деньги.

И снова мы направили к нему нашего посланника по имени Эурисус, которого тот намеревался швырнуть в море. Но наши друзья помогли ему спешно покинуть Тире, и, быстро вернувшись к нам, он все рассказал об этом. С этого самого часа мы возжелали убить маркиза. Потом мы послали двоих братьев в Тир, которые открыто, как это бывало раньше, на глазах у жителей Тира зарезали его.

Итак, это было причиной смерти маркиза, и мы честно заявляем Вам, что его величество Ричард, король Английский, невиновен в смерти маркиза, а те, кто на этом основании причинил зло его величеству королю Англии, совершили это несправедливо и необоснованно.

Знайте наверняка, что мы не убиваем никого в этом мире по найму или за деньги, если только нам первыми не причинили вреда.

Извещаем, что данные письма составлены нами в нашей обители в замке Массьяте в середине сентября. В год от Александра M.D.&V.^[53]».

«Старец Горы приветствует правителей Европы и весь христианский народ.

Мы не желаем, чтобы невиновность кого бы то ни было страдала из-за того, что мы сделали, поскольку мы никогда не причиняем зла невиновным и честным людям, но тем же, кто грешит против нас, мы, с Божьей помощью, не долго позволяем пребывать в радости от бед, причиненных нашему простодушию.

Поэтому мы заявляем всем вам, свидетельствуя пред лицом того, кто, мы надеемся, нас спасет, что маркиз Монферратский был зарезан не по злему умыслу короля Англии, но справедливо погиб по нашей воле и приказу от рук наших приверженцев за то деяние, которым он причинил нам вред и которое, когда о том ему было напомнено, он отказался исправить. В наших правилах сначала предупреждать тех, кто в чем-либо несправедливо поступил с нами или с нашими друзьями, чтобы они принесли нам извинения, и если в этом они отказывают, тогда мы заботимся об отмщении со всей суровостью наших посланников, которые повинуются нам столь самоотверженно, что не сомневаются в своем щедром вознаграждении Всевышним, если они погибнут, исполняя наши приказы.

Мы также узнали, что ходят слухи об этом короле, который якобы убедил нас, как менее порядочных и последовательных (*minus integros et constantes*), выслать нескольких людей для подготовки заговора против короля Франции, что вне всяких сомнений является нелепой выдумкой, и все подозрения совершенно безосновательны, поскольку, Бог тому свидетель, ни он до этого не предпринимал ничего против нас, ни мы, заботясь о собственном достоинстве, не позволили бы себе причинить незаслуженное зло кому бы то ни было. Прощайте».

Здесь не будет отстаиваться подлинность этих двух документов, однако укажем на необоснованность некоторых претензий, предъявляемых к ним. Хаммер считает первое из писем очевидной подделкой, поскольку оно начинается клятвой на законе, а заканчивается указанием даты по эре Селевкидов. И то и другое, как он заявляет, было одинаково чуждым для исмаилитов, которые именно в это время начали попираť все законы и отказались от хиджры, единственного летоисчисления, известного в мусульманских странах, а новое началось с воцарения Хасана II. Далее, он усматривает в том обстоятельстве, что письмо от Старца Горы (*шейха аль-Джебала*) написано из Массьята, доказательство невежества крестоносцев, учитывая реального правителя исмаилитов и его месторасположение. Вилькен считает эти доводы убедительными. Они тем не менее потеряют свою силу, если иметь в виду, что письма являются очевидными переводами, а хозяином Массьята в то время был Синан, который несколькими годами ранее предлагал обратиться в христианство и, как представляется, был совершенно чужд нововведениям Хасана Просветителя. Синан вполне мог действовать по просьбе друзей короля Англии, одним из которых наиболее верным был Генри Шампанский^[54], который сменил Конрада Монферратского на троне, и написать эти письма в его оправдание. Также весьма вероятно, что переводы делались в Сирии, где арабский язык, без сомнения, понимался лучше, чем в Европе, и высылались либо самостоятельно, либо в сопровождении оригиналов. Переводчик мог заменить титул, которым Синан называл самого себя, на *Старец Горы*, который был бы лучше понят на Западе. Он же мог указать год эры Селевкидов (летоисчисления, употреблявшегося сирийскими христианами), соответствующий хиджре, использовавшейся лидером исмаилитов, либо же Синан вполне сам мог использовать это летоисчисление. В данном случае нет ничего, что хоть сколько-нибудь ставило бы под сомнение подлинность письма к герцогу Австрийскому. Хаммер считает выражение «наше простодушие» (*simplicitas nostra*) решающим доводом против достоверности второго письма. Стоит признаться, что этот аргумент не является весомым. Синан мог пытаться представить себя в качестве очень скромного, простого, невинного человека. Также можно усомниться в том, что европейский автор фальшивки стал бы рисовать главаря ассасинов –

грозного Старца Горы – в столь выгодном для того свете, как это видно из двух представленных посланий^[55].

Однако имеется еще одна версия гибели маркиза Монферратского, которая, вероятно, более известна широкому кругу читателей, чем все предыдущие. Хорошо известный автор «Уэверли»^[56] в своем историческом романе «Талисман» пишет, что Конрад сначала был ранен сыном короля Шотландии, сторонником короля Ричарда, а затем зарезан кинжалом, но не ассасинов, а своего собрата по злему умыслу магистра тамплиеров, не желавшего дать тому признаться в их общем преступлении.

Никому не уступая в искреннем восхищении гением сэра Вальтера Скотта, нельзя не высказать пожелание, что ему не следовало бы писать после того, как он уже исчерпал обширное поле национальных характеров и обычаев, с которыми один лишь он был знаком и которые легли в основу ярких описаний «Уэверли» и его шотландского братства. Во всех его более поздних работах время от времени, без сомнения, появляются сцены, которые бы ли не по силам ни одному из его подражателей, однако, когда его муза выходит за пределы своей естественной среды обитания, она прощается с естественностью, правдой и умеренностью. Даже гений Скотта не способен нарисовать образ жизни, который он никогда не видел, место действия, где никогда не был.

Роман «Талисман» можно считать ярчайшим примером этого. Географические особенности местности, хронология, историческая правда, восточные обычаи и отдельные персонажи – со всем этим здесь обошлись с великодушным снисхождением, а если по правде, то можно сказать – и с презрением. Поскольку, беспечный в своем стремлении «гарантированно доставить удовольствие», что, как известно, было присуще этому автору, он позволял своим несуразностям появляться по прихоти и капризу. Как представляется, восточные путешественники и географы были бы поставлены в тупик размещением фонтана Алмаз пустыни вблизи Мертвого моря, находящегося на самом деле на полпути между лагерями сарацин и крестоносцев. Последние же размещались, как утверждается, между Акрой и Аскалоном, то есть на морском побережье. Станным показалось бы и изображение бесконечной песчаной пустыни, простирающейся от Мертвого до Средиземного моря. Что же касается

исторической правды, можно просто сказать, что вряд ли найдется в романе хотя бы одна сцена, строго соответствующая истории. И что можно было бы сказать относительно правдивости облика отдельных персонажей, если степенный, серьезный, религиозный Саладин буквально за год до смерти, будучи в расцвете лет, блуждает в одиночестве по пустыням как ищущий приключений рыцарь, поющий гимны дьяволу и пробирающийся под обликом лекаря в лагерь христиан, чтобы излечить от недуга английского короля, которого он в реальности никогда не видел и вряд ли бы пожелал видеть?^[57] Можно привести еще множество других примеров, нарушающих всякую согласованность и точность в этом единственном романе^[58].

И пускай никто не думает, что бессмысленно изобличать ошибки выдающегося писателя. То впечатление, которое оказывают запечатленные на его страницах образы на юные умы, остается навсегда и нестираемо, и, если его не исправить, оно может привести к более серьезным ошибкам. Более того, «Талисман» искажает представления о правде и точности. Так, в примечании к одной из частей автор (вне всякого сомнения, с иронией) пытается поправить историков в их взглядах на историю. Естественным умозаключением из этого является то, что он сам занимался серьезными исследованиями и остается верным истине. Встречается и другой автор, который в истории кавалерии, как он сам это называет, утверждает, что «Талисман» изображает достоверную картину тех времен. Сэр Вальтер Скотт тем не менее сам раскрывает нам в предисловии к «Айвенго» секрет того, как ему удалось описать обстановку времен Ричарда Львиное Сердце. В описании того времени он присоединяется к Жану Фруассару, столь богатому на живописные описания рыцарской жизни. Немногие читатели этих романов знают о том, что это по образу, хотя и не по степени, похоже на то, как если бы в своих романах о Елизавете и Иакове I он обращался бы за описанием образа жизни в эти времена к страницам Генри Филдинга, поскольку разница во времени между правлением Ричарда I и Ричарда II, при котором писал Фруассар, столь же велика, сколь между правлением Елизаветы и Георга II. И в обоих случаях образ жизни претерпел соответствующие изменения. Однако общепринято полагать, что Средние века являются одним периодом с неизменными порядками и устоями, и все слишком склонны воображать, что описания Фруассара

и тех, кто жил позже него, одинаково применимы ко всем векам этого периода.

Глава 10

Джеллал-эд-Дин. – Восстановление веры. – Его гарем осуществляет паломничество в Мекку. – Марриз, принцесса Гиланская. – Географические особенности местности между Рудбаром и Каспием. – Персидская романтическая литература. – Зохак и Феридун. – Кей-Каус и Рустем. – Как Фирдоуси описал Мазендеран. – История «Шахнаме». – Доказательство древности содержащихся в ней преданий

Богохульное правление Мухаммеда II продолжалось долгих тридцать пять лет, в течение которых исмаилиты пренебрегали обычаями ислама. Мечети были закрыты, пост в Рамадан не соблюдался, священным временем для молитв пренебрегали. Однако данное положение вещей не могло продолжаться долго, людям нужна религия, они испытывают такую же естественную потребность в ней, как в пище, а те псевдофилософы, которые возомнили избавить их от нее, в данной попытке проявили лишь свое невежество и глупость. Очищение от распространенной веры является подходящей задачей для настоящего филантропа.

Очень часто можно наблюдать, как сын проявляет качества прямо противоположные характеру его отца либо под влиянием сил природы, либо испорченный дурным обращением своего родителя. Это обычное явление проявилось и среди ассасинов. Мухаммед презирал соблюдение всех культовых обрядов. Его сын и преемник Джеллал-эд-Дин (*Торжество Религии*) Хасан, наоборот, уже с самых ранних лет стал выделяться ревностным отношением к предписаниям ислама. Открытая демонстрация его настроений вызвала серьезную вражду и подозрительность между ним и Мухаммедом. Отец боялся сына, а сын – отца. В дни приема посетителей, на которых должен был появляться Джеллал-эд-Дин, престарелый шейх в качестве предосторожности надевал под платье кольчугу и увеличивал количество телохранителей. Его смерть, случившаяся, когда его сын достиг 25 лет, некоторыми

историками приписывается, хотя, вероятно, без достаточных для этого оснований, яду, который был подмешан его преемником.

То, что Джеллал-эд-Дин унаследовал бразды правителя, никем не оспаривалось. Приняв наследство, он незамедлительно начал расставлять все вещи по местам, как они находились до времени *Да пребудет в мире память о нем*. Мечети были отремонтированы и открыты. Призывы к молебну звучали с минаретов, как раньше, а священные собрания для богослужения и проповедей снова начали проводиться по пятницам. Имамы, чтецы Корана, проповедники и самые разные учителя были приглашены в Аламут, где их с почетом принимали и щедро вознаграждали. Джеллал-эд-Дин написал своим заместителям в Хузистане и Сирии, известив о том, что сделал, и предложив последовать его примеру. Он также написал халифу, могущественному шаху Хауризма и всем правителям Персии, заверив их в искренности своей веры. Всюду его послы были приняты с почетом, и халиф, а также все другие государи в своих ответных письмах присвоили ему титул принца, которого никто из его предшественников не удостоивался. Имамы и знающие шариат люди громко приветствовали обращение горного властителя к праведной вере, они одарили его званием Новый мусульманин. Когда жители Касвина, всегда враждовавшие с исмаилитами, усомнились в его правоверности, Джеллал-эд-Дин снисходительно попросил их направить в Аламут пользующихся уважением людей, чтобы он имел возможность убедить их в этом. Они пришли, и в их присутствии он бросил в костер стопку книг, которые, по его словам, были написаны Хасаном Сабахом и содержали тайные правила и предписания общества. Он заклеил Хасана и всех его последователей, после чего посланники вернулись в Касвин полностью уверенные в его искренности.

На втором году своего правления Джеллал-эд-Дин предоставил еще одно доказательство искренности своих религиозных убеждений, разрешив или, возможно, приказав своей матери, жене и их многочисленным служанкам совершить паломничество в священный город Мекку для богослужения у могилы пророка. Впереди каравана паломников, в соответствии с обычаем, от самого Аламута несли священное знамя, а обычная в подобных случаях^[59] раздача воды паломникам женщинами из гарема горного владыки осуществлялась с

таким размахом и щедростью, что более чем затмила щедроты великого шаха Хауризма, чей караван на пути в Мекку достиг Багдада в то же самое время. Халиф Насир-ладин-Иллах даже уступил дорогу стягу паломников из Аламута, и данное проявление пристрастности навлекло на него гнев могущественного властителя Хауризма. Последний дважды впоследствии собирал войско на войну с наследником пророка. С первым, состоявшим почти из 300 тысяч человек, он двинулся на Багдад и достиг Хамадана и Холуана, но неистовая снежная буря вынудила его отступить. Во второй раз он собрал свои силы, когда орды Чингисхана вторглись в его владения. Его сын и наследник возобновил реализацию планов отца и дошел до Хамадана, но снова вмешалась снежная буря, не давшая разрушить город мира. Поскольку мощь монгольского завоевателя теперь стала огромной и угрожающей, мудрый властитель Аламута тайно отправил к нему посланника, чтобы заверить в своей покорности и почтении.

Джеллал-эд-Дин принимал более активное участие в политических делах своих соседей, чем его предшественники. Он заключил союз с атабеком Мозаффер-эд-Дином (*Заставляющий Религию побеждать*), правителем Азербайджана, против властителя Ирака, который был их общим врагом. Он даже посетил атабека в его дворце, где был принят с высочайшей роскошью, и атабек ежедневно выделял тысячу динаров для убранства стола гостя. Оба правителя обратились за помощью к халифу и получили ее, вновь выступили в поход, убили иракского государя и назначили нового вместо него. После отсутствия в течение 18 месяцев Джеллал-эд-Дин вернулся в Аламут, успев за это время своими разумными действиями значительно усилить славу о своей правоте. Теперь он задумал породниться с одной из древнейших правящих династий страны – заключить брак с дочерью Кей-Кауса, правителя Гилана. Последний, дав свое согласие, поставил условие – чтобы халиф не возражал. В Багдад были отправлены гонцы, которые быстро вернулись с одобрением Насир-ладин-Иллаха, и принцесса Гиланская была отправлена в Аламут.

Упоминание Гилана и Кей-Кауса дает возможность, которую нельзя упустить, внести разнообразие в повествование, совершив экскурс в другие регионы Персии и ее романтическую литературу,

который позволит бросить луч поэтического света на завершающую часть истории темных и тайных деяний исмаилитов.

Горный район Демавенд, на южном склоне которого расположен Рудбар – территория исмаилитов, составляет северную часть иракской провинции Аджими, или персидского Ирака. Далее до Каспийского моря простираются плодородные территории, частично холмистые, частично – равнинные. Эта страна делилась на пять округов, которые в те времена были обособленными и независимыми друг от друга. У самого подножия гор находились Таберистан и Дилем, первый – на востоке, второй – на западе. Дилем известен тем, что был родиной династии Буяха, которая, поднявшись из неприметного положения с титулом амира-аль-омра (*суверен*), приобрела при халифе почти царскую власть над Персией, удерживая ее в течение полутора веков^[60]. К северу от Дилема располагался Гилан, а к северу от Таберистана – Мазендеран, древняя Гиркания. Между этими четырьмя провинциями находились Руян и Ростемдар, примечательный тем, что в течение 800 лет управлялся одной династией правителей, в то время как в соседних государствах династия за династией возникали и рушились. В этих областях названия королевских родов напоминают о древней истории Ирана (Персии), как реальной, так и вымышленной, о чем повествует поэма Фирдоуси, персидского Гомера. Династия Каупара, которая правила в Руяне и Ростемдаре, утверждала, что берет свое начало от известного кузнеца Гаваха, который поднял свой фартук как знамя революции против ассирийского тирана Зохака. Род Бавенда, который правил почти семь веков, правда с двумя перерывами, в Мазендеране и Таберистане, происходил от старшего брата Нуширвана Справедливого, наиболее прославленного монарха династии Сассанов.

Этот регион – родина персидской литературной классики. Когда, как о том повествуют их романтические легенды, Джимшид, третий иранский монарх после Каямарса, царствовал довольно долго и счастливо, его обуяла гордыня от своего процветания, и Бог лишил его своего расположения. В его владения вторгся Зохак, правитель Таузиса (ассирийцев, или арабов), и подданные отступились от него. И после продолжительных скитаний по разным укромным местам он попал в руки победителя, который пилой разрезал его на куски. От потомков Джимшида был рожден ребенок Феридун, которого, как только он появился на свет (в деревне Вереги в Таберистане), его мать Фаранук

отдала на воспитание пастуху, и он вскармливался молоком буйволицы по кличке Пурмайех. Зохаку между тем привиделся сон, в котором ему явились два воина, приведшие с собой третьего, вооруженного дубиной, набалдашник которой был в виде головы коровы. Воин ударил его по голове этой дубиной, схватил и приковал цепью в горной пещере. Зохак с криком проснулся и велел позвать к себе всех священников, астрологов и мудрецов, чтобы они истолковали этот сон. Те боялись вымолвить хоть слово, но потом рассказали о рождении и вскармливании Феридуна, которому было предначертано низвергнуть его. От этой новости Зохак оцепенел. Придя в себя, он послал гонцов во все концы страны, чтобы те нашли и убили рокового ребенка. Однако Фаранук была начеку, и она отвезла сына к знаменитой горе Эльбурз, где оставила его на попечение благочестивому отшельнику. После долгих поисков Зохак нашел то место, где первоначально был спрятан Феридун своей матерью, и в гневе он убил прекрасную и ни в чем не повинную буйволицу Пурмайех.

Зохак изображается самым отвратительным тираном. Действуя по наущению дьявола, он убил собственного отца, чтобы взойти на трон. После этого его советник из преисподней принял облик юноши и стал его поваром. Он готовил ему самые разнообразные необычайные и изысканные блюда, после которых обычная человеческая пища была грубой и безвкусной. В качестве вознаграждения он просил лишь об одном – разрешении поцеловать плечо короля. Зохак с готовностью согласился с этим на вид умеренным требованием. Однако из тех мест, которых коснулись губы дьявола, выросли две черных змеи. Напрасно были перепробованы все возможные способы избавиться от них, тщетно их пытались отрезать, как растения, они вырастали вновь. Лекарши были в замешательстве. Наконец, сам дьявол пришел под видом лекаря и сказал, что единственное средство удерживать их в спокойствии – это кормить их человеческим мозгом. Утверждается, что целью дьявола было избавиться таким образом от всего человеческого рода.

Казалось, что замысел дьявола будет осуществлен. Каждый день убивалось по два человека и змей кормили их мозгом. Со временем двое из поваров тирана обнаружили, что мозг человека, смешанный с мозгом барана, столь же хорошо удовлетворяет монстров. И из тех двух человек, которых ежедневно отправляли к ним на заклание, они

тайно одного отпускали. Те, кто таким образом спасся, стали прародителями курдов, поселившихся в горах к западу от Персии. Среди же обреченных стать пищей для змеев был сын кузнеца Гаваха. Пораженный до глубины души отец отважно предстал перед тираном и стал возражать против несправедливости такого деяния. Зохак спокойно выслушал его и отпустил сына. Он также выдал ему грамоту, адресованную ко всем провинциям империи, превозносящую добродетели тирана и призывающую всех поддержать его в борьбе с юным претендентом на трон. Однако Гавах, вместо того чтобы выполнить предписание, разорвал послание тирана и, подняв свой кожаный фартук на копье подобно знамени, призвал всех жителей Ирана подняться с оружием в руках на защиту Феридуна, законного наследника трона Джимшида.

Тем временем Феридун, достигший шестнадцатилетия, спустился с Эльбурза и, придя к своей матери, стал умолять ее рассказать, от кого он был рожден. Фаранук все ему рассказала, после чего юный герой в душевном порыве поклялся сразиться с тираном и отомстить ему за гибель отца. Но его мать, учитывая огромную силу Зохака, молила отказаться от этой цели, заклиная оставить все подобные мысли и спокойно радоваться всему хорошему, что есть в жизни. Но тут появилась многочисленная армия во главе с Гавахом, ищущая законного наследника трона. Феридун радостно вышел им навстречу. Украсив кожаный флаг золотом и драгоценными камнями и нарисовав на нем луну, дал ему название Дирефш-и-Гавани (*Фартук Гаваха*) и избрал его в качестве флага Иранской империи. Каждый последующий король, как гласит легенда, добавлял на него по драгоценному камню, и Дирефш-и-Гавани сверкал на поле битвы, как солнце. Затем Феридун позвал кузнецов и на песке нарисовал для них дубину с головой буйвола на конце, а когда те сделали ее, назвал палицу Гоупейгор (*Коровья морда*) в память о своей кормилице. Покинув свою мать, он выступил против тирана. Ангел спустился с небес, чтобы помочь правому делу, и войска Зохака бросают своего властителя, он попадает в руки Феридуна, который, по наставлению ангела, заключает его в пещеру горы Демавенд. Феридун, вступив на трон своих предков, правил столь милосердно, решительно и справедливо, что его имя в Персии до сих пор символизирует идеал совершенного монарха^[61].

Мазендеран не менее прославлен в персидской литературе, чем регион у подножия Демавенда. Он был ареной опасностей, с которыми столкнулся легкомысленный Кей-Каус (как предполагается, Киаксар в греческой литературе), и сказочных приключений под названием «Семь подвигов витязя Ростема», этого персидского Геркулеса, который пришел ему на помощь. Когда Кей-Каус взошел на трон Ирана, он упивался своим богатством и властью. Дэв (демон), стремящийся заманить его в ловушку и уничтожить, принял образ странствующего менестреля и, явившись к нему ко двору, стал умолять разрешить ему спеть перед падишахом (императором). Ему позволили, он запел, восхваляя Мазендеран: «Мазендеран стоит того, чтобы шах задумался о нем; розы вечно цветут в его садах; его холмы украшены тюльпанами и жасмином, воздух нежен, земля ярка в своих красках, ни холод, ни жара не угнетают прекрасную страну, весна навеки пребывает там, соловьи поют не переставая в садах, и олени счастливо гуляют по лесам. Почва никогда не устает приносить плоды, воздух всегда наполнен благоуханием, розовой воде подобны потоки, тюльпаны беспрерывно цветут на лугах, реки чисты, а их берега улыбаются, там всегда ты сможешь видеть охотящегося сокола. Все области там процветают изобилием пищи, безмерны накопленные там сокровища, цветы склоняются в почтенье перед тронном, а вокруг него стоят люди в богатом золотом облачении. Кто не жил там, тот не знал удовольствий, поскольку неведомы тому времена радости и богатства».

Рис. 2. Иллюстрация к поэме Фирдоуси «Шахнаме»

Рис. 3. Иллюстрация к поэме Фирдоуси «Шахнаме»

Кей-Каус был легко обманут искусителем и, желая завладеть столь богатой страной, повел туда огромную армию. Шаху Мазендерана помог сильный демон и колдун по имени див Сеффид (*Белый див*), напустивший своим волшебством на иранского шаха и его войско непроглядную тьму, в которой они все были бы уничтожены, если бы вовремя не прибыл Ростем, который, преодолев все выстроенные на его пути магические препятствия, убил дива Сеффида и освободил своего правителя.

Кей-Каус, как дальше рассказывает поэт, разработал безумный проект вознесения на небо, который он попытался осуществить следующим образом. Был построен помост, на котором разместили трон для монарха, по его углам поставили четыре дротика с кусками козьего мяса на них и привязали четырех голодных орлов внизу. Птицы, стараясь добраться до мяса, подняли помост в воздух, однако,

когда их силы иссякли, вся конструкция с королем-аэронавтом рухнула в пустыню, где он был найден Ростемом и другими воинами.

Судьба книги «Шахнаме» (*Книга царей*), в которой содержатся эти легенды, является одной из самых любопытных в литературе. Фанатичные арабы, которые захватили Персию, бешено ненавидели всякую литературу без разбору, равно как и религию этой страны. А когда во времена аль-Мансура и его преемников Харуна ар-Рашида и аль-Мамуна арабы сами начали уделять внимание литературе и науке, то стали развивать греческие науки и поэзию на своем родном языке. Персидская же литература в это время чахла в забвении, и традиционный, героический и мифологический эпос этой нации стирался из памяти. Но правитель одной из областей, ревностно относившийся, как выяснилось, к достоянию персидской нации, собрал его в коллекцию, объединив все в единое прозаическое повествование. Получившуюся книгу называли «Бостан-наме» (*Книга-сад*). Она пользовалась огромной славой в Северной Персии, где, вдали от дворцов халифов, персидские обычаи, язык и национальный характер сохранились гораздо лучше. А когда турецкая династия Самени основала империю в этой части Персии, султан Мансур I из этого рода приказал поэту Дакики переложить «Бостан-наме» в стихи на персидском языке. Поэт принялся за работу, но успел написать не более тысячи строк, как погиб от рук убийцы. Не нашлось никого, кто был бы в состоянии продолжить его работу, и она приостановилась более чем на 20 лет, пока прославленный Махмуд Гизни, покоритель Индии, ознакомившись с «Бостан-наме», не передал его трем наиболее известным поэтам своего времени по одной из его частей для переложения в стихи. Пальма первенства была присуждена Ансери, который в поэтической форме передал легенду о Сохрабе, убитом своим отцом Ростемом, – одну из наиболее трогательных и волнующих историй, написанных на каком-либо языке. Султан присудил ему звание Царя поэтов и повелел положить на стихи всю книгу. Однако Ансери, не уверенный в своих силах, уклонился от этой работы, и некоторое время спустя познакомился в Хорасане с сыном Шерифшаха, поэтом из Тузы Исааком по прозвищу Фирдоуси (*Райский*^[62]). Ансери представил того султану, который с удовольствием поручил работу Фирдоуси. Поэт с энтузиазмом принялся за работу во славу своей страны, и в течение 30, а по некоторым оценкам – всего лишь 8,

лет он почти закончил поэму, не дописав около 2 тысяч строк, которые были добавлены другим автором уже после смерти Фирдоуси.

«Шахнаме» не имеет себе равных и является лучшей поэмой мусульманского Востока. Она состоит из 60 тысяч рифмованных двустиший и охватывает историю Персии от древних времен до момента ее завоевания арабами. Повествование ведется воодушевленно и живо, больше напоминая западную лирическую, нежели обычную героическую поэзию.

Фирдоуси писал свою поэму в начале XI века по книге, которая существовала задолго до него, он упоминает ее как «старая книга». Поэтому не требуется доказательств, что он не придумал легенды, представленные в «Шахнаме», они выглядят именно как древние, передававшиеся из поколения в поколение персидским народом. Эти легенды были широко распространены в Персии почти за шесть веков до него. Именно для того, чтобы обозначить этот любопытный факт, и была главным образом приведена выше легенда о Зохаке и Феридуне.

Армянский историк Моисей Хоренский, который описывал 440 год, следующим образом относился к человеку, которому была посвящена его работа: «Как поверхностные и пустые небылицы о Бюраспе Астиаге могли добиться хоть какой-то твоей благосклонности или же почему ты навязываешься нам утомительным толкованием абсурдных, безвкусных, бессмысленных сказаний персов о нем? А именно о его первой вредоносной выгоде, полученной от служащих ему демонических сил, и как не могли обмануть они того, кто сам был обманом и ложью? Затем о поцелуе в плечо, откуда появились змеи, и как после этого приумноженное зло уничтожало человечество, насыщая чрево, до тех пор пока в конце концов некий Родон не заковал его в медные цепи и не заточил в горе под названием Демавенд, о том, как Бюрасп был волочен по холму Родоном, как тот заснул по дороге, но проснулся и дотащил пленника до пещеры в горе и напротив поместил рисунок, так чтобы, страшась его и удерживаемый цепями, он никогда больше не сбежал и не уничтожил мир».

Здесь, несомненно, целиком пересказывается история о Зохаке и Феридуне, ходившая в Персии в V веке, и все, кто задумывался об особенностях древних преданий, должен был сознавать, что они существовали там многими веками ранее. Даже имена почти такие же. Если убрать первый слог из имени Феридун, оно становится почти

Родон, а Бюраспи Аждахаки (имя в армянском тексте) означает дракона Бюраспа: Зохака, очевидно, очень схоже с последним словом. Это сказание вряд ли могло быть придумано во времена династии Сасанидов, которые к тому времени были на троне еще не более двух веков, и еще менее вероятно это в период властвования парфянских Аршакидов, которым претило все персидское. Поэтому необходимо перенестись еще в более ранние времена Кейанидов, или Ахеменидов у греков. И вполне вероятно, что сказание о Зохаке и Феридуне было известно войску, которое Ксеркс вел на покорение Греции.

Тем, кто сведущ в восточной истории, хорошо известно, что, когда основатель династии Сасанидов взошел на персидский трон в 226 году, он приказал восстановить все, насколько это возможно, до того состояния, которое существовало во времена Кейанидов, от которых он, по собственным утверждениям, якобы происходил. Его преемники последовали по его стопам. Однако поскольку Персия на протяжении пяти с половиной веков находилась под властью греков и парфян, вполне возможно, что достоверных сведений о положении дел в древности не осталось. Выход был найден в обращении к передававшимся из уст в уста легендам этой страны, а поскольку сказание о Зохаке и Феридуне, как было показано выше, было одним из наиболее примечательных из них, оно тут же было принято как подлинная часть национальной истории, и было создано знамя, олицетворяющее Фартук Гаваха, которое, согласно описанию поэта, украшалось новым драгоценным камнем с приходом каждого очередного монарха династии Сасанидов. Эта гипотеза очень легко объясняет то обстоятельство, что это знамя осталось совершенно не замеченным греческими летописцами, в то время как неоспоримым фактом является его захват арабами в битве при Кадисе, положивший конец могуществу Персии, – ситуация, которая поставила в тупик сэра Джона Малколма.

И наконец, можно упомянуть, что историки и некоторые другие обоснованно полагают, что тьма, обрушившаяся по магии Белого дива на Кей-Кауса с его армией в Мазендеране, совпадает с солнечным затмением, предсказанным Фалесом и которое, по Геродоту, заставило расступиться армии медийцев и лидийцев, готовившихся сразиться друг с другом. Однако, как представляется, не следует придавать большое значение подобным совпадениям. Сказаниям не свойственно

сохранять в памяти подобного рода факты, а вымысел их вполне возможен. Единственными сведениями, присутствующими в ранних частях «Шахнаме» и согласующимися с греческой историей, являются те, что повествуют о юности Кей-Хусру и которые очень похожи на то, что Геродот писал о Кире Великом.

Глава 10 (продолжение)

Смерть Джеллал-эд-Дина. – Характеристика Ала-эд-Дина, его преемника. – Шейх Джемал-эд-Дин. – Астроном Насир-эд-Дин. – Визирь Шериф аль-Мульк. – Смерть Ала-эд-Дина. – Приход к власти Рукн-эд-Дина, последнего шейха аль-Джебала

Правление Джеллал-эд-Дина, которое, к несчастью для общества, длилось всего лишь двенадцать лет, не было запятнано кровью. И нет оснований ставить под сомнение выводы историков-востоковедов, полагающих, что его вера в ислам была искренней и непорочной. Возможно, его добродетель и стала причиной смерти, поскольку его жизнь, как поговаривали, была прервана ядом, подсыпанным его собственной родней. Его сын Ала-эд-Дин^[63] (*Величие Религии*), пришедший ему на смену, был всего восьми лет от роду, однако, в соответствии с учением исмаилитов, он, как зримый представитель имама, в определенной степени был лишен обычных несовершенств людей, и его команды расценивались как исходящие от того, чьи полномочия он представлял. Юному Ала-эд-Дину подчинялись так же безоговорочно, как любому из его предшественников. По его приказу кровь пролили все родственники, кто был заподозрен в причастности к убийству отца.

Ала-эд-Дин оказался слабым, неумелым правителем. Его интересы распространялись на кормление и присмотр за овцами, все свои дни он проводил в загонах среди пастухов, в то время как дела общества были пущены на самотек. Все введенные его отцом ограничения были отменены, и каждому было позволено делать то, что он сам считал правильным. Слабые умственные способности данного правителя приписываются тому обстоятельству, что на пятом году правления у него само по себе открылось обильное кровотечение, и его целитель не знал причин. Результатом этого стала крайняя степень немощности и меланхоличность, которая более его никогда не покидала. С этого времени никто не отваживался дать ему совет ни

относительно его здоровья, ни по состоянию дел в обществе, не рискуя при этом быть «вознагражденным» пыткой или немедленной смертью. Потому от него все скрывалось, и у главы общества не было ни друга, ни советника.

И все же Ала-эд-Дин не был лишен достойных качеств. Он уважал и ценил знания и ученых людей. Так, по любому возможному случаю он проявлял почтение к шейху Джемал-эд-Дину Ги́ли, жившему в Касвине, и высылал ему ежегодно в дар 500 динаров на покрытие его бытовых расходов. Когда жители Касвина обвинили ученого шейха в том, что тот живет на щедроты неверных, он ответил: «Имамы объявили, что казнить исмаилитов и конфисковать их имущество законно. Не является ли еще более законным воспользоваться их собственностью и деньгами человеку, если они отдают их добровольно?» Ала-эд-Дин, который, вероятно, узнал об обвинениях против его друга, довел до сведения жителей Касвина, что исключительно ради шейха он не трогает их, в противном случае он бы насыпал землю Касвина в мешки, надел бы их на шеи жителей города и привел бы всех в Аламут. Имеется и следующий пример уважительного отношения к шейху. Гонец с письмом от шейха был настолько опрометчив, что передал его, когда горный властитель был пьян. Ала-эд-Дин приказал дать тому сто ударов по пяткам, выкрикнув при этом: «О безмозглый дурак, подать мне письмо от шейха, когда я был пьян! Тебе следовало дожидаться, когда я выйду из купальни и приду в чувство».

Прославленный астроном Насир-эд-Дин (*Победа Религии*) также заслужил расположение Ала-эд-Дина, который стремился к общению с ним. Однако философ, проживавший в Бокаре, не проявил ни малейшего желания принять его. Ала-эд-Дин поэтому приказал дай-аль-кебиру в Кухистане доставить несговорчивого мудреца в Аламут. Когда Насир-эд-Дин однажды прогуливался в садах в пригороде Бокары, его внезапно окружили какие-то люди, которые, указав на лошадь, заставили его сесть на нее, сказав, что тому нечего бояться, если он будет вести себя спокойно. Астроном напрасно спорил и протестовал, он был уже далеко по дороге на Кухистан, который был в 600 милях от Бокары, прежде чем его друзья узнали о случившемся. Правитель Кухистана извинялся как мог за то, что был вынужден сделать. Философ был отправлен в Аламут, чтобы предстать перед

Ала-эд-Дином, и именно в период его пребывания там им была написана прекрасная книга под названием «Наставления Насира» (*Аклаак-Насири*)^[64].

При правлении Ала-эд-Дина произошло следующее событие, которое очень хорошо демонстрирует образ действия ассасинов. Султан Джеллал-эд-Дин, последний властитель Хауризма, хорошо известный своим героическим сопротивлением Чингисхану, поставил эмира Аркана губернатором в Нишабур, который тесно граничил с исмаилитской территорией Кухиستانом. В отсутствие Аркана, который потребовался султану, оставленный им вместо себя заместитель совершил несколько разрушительных набегов на Кухистан, разорив области Тим и Кайн. Исмаилиты потребовали возместить ущерб, однако единственным ответом на их жалобы и угрозы со стороны заместителя губернатора стал лишь один из обычных для Востока символических жестов: навстречу эмиссару он вышел в поясе, за которым была заткнута охапка кинжалов, которые он бросил к ногам исмаилита либо в знак того, что не опасается кинжалов их общества, либо давая понять, что сам может играть с ними по тем же правилам. Однако исмаилиты не относились к числу тех, кого можно было безнаказанно провоцировать, и вскоре после этого трое фидави отправились в Кунжу, где Аркан находился в свите султана. Они подстерегли эмира, когда он вышел за стены города, напали и убили его. Затем поспешили к дому визиря Шерифа аль-Мулька (*Благородство Религии*) и проникли в его спальню. К счастью, в это время он был на приеме у султана, и убийцы его не застали, а только тяжело ранили одного из его слуг. Затем они отправились на улицы города и, торжественно шествуя, во всеуслышание стали заявлять, что они ассасины. Тем не менее они не смогли скрыться, не поплатившись за свое безрассудство, – столпившиеся жители забили их камнями насмерть.

Посланник исмаилитов по имени Бедр-эд-Дин (*Полнолуние Религии*) Ахмед между тем держал путь ко двору султана. Он сразу же остановился, как только узнал о том, что произошло, и послал гонца к визирю узнать, следует ли ему продолжить свой путь или вернуться обратно. Шериф аль-Мульк, боявшийся обидеть ассасинов, попросил его продолжить путь и, когда тот прибыл, продемонстрировал ему все свое уважение. Целью миссии Бедр-эд-Дина было получение

компенсации за грабежи, совершенные на территории исмаилитов, и передача крепости Дамаган. Визирь пообещал удовлетворить первое требование, ни секунды не колеблясь, и относительно второго требования у него возникло не больше затруднений. Был составлен документ, передающий исмаилитам крепость, которую они жаждали получить на условии выплаты ими ежегодно в королевскую казну суммы в 30 тысяч золотых монет.

Когда дела были улажены, султан отправился в Азербайджан, а посол исмаилитов остался гостем визиря. В один из дней после пышного пира, когда вино, которое они пили в нарушение запрета, ударило им в голову, посол рассказал визирю на условиях конфиденциальности, что среди пажей, слуг, стражников и другой прислуги было несколько исмаилитов, которые были непосредственно вокруг султана. Визирь, приведенный в смятение и одновременно любопытствующий узнать, кто из obsługi представляет опасность, стал умолять посла указать на них и в качестве гарантии, что ничего дурного с ними не произойдет, подарил свой платок. Немедленно по сигналу посланника пять человек из числа обслуживавших палату слуг выступили вперед, признав себя ассасинами. «В такой день и в такой час, – сказал один из них визирю, – я мог бы убить тебя никем не замеченный и безнаказанный. И если я этого не сделал, то лишь потому, что у меня не было приказа от моих повелителей». Визирь, боязливый от природы и еще больше запуганный действием вина, разделся до рубахи и взмолился к их душам, чтоб они сохранили ему жизнь, заявив, что он столь же верный раб шейха Ала-эд-Дина, как и султана Джеллал-эд-Дина.

Как только султан узнал о бесхребетности и трусости своего визиря, он выслал гонца с самыми резкими укорами и приказом без промедления сжечь заживо пятерых исмаилитов. Визирь, хоть и не желал, но был вынужден подчиниться и в нарушение своего обещания отправил пятерых слуг на костер, в котором те сгорели, возликовав, что оказались достойными мучений в услужение великого шейха аль-Джебала. К смерти был приговорен и визирь, допустивший на службу исмаилитов. После этого султан уехал в Ирак, оставив визиря в Азербайджане. Пока он был там, к нему прибыл посланник из Аламута, который, получив аудиенцию, молвил следующее: «Ты отправил пятерых исмаилитов на костер. Во искупление их жизни

заплати 10 тысяч золотом за каждого из этих несчастных». Визирь осыпал почестями гонца и приказал своему секретарю подготовить обычную форму документа, которым он обязывался платить исмаилитам ежегодно 10 тысяч золотых, помимо того, что он за них будет вносить в казну султана 30 тысяч. Шериф аль-Мульк после этого был заверен, что он может больше ничего не опасаться.

Вышеприведенная весьма примечательная история основывается на надежном источнике, поскольку рассказана Абу-эль-Фита Низави, секретарем визира в жизнеописании султана Джеллал-эд-Дина.

Астроном Насир-эд-Дин был не единственным пленником Аламута. Ала-эд-Дин послал как-то просьбу к атабеку Мозаффару-эд-Дину в Фаристан, чтобы тот отправил ему талантливого лекаря. Просьбы из Аламута нелегко было игнорировать, и атабек направил имама Беха-эд-Дина, одного из наиболее известных врачей своего времени, в горы Джебала. Знания имама оказали огромную помощь властителю, но, когда лекарь попросил разрешения вернуться к своей семье, выяснилось, что все отпущенные ему дни суждено провести в Аламуте, если только он не переживет своего пациента.

Освобождение имама тем не менее произошло быстрее, чем он ожидал. Ала-эд-Дин, у которого было несколько детей, назначил старшего из них, Рукн-эд-Дина (*Поддержка Религии*), своим наследником, когда тот был еще ребенком. По мере того как Рукн-эд-Дин вырос, ему начали выказывать такое же уважение, как и отцу, и расценивать его команды столь же обязательными к выполнению. Ала-эд-Дин был обижен и заявил, что передаст право наследования другому ребенку, однако, поскольку это напрямую нарушало один из принципов исмаилитов, а именно что первое наречение наследником всегда единственно верное, на это никто не обратил внимания. Рукн-эд-Дин, опасаясь за свою жизнь, которой теперь угрожал отец, удалился в надежную крепость, где мог бы ждать времени, когда его позовут на смену. Между тем тирания и капризность Ала-эд-Дина дали повод многим влиятельным лицам вокруг него опасаться и за свою жизнь, и они решили упредить его. В Аламуте был человек по имени Хасан, уроженец Мазендерана, который хоть и не был исмаилитом, имел мерзкую и распутную натуру. Он был объектом ухаживаний со стороны Ала-эд-Дина и соответственно имел свободный и постоянный доступ к нему. На нем был остановлен выбор как на агенте, и

завербовать его оказалось несложным. Ала-эд-Дин, чья любовь к кормлению и уходу за овцами никогда не уменьшалась, построил для себя деревянный дом рядом с загоном для овец, в котором он собирался жить после ухода от дел и где он потворствовал своей тяге ко всевозможным излишествам. Хасан из Мазендерана улучил момент, когда Ала-эд-Дин лежал пьяным в этом доме, и выстрелил ему в шею стрелой. Рукн-эд-Дин, который, по слухам, был соучастником заговора, приняв на себя роль кровного мстителя, казнил убийцу и всю его семью, а тела их предал огню. Однако подобный акт показательной справедливости не освободил Рукн-эд-Дина от подозрений, и жесткие обвинения в отцеубийстве посыпались на него со стороны матери.

Потеря исмаилитами своего влияния уже началась. Рукн-эд-Дин едва взошел на престол, как узнал, что приближается враг, любое сопротивление которому бесполезно.

Глава 11

Монголы. – Против исмаилитов выслан Хулагу. – Рукн-эд-Дин подчиняется. – Захват Аламута. – Уничтожение библиотеки. – Судьба Рукн-эд-Дина. – Расправа над исмаилитами. – Святой Луис и ассасины. – Миссионерская деятельность по обращению жителей Кухистана. – Заключение

Полвека прошло с того момента, когда глас монгольского пророка на берегах Зелинга сообщил племенам этой нации о своем видении, в котором Великий Бог, восседая на своем троне, объявил, что один из их вождей Тимуджин должен стать Чингисханом (*Великий хан*), и подчинившиеся племена, возглавляемые Тимуджином, начали свой успешный завоевательный поход, растянувшийся от края Азии до границ Египта и Германии. Теперь верховная власть над монголами была в руках Мангу, внука Чингисхана и правителя, который стал известен европейцам преимущественно благодаря долгому пребыванию при его дворе известного венецианца Марко Поло. Монголы еще не вторглись в Персию, хотя при самом Чингисхане они уже низвергли и лишили владений могущественного султана Хауризма. Тем не менее было очевидно, что этой стране не избежать судьбы столь многих обширных и мощных государств и очень скоро будет найден повод, чтобы ее заповолонили орды монголов.

Рассказывается, хотя это и не выглядит правдоподобно, что к Невиану, монгольскому военачальнику, контролировавшему северные границы Персии, приехали посланники от халифа Багдада, попросившие сопроводить их ко двору Мангу. Целью их миссии было намерение убедить Великого хана выслать его непобедимые войска, чтобы избавиться от этого отребья – банд исмаилитов. Мольба посланников была поддержана Верховным судьей Касвина, который в это же самое время находился при дворе Мангу, где он появился одетым в кольчугу, чтобы защититься, как он объяснил, от кинжалов ассасинов. Хан приказал собрать армию. Его брат Хулагу был поставлен во главе ее, и, когда он был готов выдвинуться вперед,

Мангу обратился к нему со следующей речью: «С тяжелой кавалерией и мощным войском я посылаю тебя из Турана в Иран, страну могущественных царей. Тебе надлежит теперь строго соблюдать и в большом, и в малом законы и установления Чингисхана и покорить страны от Оксуса до Нила. Приближай к себе благодарностью и наградами покорных и смиренных, беспощадно обращай в пыль забвения и невзгод всех непокорных и сопротивляющихся вместе с женами и детьми. Когда ты покончишь так с ассасинами, начни завоевание Ирака. Если халиф Багдада выйдет навстречу с готовностью служить тебе, ты не должен причинять ему вреда, если откажется, пусть разделит участь остальных».

Армия Хулагу была усилена тысячью китайских огнеметателей для управления осадными орудиями и забрасывания горючей нефти, известной в Европе под названием «греческого огня». Она выступила в месяц Рамадан 651 года от хиджры (1253 н. э.). Поход Хулагу был настолько неспешным, что два года спустя он еще не пересек Оксус. На противоположном берегу этой реки он предался развлечению охотой на львов, однако наступили такие сильные холода, что большая часть лошадей погибла, и ему пришлось ждать следующей весны, прежде чем продолжить поход. Все владетели стран, которым угрожала опасность, высылали в монгольский лагерь эмиссаров, чтобы заявить о своей покорности и повиновении. Ставка Хулагу теперь располагалась в Хорасане, откуда он направил послов к Рукн-эд-Дину, правителю исмаилитов, требуя подчинения. По совету астронома Насир-эд-Дина, который был его советником и министром, Рукн-эд-Дин послал письмо к Байссуру Нубину, одному из военачальников Хулагу, наступавшему на Хамадан, с заявлением о покорности и намерении жить в мире со всеми. Монгольский генерал рекомендовал Рукн-эд-Дину, поскольку сам Хулагу уже приближался, дожждаться и обратиться к тому лично. После некоторой задержки верховный исмаилит согласился направить своего брата Шахиншаха в сопровождении сына Байссура в расположение войск монгольского владыки. Между тем Байссур, по приказу Хулагу, вторгся на территорию исмаилитов и подошел к Аламуту. Войска ассасинов заняли высокий холм вблизи этого места. Монголы атаковали их, но отбрасывались прочь при каждой попытке штурма. Вынужденные

прекратить атаки, они занялись сожжением жилищ и разграблением близлежащих селений.

Когда Шахиншах добрался до лагеря Хулагу и уведомил о готовности его брата покориться, горному властителю были направлены следующие приказы: «Поскольку Рукн-эд-Дин направил к нам своего брата, мы прощаем ему преступления его отца и его последователей. Он же сам, учитывая, что за время своего краткого правления не был виновен ни в каких преступлениях, должен разрушить свои замки и явиться к нам». Одновременно были направлены приказы Байссуру о прекращении разграбления Рудбара. Рукн-эд-Дин начал сносить часть из укреплений Аламута и вместе с этим попросил отложить на год свое появление перед Хулагу. Однако приказы монголов были обязательными для исполнения. От него потребовали прибыть немедленно и передать защиту своих территорий монгольскому представителю, исполняющему приказы Хулагу. Рукн-эд-Дин сомневался. Он вновь послал отговорки и попросил больше времени. Также в доказательство своей покорности он приказал правителям Кухистана и Кирдкоха отправиться в лагерь к монголам. Знамена Хулагу теперь развивались у подножия Демавенда вблизи исмаилитской территории, и снова пришли приказы в Маймундиз, где укрылся Рукн-эд-Дин со своей семьей: «Правитель мира теперь прибыл к Демавенду, и медлить больше нельзя. Если Рукн-эд-Дин желает несколько дней подождать, он на это время может направить своего сына». Испуганный властитель заявил о готовности послать своего сына, но, поддавшись уговорам своих женщин и советников, вместо своего собственного отправил сына раба того же возраста, попросив, чтобы его брат мог вернуться. Хулагу вскоре узнал о подлоге, но посчитал недостойным отвечать на это иначе, как отослав обратно ребенка, сказав, что тот слишком юн, и запросив его старшего брата, если таковой имеется, взамен Шахиншаха. Одновременно он отпустил Шахиншаха со словами: «Скажи своему брату разрушить Маймундиз и прийти ко мне. Если его не будет, Всевышний знает, что последует».

Монгольские войска теперь занимали все холмы и долины, а Хулагу лично появился перед Маймундизом. Ассасины сражались храбро, но Рукн-эд-Дину не хватило духу стоять до конца. Он послал к монгольскому властителю своего другого брата, сына, визиря Насир-

эд-Дина и высокопоставленных представителей общества с богатыми подарками. Насир-эд-Дину надлежало превознести силу исмаилитских укреплений, чтобы получить благоприятные условия для своего хозяина, но вместо этого он сказал Хулагу не обращать на них внимания, заверив, что звезды сошлись в предсказании падения исмаилитов и солнце их могущества быстро катится к закату. Была достигнута договоренность о сдаче крепости на условии предоставления права выхода. Рукн-эд-Дин, его министры и друзья вошли в лагерь монголов в первый день месяца зу-эль-кадех. Его богатства были разделены между монгольскими войсками. Хулагу проявил сострадание, говорил с ним мягко и принимал как гостя. Насир-эд-Дин стал визирем у завоевателя, который впоследствии построил для него обсерваторию в Мераге.

Монгольские военачальники были направлены во все крепости исмаилитов в Кухистане, Рудбаре и даже в Сирии с приказами от Рукн-эд-Дина к комендантам сдаться или разрушить их. Таких сильных крепостей было более сотни, и в одном лишь Рудбаре было разрушено более сорока. Три из наиболее укрепленных замков в этой провинции, а именно Аламут, Ламсир и Кирдкох, не спешили подчиниться, их управители на требования монголов отвечали, что будут ждать, пока Хулагу появится лично. Через несколько дней монгольский завоеватель со своими пленниками был у Аламута. Рукн-эд-Дин был приведен к стенам и приказал коменданту сдаться. На его приказ внимания не обратили, и Хулагу, не теряя времени, переместил свой лагерь к Ламсиру, оставив часть войск на осаду Аламута. Жители Ламсира незамедлительно вышли, присягнув на верность, а несколько дней спустя прибыли посланцы из Аламута, уговаривая Рукн-эд-Дина заступиться за них перед братом Мангу. Завоеватель проявил сдержанность, он позволил им свободно покинуть город, дав три дня на то, чтобы вывезти свои семьи и пожитки. На третий день монгольские войска получили разрешение на вход и разграбление крепости. Они устремились, жаждая добычи, в доселе неприступное, теперь покинутое орлиное гнездо и вычистив его от всего, что только там осталось. Обшаривая подземные тайники в поисках сокровищ, им часто, к своему изумлению, приходилось проваливаться в мед или плавать в вине, поскольку там находились большие резервуары с вином, медом и зерном, вырубленные в плотной скале, обладавшей

такими свойствами, что хотя, как утверждается, они были заполнены еще во времена Хасана Сабаха, зерно осталось неиспорченным, а вино не скисло. Это необычное явление было расценено исмаилитами как чудо, сотворенное основателем их общества.

Когда Аламут попал в руки к монголам, Ата-Мелек (*Отец короля*) Джовани, прославленный визирь и историк, стал умолять Хулагу разрешить осмотреть хорошо известную библиотеку этого замка, которая была создана Хасаном Сабахом и расширена его преемниками, чтобы отобрать из нее те труды, которые будут достойны оказаться в руках хана. Разрешение было с готовностью дано, и он начал изучение книг. Но Ата-Мелек был или слишком убежденным правоверным мусульманином, или слишком ленивым исследователем, чтобы наилучшим образом использовать представившуюся ему возможность. Все, что он сделал, – это, используя простой метод, отобрал из коллекции Коран и несколько других книг, которые ему показались ценными, а остальное вместе со всем философскими атрибутами отправил в пламя костра, как нечестивое и еретическое. Так были уничтожены все архивы общества, а наш единственный источник информации относительно доктрины, законов и истории составляет то, что сам Ата-Мелек рассказал в своих воспоминаниях по результатам поисков в архивах и книгах аламутской библиотеки до свершения над ними аутодафе.

Судьба последнего представителя династии, насколько бы невзрачным и незначительным ни был его образ, всегда интересна именно тем обстоятельством, что он был последним и, следовательно, воплощал в себе историю всех своих предшественников. Поэтому следует дорассказать историю о немощном Рукн-эд-Дине.

Когда Хулагу, по завершении своей военной кампании в Рудбаре, вернулся в Хамадан, где оставил своих детей, он взял с собой Рукн-эд-Дина, с которым продолжал обращаться по-доброму. Здесь правитель ассасинов был очарован одной монголкой из очень низкого сословия. Он испросил у Хулагу разрешения жениться на ней, и по распоряжению правителя свадьбу отпраздновали крупными торжествами. Затем Рукн-эд-Дин взмолился послать его ко двору Мангу-хана. Хулагу, хотя и удивленный такой просьбой, также пошел навстречу и в качестве сопровождения отправил отряд монгольских воинов. Одновременно он наказал по дороге заставить гарнизон

Кирдкоха, который продолжал оказывать сопротивление, сдаться и разрушить крепость. Рукн-эд-Дин, проезжая мимо Кирдкоха, сделал, как ему было велено, но в личной записке коменданту в то же самое время написал, чтобы тот держался, сколько это будет возможно. По прибытии в Кара-Курум, резиденцию хана, ему не предоставили аудиенции, но передали следующую записку: «Так говорит Мангу: Ежели ты демонстрируешь покорность нам, почему не была сдана крепость Кирдкох? Возвращайся и сровняй с землей все оставшиеся замки, тогда ты сможешь быть удостоенным чести видеть наш императорский лик». Рукн-эд-Дин был вынужден вернуться, и вскоре после пересечения реки Оксус его эскорт, вынудив его слезть с коня под предлогом отдыха, зарезал Рукн-эд-Дина своими мечами.

Мангу-хан был решительно настроен на истребление всей расы исмаилитов, и приказы об этом уже достигли Хулагу, который только и ждал их исполнения до тех пор, пока не сдастся Кирдкох. Поскольку защитники этой крепости продолжали сопротивляться, он не рискнул ждать и дальше. Приказы о повальном истреблении были отданы, и 12 тысяч исмаилитов пали их жертвами. Процедура была короткой. Где бы ни был встречен член секты, ему без всякого суда приказывалось встать на колени, и его голова немедленно катилась с плеч. Хулагу послал одного из своих визирей в Касвин, где жила семья Рукн-эд-Дина, и все они были казнены, кроме двух (как утверждается, женщин), которых оставили, чтобы утолить жажду мести принцессы Булган Халун, чей отец Джагатай погиб от кинжалов ассасинов.

Хулагу (который двинулся на Багдад, чтобы положить конец империи халифов) вверил осаду Кирдкоха заботам наместников Мазендерана и Руяна. Крепость оборонялась три года, и ее осада осталась отмеченной таким примечательным и забавным событием. Все произошло в начале весны, когда один поэт по имени Курби из Руяна пришел в лагерь. Он начал петь на диалекте Таберистана известную народную песню о весне, начинающуюся строчками:

Когда солнце из Рыб возвращается в Овна,
Знамена весны развеваются высоко на утреннем
ветру^[65].

Эта песня пробудила в умах военачальников и солдат воспоминания о красотах весны, и непреодолимое стремление к наслаждению ими охватило всю армию. Не думая о последствиях, они прекратили осаду и начали радоваться времени цветов в благоухающих садах Мазендерана. Хулагу был чрезвычайно разгневан, услышав об их поступке, и выслал войска против них, но простил после принесения ими соответствующих извинений и уверений в покорности.

Власти исмаилитов в Персии пришел конец. Халифат, уничтожение которого было их главной целью, был также в процессе крушения, а могущество монголов распространилось на весь Иран. Армия монголов не преуспела в захвате исмаилитских крепостей в Сирии, но по прошествии четырнадцати лет то, чего они не смогли добиться, завершил великий Байбарс, черкесский мамелюк, султан Египта, который упразднил все опорные пункты ассасинов в сирийских горах и уничтожил их власть в этом регионе.

Последнее соприкосновение ассасинов с западными христианами, о котором можно прочитать, было с французским королем Людовиком IX (святым Луисом). Уильям из Нангиса пишет (хотя история и представляется сомнительной), что в 1250 году двое из *арсацидов* были отправлены во Францию убить этого правителя, которому к тому моменту исполнилось лишь 22 года (ошибка в возрасте, поскольку Людовик IX родился в 1214 году и правил с 1226 года. – *Пер.*). Старец Горы, однако, раскаялся и послал других людей предупредить французского монарха. Они прибыли вовремя, первые были раскрыты, за что король осыпал их всех подарками и отпустил с щедрыми дарами для их хозяина.

Не обсуждая далее эту пустую легенду, можно с большей уверенностью положиться на сведения Жана де Жуанвиля о том, что в 1250 году святого Луиса, проживавшего в Акре после его пленения в Египте, ожидали посланцы от Старца Горы, целью которых было добиться при посредничестве короля возмещения дани, уплаченной тамплиерам и госпитальерам. Как бы избегая естественного ответа, который мог бы последовать, посол сказал, что его хозяин посчитал совершенно бесполезным жертвовать своими людьми, убивая руководителей этих орденов, поскольку на смену им незамедлительно будут назначены столь же достойные люди. Это было утром, и король

пожелал, чтобы те к вечеру вернулись. Когда посланники снова появились, при Людовике находились магистры тамплиеров и госпитальеров, которые неоднократно повторенные предложения назвали самыми нелепыми из всех, какие они когда-либо слышали, и заверили посланников, что если бы не благочестивость их собственных душ и уважение к просьбе короля, то они побросали бы визитеров в море. Исмаилитам было велено уйти и в течение пятнадцати дней принести оправдательные документы королю. Те отбыли и, вернувшись к назначенному сроку, сообщили монарху, что их владыка в качестве высочайшего проявления своих дружеских чувств высылает ему свое собственное одеяние и золотое кольцо. Они также принесли шашки и шахматные доски, украшенные янтарем, слона и жирафа (*орафле*) из хрусталя. Король, чтобы не быть превзойденным в щедрости, направил в Массьят посольство с подарками, состоящими из багряниц, золотых чаш и серебряных ваз для главного исмаилита.

Теоретические воззрения будут существовать и распространяться даже через много лет после того, как исповедовавшая их секта или общество потеряло всю светскую власть и почет. Через 70 лет после того, как был разрушен Аламут, в период правления Абу-Зейда, восьмого правителя после Хулагу, выяснилось, что почти все жители Кухистана были приверженцами исмаилитской веры. Монарх, являвшийся правоверным суннитом, посоветовался с правителем этой области, в результате чего было решено послать туда миссионеров из числа образованных и ревностных священнослужителей для обращения еретиков. Во главе этой группы был поставлен благочестивый и правоверный шейх Имад-эд-Дин из Бухары, другими ее членами стали два его сына и четыре других хорошо образованных улема (*законовед*), всего семь человек. Полные энтузиазма и рвущиеся реализовать свои добрые намерения, они отправились в путь. Прибыв в Каин, главный город области, со скорбью и негодованием выяснили, что там нет никого, кто бы исповедовал традиционный ислам. Мечети лежали в руинах, не было слышно ни утренних, ни вечерних призывов к молитве, нельзя было найти ни школы, ни больницы. Имад-эд-Дин решил начать свою миссию с обычного призыва на молитву. Надев в качестве меры предосторожности кольчуги, он и его спутники вошли на террасу замка и все вместе на разные стороны выкрикнули: «Скажи:

Аллах велик! Нет другого Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его. На молитву, на доброе дело!» Жители, для которых эти звуки были непривычными и враждебными, сбежались в твердом намерении сделать из миссионеров мучеников. Но эти добродетельные люди, чье рвение не было лишено благоразумия, хотя и были вооружены, не стали вступать в схватку. Они спрятались в акведуке, где оставались до тех пор, пока народ не разошелся, и когда они снова вышли из укрытия, то опять взошли на террасу и воззвали к молитве. Народ снова сбежался, и опять миссионеры скрылись. Так, настойчивостью и при мощной поддержке местного правителя они постепенно приучили уши жителей к проявлениям правоверности. Много лет спустя султан Шахрух, сын Тимура, решил направить комиссию для установления религии в Кухистане. Во главе нее он поставил Джеллали из Каина, внука Имад-эд-Дина, человека образованного, талантливого и отличного писателя. Джеллали посчитал, что он стал избранником Небес именно для этой цели, поскольку его дед возглавлял предыдущую миссию. Во сне ему явился пророк и вручил метлу, чтобы очистить пол, что было интерпретировано им как указание вымести нечестивое безверие из страны. Поэтому он с радостью принял на себя эту обязанность и после одиннадцати месяцев странствий отчитался о положительном отношении к вере жителей Кухистана, за исключением некоторых дервишей и им подобных, которые были приверженцами суфизма.

В наши дни, почти шесть веков спустя после крушения исмаилитов, секта все еще существует как в Персии, так и в Сирии. Но, как и анабаптизм, она утратила свою устрашающую суть, став всего лишь одной из разновидностей теологических ересей в исламе. Сирийские исмаилиты проживают в восемнадцати деревнях вокруг Массьята и выплачивают ежегодно 16,5 тысячи пиастров правителю Хагмы, который назначает их шейха или эмира. Они разделены на две секты, или партии, – сувейдани, названные по имени одного из их шейхов, и хизиреви, которые так наречены за их почитание Хизира, хранителя Колодца жизни. Внешне они выглядят твердыми приверженцами заповедей ислама, но утверждается, что они верят в Божественность Али, несотворенный огонь как источник всего сущего и шейха Рашид-эд-Дина Синана как последнего наместника Бога на земле.

Персидские исмаилиты живут преимущественно в Рудбаре, но встречаются почти повсеместно на Востоке и даже в качестве торговцев появляются на берегах Ганга. Их имам, корни которого они возводят к Исмаилу, сын Джаффар ис-Садика, находится под защитой персидского шаха и проживает в деревне Кех округа Кум. Так как он, по их вероучению, является воплощенным сиянием Всевышнего, к нему относятся с небывалым благоговением и совершают паломничество из самых удаленных мест для получения его благословения.

Таким образом, выше была изложена история происхождения, возвеличивания и спада грозного общества, сопоставимого лишь с иезуитами по размаху влияния и единству замысла и сути. Но, в отличие от последнего, их целью было исключительно сотворение зла, а развитие замешено на крови. Поэтому оно не оставило ничего, что апологеты этой веры могли бы заявить в защиту. Несмотря на это, история этого общества всегда будет составлять занимательную и поучительную главу в книге о человеческой расе.

Тамплиеры

Глава 1

Введение. – Крестоносцы. – Ошибочные представления об их происхождении. – Их реальные мотивы. – Паломничество. – Паломничество Фротмонда. – О графе Анжуйском. – Внушительная разница между христианством на Востоке и на Западе. – Причины этих различий. – Феодализм. – Масштабы и силы этих принципов

Среди многочисленных необычайных феноменов, присутствующих в Средних веках, ни один не заслуживает большего внимания либо же не является более характерным для этого времени, состояния общества и взглядов, чем создание военно-религиозных орденов госпитальеров, тамплиеров и тевтонских рыцарей. Из всех этих орденов, которые обязаны своим появлением Крестовым походам и берут начало в XII веке, последний после окончательной утраты Святой земли перенес арену своей деятельности на север Германии, обратив оружие на язычников, все еще обитавших на южном берегу Балтики, и в значительной степени заложил основы будущей прусской мощи. Между тем госпитальеры, водрузив штандарты на острове Родос, длительное время мужественно противостояли силам Оттоманской империи, и когда в конце концов были вынуждены покинуть остров, то разместились на скалах Мальты, где героически отразили войска самого могущественного из оттоманских султанов. Они сохраняли, пусть даже и номинально, свою независимость до конца XVIII столетия. Менее радужная судьба ожидала рыцарей храма, или тамплиеров. Они стали жертвой беспринципной жадности безжалостного монарха, их собственность была захвачена и конфискована, самые старшие члены ордена погибли на костре, их репутация была опорочена и оклеветана, их обвинили в самых гнусных преступлениях, им приписали разработку и реализацию тайного учения, подрывающего общественный покой и национальную независимость. Несмотря на то что у оскорбленных рыцарей появилось множество достойных защитников, обвинения против них

возникали вновь и вновь, даже в нынешние дни, а известный востоковед (фон Хаммер) даже попытался выдвинуть дополнительные и необычайные доказательства их виновности в тайном заговоре^[66]. Целью автора данной книги является добавление еще одного их защитника. Здесь будет прослежено их появление, развитие внутреннего устройства общества, описаны их деяния, изучена история обвинительного процесса и расправы над ними, показано, насколько абсурдными и необоснованными были обвинения против них. Хотя автор сам и уверен в том, что у них не было никакой тайной доктрины, что он и надеется доказать, тем не менее поместил их среди тайных обществ Средневековья, поскольку очень многие убеждены, что именно таковыми они и являлись.

Поскольку орден тамплиеров обязан своим происхождением Крестовым походам, прежде чем перейти к рассказу о них, следует попытаться развеять некоторые ошибочные представления относительно причин и истоков этих прославленных походов.

Мнение о том, что крестоносцы были носителями духа рыцарства, является одним из наибольших заблуждений, какие только можно представить, и при этом наиболее широко распространено. Писатели-романисты и те, кто пишет об истории как о приключениях, всеми силами поддерживают эту иллюзию. Само словосочетание «Крестовый поход» в большинстве умов вызывает видения качающихся перьев, украшающих доспехи, плащей и щитов с геральдическими эмблемами, мысли о любви прекрасных дам, рыцарской чести и благородных ратных подвигах. В значительной степени такое искажение правды произошло благодаря талантливому автору блистательного эпоса, предметом которого был Первый крестовый поход. Торквато Тассо, который жил во времена, когда последние слабые отблески отживающих свое рыцарей еле-еле пробивались через мрачные моральные и политические устои былого обиталища свободы и успехов Италии, можно простить, если он, молодой и неискушенный в исторических науках, ошибся в том, как выглядело европейское общество за шесть веков до него. Возможно, он счел себя вправе угодить вкусам двора, которому нравились причудливые картины ушедших времен, и побудить его подражать добродетельному, представляя героев Первого крестового похода наделенными духом и благородством идеальными рыцарями.

Подобные оправдания вместе с тем не годятся для тех, кто пишет в наши дни и смешивает понятия рыцарей и крестоносцев, излагает историю последних как рыцарства и отваживается утверждать, что доблестный Танкред был верхом совершенства среди рыцарей и что «Талисман» дает правдивое изображение духа и образа крестоносцев^[67].

Можно осмелиться утверждать, что крестоносцы возникли не от рыцарей и что Первый крестовый поход, наиболее важный и задавший стиль и особенность всех последующих, не имеет и крупницы того, что обычно понимается под словом «рыцарство». Нет там ни следа от того, что скорее воображение Джона Берка, нежели знание им предмета, описывало, как «благородная приверженность законам чина и чести, гордое повиновение, достойное смирение и такое подчинение сердца, которое, даже само оставаясь в заточении, сохраняло живым дух возвышенной свободы, такую чувствительность к соблюдению правил, такую безупречную честность, которые воспринимали позор как рану, которые вдохновляли на мужество и одновременно смягчали жестокость, которые облагораживали все, к чему прикасались, от которых само зло утрачивало половину себя, уменьшая всю свою порочность». Определенно крайне мало знает о духе, царившем в XI веке, тот, кто может предположить, что хотя бы часть из приведенной цитаты касается тех, кто в доспехах отправился в Азию освободить Гроб Господень. Немного внимательнее следует прочитать «Геста Танкреди» Радульфуса Кадоменса тому, кто может вообразить этого храброго воина, которым он, несомненно, являлся, в качестве образцового рыцаря.

Рыцари и крестоносцы появились в одном и том же столетии и свое происхождение вели из одного источника. Одни не были прообразом других, но и те и другие возникли по одной причине, и ею был феодализм. Именно это и вселяло «гордое повиновение, достойное смирение» и т. д. и т. п., которые постепенно были идеализированы в понятии рыцарство. Это отпечатывалось в сознании вассала теми самыми принципами уважения к правам и собственности своего сеньора, что, похоже, оправдало и позволило начать Священную войну. Прежде чем объяснить, как ей способствовал данный мотив, необходимо остановиться на другой причине Крестовых походов, без которой их, возможно, никогда бы не было.

Во все времена человек испытывал сильную тягу к посещению мест, которые были отмечены как арены великих и прославленных событий либо как места жительства выдающихся личностей. Действия этих естественных чувств еще более сильны, когда они совмещаются с религиозными убеждениями, и возникает уверенность, что культовый объект получает удовольствие от этого акта поклонения и верующему тем самым обеспечивается его благосклонность. На этом основывается паломничество, то есть практика совершения дальних путешествий к известным храмам и другим местам религиозного поклонения, которое присутствовало в мире во все времена. В самые отдаленные периоды мифологической истории Греции, когда историческая правда никого не беспокоила, а сейчас угадываются лишь обычаи и образ мыслей жителей тех времен, постоянно упоминается *теория* (от греч. созерцание. – *Пер.*), то есть паломничество в Дельфы, происходившее в жизни героев, поэтому с уверенностью можно сделать вывод, что во все времена оно было частью образа жизни греков. В Индии в наши дни ежегодно фиксируется несметное число паломников к храму Джаггернаут, а Иерусалим в течение тысяч лет был местом поклонения набожных израильтян.

Страна, которая была свидетелем жизни и смерти их Бога, естественно, приобрела особое значение в глазах ранних христиан, многие из которых, более того, были евреями по рождению и всегда смотрели на Иерусалим с благоговейными чувствами. Все к тому же путали, как это, к сожалению, стало весьма обычным в более позднее время, Старый и Новый Завет и не понимали, что первый был всего лишь «скудным вкраплением» по сравнению с последним, и полагали, что политические и экономические нормы, придуманные для одной-единственной нации, населявшей один небольшой регион, были обязательными для всей христианской церкви, которая должна была по замыслу объединить всю человеческую расу. Многие обряды иудаизма поэтому соблюдались христианами. Этим, возможно, мы в значительной степени можем объяснить быстрое распространение практики паломничества в Святую землю и убеждений в его эффективности.

Жестокое обращение с паломниками было давно известно, и некоторые из благочестивых святых отцов в молитвах и письменно отговаривали их от этого обычая. Но все красноречие и пиетет были

бесполезны и не в состоянии остановить поток, когда люди верили, что воды Иордана имеют способность смыть любой грех, и для этого даже не нужно искреннее покаяние. Церковь, по мере того как все больше разлагалась коррупцией, в житейском плане поступала все более здравомысленней и, взяв пилигримов под свою защиту, сделало паломничество одной из своих штрафных санкций. Теперь грешнику приказывалось совершить путешествие в Святую землю как средство избавления души от бремени его, возможно, многочисленных пороков. С каждым годом число паломников увеличивалось, при этом растущее преклонение перед реликвиями, из которых привезенные из Святой земли считались самыми сильнодействующими, стимулировало паломничество еще больше, добавляя прибыль в качестве побудительного мотива. Небольшая сумма денег, вложенная в приобретение преимущественно поддельных реликвий, в обилии продававшихся в Иерусалиме, приносила до тысячи процентов по возвращении пилигрима в родную страну. К паломнику, куда бы он ни пришел, относились с уважением и благоговением, как к особому любимцу Всевышнего, допущенному им к высочайшей почести посещения священных мест, частичка святости которых должна была перейти к ним.

XI век стал временем очень активного паломничества. Странное недопонимание значения одной из частей Библии привело людей к вере, что 1000-й год должен стать временем второго пришествия Христа и Страшного суда. Поскольку полагалось, что долина Иосафат должна была стать местом этого ужасного события, то же чувство, которое заставляет людей в наши дни утешать свои души мыслью о том, что покаяние на смертном одре в глазах Всевышнего окажется равноценным всей жизни, проведенной в смирении и добродетели, подвигало очень многих на путешествие в Святую землю с верою в то, что данное проявление любезности, чем это являлось, со стороны доселе нерадивых слуг будет положительно воспринято их Господом и обеспечит им снисходительность с Его стороны до начала Суда. Поэтому паломничество чрезвычайно усилилось. Обманувшиеся ожидания, когда назначенное время прошло, а Сын Божий так и не появился в небесах, не остановило его, а, напротив, стало дополнительным импульсом, и в течение следующего столетия караваны пилигримов приобрели такие размеры и силу, что заслужили

название «армии Господни», став предшественниками первого и величайшего Крестового похода.

Действительно, вера в то, что паломничество в Иерусалим является благим и даже обязательным делом в глазах Всевышнего, столь же прочно укрепилась в сознании каждого христианина, независимо от чина, как необходимость и польза посещения Каабы в Мекке представляется последователям Мухаммеда. В условиях состояния умов европейцев, пришедшего в тот период в упадок, паломничество представлялось соответствующим избавлению от всех грехов. В качестве подтверждения этому можно рассказать о паломничестве двух известных личностей тех времен. Первое произошло в IX веке, второе – в XI.

Во время правления Лотаря I, сына Людовика Благочестивого, одного дворянина из Бретани по имени Фротмонд, который убил своего дядю и младшего брата, начали мучить угрызения совести за совершенные преступления. Приняв вид кающегося грешника, он предстал перед монархом и собранием прелатов и признался в содеянном. Король и епископы сразу заковали его в железные цепи, а затем приказали во искупление своей вины отправиться на Восток и посетить все святые места одетым в грубые одежды и с помеченным пеплом лбом. В сопровождении своих слуг и соучастников преступления бретонский феодал направился в Палестину, куда он благополучно и добрался. Во исполнение предписаний своего суверена и церкви посетив все святые места, он пересек Аравийскую пустыню, которая была местом скитаний израильтян, и вступил в Египет. После этого он прошел часть Африки и добрался аж до Карфагена, откуда поплыл в Рим. Там, проконсультировавшись, папа посоветовал ему совершить второе паломничество, чтобы завершить процесс очищения и получить надлежащее отпущение всех его грехов. Фротмонд вновь отправился в путь и, исполнив все необходимые действия в священном городе, продолжил путешествие к берегу Красного моря и там на три года поселился на Синайской горе. По прошествии этого времени он совершил путешествие в Армению, посетив гору, на которой покоился Ноев ковчег. Теперь, когда его грехи были искуплены, в соответствии с представлениями того времени, он вернулся на родину, где был встречен как святой и своим жилищем избрал Редонский монастырь.

Там он провел оставшиеся дни и умер, оплакиваемый своими братьями^[68].

Фульк де Нерра, граф Анжуйский, пролил немало невинной крови. Свою первую жену он сжег заживо, а вторая его жена была вынуждена искать спасения от варварской жестокости мужа в Святой земле. Фулька преследовала ненависть окружающих, и наконец пробудившаяся совесть вызвала в его взбудораженном воображении образы погибших от его рук, которые встали из могил, проклиная его за преступления. Возжелав избавиться от своих невидимых мучителей, граф облачился пилигримом и двинулся в Палестину. Бури, с которыми он столкнулся в сирийских морях, показали его грешной душе инструментом Божественного возмездия и усилили его рвение к покаянию. Благополучно добравшись до Иерусалима, он рьяно занялся искуплением своих грехов. Он бродил по улицам священного города с веревкой на шее и избиваемый розгами своими слугами, повторяя следующие слова: «Боже, сжался над неверующим, клятвопреступившим христианином, над грешником, странствующим вдали от своего дома». В течение своего пребывания в Иерусалиме он раздавал щедрые подаяния, помогая нуждающимся пилигримам и оставляя многочисленные следы собственной набожности и необычайной щедрости.

Каким бы глубоким ни было раскаяние графа, оно не помешало ему совершить небольшой благой обман. Изобретательным способом он обвел вокруг пальца нечестивых, озлобленных, богохульных сарацин, пытавшихся заставить его осквернить Гроб Господень. Как рассказывается в летописях, когда он лежал распростертый перед священной могилой, ему удалось отколоть от нее драгоценный камень, который он привез с собой назад на Запад. Вернувшись в свое герцогство, в замке Лошез он построил церковь по подобию храма Воскресения Господня в Иерусалиме, в которой ежедневно со слезами вымаливал Божественное прощение. Но спокойствия он все еще не находил. Его продолжали преследовать все те же ужасные видения, и герцог еще раз посетил Святую землю и показал пример верующим строгостью епитимьи. Возвращаясь через Италию, он избавил верховного понтифика от опасного врага, разграблявшего его владения, и благодарный папа римский взамен даровал ему полное отпущение грехов. Фульк привез с собой в Анжу огромное множество

реликвий, которыми он украсил церкви Лошеза и Анжера. А его главным занятием с этого момента стало строительство крепостей и монастырей, из-за чего он получил прозвище Великого Строителя. Его вассалы, которые возносили хвалу небесам за произошедшие с ним перемены, почитали и любили герцога. Ответственность за грехи была устранена средством, которое, как тогда полагалось, обладало высшей силой действия. Тем не менее надзиратель, помещенный Богом в человеческое сердце и заставить замолчать которого ничто не в силах у человека в здравом рассудке, не унимался. Святая земля в третий раз увидела герцога Анжуйского поливающим Гроб Господень своими слезами и сизнова страдающим из-за своих проступков. Он в последний раз выехал из Иерусалима, поручив душу молитвам своих набожных собратьев, в чьи обязанности входило принимать пилигримов, и обратил свои стопы к дому. Но Анжу он никогда более не увидел. Смерть внезапно настигла его в Меце. Его тело было перенесено в Лошез и захоронено в церкви Гроба Господня.

Этих примеров, думаю, достаточно, чтобы показать, каково было мнение о действенности и полезности паломничества в Святую землю во времена, которые здесь описываются. Здесь имеются убедительные доказательства того, что даже в умах правителей и прелатов, высшей и наиболее просвещенной прослойки общества, существовало твердое убеждение в том, что это помогало освободиться от вины за самые тяжкие преступления, включая даже убийство. И никто не будет оспаривать, что духовенство извлекало выгоду из невежества людей, делая паломничество инструментом расширения собственной власти и влияния. Доказательством тому послужило бы невежество людской природы в целом, а также нравов и поведения романских церковных иерархов в тот, а можно даже сказать и в любой период своего существования. Насколько бы распутной жизнь многих из священнослужителей ни была, они никогда не ставили под вопрос истинность догматов своей религии. Даже великий и дерзкий Григорий VII в разгар, как нам представляется, своих самонадеянных и где-то даже неблагочестивых инициатив ни на секунду не усомнился в том, что проводимый им курс является единственно верным и имеющим одобрение Небес. Духовенство, как и светские люди, было твердо убеждено в пользе паломничества. И у тех и у других уверенность в этом сама собою укреплялась пропорционально степени

невежества верующего. Тогда можно было видеть огромные толпы людей всех сословий, обоих полов, священников и мирян, ежегодно направляющихся к могиле Христа.

Необходимо разъяснить, каково было основание появления идеи, что существует право, и это будет справедливым, вернуть терпимым сарацинам Святуго землю, которая теперь была в руках фанатичных турок. Этим основанием был, как уже говорилось выше, дух феодализма, то есть дух того времени, а не его проявление, получившее название «рыцарство».

Религия, какими бы ни были ее истинные природа и особенности, всегда примет окрас и настроения тех, кто ее исповедует. Ничто не может проиллюстрировать верность данного постулата сильнее, чем история христианской религии. Любой, кто откроет Священное Писание и прочитает его непредвзято и без предрассудков, сразу же обнаружит рассудительную и пылкую набожность, активную добродетельность, высокую нравственность, возвышенное пренебрежение к препятствиям мирской жизни, подкрепленное ревностным отношением к исполнению всех социальных обязанностей, что внушается на каждой его странице. Тем не менее на Востоке эта религия переродилась в малодушные самоуничижительные суеверия и метафизические мелкие споры, которые велись с невероятной ожесточенностью религиозной нетерпимости, в то время как на Западе она приняла вид яркого фанатизма и посчитала меч более весомым инструментом обращения, чем увещевания и убеждение. Эта разница, на первый взгляд столь странная, возникла из-за отличия социального положения и политического устройства народов Востока и Запада во времена, когда они приняли христианство.

Дух свободы покинул пределы Греции задолго до того, как первые христианские миссионеры начали проповедовать свою веру среди ее жителей. Однако присущие грекам особенности характера были еще живы, а способность рассуждать сильна. Более того, они все еще имели склонность к практичной и приземленной религии, которая была свойственна им. Усиливающийся имперский деспотизм с каждым днем подавлял и ослаблял все больше и больше воинственный дух, который они демонстрировали во времена своей свободы. Для них не осталось никакой сферы деятельности, кроме философии и религии.

Первую, которая для них всегда являлась предметом восхищения, греки ухитрились развить почти до совершенно невразумительного мистицизма. В этой форме он быстро распространил свое пагубное влияние на новую веру, которая, помимо этого, сама еще больше подверглась метаморфозам и сменила свой внешний вид под воздействием дуалистической системы Персии. Тем временем пришедший с Востока дух аскетизма, сопровождавшийся робостью, порожденной давлением деспотизма, заставил греков исказить смысл Библии и превратить христианство в трусливо раболепствующее суеверие. Когда император Никифор Фока пытался вселить в своих подданных воинственность и фанатизм и поднять их на энергичные действия против сарацин, епископы ответили на его призывы, процитировав канон святого Василия, который велел тем, кто убил врага в битве, воздерживаться в течение трех лет от участия в таинстве причастия. Священник небольшого городка в Силише как-то читал проповедь, когда ворвалась банда сарацин и начала грабить дома. Не теряя времени на то, чтобы снять с себя облачение священника, он схватил топор, который в церквях на Востоке часто заменял колокол, и, бегая среди нехристей, так усердно работал своим оружием, что заставил их спешно обратиться в бегство, чем и спас город. Какова же была награда этому отважному священнику? Он был осужден своей епархией, ему запретили исполнять свою духовную миссию и настолько дурно обращались с ним в других отношениях, что он сбросил свою рясу и ушел к сарацинам, чьи воинственные и деятельные качества лучше сочетались с его человеческой натурой. Когда участники Первого крестового похода начали прибывать в невероятных количествах в Константинополь, греческий император и его подданные были не в состоянии заставить себя поверить в возможность того, что именно религия привела в действие столь удивительные перемещения. Просто в их умах религия и использование оружия были малосочетаемыми вещами.

У западных народов все было по-другому. Среди них ведущую часть, задававшую тон всей остальной массе, составляли расы готов и германцев, чьи бесстрашные полчища в клочья разметали изношенные основы Западной империи. Поклонявшиеся в своих родных лесах Тору и Одину, а также другим божествам Вальгаллы, они не признавали ничего, кроме мужественной смерти в бою, которая позволит вкушать

небесной свинины и медовухи, ежедневно воцарявшихся на их столах в земной жизни, их повадки, настроения, все их существование имело воинственный характер, и этот дух они вселили в религию, принятую от покоренных римлян.

Внеся подобное изменение в ее характер, они воспользовались еврейской частью Священного Писания, которую во все века злоупотребляли те, кто был мало знаком с ее истинным характером и назначением, для совершения изуверств и травли. Религия Западной Европы начиная с V века приобрела воинственный завоевательный характер. Мечом король Карл I Великий обратил в христианство языческих саксов, его преемники задействовали меч против диких вендов, огнем и мечом Олаф Трюггвасон распространял христианство на Севере. В предыдущие времена подобный метод обращения в свою веру был совершенно чужд западной церкви, – в качестве главного средства продвижения веры среди языческих народов задействовалось убеждение.

Таким образом, видно, что религия на Западе была воинствующей. Однако одного этого было бы недостаточно, чтобы начать Крестовый поход, который воспринялся как обязанность людьми всех сословий. Здесь вступили в действие принципы феодализма и дали делу необходимый толчок.

В XI веке феодальная система уже целиком сформировалась во Франции и в Германии, и образ мысли, речи и действия, проистекавшие из нее, накладывали отпечаток на все взаимоотношения людей. Сверху донизу социального общества взаимные обязательства суверенов и вассалов принимались и являлись руководством к действию, и каждый вассал считал наиболее священной обязанностью с оружием в руках защищать честь и собственность своего повелителя. Помимо этого имелся своего рода и верховный гражданский правитель в христианском мире, признававшийся германским императором, которого считали преемником Карла I Великого и представителем римских императоров. Феодальные принципы распространились даже на иерархию в церкви, которая пыталась выдвигать непомерные притязания на верховенство по отношению к мирской власти. Глава церкви был признанным правителем того, кто был назван в Писании Владыкой всех королевств на Земле. Иисус Христос поэтому был вершиной пирамиды

феодалного общества, высшим сувереном и верховным властителем для всех правителей и народов, и все были одинаково обязаны защищать его права и достоинство. Таковыми, очевидно, были настроения той эпохи.

Вряд ли необходимо напоминать читателю, что религия периода, о котором ведется речь, имела грубый и приземленный характер и что пристрастия и слабости человеческой природы легко приписывались восхваляемому Сыну Божьему. Полагалось, что у Него есть особый интерес к земле, где Он странствовал, пребывая на земле, и еще больше к могиле, в которую было помещено Его тело, с яростью и негодованием смотрел Он на то, что они находятся в руках тех, кто презрительно высмеивал Его божественность, оскорбительно и жестоко обращался с теми из Его верных вассалов, которые подвергали себя трудностям и опасностям дальней дороги для того, чтобы выразить свое почтение у Его могилы. Ничто поэтому не могло быть более радостным для него, чем лицезрение земли Палестины, очищенной от загрязняющих ее язычников и охраняемой занявшими ее верными его вассалами. Ни один истинный сын церкви ни на секунду не мог усомниться в том, что его первой обязанностью было взять оружие по приказу своего хозяина и помочь восстановить его права на собственное наследие. Здесь, таким образом, без каких-либо ссылок на романтические принципы рыцарства, имеется достаточное объяснение феномена Первого крестового похода, виден мотив, пригодный для образа мыслей любого сословия, одинаково действенный для набожных, мужественных и богатых людей, как Готфрид Бульонский и Стефан Шартрский, которые не стремились к материальным выгодам, и для самых небогатых и наиболее суеверных вассалов и крестьян, которые, возможно, искали всего лишь спасения от нищеты и унижений, приняв на себя крест. Но не следует отбрасывать и любые другие причины и мотивы, которые могли действовать параллельно. Упомянутая же, как представляется, была главной. Это был мотив, который освящал и облагораживал всех и который оказывал воздействие на умы всех крестоносцев, независимо от их чина и положения в обществе.

Паломничество почиталось тогда обязанностью и мощным средством очищения от вины и умиротворения гнева Всемогущего, дух времени был воинственным, а его религия, под воздействием

древних устоев Северной Европы, имела тот же оттенок. Принципы феодализма были в расцвете и распространялись даже на взаимоотношения между человеком и Богом, жестокие и дикие турки захватили наследие, так сказать, королевские земли Иисуса Христа, надругались над Его слугами, в чью обязанность входило покарать их и освободить могилу своего хозяина, – естественным результатом такого положения вещей и образа мыслей стал Крестовый поход.

Глава 2

Первый приют в Иерусалиме. – Церковь Санта-Мария де Латина. – Приют Святого Иоанна. – Госпитальеры. – Орден тамплиеров. – Первоначальная нехватка средств у них. – Рыцари получают признание. – Святой Бернар. – Как он охарактеризовал тамплиеров. – Орден подтверждается и признается городским советом Труа. – Доказательство того, с каким почтением к ним относились

В связи со скоплением пилигримов и торговцев с Запада в Иерусалиме возникла необходимость строительства, с согласия сарацин, приютов (*hospitia*), то есть мест для их размещения во время пребывания в святом городе, поскольку они не могли, в соответствии с межрелигиозной враждой, существовавшей между ними и мусульманами, рассчитывать на гостеприимство последних, а христиане греческой церкви, проживавшие в святом городе, помимо того что не испытывали особо дружеских чувств к своим католическим братьям по вере, не желали видеть их в своих домах из-за неосмотрительных речей и предосудительных действий, к которым они слишком часто имели склонность и которыми они могли столь легко скомпрометировать своих хозяев перед сарацинскими властями. Соответственно, монах Бернар, который посетил Иерусалим в 870 году, основал в долине Иосафат рядом с церковью Девы Марии приют из двенадцати домов для западных паломников, которому принадлежало несколько садов, виноделен и зерновых полей. Там также было хорошее собрание книг, подарок Карла I Великого. Перед ним работал рынок, который активно посещался, и каждый торговец платил два золотых смотрителю, чтобы получить разрешение поставить там свою лавку.

В XI веке, когда пыл паломничества разыгрался по новой, в стенах Иерусалима для размещения паломников из романских государств появился приют, который был построен итальянскими торговцами, преимущественно из Амальфи. Рядом с этим приютом и

всего на расстоянии броска камня от храма Гроба Господня они с разрешения египетского халифа построили церковь Девы Марии, которую обычно называют Санта-Мария де Латина. В этом приюте проживал аббат, а также достаточно большое количество монахов латинской церкви, следовавших указаниям святого Бернара. Они посвятили себя приему и размещению паломников, оказывали материальную поддержку бедным или ограбленным разбойниками, чтобы дать им возможность уплатить налоги, взимаемые мусульманами за разрешение посетить святые места. Когда число паломников выросло настолько, что приют стал неспособным принять всех, монахи построили другой *хоспитуум* рядом с церковью, часовня в котором была посвящена канонизированному патриарху Александрии святому Иоанну Милостивому. Этот новый приют не имел собственных источников дохода. Монахи и паломники, которых они принимали, поддерживались щедростью аббата монастыря Девы Марии и подавляющими благотворительными христианами.

Ко времени, когда армия крестоносцев появилась у стен Иерусалима, приют Святого Иоанна возглавлялся Жераром, уроженцем Прованса, человеком предельной честности и беспримерной набожности. Он обладал истинно христианской благожелательностью и сильно опережал в этом свой век. В течение всего периода осады он помогал всем, кто обращался к нему за поддержкой, и не только раскольники-греки одавались его щедростью, даже неверующим мусульманам не отказывалось в помощи, когда она им требовалась. Когда город был захвачен, множество раненых паломников было размещено и вылечено от ран в приюте Святого Иоанна, а герцог Годфрей, посещая их несколько дней спустя, не услышал ничего, кроме хвалы добрейшему Жерару и его монахам.

Воодушевленные такой всеобщей благодарностью, Жерар и его соратники выразили желание покинуть монастырь Санта-Мария де Латина и заняться благотворительностью самостоятельно и независимо. Их пожелание не встретило сопротивления, они подготовили для себя устав, которому поклялись в присутствии патриарха подчиняться, а в качестве своего облачения приняли черные плащи с белым крестом на груди. Самоотверженность этих госпитальеров была необычайной. Они величали бедных и больных

своими господами, а самих себя их слугами. Для них они были щедрыми и милостивыми, для самих себя – суровыми и аскетичными. Лучшая мука шла на хлеб, который они отдавали больным и бедным, то, что оставалось после того, как все были накормлены, смешивалось с глиной и становилось пищей для монахов.

До тех пор пока братство испытывало бедность, оно продолжало подчиняться аббату Санта-Мария де Латина, а также уплачивало десятину патриарху. Но вскоре поток щедрот начал устремляться к ним. Герцог Годфрей, влюбленный в их добродетельность, подарил им свое поместье Монтборе в Брабанте со всем его содержимым. А его брат и преемник Болдуин стал отдавать им часть трофеев, захватываемых у неправедных. Этим примерам последовали другие христианские правители, так что в течение совсем недолгого времени приют Святого Иоанна стал обладать множеством поместий на Востоке и в Европе, которые отдавались в управление членам их общества. Госпитальеры теперь стремились к полному освобождению от бремени, под которым они все еще находились, и им оказалось несложно получить все, что им хотелось. Римский папа Паскаль II в 1113 году утвердил их устав, разрешил им после смерти Жерара самим избирать своего главу без вмешательства какой-либо гражданской или церковной власти, освободил их от обязанности уплачивать десятину патриарху, а также утвердил все дары, которые им сделаны были или будут. Братья госпитальеры теперь сильно выросли в своем статусе и включали в свой состав многих отважных рыцарей, которые отложили свое оружие и посвятили себя смиренным заботам ухода за больными и нуждающимися.

Почтенный Жерар умер в один год с королем Болдуином I (1118), и Раймон де Пюи, рыцарь Дофине, который вступил в орден, был единогласно избран ему на смену. Раймон, который был очень энергичным и способным человеком, разработал несколько правил по управлению обществом, приспособленных к его нынешней значимости и размаху. По этим правилам орден Святого Иоанна мог принимать в свои члены как священников, так и мирян, и те и другие были обязаны одинаково беспрекословно подчиняться приказам своих начальников. Имел ли Раймон какие-либо далеко идущие планы, неизвестно, но в распоряжениях, которые он сделал, невозможно

различить следы тех характерных особенностей, которые стали присущи ордену Святого Иоанна позже.

Как только Раймон завершил свои нововведения, возникло новое общество, с иными принципами, чей пример орден Святого Иоанна впоследствии был вынужден перенять и ему следовать. Святая земля в то время была в крайне нестабильном и беспокойном состоянии. Египтяне давили с юга, турки – с севера и востока, арабы терзали на свой обычный хищнический манер, мучая ее своими грабительскими налетами. Исповедующих ислам жителей по-прежнему было много, сирийские христиане были враждебно настроены по отношению к романцам, со стороны которых они постоянно встречали самое недоброжелательное обращение. Романцев было немного, и они были разрозненны. Из-за этого паломники были подвержены многочисленным опасностям. Они начинали подвергаться опасности на своем пути, начиная от самого порта, в который они причаливали к Святой земле. Дальнейшие трудности поджидали их на берегах Иордана или же когда они отправлялись сорвать ветвь священного пальмового дерева в садах Иерихона. Множество паломников лишились жизни.

Видя эти бедствия, девять отважных доблестных рыцарей решили объединиться в союз, который бы сочетал в себе свойства монахов и рыцарей, посвятив себя целомудренной и праведной жизни вблизи могилы Спасителя и задействуя свои мечи для защиты пилигримов на их пути к святым местам. В качестве своей покровительницы они избрали милостивую Богородицу (*La doce Mere de Dieu*), и их решение, столь хорошо сочетавшееся с духом Крестового похода, соединившее в себе набожность и храбрость, сразу же нашло горячую поддержку короля и патриарха. В присутствии последнего они принесли три обычных обета: целомудрия, бедности и послушания, а также обет непрерывного сражения с язычниками за пилигримов и Святую землю. Они обязались жить по правилам и канонам святого Августина, а в качестве своего первого магистра избрали Гуго де Пейна. Король Болдуин II отписал им часть своего дворца под их обитель. Он и его бароны также оказали им материальную поддержку. Поскольку дворец располагался вблизи церкви и монастыря Храма, аббат и каноники предоставили им помещения для хранения припасов и оружия, и отсюда они стали называть себя воинством Храма (*Militia Templi*), или

тамплиерами. Они сразу же получили такое признание, несомненно, благодаря главным образом новизне своего замысла, и уже через год после их появления (1120) герцог Анжуйский Фульк, который отправился паломничать в Иерусалим, вступил в их орден как женатый брат, а по возвращении стал ежегодно выплачивать тридцать фунтов серебра на содействие их благородным целям. Примеру герцога Анжуйского последовало несколько других правителей и дворян Запада.

Английский историк XII века Бромптон утверждает, что основатели ордена Храма изначально были членами ордена Святого Иоанна. Неизвестно, насколько можно доверять этому мнению^[69], но очевидно, что к тому моменту в последнем не присутствовало никакой военной составляющей, и принятие им таких функций было подражанием храмовому сообществу. Увидев, какая волна одобрения обрушилась на тамплиеров за их мужественное поведение, госпитальеры также поспешили добавить функцию защиты к уходу и лечению пилигримов, и те из их числа, которые были рыцарями, снова взяли за оружие, обрадованные возможности снова использовать его в угоду Всевышнему. Доходы позволили им за плату нанять некоторое количество всадников и пехотинцев – практика, в которой их, возможно, опередили тамплиеры, которые использовали для этого деньги, поступавшие им из Европы. Однако при жизни Раймона де Пюи орден госпитальеров еще не стал целиком военным. Он всегда носил скромный титул управляющего (*procurator*) приютом, и лишь некоторое время спустя руководитель общества, как и у тамплиеров, стал называться магистром и начал возглавлять свои войска в битве. Нацеленность на помощь бедным и больным всегда составляла часть обязанностей монахов-госпитальеров, и это было их существенной отличительной чертой от соперничающего ордена тамплиеров, чьей единственной целью была война против язычников.

В течение первых девяти лет, которые прошли после учреждения ордена, рыцари Храма жили в нищете, с религиозным рвением направляя все деньги, которые присылались им из Европы, на пользу Святой земле и обслуживание пилигримов. У них не было своего особого облачения, их одежду составляло то, что им дарили верующие. И хотя они были рыцарями и непрерывно сражались с язычниками, нехватка их, скромность и умеренность были такими, что

у Гуго де Пейна и его соратника Годфрея де Сент-Омера была всего одна лошадь на двоих – обстоятельство, которому они уже в свой более поздний блистательный период посвятили свою печать, изображающую двух всадников, скачущих на одной лошади. Образ, призванный внушать умеренность членам ордена, который теперь начал становиться высокомерным и кичливым.

Главной причиной необычайного успеха первых крестоносцев было отсутствие единства среди их врагов. Сарацины и турки испытывали взаимную ненависть и не объединились бы для общей цели. Более того, турки враждовали и между собой, одни правители часто вступали в союз с христианами против других. Но постепенно они начали осознавать необходимость объединения и с каждым днем становились все более опасными для своих христианских соседей. Король Болдуин II, который был пленником у них, делал все возможное, когда получил свободу, чтобы усилить свое королевство, и среди прочих способов для этой цели решил создать тамплиерам, чье мужество, скромность, верность своему делу были предметом всеобщего восхищения, дополнительную поддержку, получив официальное признание их ордена святым отцом. Для этого он отправил в 1127 году двух их членов по имени Андреас и Гундемар в Рим с соответствующим прошением к папе римскому, которому они также должны были предоставить убедительные сведения об опасном положении в Святой земле. Король к тому же снабдил их еще и рекомендательным письмом к святому Бернару, аббату Клервоскому, чье влияние в христианском мире было всеобъемлющим и который приходился племянником посланнику Андреасу. Вскоре после этого Гуго де Пейн сам приехал в Европу с пятью своими соратниками.

Рис. 4. Печать тамплиеров

Ничто не могло благоприятствовать новому ордену более чем одобрение и моральная поддержка выдающегося аббата Клервоского, который с некоторых пор уже был почитателем его целей и деяний. Три года ранее он написал герцогу Шампанскому, который вступил в орден тамплиеров, письмо, одобряющее этот поступок как одну из величайших добродетелей в глазах Бога. Теперь, по случаю приезда наставника и по его просьбе, он написал яркое послание, призывающее членов нового ордена упорно продолжать свою тяжелую, но крайне похвальную деятельность по борьбе с тиранией язычников, обращающее внимание всех верующих на их благочестие и особенно противопоставляющее распутству тогдашних рыцарей скромность и непритязательность этих священных воинов. Он восхвалил безграничное повиновение тамплиеров своему наставнику как в обители, так и на поле боя. «Они уходят и приходят, – рассказывает он, – по сигналу своего наставника, они носят одежду, которую он им дает, и не требуют ни пищи, ни одежды ни от кого другого, они живут не унывая и воздержанно все вместе без жен и детей, и, поскольку ничто не требуется нуждающимся в

евангелическом совершенствовании, без какой-либо собственности в одном общем доме, стараясь сберечь единство духа в обещании мира, так, как если бы одно сердце и одна единая душа жила бы в них всех. Они никогда не сидят без дела и не шатаются праздно в поисках новостей. Когда они отдыхают после битв с язычниками, что происходит нечасто, то, чтобы не вкушать хлеб праздности, они занимаются починкой своей одежды и оружия либо выполняют то, что будет удовлетворять пожелания наставника или общие нужды. У них нет почитания титулов, лучший, а не самый знатный наиболее уважаем. Они стараются быть предупредительными, выказывая уважение друг к другу, и облегчать трудности друг друга. Никакие непристойные слова либо легкие насмешки, никакой ропот или безудержный смех не остаются безнаказанным, если кто-либо позволит себе подобное. Они избегают шахмат и других настольных игр. Они избегают конной и соколиной охоты, которыми другие столь охотно тешатся. Они презирают всех фокусников и шутов, все распутные песни и игры как суету и безрассудство этого мира. Они бреют свои волосы, повинувшись словам апостола: «Не приличествует мужу носить длинный волос». Никто никогда не видит их без одежды. Они редко моются. Чаще всего их можно увидеть со спутанными волосами и покрытыми пылью, потемневшими от своих лат и палящего солнца. Когда они выступают на войну, то вооружаются в соответствии с верой, не без железа, но никогда не украшают себя золотом, желая вселять во врага страх, а не стремление к трофеям. Они восхитительные наездники, их лошади сильны и быстры, не те, которые красиво украшены и облачены нарядной сбруей, а те, которые должны вызывать ужас, а не восхищение. Они не бросаются опрометчиво и сломя голову в битву, а сражаются предусмотрительно и осторожно, с хладнокровием, достойным истинных сынов Израиля. Но как только битва началась, они без промедления устремляются на врага, боясь его не больше чем стада овец, не ведая страха, даже если они малы числом, полагаясь на помощь Господа Саваофа (букв. Господа Воинств. – *Ред.*). Поэтому один из них часто может обратить в бегство тысячу, а двое – десять тысяч. Таковы они, удивительные в сочетании, одновременно более кроткие, чем ягнята, и беспощаднее львов, поэтому любой может усомниться, монахами или рыцарями назвать их. Что еще остается сказать, как не то, что это деяние

Всевышнего и поразительно для наших очей? Такие они, избранные Богом из самых храбрых в Израиле, что бдительно и верно смогут охранить святую гробницу, вооруженные мечами и искусные в военном деле».

И хотя в этих фразах святого Бернара можно найти следы высокопарного преувеличения, они неоспоримо доказывают высокие качества и искреннюю добродетельность основателей общества тамплиеров и что оно было создано и действовало, не ставя перед собой ничего, кроме достойных целей. Они также предоставляют, если такие все еще требуются, дополнительные доказательства того, что Крестовый поход не был проявлением рыцарства, поскольку те, кому святой Бернар постоянно противопоставляет тамплиеров, и были рыцарями той эпохи.

Послание аббата Клервоского было повсеместно распространено, и многие другие справедливые и честные способы были задействованы, чтобы завоевать всеобщее расположение к тамплиерам, когда 31 января 1128 года магистр Гуго де Пейн предстал перед советом города Труа, состоявшим из архиепископов Реймса и Сенса, десяти епископов и некоторого количества аббатов, среди которых был и сам святой Бернар. Председательствовал на нем кардинал Альбано, папский легат. После того как магистр рассказал о принципах и деяниях тамплиеров, собравшиеся святые отцы утвердили новый орден и дали ему новый устав, содержащий его прежние собственные положения и несколько добавлений, написанных по подобию устава бенедиктинцев и касавшихся главным образом теологических вопросов. Этот устав должен был вступить в силу в случае одобрения его папой римским и патриархом Иерусалима. По указанию папы Гонория синод утвердил белую мантию в качестве отличительного одеяния братства Храма, в противопоставление госпитальерам, одетым в черное. Мантия была чисто белая без какого-либо креста и такой оставалась до первосвященства папы Евгения III, который в 1146 году повелел тамплиерам носить красный крест на груди, как символ мученичества, с которым они всегда могли столкнуться: крест, носимый на черных мантиях рыцарей святого Иоанна, был, как упоминалось выше, белым^[70]. Орден теперь принял или же ему был назначен особый флаг из материи с белой и черной полосами, названный на старофранцузском Босеан^[71], слово, которое

стало боевым кличем рыцарей-храмовников и часто вселяло ужас в сердца язычников. На нем был красный крест ордена и скромная религиозная надпись: «Не нам, о Боже, не нам, но Твоему имени слава!»

Несколько рыцарей теперь приняли облачение ордена, и по мере продвижения через Францию и Англию сопровождаемый несколькими соратниками Гуго де Пейн завоевывал всеобщее расположение. Он не отказался от задачи, поставленной перед ним королем Иерусалима, получения помощи для Святой земли, в которой та столь нуждалась, и его призывы не остались не услышанными. Герцог Анжуйский Фульк теперь снова присоединился к своему наставнику и братьям. Однако, поскольку он получил предложение отправиться в Иерусалим и женился на единственной дочери короля, он отправился на Восток, не дожидаясь их.

Гуго де Пейн не стал бы принимать в орден рыцаря, который не покончил со всеми своими ссорами и враждой и не изменил свою жизнь. Так, когда рыцарь по имени Гуго де Амбуаз, который притеснял жителей Мармотье, отказавшись подчиниться судебному решению герцога Анжуйского, высказал пожелание вступить в орден, магистр отказался принять его клятву верности до тех пор, пока тот не компенсирует вред всем, кому его причинил.

Рис. 5. Печать тамплиеров

Почет и уважение встречали тамплиеров везде, где бы они ни появлялись, и люди всех чинов стремились сделать все, что только могло быть им приятно. Когда тамплиер с печатью Годфрея де Сент-

Омера, подтверждающей его полномочия, пришел к наместнику этой провинции, чтобы истребовать имущество, которое Годфрей передал ордену, он был принят самым приветливым образом, и не только со стороны наместника, но и епископа. И после их обращения, как это требовалось, к герцогу Фландрии и Эльзаса, этот правитель был настолько далек от того, чтобы чинить какие-либо препятствия, что в очень короткое время здания, которые принадлежали Годфрею, были превращены в церкви и храмы. Множество фламандской знати последовало примеру Годфрея и подарило часть своей собственности тамплиерам. Король Англии Генрих I, который встретился и побеседовал с Гуго де Пейном в Нормандии, был настолько доволен его рассказом о новом ордене, что передал ему множество богатых даров и дал ему лучшие рекомендации для основных английских пэров. Император Лотарь II в 1130 году подарил ордену часть своего родового поместья в Саплинбурге. Престарелый герцог Раймон Беренгер Барселонский и Прованский, устав от мирской жизни и трудностей служения государству, стал тамплиером и поселился в барселонском монастыре. И поскольку он не мог сам сражаться с язычниками в Святой земле, регулярно высылал щедрые подарки своим братьям в Иерусалим, а также ревностно выполнял все прочие обязанности членов ордена. В 1133 году король Арагона и Наварры Альфонс, храбрый и воинственный монарх, который одержал победу в 29 сражениях против мавров, осознав, что стар и не имеет детей, завещанием сделал рыцарей-храмовников и госпитальеров, совместно с канониками Гроба Господня, своими наследниками, полагая, возможно, что наиболее храбрые защитники Святой земли наилучшим образом послужат его главному стремлению – сокрушению власти язычников. Престарелый монарх в следующем году погиб в битве с маврами при Фраге. Недовольные тем, как он распорядился своим королевством, дворяне Арагона и Наварры собрались и избрали монарха из членов его семьи. Ордены не обладали достаточной силой, чтобы заявить о своих правах, и этот пример тем не менее демонстрирует лишь высокий уровень уважения, которое они так рано приобрели.

Глава 3

Возвращение тамплиеров на Восток. – Необоснованность и опровержение обвинений в связях с исмаилитами. – Деятельность тамплиеров. – Крестовый поход Людовика VII. – Осада Аскалона. – Продажа Насир-эд-Дина. – Разложение госпитальеров. – Папская булла *Omne Datum Optimum*^[72]. – Отказ тамплиеров участвовать в походе на Египет. – Убийство исмаилитского посла

В 1129 году Гуго де Пейн в окружении 300 рыцарей из самых знатных семейств Европы, которые вступили в орден, в сопровождении многочисленного каравана пилигримов вернулись в Святую землю. Вскоре после их прибытия был предпринят неудачный поход на Дамаск, упоминавшийся выше^[73], и тамплиеры составили часть выдвинувшихся войск, мечтавших завладеть этим городом. Как было отмечено, это стало первым случаем, в котором можно было заметить христиан в союзе и в сотрудничестве с исмаилитами. И поскольку Хаммер, изучавший историю последних, выдвигает серьезные обвинения против Гуго де Пейна в том, что он создал свое новое общество по образу того смертоносного союза и был главным организатором и инициатором вероломного нападения на Дамаск, прервав повествование, чтобы исследовать обоснованность этого утверждения, хотя при этом придется признать, что о самом ордене тамплиеров будет сказано немного.

Хаммер доказывает идентичность двух орденов, как он их называет, исмаилитов и тамплиеров, схожестью их одеяния, внутренней организации и секретных доктрин, а также тем, что оба общества существовали в одной и той же стране. И из того, что исмаилиты были созданы первыми, он делает вывод об их первичности и о том, что тамплиеры стали их копией.

Во-первых, что касается внешнего облачения, ничто не может быть более слабым аргументом, чем обращение внимания на столь случайное совпадение, как схожесть внешнего вида или цветов, тем

более если имеется действительная и отчетливая причина их избрания у каждой из сторон. У рода халифов Оммиатов цвет был белым, поэтому род Аббасидов в противовес им принял черный цвет в качестве своего отличительного окраса. Из-за этого, когда Аббасиды пришли к власти, все те, кто, изображая поддержку прав потомков Али либо по любой другой причине, поднимал против них революционное знамя, естественно, избирали белый цвет в качестве символа своей оппозиционности. Хасан Сабах поэтому всего лишь сохранил цвет, который уже устоялся. Когда он создавал своих *фидави*, *обреченных на смерть*, чем мог он лучше обозначить их избранность, как не красным поясом или головным убором, символизирующими их готовность пролить кровь, свою или чужую? Что касается тамплиеров, то общество госпитальеров уже существовало, когда Гуго де Пейн и его соратники решили объединиться в новую ассоциацию. Носимая госпитальерами мантия была черной, соответственно, какой противоположный им цвет они могли принять? А когда почти тридцать лет спустя после их учреждения папа разрешил им носить крест на своем одеянии в качестве соперничающего ордена, никакой другой цвет не смог бы стать более подходящим для тех, кто ежедневно и ежечасно подвергался опасности стать мучеником, чем цвет крови, в котором так много было того, что называется символическим.

Относительно внутренней организации, как представляется, в любом случае выясняется, что в значительной мере она является результатом внешних обстоятельств и течения времени, и всегда будет одинаковой, если эти условия совпадают. Владения ассасинов распространялись на значительное пространство страны, отсюда возникла необходимость назначения наместников. Подобно этому, когда тамплиеры получили значительные имения на Западе и Востоке, им, по примеру госпитальеров, не удалось избежать назначения определенных лиц для управления делами в различных странах. Отсюда, если исмаилиты имели своего шейха аль-Джебала со своими дай-аль-кебирами в Кухистане и Сирии, то у тамплиеров был магистр и его приоры в различных провинциях. Сходство очевидно, но, как видно, вполне объяснимо. То, что Хаммер продолжает сопоставлять различные составные части этих обществ, вообще, весьма причудливо. Рифиикам, *фидави* и лазикам у исмаилитов он в качестве аналогов называет рыцарей, оруженосцев и духовников тамплиеров. Все же

такое сравнение является своевольным. Капелланы у тамплиеров, как можно предположить, были как раз теми, кто в наибольшей степени обладал сходством с рифииками, но ни рыцари, ни оруженосцы не имели ничего общего с фидави.

Что касается секретной доктрины, ниже будет обсуждаться, имели ли они таковую или нет. Сейчас лишь отметим, что доказательство этого и того, что конечная цель тамплиеров была такая же, как у исмаилитов, а именно приобретение полной независимости, представляемое Хаммером, никоим образом не является состоятельным. Он утверждает, что оба общества ставили перед собой цель сделаться хозяевами близлежащих стран, путем овладения крепостями и замками и тем самым стать грозными соперниками официальным правителям. В общинах и жилищах тамплиеров он видит зеркальное отражение горных крепостей исмаилитов. То, что именно таким был замысел последнего общества, вполне очевидно, исходя из предыдущей части книги. Но где сходство между столь грозными, укрепленными для обороны крепостями Аламут и Ламсир и обычными сооружениями, в которых проживало несколько рыцарей с прислугой, в различных частях Европы, которые вряд ли были более укреплены, чем любое дворянское поместье, если вообще были укреплены? И какое сопротивление мог оказать лондонский или парижский храм королевской мощи, если бы она двинулась на них? Здесь Хаммер вновь совершил обычную для него ошибку вынесения слишком быстрого суждения на основании случайных совпадений. Локальные общины тамплиеров, как будет продемонстрировано, были естественным следствием приобретения орденом собственности и по своей природе не имели ничего враждебного по отношению к обществу.

Если взглянуть на образ первых крестоносцев и особенно на то, какими были первые тамплиеры, вспомнить их набожность, невежественность и неприязнительность, ничто не может выглядеть более абсурдным, чем приписывание им секретной философской доктрины безверия, перенятой у тех, чей язык они даже не понимали и чья религия и образ жизни вызывали отвращение, и тем более предположение, что первые бедные рыцари Храма предвидели будущую мощь своего ордена и планировали овладеть властью над всем христианским миром. «Однако это очень распространенная

ошибка среди наделенных богатой фантазией людей, которые всегда приписывают основателям империй, религий и обществ такое Божественное провидение, которое уже с самого начала видит конечную цель и все свои планы и действия выстраивает под ее достижение. Так, найдутся те, кто искренне будет доказывать, что Мухаммед в своей уединенной пещере в Мекке ясно и четко видел будущее торжество ислама и его флаги развевающимися над Пиренеями и Амударьей, что Кромвель, будучи еще малоизвестным человеком, уже в мыслях держал британский скипетр или что Лойола видел членов своего ордена иезуитов властвующими над сознанием королей и управляющими империей в Парагвае. Все эти достижения на самом деле являются всего лишь результатом медленного и поступательного действия времени, один шаг следует за другим до тех пор, пока человек или же все общество не оглянется назад в удивлении оттого, насколько все невразумительно было поначалу».

Тамплиеры и исмаилиты упоминаются вместе лишь по еще одному поводу, а именно в связи с данью, уплачивавшейся сирийским подразделением, и убийством исмаилитского посла, о чем писалось выше^[74]. Поскольку это деяние, вероятнее всего, было совершено по приказу магистра Храма, который, наверное, сомневался в способности короля противостоять исмаилитам либо в том, что тот сохранит желание выплачивать ежегодно 3 тысячи золотых, то оно доказывает не что иное, как весьма недружественные отношения между тамплиерами и исмаилитами. Тем не менее Хаммер полагает, что 3 тысячи золотых выплачивались не как откуп слабого сильному, но в качестве вознаграждения за тайные услуги, которые тамплиеры имели обыкновение оказывать, следуя своим курсом. Так, например, они однажды отказались участвовать в походе против египетского халифа, верховного лидера общества ассасинов.

Описывать различные подвиги рыцарей Храма – это все равно что пересказывать историю Крестовых походов, поскольку с того момента, как орден приобрел силу и устойчивость, ни одна битва с безбожниками не проходила без того, чтобы рыцари ордена не принимали бы в ней значительное участие. Их боевой клич всегда раздавался в самой гуще схватки, и Босеан крайне редко можно было бы увидеть дрогнувшим или поникшим в сражении. В храбрости с ними соперничали и рыцари святого Иоанна. Пример этих

конкурирующих друг с другом орденов заражал всю остальную часть христианского войска. Именно под их влиянием, возможно, в значительной степени были достигнуты все наиболее удивительные победы крестоносцев в XII столетии.

В 1147 году, когда папа Евгений III прибыл в Париж, чтобы договориться о планируемом Крестовом походе с Людовиком VII, и папа римский, и король почтили своим визитом главный капитул ордена тамплиеров, который находился в этом городе. Возможно, именно по данному поводу понтифик пожаловал ордену огромную привилегию служения мессы один раз в год в местах, находящихся под интердиктом. Новоизбранный магистр тамплиеров Эврар де Бар и 130 рыцарей сопровождали короля в его походе на Святую землю, а их мужество и воинские навыки в значительной мере способствовали тому, что армия крестоносцев сохранилась в ходе своего неудачного марша через Малую Азию. Осада Дамаска, предпринятая после прибытия французского и германского королей в Святую землю, провалилась, как известно, из-за предательства. Предателями, несомненно, были *пулани*, как называли сирийских христиан, от которых в те времена не приходилось ожидать ничего хорошего. Некоторые авторы совершенно напрасно обвиняют в этом тамплиеров. Но те, кто наиболее сведущ в этом вопросе, ни в чем их не упрекает. Само обвинение тем не менее, хотя и демонстрирует степень влияния и уважения, которым пользовались тамплиеры в то время, может служить доказательством того, что они в определенной степени отошли от своей первоначальной безупречности, иначе бы подобные мысли просто не появились.

Христианские войска в 1153 году осадили город Аскалон, который все еще удерживали сарацины, и захватили бы его, если бы не алчность тамплиеров. У одной из стен осаждавшие навалили огромную грудку деревьев и подожгли ее. Сильный ветер дул всю ночь в направлении города, принося в него дым и жар, так, что защищавший крепость гарнизон был вынужден покинуть эту часть. Христиане подливали в огонь смолу, нефть и другие горючие жидкости, так что стена в этом месте от жара треснула и рухнула, образовав значительную брешь. Армия готова была ринуться в этот пролом, когда Бернард де Тремеле, магистр тамплиеров, встав со своими рыцарями возле него, перекрыл туда всем вход. По законам

войны того времени у крестоносцев было заведено, что любой дом или трофей, захваченный при штурме города, становился их собственностью. Тамплиеры поэтому очень хотели оказаться первыми и, отстранив всех остальных, Тремеле с сорока своими рыцарями безрассудно вошел в город, в котором все еще находились многочисленные защитники. Тамплиеры поплатились за свою опрометчивость и жадность, поскольку их окружили и перебили всех до одного, после чего пролом был заделан.

Одно из наиболее постыдных деяний, вошедших в анналы тамплиеров, произошло в 1155 году, когда магистром ордена был Бертран де Бланфор, которого Уильям Тирский называет «набожным богобоязненным человеком». В борьбе за верховную власть в Египте, которую вели визири, гордо называвшиеся султанами при халифах-фантомах, султан Аббасид, который убил своего хозяина халифа, был вынужден бежать от мести разгневанных подданных. Со своим гаремом, собственным, а по большей части королевским богатством он двинулся в путь через пустыню. Отряд христиан, состоявший преимущественно из тамплиеров, поджидал беженцев под Аскалоном. Оказанное мусульманами сопротивление было слабым и безрезультатным. Сам Аббасид был либо убит, либо скрылся, а его сын Насир-эд-Дин и сокровища стали добычей победителей. Самая крупная часть трофеев, разумеется, досталась тамплиерам, но это не удовлетворило их алчности. И хотя Насир-эд-Дин проявил желание стать христианином и даже начал для этого изучать латынь, они продали его врагам отца за 60 тысяч золотых и спокойно наблюдали за тем, как его, связанного по рукам и ногам, погрузили в некое подобие железной клетки, водруженной на верблюда, чтобы отвезти в Египет, где пленника ожидали продолжительные пытки и смерть.

Госпитальеры к этому времени стали не менее развращены, чем тамплиеры. В том же году, когда патриарх потребовал от них десятину, подлежащую уплате, они пренебрегли этим требованием. Они возвели высокие, величественные здания, демонстрирующие их превосходство в богатстве на фоне непритязательной церкви Гроба Господня. И когда патриарх заходил в нее, чтобы обратиться к людям с проповедью либо дать отпущение грехов, они по приказу магистра так сильно били в колокола своего приюта, что, как бы он ни старался, не был способен сделать так, чтобы его услышали. Однажды, когда паства собралась в

церкви, вооруженные госпитальеры ворвались в нее и начали выпускать стрелы в них, как будто бы те были разбойниками или язычниками. Эти стрелы собрали и повесили на Голгофе, где был распят Христос, в знак позора этих рыцарей-отступников. Обратившись к папе Адриану IV за поддержкой, сирийское духовенство обнаружило, что он и его кардиналы расположены к их врагам и, как утверждалось, подкуплены ими, так что никаких шансов на получение помощи не было. Госпитальеры вследствие этого стали еще более надменными, чем прежде.

Действительно, как крайне рассудительный автор отмечал^[75], насколько мужественно рыцари духовных орденов сражались с язычниками, насколько велики были их неоспоримые заслуги в охране беззащитных пилигримов, настолько же нельзя отрицать, что эти же самые рыцари если и не были первоначальными зачинателями, то, по крайней мере, активными участниками всех зол, которые совершались в Святой земле, и что очень часто алчность и жажда наживы заставляли их постыдно уходить от исполнения своих обязанностей.

Весьма примечателен в истории тамплиеров год 1162-й, как дата издания буллы *Omne Datum Optimum*, Великой хартии вольностей ордена и краеугольного камня его могущества. После смерти Адриана IV были избраны два соперничающих друг с другом папы: Александр III – сицилийцами и Виктор III – в континентальной части. Тамплиеры первоначально признали последнего, но на синоде, состоявшемся в Назарете в 1161 году, они приняли сторону его соперника. Александр, вышедший победителем, не остался в долгу, и 7 января следующего года была издана вышеупомянутая булла. Данным документом, который выглядел так, как будто писался под диктовку ордена, тамплиеры не обязаны были подчиняться никому, кроме Святого престола, им разрешалось иметь свои собственные места для захоронения в их обителях и своих собственных капелланов, они освобождались от обязанности уплачивать десятину и получали возможность, с согласия епископа, собирать ее. Также любому, кто вступил в орден, запрещалось покидать его, за исключением вступления в другой, с еще более жестким уставом. Эти огромные привилегии неизбежно пробудили зависть и враждебность духовенства по отношению к тамплиерам и госпитальерам, поскольку последние были столь же облагодетельствованы понтификом. И эти ловкие

прелаты, которые теперь стремились к всеобщей власти, очень хорошо понимали, какие преимущества они могли извлечь из того, что жестко привязывали к себе членов этих сообществ, которые соединяли в себе мужество рыцарей с покорностью монахов, многие из них происходили из самых знатных родов Европы, и их владения были обширными и разбросанными по всему христианскому миру.

В 1167 году произошел один из немногих случаев малодушия, а скорее можно сказать предательства, которые были записаны в анналы тамплиеров. Альмерик, король Иерусалима, поручил тамплиерам охрану одной из хорошо укрепленных пещер, которые находились на противоположном берегу Иордана. Там их осадили турки, и, хотя король спешил к ним на помощь, они капитулировали. Альмерик, пришедший в ярость от такого поведения, несмотря на то что был в очень хороших, дружеских отношениях с орденом и особенно с магистром Филиппом Наплусским, незамедлительно повесил двенадцать особо трусливых либо предавших веру рыцарей, при этом никакого сопротивления со стороны ордена он не встретил. Филипп, можно отметить, был первым магистром Храма, который был урожденным сирийцем, но, похоже, он был человеком справедливым и достойным. Он был феодалом в крепостях Крак и Монреаль в Скалистой Аравии, которые приобрел в качестве приданого жены. Лишь после ее смерти он стал тамплиером. После трех лет исполнения обязанностей магистра он покинул этот пост. Причина его ухода неизвестна, но его очень почитали и уважали в течение оставшейся жизни, и он принимал участие в некоторых важных событиях.

Именно в период, когда Филипп Наплусский был магистром, король Альмерик, подстрекаемый магистром госпитальеров и в нарушение священного договора, предпринял бесславный поход в Египет. Тамплиеры открыто выступали против такого вероломства и отказались принять участие в войне либо, как отмечает архиепископ Уильям Тирский, «потому, что это было против их убеждений, либо из-за того, что магистр соперничающего ордена являлся организатором этого похода». Прелат, похоже, реальной причиной считал ту, которая была более достойной. Вероятно, более правильным будет предположить, что в данном случае, как и во многих других, долг и предвзятость вполне хорошо сочетались и тот вариант, который был наиболее приемлемым, считался и более достойным.

При магистре Одо де Сент-Амане, преемнике Филиппа Наплусского, произошло вероломное убийство исмаилитского посла, о чем писалось выше, – деяние, которое сильно подорвало репутацию тамплиеров среди ревностных христиан, поскольку оно наглядно демонстрировало, что они предпочитали деньги завоеванию новых христианских душ.

Глава 4

Героизм тамплиеров и госпитальеров. – Битва при Хитине. – Крестовый поход короля Англии Ричарда и короля Франции Филиппа. – Разложение ордена. – Папа Иннокентий III издает письменное порицание. – Фридрих II. – Великая бойня тамплиеров. – Английский король Генрих III и тамплиеры. – Влияние тамплиеров в Моравии. – Их уничтожение госпитальерами. – Падение Акры

Закат христианского влияния на Востоке теперь быстро приближался, и вражда двух соперничающих орденов в немалой степени ускорила его. Истинность древнего изречения, что Всевышний лишает рассудка тех, кого хочет уничтожить, подтвердилась в этом, как и во многих других случаях. И пока великий и талантливый Саладин набирал силы и готовился достичь цели, которая, как у истинного мусульманина, была ближе всего к его сердцу, – возвращения Святой земли, распри, ожесточенность и вражда царили среди тех, кто должен был бы действовать в едином духе и порыве и противостоять ему.

Все же два ордена религиозного рыцарства не уронили честь своего изначального героизма, и последние дни Иерусалима были ознаменованы некоторыми подвигами. 1 мая 1187 года, когда Малик эль-Афдал, сын Саладина, возвращался из похода на Святую землю, который был предпринят с согласия графа Трипольского, регента королевства, магистра тамплиеров и госпитальеров, собрав 140 всадников и 500 пехотинцев, встретились с мусульманами, которых было 7 тысяч общим числом, у прославленной реки Кишун. Рыцари сразу же со всей стремительностью атаковали их. Турки, по своему обыкновению, развернулись и обратились в бегство. Конница стала их преследовать, оставив пехоту без защиты. Внезапно значительный отряд турок появился из долины, напал и перебил пехоту. Их крики заставили всадников повернуть к ним на помощь, однако из-за узости пространства они не смогли ни задействовать свои пики, ни напор своих коней против врага, и все пали под мечами турок, за

исключением магистра тамплиеров с тремя его рыцарями, которых спасла быстрота их коней. Магистр госпитальеров оказался среди убитых. В этой злополучной схватке Джеймс де Майли, маршал тамплиеров, и госпитальер по имени Генри особо отличились. После того как все их доблестные товарищи по оружию лежали вокруг убитыми, они продолжали сражаться. Турки, восхищенные их мужеством, неоднократно предлагали им пощаду, но напрасно, и в конце концов они тоже пали, пораженные дротиками, брошенными издали, поскольку никто не осмеливался приблизиться к ним. Историк Винисауф рассказывает, что де Майли был водружен на белую лошадь, на которой его вместе с оружием и белой мантией представили перед язычниками в качестве святого Георгия, и те были в крайнем восторге, что убили святого покровителя христиан. Он также пишет, и это вполне вероятно, что турки покрыли его тело пылью, которую они потом посыпали свои головы, полагая, что тем самым к ним переходит часть его доблести.

В трагичной битве при Хитине, в которой 30 тысяч христиан потеряли свою жизнь, а король со всей своей знатью был пленен, и после которой господство романцев на Востоке было сломлено навсегда, магистр тамплиеров Жерар де Ридфор с несколькими своими рыцарями и госпитальерами также оказался в числе пленников. Саладин, который испытывал особую ненависть к рыцарям духовных орденов, пообещал сохранить их жизнь, но лишь на одном-единственном условии – отказаться от своей веры. Все до одного мужественно отвергли это предложение, и всем, за исключением магистра, отрубили голову. Многие из тех, кто не принадлежал ордену, охваченные желанием обрести славу мучеников, набрасывали на себя мантии тамплиеров и с готовностью шли на смерть, как если бы они таковыми являлись. Один тамплиер по имени Николаус проявил такую радость и рвение принятия своей славной участи, что, согласно представлениям того времени, Небеса, как утверждалось, выразили свое одобрение видимым знаком – в течение трех ночей Божественный свет озарял незахороненное тело христианского мученика.

Это было крайне необычно для тамплиера – отказываться от веры. Можно назвать это предрассудком или чувством долга, или, скорее, принципиальностью, но они всегда придерживались своей веры, насколько бы трудными ни были жизненные обстоятельства. Имеется

лишь один пример того, как член ордена отрекся от нее, и, к несчастью, им оказался английский рыцарь по имени Роберт де Сент-Альбан. По неизвестной причине он сбросил с себя одеяние своего ордена, нарушил данные обеты, перешел к Саладину и стал мусульманином. Султан выдал за него одну из своих родственниц, и отступник появился у Иерусалима во главе армии язычников. Он обещал Саладину священный город, но час для этого еще не настал. И, пройдя огнем и мечом по всей стране от Монрояля до Иерихона, изменник был вынужден отступить перед иерусалимской конницей, которая выступила со священным распятием и нанесла ему серьезное поражение. Это событие произошло в 1184 году, и отступничество этого тамплиера привело в крайнее смятение христианский мир и в целом способствовало росту неприязни в отношении ордена.

После этого в ордене стало правилом не выкупать кого-либо из своих членов из плена за более высокую плату, чем пояс, кинжал или любой другой малозначимый предмет, действуя при этом по схожему с римлянами принципу, которые никогда не выкупали пленных. Магистр Одо де Сент-Аман умер в плену, но за освобождение Жерара де Ридфора был уплачен выкуп размером аж в целый город Аскалон. Жерар умер год спустя от раны, полученной в бою.

В период памятного Крестового похода в Святую землю французского короля Филиппа и английского – Ричарда, который из-за их соперничества и взаимной неприязни оказался крайне безрезультатным, госпитальеры оказались на стороне английского короля, а тамплиеры, разумеется, стали ярыми сторонниками короля Франции. Тем не менее, когда Ричард возвращался в Европу, он обратился к магистру тамплиеров со словами, что ему известно о неприязненном отношении к себе со стороны очень многих, но, поскольку он подвергает жизнь большому риску, возвращаясь в свое королевство, то просит разрешить облачиться в одежду ордена и дать ему в сопровождение двух братьев. Магистр охотно удовлетворил просьбу столь сильного монарха, и король поднялся на борт судна под видом тамплиера. Вероятно, именно из-за широко известной враждебности ордена по отношению к нему король Ричард пошел на эту уловку, считая, что никто не заподозрит его находящимся среди тамплиеров. Его брат Джон, стоит здесь отметить, был, напротив, большим поклонником ордена, которому он отдал остров Ланди в

устье Бристольского залива. В течение своего правления этот одиозный монарх был тесно связан с тамплиерами как верными слугами его хозяина – папы римского и полагался на их помощь в борьбе со знатными лордами, которые не желали расстаться со своими свободами, возложив их к ногам неверующего тирана. Теперь стало широко распространенной практикой среди монархов отдавать свои сокровища на хранение в замки тамплиеров, и в 1213 году, например, король Джон передал 20 тысяч марок на хранение тамплиерам. Со стороны рыцарей ордена примеров нарушения своих обещаний отмечено не было.

Тамплиеры ничем не отличались от церковников в плане фальсификации чудес, и угрызения совести не останавливали их от того, чтобы приумножать свое богатство путем обмана, рассчитанного на невежественность и рвение мирян. В 1204 году прошел слух, что икона Божьей Матери в монастыре под Дамаском обрела плоть и что из ее груди исходит некий сок или жидкость чудотворного действия, избавляющего от грехов набожных пилигримов. Поскольку место было удаленным, а дорога сопряжена с опасностями, тамплиеры взяли на себя обязанность доставить чудесную жидкость в ту часть побережья, которая еще удерживалась романцами, и снабдить ею пилигримов. Сундуки ордена были существенно пополнены этим религиозным рвением.

Хотя, как и все прочие землевладельцы в Святой земле, орден тамплиеров многое потерял в результате ее захвата Саладином, их владения на Западе были столь обширны, что они едва ли почувствовали утрату. В это самое время количество их владений самого разного типа в Европе составляло 7050, главным образом расположенных во Франции и в Англии. Их надменность и развращенность росли соразмерно их богатству. И хотя писатели XII века, включая даже трубадуров – сатириков той эпохи, всегда отзывались о тамплиерах с уважением, скрытая неприязнь к ним начала укрепляться, особенно среди духовенства, вследствие огромных привилегий, предоставленных им буллой *Omne Datum Optimum*, и той наглостью, с которой эти привилегии использовались.

В 1208 году можно обнаружить, что великий Иннокентий III, наиболее амбициозный из римских пап и один из наиболее преданных сторонников ордена, был вынужден издать первое публичное

порицание в отношении их и попытаться своей властью наложить ограничения на проявление ими излишеств. В связи с этим в своем послании к магистру святой отец пишет, что тамплиеры злоупотребили привилегией служения мессы в местах, находящихся под интердиктом, открывая повсюду свои церкви и ежедневно служа мессы, громко звоня в колокола, нося на груди Христов крест, но не удосуживаясь следовать Его наставлениям, запрещающим обижать любых из Его верующих детей. Далее он продолжает, утверждая, что они, следуя учениям демонов, надевали на грудь крест своего ордена (то есть принимали в члены) самых разных негодяев, полагая, что любой, уплачивая два или три пенса в год и становясь членом их общины, не может быть лишен права на христианское погребение, даже если на это был наложен церковный запрет. Поэтому известные прелюбодеи, ростовщики и прочие, подверженные интердикту, с почетом погребались на их кладбищах. «Тем самым они сами, будучи одержимы дьяволом, не прекращали поработать души праведников, стараясь оживить тех, кто был для них уже мертв». Понтифик сокрушается также, что вместо того, чтобы, как религиозные люди, использовать жизнь для службы Господу, они использовали религиозный характер ордена для того, чтобы потворствовать мирским утехам. И хотя из-за этих и прочих злоупотреблений они заслужили лишения всех привилегий, предоставленных им, святой отец не намерен идти на крайности, полагаясь на использование магистром своего авторитета для проведения реформации.

В этом послании можно встретить все обвинения, которые, как выяснится позже, всегда можно справедливо выдвинуть против ордена, чье разложение шло обычным свойственным человеческой природе путем и никак иначе: привилегии и исключительные права порождали высокомерие и заносчивость, а богатство развращало и разъедало моральные устои. Изобильная щедрость римских пап, монархов и знати – вот что стало причиной крушения тамплиеров.

На тамплиеров легла значительная часть похода в Египет и осады Дамьетты в 1219 году, поскольку главнокомандующим этой экспедицией был папский легат, приказам которого, в проявление покорности, они неукоснительно следовали. Но когда в 1228 году император Фридрих II, тогда еще осужденный церковью, предпринял обещанный Крестовый поход, он не встретил ничего, кроме

противодействия и предательства со стороны этих верных папских поборников. Принимая во внимание дух того времени, их, возможно, не следует обвинять за враждебность, но ничто не оправдывает то, что они написали султану Египта, проинформировав его о планах императора. Великодушные мусульмане, вместо того чтобы воспользоваться этим предательством, послали письмо Фридриху, к огромному разочарованию авторов. Фридрих не дал поначалу волю своему негодованию, но, вернувшись в Европу, рассчитался с теми, кто был больше всего виновен, и конфисковал собственность ордена на Сицилии и его владения в Италии. Хотя он вновь был отлучен за это от церкви, Фридрих сохранил свою враждебность и к тамплиерам, и к госпитальерам. Хотя, возможно, религиозные предрассудки и нетерпимость можно было бы приписать практически любому человеку того времени, он не считал ниже своего достоинства выдвинуть в качестве серьезного обвинения против них дружеские связи с мусульманами. «Заносчивая религиозность тамплиеров, – пишет он, – возвращенная на щедротах местных богачей, развращающих все больше... Из надежных источников известно, что султаны и их караваны принимаются пышно и расторопно за воротами тамплиеров, которые позволяют им отправлять свои вековые ритуалы и служить свои языческие службы, посвященные Мухаммеду».

Враждебность между тамплиерами и госпитальерами продолжалась даже с учетом того, что власть христиан теперь ограничивалась стенами Акры. Тамплиеры состояли в союзе с правителем Дамаска, поскольку госпитальеры дружили с султаном Египта. Свою враждебность к императору тамплиеры распространили и на рыцарей Тевтонского ордена, у которых они отобрали их владения в Сирии. Появление нового врага тем не менее на некоторое время привнесло согласие между ними. Турки из Хауризма, восточного побережья Каспия, изгонялись ордами монголов, и 20 тысяч их всадников вторглись в Святую землю. Они захватили и разграбили Иерусалим, который был неукрепленным и легкодоступным, а после этого объединились с египетской армией. Христиане обратились за помощью к правителю Дамаска, который незамедлительно выслал необходимые войска, и объединенные силы выдвинулись навстречу врагу. В сражении тамплиеры и ополченцы занимали центральные позиции, госпитальеры разместились на левом фланге, а легкая

кавалерия – на правом. Битва продолжалась два дня и закончилась полным поражением христиан, причину которого, возможно и несправедливо, приписывают предательству Дамаска. Магистр тамплиеров и весь его отряд, общей численностью 300 человек, включая рыцарей, были убиты. Лишь четыре рыцаря и 14 оруженосцев спаслись.

Расточительный, нуждающийся в средствах король Англии Генрих III, в целом настолько послушный сын святого отца, что за долю в добыче обычно даже помогал ему грабить собственных подданных, в 1252 году набрался мужества и завел речь о конфискации части церковного имущества и владений рыцарских орденов. «Вы, прелаты и монахи, – заявил он, – особенно вы, тамплиеры и госпитальеры, имеете столь много свобод и привилегий, что ваши чрезмерные владения заставляют вас бесноваться в гордыне и надменности. То, что было безрассудно дано, должно быть по воле разума возвращено, и то, чем неосмотрительно одарили, необходимо продуманно отозвать... Я разорву эти и прочие грамоты, которые мои предшественники и я сам поспешно выдали». Однако приор тамплиеров не замедлил с ответом: «Что же такое ты говоришь, ваше величество? Твои ли уста произносят столь неприемлемые и безрассудные слова? Да продлится твое правление, пока вершишь ты правосудие, но, если преступишь ты закон, перестанешь ты быть королем!» Эти дерзкие слова, похоже, охладили слабовольного монарха, который в следующем году обратился к двум этим орденам с просьбой выступить гарантами по крупным денежным суммам, которые он задолжал.

В 1252 году в Моравии произошло событие, которое хорошо демонстрирует силу ордена в Европе. Дворянин по имени Вратислав, который был вынужден бежать из этой страны, стал во Франции тамплиером. Он передал всю свою собственность, в частности замок Эйхорн в Моравии, ордену. Но его старший брат Буриан завладел всей этой собственностью, посчитав себя главой семейства. Король Винзель, к которому обратились за помощью, вынес решение в пользу ордена. Однако Буриан не спешил расставаться с владениями. В следующем году тамплиеры, собрав несколько тысяч человек, выступили в поход под командованием верховного приора тамплиеров, чтобы овладеть замком. Буриан, набрав 6 тысяч воинов, 900 из

которых он разместил в замке, выступил им навстречу для битвы. Сражение было кровопролитным, 1700 человек, включая Великого приора тамплиеров, погибли до наступления ночи, положившей конец схватке. На три дня было объявлено перемирие, по окончании которого Буриан и его люди были оттеснены в замок, который они стойко защищали, пока король Аттокар гневно не пригрозил им, чтобы они сдались. Буриан капитулировал, и Вратислав, вернувшись в Моравию, стал приором Эйхорна, в котором поселились 30 тамплиеров.

Хотя тамплиеры были столь многочисленными в Европе, они были мало расположены к тому, чтобы отправляться на Восток навстречу трудностям и опасностям, сопровождающим исполнение их обязанностей. Они предпочитали жить в мире и роскоши в своих богатых поместьях на Западе. В Сирии находились лишь члены этого подразделения с немногими рыцарями и другими лицами, связанными с орденом. Складывалось даже впечатление, что лидеры общества подумывали об окончательном уходе с Востока, где они, вероятно, уже не видели возможности достичь существенных успехов. Госпитальеры же, с другой стороны, какой бы ни была реальная причина, выглядели более ревностными в исполнении своего призвания и удержании большего количества своих членов в Сирии. Вероятно, именно этой причине можно приписать полное поражение, которое они оказались в состоянии нанести своим соперникам в 1259 году, поскольку вражда между двумя орденами достигла такого уровня, что в этом году они перешли к открытой войне. Произошло кровопролитное сражение, в котором тамплиеры потерпели поражение. Их вражда была настолько ожесточенной, что победители не брали пленных, а резали на куски каждого попавшего к ним в руки тамплиера, и едва ли остался хоть один из членов ордена, чтобы донести весть об этом до Европы.

Начиная с этого периода до захвата Акры и окончательного уничтожения власти романцев на Востоке в 1291 году, после двухсотлетнего существования, в анналы истории тамплиеров едва ли вошли какие-либо события. Соперничество между ними и другими орденами все еще продолжалось и, по мнению некоторых историков, именно их зависть ускорила утрату последних остатков христианского оплота на Востоке. Не более десятка рыцарей Храма выжили в штурме города, и они, с немногими уцелевшими из других орденов и гарнизона, укрылись на Кипре.

Итак, выше описана история ордена с момента его создания до времени, всего на несколько лет предшествующего его окончательному разгрому. На некоторое время следует воздержаться от описания этого важнейшего события, чтобы занять место рассказом о внутреннем устройстве общества, его руководителях, богатстве и различных владениях. Это, можно надеяться, станет немалым дополнением к тому, что известно об одном из наиболее любопытных периодов мировой истории, а именно – о Средневековье, и порадует читателя изображением образа жизни и устоев общества, которое уже давно ушло в прошлое^[76].

Глава 5

Классификация тамплиеров. – Рыцари. – Их профессиональные навыки. – Порядок приема. – Одевание и вооружение рыцарей. – Порядок погребения. – Капелланы. – Порядок приема. – Одевание. – Обязанности и привилегии. – Прислуживающие братья. – Порядок приема. – Их обязанности. – Аффилированные члены. – Причины и преимущества аффилированного членства. – Донаты и облаты

Основателями ордена тамплиеров, как было указано выше, были рыцари, и они были первыми, давшими начало новаторской идее, и счастливыми, как их можно назвать, исходя из настроений того времени, которые объединили два наиболее уважаемых образа – рыцаря и монаха. Последний добавил святость первому, первый придал доблесть и почет последнему в глазах воинственно настроенного поколения. Поэтому тамплиер вполне естественно ощущал себя первым среди людей, и самые достойные дворяне христианского мира почитали за честь принадлежать к ордену. Рыцари поэтому составляли силу, цвет и украшение общества.

Орден тамплиеров, когда он полностью оформился, состоял не из уровней, а из различных обособленных классов. Это были рыцари, капелланы и служащие братья. К этим классам можно также добавить аффилированных членов, донатов и облатов, то есть людей тесно связанных с орденом, но не принимающих обетов.

I. Рыцари. Любой, кто претендовал на то, чтобы быть принятым в орден в качестве рыцаря, должен был торжественно доказать, что происходит из рыцарского рода и что его отец являлся или мог бы стать рыцарем. Далее он должен был доказать, что рожден в законном браке, поскольку, как и церковь в целом, тамплиеры изгоняли из своих рядов незаконнорожденных. В этом правиле был определенный смысл, хотя, возможно, оно появилось просто сообразно представлениям того времени. Так, если бы король Франции или император Германии смог бы добиться, чтобы его внебрачного ребенка приняли в орден и того

потом избрали бы магистром, что, вероятнее всего, и случилось бы, общество потеряло бы свою независимость и стало бы всего лишь инструментом в руках монарха. Более того, кандидат должен был подтвердить, что он свободен от всех прежних обязательств, что он не женат, не обручен, не приносил никаких клятв и не посвящался ни в какой другой орден, а также что он не обременен долгами. Ему помимо этого требовалось еще подтвердить, что он находится в здравом рассудке, обладает хорошим здоровьем и не страдает никакими болезнями. Когда орден разросся и набрал сил, кандидатов на прием в него стало много и они происходили из знатных родов, поэтому вполне обычным стало требование уплаты значительного вступительного взноса.

Необходимым было, чтобы кандидат на вступление в ряды рыцарей Храма уже был рыцарем, поскольку рыцарство было не связанной с монашеством почестью, и орден считал себя роняющим достоинство, если кто-либо из его членов должен был бы получать его. У госпитальеров и в Тевтонском ордене считалось по-другому – там принимаемый посвящался в рыцари при вступлении. Если кандидат в тамплиеры не был рыцарем, он был обязан быть посвященным в рыцари обычным путем, либо рыцарем-мирянином, либо епископом, перед тем как принять обеты.

Испытание составляет существенную и значительную часть процесса приема в члены любого духовного ордена, поскольку вполне справедливо, чтобы человек в определенной мере познакомился с правилами и требованиями общества до того, как вступит в него. Но, хотя первоначальный устав тамплиеров предписывал испытание, это правило полностью игнорировалось на практике, что впоследствии стало одним из обвинений против ордена. Возможно, в их случае особой необходимости в подобном подготовительном процессе не было. Тамплиеров было настолько много по всему миру, и те, кто присоединялся к ним, столь часто уже находились в их среде, что, как следствие, уже были хорошо знакомы с их образом жизни и потому вряд ли нуждались в специальной подготовке. Отказ от подобной практики одновременно давал тамплиерам преимущество перед соперничающими орденами, которые обязывали к этому. Так, молодой дворянин, вероятнее всего, был более расположен присоединиться к обществу, в которое его бы допустили немедленно. И может быть,

немалая часть процесса деградации тамплиеров, в которой они, без сомнения, превзошли конкурентов, обязана механизму, который таким образом позволял нечистоплотным лицам появляться среди них.

Относительно возраста, в котором лицо могло быть принято в орден, действовало простое правило, вытекающее из предыдущего условия принадлежности к рыцарству, то есть речь шла о пубертатном либо половозрелом периоде. Все, что говорилось в уставе по этому поводу, сводилось к тому, что нельзя принимать детей и что родители или родственники ребенка, которому было начертано вступить в орден, должны были держать его при себе и растить до момента, пока тот *«не сможет мужественно и с оружием в руках изгонять врагов Христа из страны»*. Это существенно отличало тамплиеров от чисто религиозных орденов, которые и до наших дней, как представляется, принимают детей, беря на себя обязанности по их воспитанию и образованию. Тем самым дети могли считаться лишь избранниками для будущего членства в ордене тамплиеров и не могли претендовать на вступление, пока не владели оружием, то есть фактически до 21 года.

Принятие в рыцари происходило в одной из церквей ордена в присутствии собравшихся членов. Все проходило втайне, даже родственникам кандидата не было позволено присутствовать. Церемонию начинал магистр^[77] либо приор, который открывал ее словами: «Дорогие братья, вы видите, что большинство согласно принять этого мужа в качестве нашего собрата. Если среди вас есть кто-нибудь, кто знает о нем нечто, из-за чего он не может на законных основаниях стать нашим собратом, пусть скажет, поскольку пусть лучше мы будем извещены об этом заранее, до того как он станет одним из нас».

Принимаемый, если не поступило возражений, проводился после этого в помещение рядом с комнатой капитула, и двум либо трем уважаемым рыцарям из числа самых старших в обители поручалось ознакомить его с тем, что новобранцу следовало узнать. Они начинали с вопроса: «Брат, желаешь ли ты быть принятым в орден?» После утвердительного ответа они заявляли ему, насколько строги правила ордена. Получив ответ, что он намерен вынести все тяготы ради Всевышнего и на протяжении всей своей жизни быть слугой и рабом ордена, они спрашивали, есть ли у него жена и не помолвлен ли он?

Посвящался ли он или приносил ли обеты в других орденах? Должен ли он кому бы то ни было в мире больше, чем может заплатить? Обладает ли он здоровым телом и не имеет ли скрытых недостатков, не является ли он слугой кому-нибудь? При отрицательных ответах братья возвращались назад к собравшимся и сообщали магистру либо его представителю о результатах опроса. Последний еще раз спрашивал, неизвестно ли кому-то нечто против кандидата. Если все хранили молчание, он произносил: «Желаете ли вы, чтобы он во имя Господа вошел в наш круг?» Рыцари на это отвечали: «Пусть, во имя Господа, он будет среди нас». Те, кто уже общался с принимаемым, снова выходили вперед и спрашивали, настойчив ли он в своем решении. Если он отвечал, что да, они объясняли ему, что необходимо сделать при вступлении. Потом снова уводили его в церковь, где тот, опустившись с согнутыми руками на колени перед принимающим, произносил:

– Сэр, я предстаю перед Богом, перед вами и перед братьями, молю и заклинаю ради нашего Бога и Пресвятой Богоматери принять меня в свою общину и в благие деяния ордена в качестве того, кто на протяжении всей своей жизни будет слугой и рабом ордена.

Принимающий тогда отвечал:

– Дорогой брат, ты преисполнен огромным желанием, поскольку не видишь ничего, кроме внешней шелухи нашего ордена. Это лишь красивая обертка, когда ты видишь, что у нас есть изящные лошади и богатое убранство, что мы хорошо едим и пьем и красиво одеваемся. Исходя из этого, ты пришел к выводу, что тебе будет хорошо среди нас. Но ты не знаешь суровых правил, которые составляют нашу внутреннюю суть. Для тебя, являющегося хозяином самому себе, будет сложно стать слугой другому. Тебе вряд ли придется в будущем делать то, чего ты сам хочешь. Так, когда ты будешь желать находиться по эту сторону моря, тебя пошлют на другую, если тебе захочется быть в Акре, тебя пошлют в провинцию Антиох, в Триполи или в Армению либо отправят в Апулию, на Сицилию или в Ломбардию, а может, в Бургундию, Францию, Англию или любую другую страну, где у нас есть обители и владения. Когда ты будешь хотеть спать, тебе прикажут встать на стражу, когда ты захочешь встать на стражу, тебе прикажут отправляться спать, когда ты будешь голоден, тебе прикажут делать нечто другое. И поскольку как мы, так и ты можем испытать

значительные неудобства из-за того, что ты, возможно, скрыл от нас, взгляни сюда, на святое Евангелие и слово Божие и правдиво ответь на вопросы, которые мы должны задать тебе. И ежели ты солжешь, твоя участь предрешена – ты будешь изгнан из ордена, храни тебя Господь от этого.

Теперь принимающий повторно задавал ему те же самые вопросы, что и раньше, а также о том, не пытался ли он за деньги договориться о вступлении с каким-нибудь тамплиером или кем-то еще. Если его ответы оказывались удовлетворительными, принимающий продолжал:

– Дорогой брат, позаботься о том, чтобы то, что ты сказал нам, было правдой, потому что, если хотя бы по одному вопросу ты сказал неправду, тебя могут изгнать из ордена, да хранит тебя Господь от этого! Теперь, дорогой брат, внимательно слушай, что мы тебе скажем. Обещаешь ли ты Всевышнему и Пресвятой Богоматери всю свою жизнь быть преданным Великому магистру Храма и приору, которому ты будешь подчинен?

– Да, сэр, с Божьей помощью!

– Клянешься ли ты перед Богом и Пресвятой Богоматерью хранить непорочным твое тело все свою жизнь?

– Да, сэр, с Божьей помощью!

– Клянешься ли ты перед Богом и Пресвятой Богоматерью всю свою жизнь соблюдать достойнейшие правила и традиции нашего ордена, как те, которые уже действуют, так и те, которые магистр и рыцари могут ввести еще?

– Да, сэр, с Божьей помощью!

– Клянешься ли ты перед Богом и Пресвятой Богоматерью, что ты всей силой и духом, которыми одарил тебя Всевышний, будешь до тех пор, пока жив, помогать в завоевании Святой земли Иерусалима и что ты всей своей силой будешь содействовать сохранению и охране того, чем владеют христиане?

– Да, сэр, с Божьей помощью!

– Клянешься ли ты перед Богом и Пресвятой Богоматерью никогда не менять наш орден на более сильный или слабый, лучший или худший, кроме как с разрешения магистра либо наставника, обладающего таким правом?^[78]

– Да, сэр, с Божьей помощью!

– Клянешься ли ты, наконец, перед Богом и Пресвятой Богородицею никогда не стать свидетелем того, как христианин несправедливо и незаконно лишен своего наследства и что ты никогда советом или действием не примешь участие в этом?

– Да, сэр, с Божьей помощью!

– Тогда именем Всевышнего и Пресвятой Богородицы, а также именем святого Петра Римского и нашего святого отца папы римского, а также во имя всего нашего братства Храма мы принимаем во все благие дела ордена, которые были совершены со дня его основания и будут совершены до его последних дней, тебя, твоего отца, твою мать и всех членов твоей семьи, с кем ты пожелаешь разделить их. Точно так же ты принимаешь нас во все благие дела, которые ты совершил и совершишь. Мы обеспечим тебя хлебом, водой и небогатым одеянием ордена, а также работой и тяготами в достаточном количестве.

Магистр затем брал отличительное облачение ордена, а именно белую мантию с красным крестом и, надев ее через голову принимаемого, накрепко застегивал. Капеллан после этого повторял псалом 132 *Ecce quam bonum et quam iucundum habitare fratres in unum* («Как хорошо и прекрасно братьям жить вместе». – *Пер.*) и молитву Святому Духу *Deus qui corda fidelium* («*Deus, qui corda fidelium sancti Spiritus illustratione docuisti: da nobis in eodem Spiritu recta sapere, et de eius semper consolatione gaudere. Per Christum Dominum nostrum. Amen*» – «Боже, научающий верных просвещением Святого Духа, подай нам через того же Духа познание добра и вечное в нем утешение. Ради Христа Господа нашего. *Аминь*». – *Пер.*), а все братья произносили «Отче наш». Магистр и капеллан затем целовали его в губы, и принимаемый садился перед магистром, который зачитывал ему свод правил, суть которых сводилась к следующему.

Ему не позволено: поражать или ранить христиан, браниться, принимать какие-либо услуги от женщин либо встречаться с ними без разрешения наставника, ни при каких обстоятельствах целовать женщину, даже свою мать и сестру, держать ребенка при крещении либо выступать в качестве крестного отца, оскорблять человека и называть его дурными словами, но всегда должно быть учтивым и вежливым. Ему надлежит спать в льняной рубахе, панталонах и чулках, подпоясанным тонким ремнем. Он должен регулярно

присутствовать на всех богослужениях, за столом начинать и заканчивать трапезу молитвой и сохранять молчание во время приема пищи. При смерти магистра, где бы он ни находился, ему следовало 200 раз повторить «Отче наш» во упокой души усопшего.

Каждому рыцарю предоставлялись обмундирование, оружие и снаряжение из запасов ордена. Он одевался в белую длинную тунику, по форме почти точно напоминающую такую, как у священников, с красным крестом на спине и спереди. Подпоясан он был под ней, поверх льняной рубахи. Поверх всего он носил белую мантию с красным четырехконечным крестом (нижняя часть которого была самой длинной, напоминающей о кресте, на котором Спаситель принял мученическую смерть) на левой стороне груди. Голова покрывалась колпаком или капюшоном, прикрепленным к мантии. Вооружение состояло из щита, меча, копья и булавы. Из-за жары Востока и необходимости сохранения подвижности в бою с турками и сарацинами вооружение и оснащение тамплиера в целом было более легким, чем у не принадлежащих к монашеским орденам рыцарей. Члену ордена было позволено иметь трех лошадей и оруженосца, который был бы либо служащим братом ордена или мирянином, специально нанятым для этого. Иногда эти обязанности выполнялись юношами из благородных семей, которых их родители и родственники с удовольствием отдавали в услужение к уважаемым рыцарям Храма с тем, чтобы они могли получить возможность приобрести рыцарские навыки и таким образом впоследствии стать членами ордена.

Рис. 6. Костюм тамплиера

Когда рыцарь по возрасту или из-за полученных ран становился неспособным к несению службы, он селился в одной из обителей тамплиеров, где жил в спокойствии и находил самое уважительное и почтительное отношение к себе. Такие почетные рыцари часто упоминаются как *продомы* (*почтенные люди*). Они принимали участие в самых важных обсуждениях, а их опыт и знание правил ордена высоко ценились, и к их мнению прислушивались.

Когда тамплиер умирал, его помещали в гробницу в его наряде со скрещенными ногами и так хоронили. По его душе служились мессы,

оружие и одежда частично возвращались маршалу или драпиеру ордена, а частично раздавались беднякам.

II. Капелланы. Орден тамплиеров, будучи поначалу исключительно военным, состоял позже исключительно из мирян. Орден же госпитальеров, напротив, по причине того, что занимался уходом за больными, нуждался с самого начала в священниках. Это преимущество порождало зависть у тамплиеров, и они обхаживали папский престол, чтобы им предоставили такую же привилегию. Но понтифики не были настроены на то, чтобы причинять новые обиды восточным прелатам, которые и так уже были недовольны тем, что госпитальерам позволили выйти из-под их контроля. Поэтому лишь в 1162 году, то есть через четыре года после основания ордена, когда их страстный поклонник Александр III взошел на папский престол, тамплиеры добились своей цели.

Изданная по этому случаю булла *Omne Datum Optimum* разрешила тамплиерам принимать в свои общины во всех странах духовников, которые не были связаны более ранними обетами. Если те принадлежали к местному духовенству, необходимо было попросить епископа, чтобы он их отпустил. При его отказе тамплиерам буллой было позволено получить этого священника и без согласия. Духовники тамплиеров должны были пройти испытательный срок продолжительностью в один год – это было правило, от которого, как и в случае с рыцарями, орден отошел в дни своего могущества и разложения. Порядок приема духовенства был таким же, как и у рыцарей, пропускались лишь те вопросы, которые не подходили для этой категории лиц. Они должны были принести лишь три обета: бедности, целомудрия и повиновения. Церемония приема происходила на латинском языке и почти в точности повторяла то, что было заведено у бенедиктинцев. Как и у рыцарей, процедура была тайной. Когда псалмы были исполнены, магистр надевал на принимаемого одеяние ордена и повязывал пояс, и если тот был священником, то и головной убор, именуемый *барет*.

Одежда капелланов ордена представляла собой белую, сшитую по фигуре тунику с красным крестом на левой груди. И хотя в соответствии с уставом они должны были одеваться лучше всех в ордене, им не разрешалось носить белую мантию до тех пор, пока они оставались всего лишь священниками. Но если кто-то из них, что

случалось не так уж и редко, достигал епископского чина, при желании ему охотно предоставлялась такая привилегия. Еще одним отличием между рыцарем и капелланом было то, что первые носили бороды, в то время как последние были гладко выбриты. Капелланам также надлежало носить перчатки *из уважения к телу Всевышнего*.

Любой, кто принял первую тонзуру, мог стать капелланом в ордене. Когда тех, кто находился в чине субдиакона или диакона, необходимо было произвести в сан священника, магистр или его заместитель посылали их с письмом к местному епископу, который был обязан пожаловать требуемый чин.

Духовенство, как и все прочие члены ордена, было обязано подчиняться магистру и капитулу. Магистр и верховные руководители ордена всегда в своей свите имели капелланов для служения мессы и исполнения других церковных обрядов, а также использовали их в качестве секретарей, поскольку рыцари, как правило, были столь же безграмотными, как и их мирские собратья. Именно благодаря этой последней роли капелланы приобрели огромное влияние в обществе. Разум и обширные знания, как это всегда бывает, отвоевывают свои законные права. И хотя особо оговаривалось, что духовенство не должно принимать участие в управлении делами общества, не получив соответствующее предложение от верховного руководителя, мнение секретаря обычно учитывалось, а если он был человеком большого ума и таланта, его совету чаще всего и следовали^[79].

Обязанности духовенства ордена были почти такими же, как у монахов. Они исполняли все религиозные ритуалы и проводили все церемониальные собрания ордена, такие как прием новых членов, возведение в магистры и прочее. Их привилегии были крайне незначительными: у них была чуть лучше одежда, они сидели рядом с магистром в церкви и в трапезной, им первым подавали еду, а если они совершали какое-либо преступление, то к ним применялись более мягкие наказания, чем к другим членам ордена. Тем не менее они, если того желали руководители ордена, могли приобрести высокий статус в нем. Так, их весьма часто можно было встретить среди принимающих в орден. Генеральный прокурор ордена в Риме, который всегда был крайне влиятельным лицом, вероятнее всего был священником ордена, по крайней мере, известно, что Питер де Бонони, последний из них, был именно священником.

Рис. 7. Рыцари в Храмовой церкви. Лондон

Рис. 8. Скульптуры рыцарей в Храмовой церкви

Стоит отметить, что даже в период наибольшего расцвета ордена у него не было достаточного количества капелланов, и ему всегда приходилось обращаться за помощью в отправлении обрядов к немонашеским священникам. Причины этого заключались, возможно, в том обстоятельстве, что орден полностью оформился и обрел законченное содержание задолго до того, как духовенство составило одну из его частей, и они в результате не получили возможности обустроить его так, чтобы приобрести соответствующее своей роли влияние и значение в нем. Это должно было быть унижительным для чувства гордости тех, кто привык управлять и подчиняться только

своим духовным руководителям, а не видеть себя слугой обычных мирян, к каковым они относили рыцарей ордена. Более того, хотя они и получали свою долю благ и пользовались преимуществами, которые давало членство в ордене и всеобщее к нему расположение, тем не менее у них не было перспектив, к которым можно было бы стремиться. Между тем принадлежащие к ордену бенедиктинцев питали честолюбивые надежды получения богатых приорств, аббатств и епархий, или же, по крайней мере, возможность быть хозяином своего голоса в церкви. Также вполне можно предположить, что гордыня рыцарей-тамплиеров не позволяла принимать в свою общину таких людей, какие впоследствии могли бы присоединиться к нищенствующим монашеским орденам, – крестьян и прочих, кто предпочитал спокойной праздной жизни работу на пашне и в мастерских. Соответственно число тех, кто претендовал на членство в ордене, было небольшим. Однако рыцари не испытывали неудобств по этому поводу. Было предостаточно не связанных с монашеством священников, которые хотели видеть магистра тамплиеров своим ординарием и приобщиться к благам, предоставляемым орденом, и, поскольку ни одна из сторон не была привязана к другой, в любой момент при появлении разногласий они могли разойтись в разные стороны.

III. Прислуживающие братья. Орден, состоявший поначалу только из рыцарей и людей благородного происхождения, не имел среди своих членов обслуги. Рыцари, вероятно, через некоторое время нашли себе оруженосцев среди тех, кто сражался под их знаменами и получал свое жалованье. Госпитальеры, вероятно, подали пример, включив в свой орден специальный класс прислуживающих братьев, которого не было у тамплиеров в течение некоторого времени после совета в Труа. Преимущество этого нововведения было очевидным. До сих пор лишь рыцари и знать были заинтересованы в будущем общества, к которому принадлежали их родственники. Теперь же созданием этого класса, в который получили возможность вступить их сыновья и братья бюргеров и торговцев, к ордену также было привлечено и их внимание. Они ощущали, что им оказывается честь, когда их родственники общаются с рыцарями, и поэтому спокойно смотрели на вступительные взносы и прочие платежи в качестве пожертвований ордену.

Ошибочно думать, что прислуживающими братьями были лишь люди низкого происхождения. Орден настолько высоко почитался, что это побуждало богатых, талантливых и достойных людей, но не благородного происхождения вступать в него. Так, среди прислуживающих братьев можно найти Уильяма Артеблейского, раздатчика милостыни при короле Франции, Радульфа Гизи, сборщика налогов в Шампани, Джона де Фолкея, известного юриста. Бартоломей Бартолье, чтобы быть принятым, передал собственность на сумму в 1 тысячу турецких ливров, Уильям Льежский выплачивал 200 турецких ливров в год. Действительно, прислуживающие братья никогда не могли получить почетный титул рыцаря (из-за отсутствия благородного происхождения как одного из необходимых критериев) и, соответственно, не могли занимать высокие посты в ордене, но во всех остальных отношениях они пользовались такими же преимуществами и привилегиями, как и рыцари со священниками.

Процедура приема прислуживающих братьев была такая же, как и у двух более высоких классов, лишь необходимые изменения вносились в задаваемые вопросы. Поскольку орден не принимал в свои ряды рабов, кандидат должен был доказать, что он был рожден свободным человеком. Более того, от него требовалось заявить, что он не является рыцарем. Это последнее условие хотя и выглядит неожиданным, но, исходя из имевшегося опыта, было вполне оправданным. Нечто непорядочное чувствовалось или ожидалось от человека благородного происхождения, который по скромности или во искупление грехов своей юности либо по любой другой причине, которые могли возникнуть в голове суеверного человека, или же просто из-за бедности, как это часто было – вступительный взнос для прислуживающего брата был меньше, чем для рыцаря, – скрыл свое благородное происхождение и вступил в орден в качестве прислуживающего брата. Поскольку на их долю выпадала большая часть наименее приятных обязанностей членов ордена, общие обязанности налагались на них в более жестких формулировках, чем для рыцарей и священников, для которых это считалось ненужным.

Во времена бедного существования ордена одежду прислуживающих братьев составляло изношенное одеяние рыцарей. Но подобная практика просуществовала не долго, и, поскольку недоразумения возникали из-за того, что все члены ордена носили

белое, прислуживающим братьям повелели надевать черные или коричневые туники с красным крестом на них, обозначавшим их принадлежность к ордену. В бою у них было почти такое же оружие, как у рыцарей, но более легкое, поскольку им часто приходилось спрыгивать с лошадей и сражаться пешими. Прислуживающему брату было позволено орденом иметь только одну лошадь, но магистр мог одолжить, если считал необходимым, вторую, которую затем требовалось вернуть.

Прислуживающие братья изначально не делились по роду деятельности. Они сражались и выполняли функции прислуги в обителях ордена. Но со временем они были разделены на два класса: собратьев по оружию (*Frères servons des armes*) и ремесленников (*Frères servons des mestiers*). Последние, которые пользовались наименьшим уважением, проживали в домах и на землях ордена, занимались различными ремеслами или присматривали за собственностью ордена. В уставах можно прочесть о кузнецах и пекарях ордена, так же в ордене встречались *наставники* (так их называли) кобыл, коров, свиней и прочие. На этих братьев-ремесленников распространялись все общие религиозные обязанности членов ордена, и им даже позволялось присутствовать в капитулах. Кузнец, который также был и оружейником, пользовался гораздо большим уважением, чем прочие братья-ремесленники, поскольку его профессия была крайне почетной у воинственного населения Средних веков^[80].

Другой класс пользовался большим уважением. Рыцари общались с ними как с равней. Собратья по оружию ели в одной трапезной с рыцарями и священниками, хотя и за разными столами, и им всегда подавалось на одно блюдо меньше, чем более высоким классам. Они тем не менее находились в жестком подчинении у рыцарей. Магистр и все высокие чины ордена имели при себе нескольких прислуживающих братьев, а у каждого рыцаря был кто-нибудь из прислуживающих братьев среди оруженосцев. В уставе четко прописывалось, что не должно быть никакой тирании и прочего дурного обращения к ним со стороны рыцарей.

По уставу существовало отличие между прислуживающими братьями, имеющими железные латы, и теми, у кого их не было. Первые были настоящей легкой кавалерией ордена. Они

задействовались главным образом для поддержки рыцарей в атаке и обычно располагались во вторых рядах. Место невооруженных было у обозов. И поскольку они практически не подвергались опасности, то носили лишь холщовые доспехи. Прочим надлежало сражаться, не отступая, до тех пор, пока христианское знамя развевается на поле битвы. Для них считалось наградой, если им удавалось невредимыми вернуться из сражения. Когда войска тамплиеров были в походе, оруженосцы скакали впереди рыцарей с их багажом. Если рыцари готовились к атаке, один оруженосец скакал впереди своего рыцаря с его пикой, а второй был позади с боевой лошадью.

Остается еще отметить, что в ордене были различные должности, которые подходили для прислуживающих братьев, точнее, для которых последние были годны.

Рыцари, капелланы и прислуживающие братья были полноправными членами ордена, и только к ним применимо название тамплиер. Но как тамплиеры, так и госпитальеры придумали способ подчинения мирян своим интересам и извлечения преимуществ из установления с ними тесных отношений, практика, которую затем переняли нищенствующие ордены францисканцев и доминиканцев. Иезуиты, которые всегда умели различать, что может послужить на пользу их общине, также использовали ее, и, как представляется, данная традиция все еще практикуется в католических странах. Эта система называется аффилированность.

Аффилированными были люди из самых разных социальных слоев и обоих полов, которые, не отказываясь от своего мирского образа жизни и не надевая особого облачения, присоединялись к ордену для получения преимуществ, духовных и мирских, которыми они хотели пользоваться. Эти преимущества были весьма существенными, если вспомнить, что все, кто присоединялся к ордену, разделяли заслуги его благих деяний, а это в те времена ценилось превыше всего. Ничто не могло более содействовать распространению системы аффилирования, чем освобождение тамплиеров от действия интердикта (запрещение всех церковных действий и треб. – *Ред.*). Во времена, когда во власти любого епископа было подвергнуть этому ужасному наказанию целые города, для набожных и суеверных умов было большим утешением принадлежать к обществу, которое игнорировало церковное проклятие и которое могло позволить себе, по

крайней мере время от времени, служить мессу, совершать таинства и которое гарантировало им, в случае смерти в период интердикта, все преимущества христианского погребения. Также в те дни, когда право сильного действовало повсеместно и жизнь человека зависела не столько от его невиновности или же законности его прав, сколько от силы сторонников, принадлежность к столь влиятельной организации, как тамплиеры, несла в себе весьма внушительные последствия, и это наверняка очень тешило как мирскую, так и духовную гордость юриста или бюргера, что он принадлежит к тому же обществу, как и столь родовитые монахи-воины Храма.

Эти значительные привилегии раздавались тамплиерами не без соответствующей компенсации. Амбициозный и жадный до чужого богатства орден требовал, чтобы тот, кто искал чести быть аффилированным с ними, должен был, помимо принесения трех обетов, поклясться вести достойный образ жизни, продвигать интересы ордена всеми своими силами и оставить ему после смерти всю свою собственность. Если тот был женат и умер раньше своей жены, то он мог оставить ей необходимое денежное содержание, но со дня вступления в орден он не должен был делить с ней кровать, хотя и мог продолжать жить в одном доме с ней, поскольку, если бы у него появились дети, ему пришлось бы обеспечивать их в ущерб ордену, либо же те после его смерти могли беспокоить орден требованиями о возврате имущества. По схожей причине аффилированным лицам запрещалось выступать в качестве крестных отцов, ведь они могли тайно или открыто передать часть своего имущества своим крестникам. Им даже не разрешалось делать пожертвования церкви. Если кто-нибудь отваживался нарушить эти запреты, его ожидало суровое наказание, как правило пожизненное тюремное заточение.

Самые разные люди жаждали влиться в эту уважаемую и влиятельную общину. Среди аффилированных лиц можно было встретить монаршие персоны и знатных прелатов: даже великий папа Иннокентий III в одной из своих булл заявил, что находится в подобных отношениях с орденом. Многие рыцари, которые делили жилище с тамплиерами и сражались с ними под их знаменами, также были аффилированы с орденом.

В истории тамплиеров неоднократно упоминаются и *сестры*, то есть женщины, которые были связаны с орденом, поскольку у них не

было монахинь, как в Мальтийском ордене в более позднее время.

В менее тесных взаимоотношениях с орденом, чем аффилированные лица, состояли те, кого называли донатами и облатами. К ним относились люди, которые, как следует из названий, были отданы или направлены в орден. Это были либо дети, которых родители или родственники решили отдать на службу ордену по достижении ими необходимого возраста, либо уже взрослые люди, которые посвятили себя служению ордена до окончания своих лет, не требуя вознаграждения, исключительно из уважения к нему и рассчитывая получить его защиту и участие в добрых деяниях. Люди всех чинов, правители и священники и многие прочие встречались среди облатов у тамплиеров.

Глава 6

Провинции ордена. – Восточные провинции. – Иерусалим. – Обитатели в провинциях. – Триполи. – Антиох. – Кипр. – Западные провинции. – Португалия. – Кастилия и Леон. – Арагон. – Франция и Овернь. – Нормандия. – Аквитания. – Прованс. – Англия. – Германия. – Верхняя и Центральная Италия. – Апулия и Сицилия

Таким образом, видно, насколько много людей самого разного уровня было в той или иной мере связано с орденом тамплиеров и насколько мощным должно было быть его влияние в христианском мире. Чтобы позволить читателю получить представление о богатстве и влиянии ордена, следует, прежде чем рассказывать о системе внутренней организации, дать обзор его владений в различных странах.

Обширные владения ордена тамплиеров в Азии и Европе делились на провинции, в каждой из которых были многочисленные прецептории или обители и назначаемый губернатор. Эти провинции можно классифицировать как находящиеся под восточным и западным правлением.

К восточным провинциям ордена относились:

I. Иерусалим. Эта провинция всегда считалась ведущей, главной резиденцией и столицей ордена. Магистр и капитул заседали здесь до тех пор, пока священный город находился в руках христиан. Эта провинция была образована первой, ее система управления и организации послужила моделью для всех прочих. Магистр этого региона, или, как его называли, прецептор земли и королевства Иерусалимского, возвышался над всеми другими лицами того же ранга.

Округами бейлифов, или командорства, в этой провинции были:

1. Храм Иерусалима, колыбель ордена и первоначальная резиденция магистра и капитула.

2. Шато-Пелерин, или замок Пилигримов, прославленный в истории Крестовых походов. Этот замок был построен тамплиерами в 1217 году в качестве их главной резиденции в случае падения Иерусалима. Он располагался на восточном склоне горы Кармел, который уходил в море между Кайфой и Кесарией. У тамплиеров уже давно была сторожевая башня у подножия этой горы, называвшаяся *Разрушительница*, или Проходная, для защиты пилигримов от разбойников, скрывавшихся в горных ущельях. Помощь тамплиерам в строительстве крепости, которая предназначалась также и для защиты Акры, была оказана Волтером Д'Авеснесом, германскими рыцарями и паломниками. Поэтому, возможно, они и назвали ее Шато-Пелерин. Кардинал де Витри, который был тогда епископом Акры, так описывал замок. Он был построен на мысе, который с трех сторон омывался морем. Когда закладывался фундамент, были обнаружены две стены древней кладки и несколько ключей с удивительно чистой водой, также было найдено некоторое количество старинных монет с непонятными надписями, которые были преподнесены, как возвышенно предположил епископ, Богом своим сыновьям и воинам для компенсации трудов и расходов, в которых они пребывали. Это место, вероятно, было укреплено в давние времена евреями или римлянами. Строители возвели две огромные башни из множества обломков скал, каждая высотой в 100 футов и шириной в 74 фута. Они были соединены внушительной стеной, достаточно широкой, чтобы сверху на ней мог находиться вооруженный всадник. У нее имелся парапет и зубчатое ограждение, к которым вели ступени. Внутри находились церковь, дворец и несколько домов, пруды для разведения рыбы, солеварня, дровяной склад, пасека, сад и виноградник. Располагаясь в шести милях от горы Табор, замок контролировал прилегающие к Акре равнину и морское побережье. Здесь магистр и капитул приобрели окончательное пристанище после того, как с 1118 по 1187 год пребывали в Иерусалиме, с 1187 по 1191 год – в Антиохе и с 1191 до 1217 года в Акре. «Главное назначение этого сооружения, – как пишет де Витри, – это чтобы вся община тамплиеров, покинувшая греховный город Акру, преисполненный непристойностями всех видов, могла находиться здесь под защитой стен, пока не будут восстановлены стены Иерусалима». Пророчество, которому никогда не суждено было сбыться! После падения Акры в

1291 году Шато-Пелерин был оставлен рыцарями, и неверные сровняли его с землей.

3. Замок Сафат у подножия горы Табор. Эта мощная крепость была захвачена Саладином. Ее снесли в 1220 году по приказу Корадина, но потом тамплиеры восстановили ее и удерживали до 1266 года, когда она была утрачена окончательно.

4. Храм в Акре – весьма укрепленное сооружение, ставшее последним из захваченных в этом городе.

5. Горная крепость Док, между Вефилем и Иерихоном.

6. Фаба, античный Афек, вблизи Тире на территории древнего племени ашур.

7. Несколько небольших замков вблизи Акры, упоминаемые в истории войны с Саладином как Ла-Каве, Марле, Ситарн-Руж, Касл-Бланк, Ла-Соммелье-дю-Темпле.

8. Обитель в Газе.

9. Замок Брод Якова на реке Иордан, построенный в 1178 году королем Болдуином IV для предотвращения грабительских набегов арабов. Когда Саладин овладел этой крепостью, он крайне жестоко расправился с тамплиерами, находившимися там.

10. Обитель в Яаффе.

11. Замок Ашшур вблизи этого города.

12. *Gerinum parvum* (Пти-Герен).

13. Замок Бофор вблизи Сидона, купленный орденом в 1260 году у Юлиана, феодала этого города.

Можно заметить, что большинство из этих мест проживания тамплиеров были укрепленными замками и крепостями. Это было единственной возможностью сохранить свои владения в такой стране, как Палестина, подвергавшейся постоянным набегам тюрков и сарацин. Помимо этих фортификационных сооружений тамплиеры владели крупными фермами и участками земли, названия которых неизвестны, но упоминания о которых часто встречаются в истории ордена.

II. Триполи. Основная резиденция ордена в этой провинции находилась в самом городе Триполи, в нее также входили: Тортоса, античный Антарадус; Касл-Бланк – в том же районе; Лаодиция, Тире, Сидон и Бейрут.

III. Антиох. Об этой провинции известно немного. Существовала обитель в Алеппо, и полномочия ее приора распространялись, по всей видимости, на Армению^[81], где у ордена была собственность на 20 тысяч византов.

IV. Кипр. До тех пор, пока тамплиеры удерживались на материке, Кипр, как представляется, не был отдельной провинцией, а относился либо к Триполи, либо к Антиоху. После того как король Англии Ричард завоевал этот остров, он продал его за 25 тысяч серебряных марок тамплиерам, которые уже имели существенную собственность на нем. В следующем году с согласия ордена, который, разумеется, не остался внакладе, остров был передан во владение Ги де Лузиньяну, королю Иерусалима. После захвата Акры неверными главное место расположения ордена на этом острове было установлено в Лимесале, также называвшемся Лимисса и Немозия. Этот город, располагавшийся в удобной гавани, тамплиеры существенно укрепили. У них также была обитель в Никосии и еще одна в античном Пафосе, называвшаяся Гастира, в этом же месте находился неприступный замок Колосса.

Некоторое представление о том, какова была стоимость владений тамплиеров на Кипре, можно получить исходя из того обстоятельства, что, когда в 1316 году после расправы над орденом папа римский приказал епископу Лимиссы передать их собственность госпитальерам, в городе в одном из домов было найдено 26 тысяч византов в виде монет и серебряное блюдо стоимостью в 1,5 тысячи марок. Поскольку последний магистр, отправляясь во Францию десятью годами ранее, увез с собой все сокровища ордена, эти ценности, видимо, были накоплены за последующие годы с доходов от владений ордена на этом острове.

К западным провинциям ордена относились:

I. Португалия. Уже в 1130 году (серьезное доказательство быстрого разрастания ордена) Галдин Пез, первый местный магистр тамплиеров в Португалии, построил замки Томар, Монсенто и Айданна. У тамплиеров были также поселения в Кастромарине, Альмурале и Лангровии. Томар был резиденцией главного приора.

II. Кастилия и Леон. В этой провинции владения ордена были настолько обширны, что в одной лишь Кастилии было 24 бейлифа^[82].

III. Арагон. В этой провинции, которая изобиловала замками, несколько принадлежало тамплиерам, а бейлиф Майорки, где у них также были поселения, был под юрисдикцией верховного приора Арагона. Можно отметить, что большинство замков, которыми владел орден в Испании и Португалии, находились на границах с мавританскими территориями. Некоторые из них были отданы тамплиерам как непримиримым врагам неверных, другие были отвоеваны ими у мавров.

Франция, в которой владения ордена были внушительными, была разделена на четыре провинции, а именно:

IV. Франция и Овернь, включая Фландрию и Нидерланды.

V. Нормандия.

VI. Аквитания, или Пуату.

VII. Прованс.

Резиденциями верховных приоров в этих четырех провинциях были: во Франции – просторный и величественный храм в Париже, который, по словам Матфея Парижского, был достаточно большим и вместительным, чтобы в нем расположилась армия; в Нормандии, предположительно, – *La ville Dieu en la Montagne*; в Пуату – храм в Пуатье; в Провансе – Монпелье.

VIII. Англия. Английская провинция включала в себя Шотландию и Ирландию. Хотя эти два королевства и имели своих верховных приоров, они подчинялись Верховному приору Англии, который находился в Храмовой церкви в Лондоне.

Основными бейлифами в Англии были: 1. Лондон; 2. Кент; 3. Уорик; 4. Висдон; 5. Линкольн; 6. Линдси; 7. Болингбрук; 8. Вайдин; 9. Егерстоун; 10. Йорк. В них располагалось семнадцать прецепторий и множество церквей, обителей, ферм, мельниц и прочего, принадлежавшего ордену^[83].

Главным местом расположения ордена в Шотландии был, по всей видимости, Блэнкрэдокс. Его владения в этой бедной и беспокойной стране не были обширными, в Ирландии, видимо, тамплиеров также было немного, в пределах Пейла. Имеются сведения не более чем о трех их обителях в этой стране, а именно: Глоукхорп – в Дублинской епархии, Уилбрайд – в Фернской и Сиверк – в Килдэрской.

IX. Германия. Очень трудно сказать, как именно орден управлялся в Германии, где у него были огромные владения. Известно

о трех верховных приорах: Верхней Германии, Бранденбурга, а также Богемии и Моравии, один из которых, трудно сказать, кто именно, обладал, по всей видимости, властью над другими. Хотя тамплиеры приобрели земли в Германии уже в 1130 году, вплоть до XIII века их владения в этой стране не были значительными. Польша входила в германскую провинцию. Верховный приор Алемании и Славии – таков был общепринятый титул германского приора. Несмотря на то что тамплиерам в Венгрии принадлежало большое количество собственности, нет оснований считать, что она составляла самостоятельную провинцию, она, более вероятно, подчинялась верховному приору Германии.

X. Верхняя и Центральная Италия. В этой части Апеннинского полуострова не было хоть сколько-нибудь значимого города, в котором бы у тамплиеров не было обители. Главная располагалась на Авентинском холме в Риме, где была резиденция верховного приора. Ее церковь сохранилась до наших дней и называется Иль-Приорато, или Монастырь.

XI. Апулия и Сицилия. Владения тамплиеров на Сицилии были очень внушительными. У них были монастыри и земли в Сиракузах, Палермо, Трапани, Бутере, Лентини и в других городах, все подчинялись центральной обители, располагавшейся в Мессине. Верховный приор располагался либо в Мессине, либо в Беневенто в Апулии. Возможно, резиденция была перенесена в последний город после того, как император Фредерик II конфисковал значительную часть собственности ордена на Сицилии.

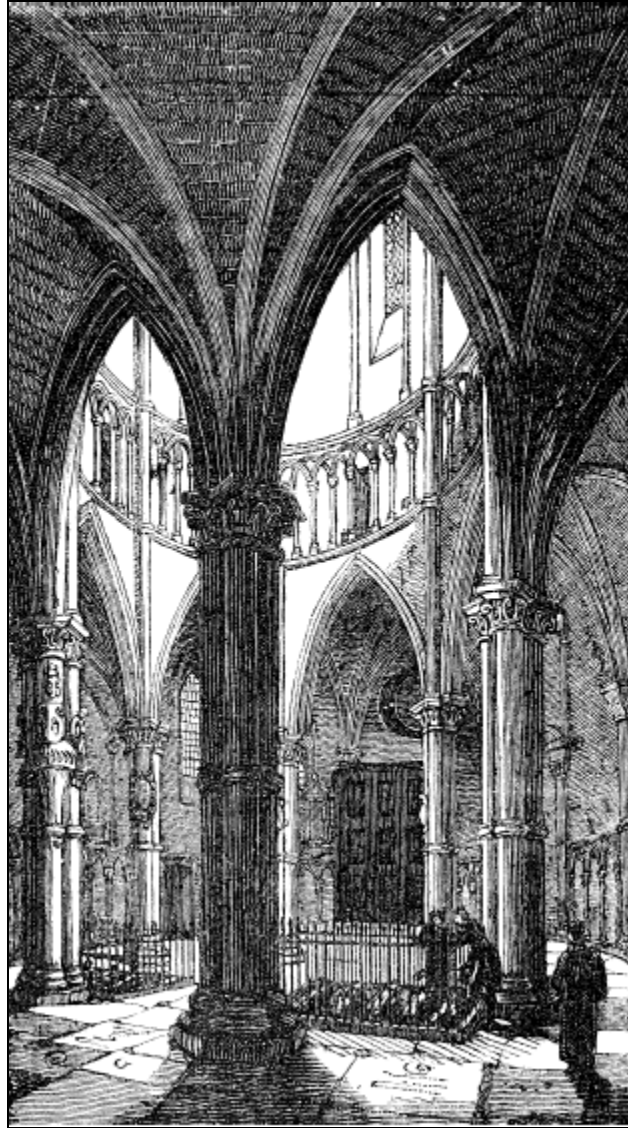

Рис. 9. Внутреннее помещение Круглой башни в Храмовой церкви, Лондон

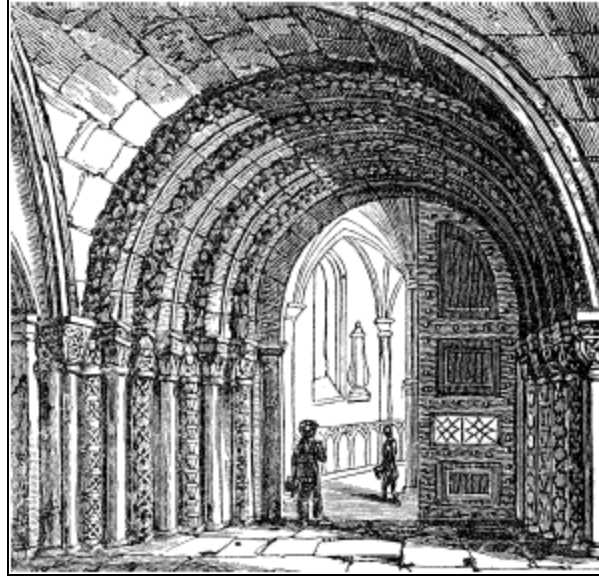

Рис. 10. Саксонские ворота, Храмовая церковь, Лондон

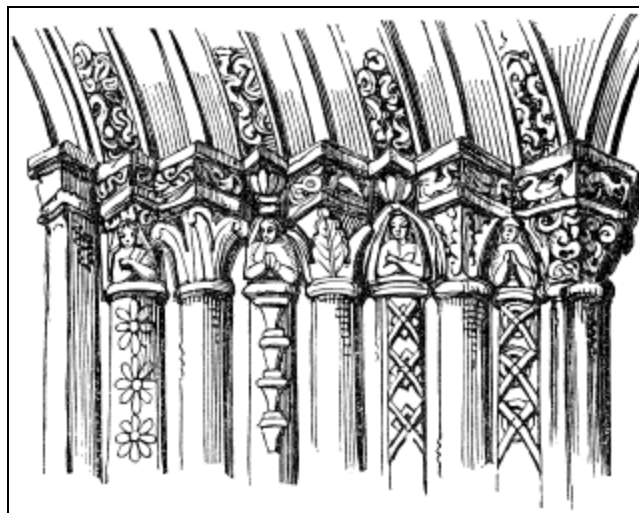

Рис. 11. Фрагмент колонн саксонских ворот

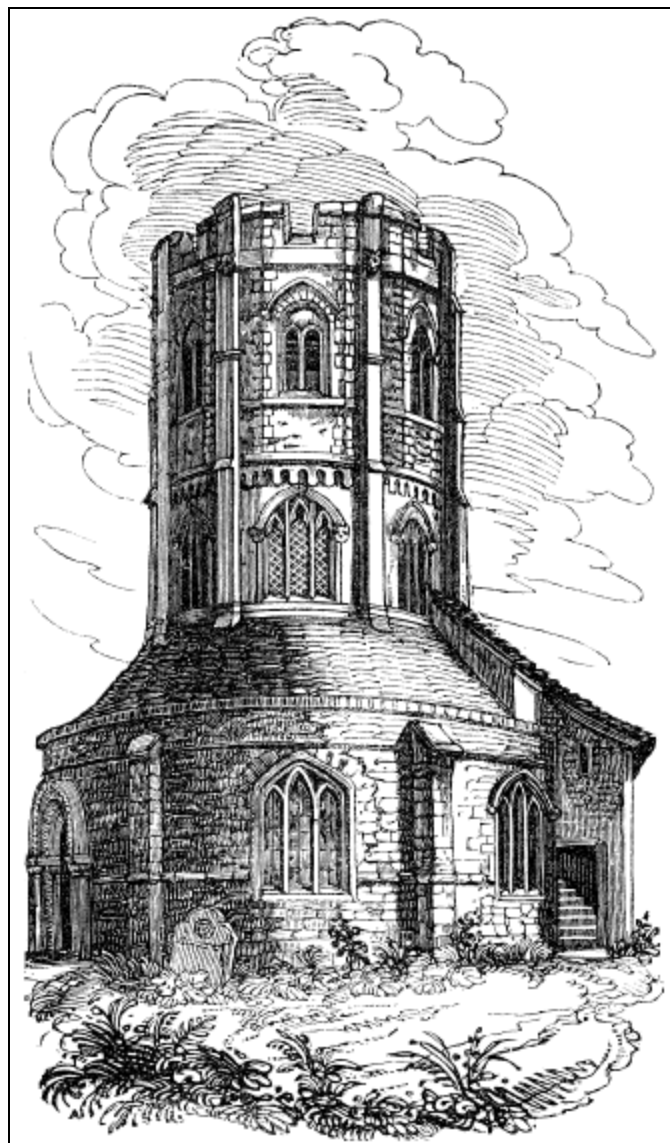

Рис. 12. Круглая Храмовая церковь, Кембридж

В Дании, Норвегии и Швеции у ордена вообще не было собственности. Хотя выходцы из этих стран принимали некоторое участие в Крестовых походах и поэтому не были лишены религиозного рвения, их бедные, малоизвестные страны не представляли интереса для материальных притязаний и амбиций тамплиеров, которые никогда не стремились обосноваться там.

Таким образом, видно, что, за исключением северных королевств, в Европе не было места, где орден Храма не имел бы своих общин. Повсеместно у них были церкви, капитулы, десятины, фермы, деревни, мельницы, права на выпас скота, рыбную ловлю, охоту и заготовку

древесины. Во многих местах у них было также право проведения ежегодных ярмарок, которые организовывали и собирали плату либо члены их близлежащей общины, либо их донаты или прислужники. Количество их прецепторств, по самым скромным подсчетам, составляло около 9 тысяч, а годовой доход ордена оценивался в 6 миллионов стерлингов – колоссальная сумма по тем временам. Владельцы этих доходов происходили из самых знатных родов христианского мира и, объединяя в себе наиболее почитаемые образы мирской и духовной жизни, считались избранными воинами Христа, цветом религиозного рыцарства, поэтому тамплиерам в столь смутные времена XII–XIII веков было трудно не поддаваться порокам роскоши и гордыни. Не стоит потому удивляться, что они стали предметом зависти и ненависти духовенства и мирян, а также породили страхи и жажду наживы у алчных, вероломных монархов.

Глава 7

***Должности в ордене. – Магистр. – Порядок избрания. –
Права и привилегии. – Накладываемые ограничения. –
Сенешаль. – Маршал. – Казначей. – Драпиер. –
Тюркопилер. – Верховные приоры. – Командоры. –
Надсмотрщики. – Субмаршал. – Знаменосец***

Орден, состоящий из столь большого количества членов, богатства и владения которого имели такой размах, должен был иметь множество должностных лиц, а также различные чины и звания. На изучение этой сферы их организации будет обращено внимание в этой главе.

Во главе ордена стоял магистр, или, как его иногда называли, Великий магистр тамплиеров^[84]. Это лицо всегда было рыцарем и обычно имело одно из наивысших званий в ордене. Хотя его власть существенно ограничивалась капитулом, он пользовался очень большим уважением и всегда рассматривался в качестве представителя ордена. В соборах магистры тамплиеров и госпитальеров председательствовали над всеми посланниками и сидели рядом с прелатами. Все монархи видели в магистре тамплиеров человека королевского титула и должности.

Положение, которое предоставляло столь высокий ранг и почет, разумеется, становилось предметом больших амбиций. Однако скудные свидетельства, оставшиеся после этого общества, не позволяют вычленить некий особый пример развязывания интриг в борьбе за этот пост. Неясной остается и история последнего магистра, который будет упомянут ниже.

Процедура избрания магистра была следующей.

После смерти магистра – событие, всегда происходившее на Востоке, поскольку он должен был вести дела оттуда, из Иерусалимского королевства, – если в это время там находился маршал ордена, он брал на себя обязанности магистра до тех пор пока

при помощи капитула и всех бейлифов восточных провинций он не назначит верховного приора исполнять обязанности магистра.

Из-за нескончаемой войны, шедшей на Востоке, и по другим причинам зачастую между смертью магистра и назначением его преемника лежал длительный промежуток времени. В период *междуцарствия* обществом руководил верховный приор, который обладал печатью магистра.

Когда наступал день избрания, высшие должностные лица ордена и все приглашенные для присутствия бейлифы собирались во дворце, в котором проходила церемония – чаще всего капелла ордена. Верховный приор вместе с несколькими рыцарями, отойдя в сторону, совещался с ними. Затем они просили двух-трех или большее количество наиболее уважаемых рыцарей удалиться. Верховный приор подсчитывал голоса оставшихся рыцарей в пользу тех, кто вышел. Тот, кто набрал наибольшее количество в свою пользу, объявлялся избирающим приором. После этого отсутствовавших рыцарей звали обратно и до их сведения доводился выбор собравшихся. Рыцарь, обладающий качествами набожности, умиротворенности и беспристрастности, назначался помощником избирающего приора. Все собравшиеся теперь уходили, оставляя двоих в часовне, где они проводили всю ночь в молитвах.

На следующий день после проведения обычных утренних ритуалов и чтения молитвы Святому Духу капитул собирался вновь. Верховный приор призывал двух избирающих братьев выполнять свою обязанность достойно и честно. Затем они, уединяясь, выбирали еще двух братьев, эти четверо – еще двух и так до тех пор, пока их количество не достигало 12 человек по числу апостолов. Эти двенадцать после этого избирали брата-капеллана, чтобы тот представлял образ Иисуса Христа и обеспечивал мир и порядок. Требовалось, чтобы все тринадцать человек были из различных провинций: восемь из них – рыцари, четверо – прислуживающие братья и один священник. Потом тринадцать избирателей возвращались в часовню и избирающий приор просил всех присутствующих помолиться за них, поскольку огромный труд возложен на них. Все опускались на колени и молились, а верховный приор торжественно напоминал избирателям их обязанности и заклинал их исполнить их честно и справедливо. Вновь попросив

собравшихся помолиться, избирающий приор и его сотоварищи удалялись в отведенное для обсуждения место. Если избиратели единогласно или большинством голосов назначали какого-либо рыцаря по ту или другую сторону моря, он считался избранным. Если они расходились во мнениях, избирающий приор выходил с одним из рыцарей и, проинформировав собравшихся об обстоятельствах, просил их обратиться к молитвам. Все опускались на колени, а двое избирающих возвращались к своим товарищам. Если теперь они приходили к согласию, лицо, которое они выбрали, объявлялось магистром.

Если тот, кого они выбрали, что случалось нередко, находился в часовне, все тринадцать выходили к собравшимся, и избирающий приор от их имени заявлял:

– Дорогие братья, слава и хвала Господу нашему Иисусу Христу, Пресвятой Богоматери и всем святым, чьею волею мы пришли к согласию и в соответствии с вашими пожеланиями избрали во имя Всевышнего магистра Храма. Одобряете ли вы деяние наше?

Присутствующие отвечали:

– Во имя Всевышнего!

– Клянётесь ли вы подчиняться ему до скончания дней его?

– Да, с Божьей помощью!

Избирающий приор после этого поворачивался к верховному приору и говорил:

– Приор, если Всевышний и мы избираем тебя магистром, клянёшься ли ты подчиняться капитулу до скончания дней своих и защищать добрые нравы и традиции ордена?

– Да, с Божьей помощью! – отвечал он.

Такие же вопросы затем задавались наиболее знатным рыцарям, и, если избранное лицо присутствовало на собрании, избирающий приор подходил к нему и обращался со словами:

– Во имя Отца, Сына и Святого Духа мы избрали тебя, брат N. N., магистром, исполни выбор! – Затем он продолжал: – Дорогие братья, судари, возблагодарите Всевышнего, перед вами наш магистр.

Капелланы после этого громко распевали благодарственный молебен «Тебя, Бога, хвалим!», собравшиеся поднимались с колен и с величайшим почтением и радостью, подняв нового магистра на руки, заносили его в часовню, где оставляли у алтаря. Он становился на

колени, пока братство молилось вместе с капелланом, повторяющим «Господи, помилуй!», «Отче наш» и другие молитвы.

Избрание магистра Храма не требовало папского согласия: решение капитула было окончательным. Двое рыцарей назначались в качестве помощников.

Денежное содержание и свита магистра вполне соответствовали статусу, высокий уровень которого он должен был поддерживать в мире, и положению ордена, который он представлял. Ему было дозволено иметь четыре лошади и оруженосца благородного происхождения. У него был капеллан и два секретаря: один для обработки его латинской корреспонденции, которого он имел право, по прошествии времени, произвести в рыцари ордена. Второй, которого называли сарацинским и который, вероятнее всего, происходил из восточных христиан, вел переписку с неверными на арабском языке. Помимо этого у магистра были: кузнец, повар, полутюрк^[85], двое пехотинцев и тюркмен^[86] в качестве проводника. В походе тюркмен скакал на лошади позади оруженосца, а в военных условиях его привязывали, чтобы не дать сбежать. При обычных переездах магистр мог взять двух вьючных животных, но во время войны или же в случае поездки за пределы Иордана или ущелья Пса^[87] ему было позволено увеличить их количество до четырех, которые по щепетильным статутам по прибытии в то место, куда он направлялся, должны были быть переданы в конюшню и использоваться для нужд этого хозяйства. Наконец, магистр был главнокомандующим орденом в боевых действиях и, таким образом, подобно спартанским царям, мог действовать в определенной степени освобожденным от уз капитула. Когда он умирал, его хоронили с огромными почестями и помпой, зажигались факелы и восковые свечи – честь, которой орден не удостоивал ни одного из своих прочих членов. Все рыцари должны были присутствовать на похоронах, прелатов также приглашали почтить их своим присутствием. Каждому из присутствующих братьев надлежало в течение семи дней 200 раз повторить «Отче наш» за упокой души усопшего. С той же целью сотню бедняков нужно было накормить в обители в тот же вечер.

С другой стороны, магистр был обязан подчиняться капитулу, и он практически ничего не мог сделать, не посоветовавшись с кем-либо из собратьев. Он не мог никого назначить на более высокие посты в

ордене, но ему было разрешено, по совету и с согласия наиболее уважаемых рыцарей, ставить руководителей нижестоящих приорств и прецепторий. Ему не было позволено продавать или иным образом отчуждать какие-либо земли ордена без одобрения капитула. Не мог он также без его согласия заключать ни мир, ни даже перемирие. Их согласие требовалось и на придание магистру полномочий на внесение изменений в законы общества, на прием в него новых членов или чтобы отправить кого-либо из братьев на другую сторону моря. Он не мог получить какие-либо деньги из казны без согласия приора Иерусалима, который был казначеем общества. Фактически магистр Храма был настолько ограничен и сдержан в любых своих действиях, а его должность имела настолько почетно-представительский характер, что статус магистра тамплиеров лучше всего можно сравнить с положением, как уже сравнивали, царя спартанцев или венецианского дожа. Весьма любопытно видеть магистра тамплиеров столь ограниченным в своих полномочиях, в то время как аббат бенедиктинцев, установления которого тамплиеры во многом позаимствовали, пользовался почти монаршей властью.

Вторым после магистра лицом по своему положению был сенешаль, который, как следует из названия^[88], был представителем магистра и его ближайшим помощником. Он обладал правом присутствовать на всех капитулах ордена и быть ознакомленным со всеми принятыми там решениями. Ему разрешалось иметь такое же количество лошадей, как и магистру, но вместо мула ему была положена верховая лошадь. У него было два оруженосца и один прикрепленный к нему в качестве помощника рыцарь. Дьякон выступал в качестве его капеллана и секретаря. Также при нем был сарацинский секретарь, полутюрк и два пехотинца. Как и магистр, он обладал печатью ордена.

Маршал являлся главнокомандующим орденом. Он отвечал за флаг ордена и вел братство на битву. Все вооружение, снаряжение, конюшни находились под его надзором. Именно он назначал субмаршала и знаменосца. Как и все прочие высшие должностные лица, он назначался магистром и капитулом. Как говорилось выше, в случае смерти магистра в Иерусалимском королевстве маршал занимал его место до избрания верховного приора. Маршалу позволялось иметь четыре лошади, двух оруженосцев, сержанта и полутюрка.

Должность казначея ордена всегда совмещалась с обязанностями прецептора Иерусалимского королевства. Это лицо несло ответственность за все доходы и расходы ордена, о которых оно должно было отчитываться по первому требованию перед магистром и капитулом. Весь гардероб ордена также находился под его опекой, и драпиер числился у него в помощниках, без его ведома никакая одежда не могла быть выдана. Поскольку те немногие суда, которые принадлежали тамплиерам, также находились в его ведении, то казначея в определенной мере можно считать и адмиралом ордена. По этой причине прецептор Акры находился в подчиненном к нему положении. Казначее выделялось столько же лошадей и прочего, сколько сенешалю.

Драпиер заведовал всем обмундированием ордена, он должен был контролировать, чтобы каждый из братьев был достойно и подобающим образом одет. Ему полагалось четыре лошади, два оруженосца и снаряженец.

Тюркопилер командовал легкой кавалерией. Все сражающиеся прислуживающие братья и полутюрки находились под его началом. Сам же он подчинялся маршалу. Когда он участвовал в боевых действиях, к нему присоединялось несколько рыцарей. Они выполняли его приказы, однако, если их число достигало десяти человек, при них было знамя и рыцарь-прецептор, тюркопилер переходил в подчинение этому военачальнику, что подтверждает не очень высокое положение должности тюркопилера в ордене. Тюркопилеру полагалось четыре лошади.

Помимо этих должностей в ордене на Востоке существовали также верховные приоры, верховные прецепторы или магистры трех провинций (данные названия были синонимами) – Иерусалима, Триполи и Антиоха, а также подчиняющиеся им прецепторы.

Верховный приор Иерусалима также являлся и казначеем. Верховные приоры Триполи и Антиоха ведали делами братств и владений ордена в данных провинциях. Им выделялось такое же количество помощников и лошадей, сколько и сенешалю. Приор Антиоха, когда отправлялся в Армению, граничащую с этой провинцией и в которой у ордена были владения, мог взять с собой капеллана и походную церковь, поскольку армяне были еретиками-

монофизитами, с которыми праведные католики тамплиеры не могли вместе отправлять богослужения.

У приора Иерусалима были и особые обязанности. Именно в его задачу входило сопровождать паломников к реке Иордан и обратно – одна из первоначальных целей создания ордена, для чего под его командованием находилось десять рыцарей. При исполнении этой миссии он брал с собой знамя ордена и круглую палатку, в которую, когда разбивался лагерь, он мог поместить тех, кто заболел. Также с собой бралась провизия и выючные животные, на которых можно было бы посадить паломников, которые ослабели на обратном пути.

Если в какой-либо поход брался с собой крест с Голгофы, именно в обязанности приора Иерусалима и десяти рыцарей входило круглосуточно находиться при нем и нести его охрану. Рядом с крестом устанавливалась палатка приора, и еженощно два рыцаря дежурили у него.

Все мирские рыцари в Иерусалиме, которые причисляли себя к сторонникам ордена, подчинялись приору и сражались под его знаменем. Все члены ордена, находившиеся в Иерусалиме, в отсутствие маршала переходили под его начало. Половина захваченных по ту сторону Иордана трофеев полагалось приору Иерусалима, вторая половина – верховному приору королевства.

Рис. 13. Прецептория, Свингфилд, Дувр

Как было сказано выше, Запад, как и Восток, разделялся на провинции ордена. Каждая из этих провинций возглавлялась

ближайшим соратником магистра, который величался магистром провинции, верховным приором или же верховным прецептором, со своим капитулом и должностными лицами наподобие тех, что были в Иерусалимском королевстве. Он назначался, о чем будет рассказано ниже, магистром и капитулом. Вступая в должность, он клятвой обязался защищать католическую религию и не только своими речами, но и оружием, и всеми своими силами; следовать правилам, установленным святым Бернаром; повиноваться магистру; отправиться к нему на помощь за море, как только это потребуется; защищать его от всех неверующих правителей; не обращаться в бегство перед лицом неверных врагов; не расточать имущество ордена; быть верным местному правителю; хранить целомудрие; оказывать помощь всем священнослужителям, особенно цистерцианцам, словом и делом.

Магистрам провинций подчинялись приоры, бейлифы, а также магистры крупных округов провинций, имевших под своим надзором несколько обителей ордена и их прецепторов. Они жили в больших домах-храмах вместе с внушительным количеством рыцарей. У них было право собирать капитулы и принимать в орден новых членов.

Прецепторы подчинялись приорам. Они возглавляли одну или несколько обителей ордена. Обычно они были рыцарями, но иногда встречались и священники. Прецепторы были двух видов: прецепторы обители и рыцари-прецепторы. Первые, как следует из названия, просто возглавляли обитель и могли быть священниками или прислуживающими братьями. Последние, которые, как представляется, встречались только на Востоке и в Испании, возглавляли десятку рыцарей в бою.

Еще одна должность, на которую назначались тамплиеры, носила название надсмотрщик. Это были рыцари, которые в качестве представителей магистра посещали различные провинции ордена, в особенности на Западе, чтобы разобраться со злоупотреблениями, ввести новые правила, а также разрешить такие споры и судебные разбирательства, решение по которым обычно принималось магистром и капитулом. Все местные должностные лица и даже верховные приоры обязаны были подчиняться надсмотрщикам как представителям самого магистра. Полномочия надсмотрщиков прекращались сразу, как разрешался вопрос, по которому они были посланы, либо когда они отзывались обратно.

Помимо вышеупомянутых должностей, которые предназначались исключительно для рыцарей, были еще менее значимые, которые подходили для прислуживающих братьев. Таких должностей было пять, а именно: субмаршал, знаменосец, кузнец, повар и прецептор побережья Акры. Каждому из них было дозволено иметь две лошади.

На субмаршале лежали все текущие заботы по снабжению ордена (*le petit harnois*), включая и конскую сбрую. Все ремесленники ордена подчинялись ему и обязаны были отчитываться перед ним за свою работу. Он обеспечивал их необходимыми инструментами и материалами, мог послать, куда ему заблагорассудится, для службы интересам ордена, а также имел право отпускать их на выходные в другие места развлечься. Субмаршал и знаменосец исполняли обязанности друг друга при отсутствии одного из них.

Знаменосец руководил всеми оруженосцами ордена, то есть теми, кто лишь на ограниченное время поступал на службу ордену. Он был обязан ознакомить их с правилами, по которым они должны были жить, и с наказаниями, которые они понесут в случае неповиновения. Он также выплачивал им жалованье. Когда бы оруженосцы ни выгоняли лошадей на пастбища, он был обязан выезжать впереди со знаменем ордена. Он всегда сидел во главе стола прислуживающих братьев и оруженосцев. Когда орден выступал в военный поход, его задачей было скакать впереди знамени, которое за ним нес оруженосец или везла повозка^[89]. Он должен был направиться туда, куда послал его маршал. Когда начиналось сражение, те оруженосцы, которые вели коней рыцарей, должны были сражаться позади своих хозяев, остальные брали верховых лошадей, на которых ехали рыцари, и оставались возле знаменосца, который держал знамя обернутым вокруг своей пики. Когда он видел, что в бой вступал маршал, он разворачивал флаг для поддержки боевого духа оруженосцев, находящихся в тылу сражающихся.

Прислуживающие братья могли занимать должность прецептора обители, но из-за различий в статусе, которые были у них и у рыцарей, прислуживающим братьям разрешалось иметь лишь одну лошадь и оруженосца только из числа прислуживающих братьев. Поскольку Акра была портовым городом, через который проходили все поставки ордена в Европу и обратно, местное прецепторство по необходимости возлагало на лицо, оказавшееся на этом месте, множество забот и

трудов, а также требовало хорошего знания коммерческой деятельности и практической стороны жизни. Поэтому оно считалось неподходящим для рыцаря и всегда отдавалось прислуживающему брату. Прислуживающие братья также ставились во главе различных ферм и поместий ордена. Их называли братьями-управляющими – на латыни, *грангиариями* или *грангиариусами прецептории*. Их, вероятнее всего, назначали из числа ремесленников ордена. Им полагалось две лошади и оруженосец.

Глава 8

Капитулы. – Порядок их проведения. – Образ жизни тамплиеров. – Развлечения. – Поведение в бою

Таковыми были члены, владения и различные должности влиятельного общества тамплиеров. Чтобы картина была полной, остается проследить систему внутреннего управления и наиболее важные правила ордена. Начнем с описания капитулов, результатом которых были все нормативные акты и установления ордена.

Очень часто в статутах заявлялось, что магистр занимал место Бога и всем его указаниям следовало повиноваться, как если бы они исходили от Бога. Однако данные фразы, заимствованные из уставов бенедиктинцев, как уже можно было увидеть раньше, не следует воспринимать буквально, поскольку орден тамплиеров был организован по аристократическим, а не по монархическим принципам, и магистр пользовался чем угодно, но не абсолютной властью. По любому вопросу он должен был руководствоваться мнением большинства капитула.

Верховный капитул, или высшее законодательное собрание ордена, состоял из всех высших должностных лиц, верховных приоров провинций и наиболее уважаемых рыцарей, которые были в состоянии присутствовать. Любой член ордена, даже самый низкостоящий прислуживающий брат мог свободно присутствовать в качестве наблюдателя. Но лишь полноправные участники капитула имели право высказываться на нем. Место проведения капитула установлено не было, и его выбор был оставлен на усмотрение магистра. Все законы и правила выработывались и утверждались на верховном капитуле: там выслушивали братьев, назначали высших должностных лиц, избирали ревизоров, чтобы отправить их в различные провинции. Примечательно, что папский легат, похоже, никогда не присутствовал на капитуле тамплиеров, хотя легаты часто помогали на подобных собраниях других орденов. Это, вероятнее всего, можно объяснить той таинственностью, которой тамплиеры с таким удовольствием окутывали свои собрания и свою деятельность. Поскольку они очень

редко проводили верховные капитулы, трудно было найти лучший предлог, чтобы освободить себя от присутствия легата, если им того хотелось. Те, кто приписывает тамплиерам исповедование тайного учения, естественно, расценивают именно это в качестве причины, по которой они не допускали на свои капитулы тех, кто не был инициирован в него.

Верховный капитул собирался нечасто – обстоятельство, которое легко объясняется. Хотя орден и был богатым, он не был способен без существенных неудобств понести издержки по отправке делегатов из всех провинций в Иерусалим, где обычно проводился верховный капитул. Более того, сам магистр и остальные первые лица ордена, очевидно, были заинтересованы избежать созыва собрания, которое немедленно возьмет на себя всю власть и все полномочия, которыми они привыкли пользоваться самостоятельно.

В периоды между встречами верховных капитулов всей властью в ордене пользовался иерусалимский капитул тамплиеров. Он состоял из магистра, высших сановников ордена, некоторых из магистров провинций, присутствовавших от случая к случаю, двух помощников магистра и тех рыцарей, которых он считал нужным пригласить. Данное правило было источником власти магистра, и если он был человеком талантливым и ловким, то мог путем проталкивания своих друзей и тех, на кого он мог положиться, на различные должности, а также приглашая на капитул тех рыцарей, которые были связаны с ним или зависели от него, провести любое устраивающее его решение. Тем не менее законы как средство контроля за ним требовали, чтобы высшие должностные лица ордена участвовали в капитуле, и, поскольку они назначались не магистром и не зависели от него, предполагалось, что они не будут его послушными приспешниками. Такой капитул мог принимать решения по всем делам, касающимся ордена, за исключением некоторых важных вопросов, таких как война и мир; принимать законы и правила, которые были обязательны для исполнения всеми членами общества, а также посылать инспекторов в другие провинции. Все официальные документы, как, например, папские буллы, адресовались ему и магистру. Все решения по наиболее важным вопросам исходили от капитула, и все братья, принятые в орден на Западе, направлялись к нему, чтобы быть распределенными туда, где они могли бы быть, на его взгляд,

полезными. Показания, данные одним французским рыцарем на допросе, показали, что в иерусалимский капитул крайне редко принимали новых членов, поскольку его участникам было крайне сложно сойтись в едином мнении относительно кандидата. Это указывает на то, что капитул не был местом, где полностью царили гармония и согласие. Действительно, более естественным будет предположить, что, поскольку данный капитул был главным местом сосредоточения власти в ордене, он также был и ареной основных интриг и заговоров.

В каждой провинции ордена был свой верховный капитул и такой же малый, возглавлявшийся верховным приором и состоявший из высших сановников, а также рыцарей, которых приор считал нужным пригласить. Подобным же образом каждая прецептория и крупная обитель ордена имели свои капитулы, на которых все братство обязано было присутствовать. Настоятель был председательствующим, и каждый вопрос решался большинством голосов. Главное их занятие заключалось в приеме новых братьев и в разрешении споров и разногласий, которые очень часто возникали между такими людьми, как тамплиеры, почти поголовно являвшимися воинами. Капитулы собирались по воскресеньям ранним утром, и все присутствующие должны были держать в строжайшей тайне все, что происходило на них, поскольку *таинственность и составляла суть ордена.*

Обычные капитулы проводились следующим образом. Каждый из братьев, когда входил, крестился и, если только не был лысым, снимал головной убор. Председательствующий после этого вставал и произносил: «Встаньте, дорогие братья, и помолитесь, чтобы Всевышний смилостивился над нами сегодня». Каждый несколько раз повторял «Отче наш», и, если присутствовал капеллан, он читал молебен. После этого тщательно проверялось помещение, чтобы среди присутствующих не оказалось никого, кто не принадлежал бы к ордену. Далее председательствующий знакомил с сутью вопроса, предлагая братьям внести изменения в жизнь. Во время его речи никому не было позволено покидать помещение. Когда он завершал свою речь, каждый провинившийся подходил к председательствующему и сознавался в совершенном проступке. После этого он удалялся из помещения, чтобы не видеть и не слышать происходящего, а у собравшихся выяснялось мнение по этому вопросу,

которое затем и доводилось до провинившегося. Всем братьям также надлежало напомнить друг другу об их проступках и попросить признаться и покаяться в них. Если кто-либо выдвигал ложные обвинения против собрата, его сурово наказывали за это. Пока выяснялись обстоятельства дела, обвиненный удалялся из помещения капитула. Наказание обычно исполнялось в присутствии собравшегося капитула при помощи плети или ремня. Те, кто был болен, не подвергались наказанию до тех пор, пока не выздоровеют.

После того как данные вопросы были разрешены, председательствующий разъяснял статуты и просил всех присутствующих строго соблюдать их. Затем он говорил: «Дорогие братья, теперь мы можем завершить наш капитул, поскольку, хвала Господу нашему, все благополучно, и да будет на то воля Всевышнего и Пресвятой Богородицы, так останется и впредь и с каждым днем преумножатся добродетели. Дорогие братья, вам должно быть известно, что требуется, чтобы быть прощенным капитулом и что происходит с теми, кто не участвует в нем. Так знайте, что не только не получают прощения капитула, но и не принимают участия во всех прочих благих его делах те, кто живет как не подобает жить, кто удаляется от добродетельности ордена, кто не признает свои преступления и не раскаивается в них, как предписывают правила ордена, кто распоряжается пожертвованиями ордену как своей собственностью или любым другим нарушающим закон способом расточает их самым неправильным, возмутительным и бездумным образом. Зато те, кто честно признает свою вину и ничего не скрывает из стыда или страха перед получением наказания от ордена, а также искренне раскаивается в своем проступке, может рассчитывать на прощение капитула и на свою причастность ко всем благим деяниям ордена. Поступающим подобным образом я, данной мне властью, именем Господа нашего и Пресвятой Богородицы, во имя святых Петра и Павла, святого отца нашего папы римского и всех вас, доверивших мне эти полномочия, дарую прощение и обращаюсь к Всевышнему, чтобы своим великодушием и из милости к своей Матери, себе самому и ко всем святым Он простил вам грехи ваши, как простил Он их Марии Магдалине». Вслед за этим он просил прощения у тех, кого он мог чем-либо обидеть или нанести какой-либо вред, и служил молебен за мир, за церковь, за все Иерусалимское королевство,

за орден, за все его обители и всех его членов, а также за всех живущих и умерших его покровителей и, наконец, за всех усопших, ожидающих Божьей милости, в особенности тех, кто был похоронен на кладбищах ордена, и за души отцов и матерей тамплиеров. Капеллан, если присутствовал, повторял исповедание грехов, в чем все присутствующие ему следовали, и провозглашал после этого их отпущение. Если капеллана не было среди них, каждый брат повторял «Отче наш» и «Аве, Мария», после чего капитул считался завершённым.

Статуты ордена изобилуют самым детальным описанием того, каким должно быть снаряжение, одеяние и образ жизни самых разных членов ордена. Они были обязаны ежедневно вовремя посещать богослужения во все те часы, когда они проходили, и регулярно соблюдать все церковные посты. Также они должны были читать молитвы и у себя дома, сообща и уединенно. Четко регулировалось и время принятия пищи. Члены ордена собирались по звону колокола. Если в обители присутствовал священник, он благословлял их перед едой, если нет – каждый из братьев читал «Отче наш». Во время трапезы священник читал для них что-нибудь назидательное, а когда она завершалась, никому не было позволено говорить до воздаяния хвалы. В разнообразии еды различий не делалось. Все от мала до велика питались одинаково, и из каждой тарелки ели по двое. Мясные блюда подавались три раза в неделю, за исключением праздничных дней. В дни, когда мясных блюд не было, на стол ставились лишь два блюда. Когда орден был в походных условиях, подача и распределение провизии осуществлялись сервировщиком. Прежде чем выдать питание, он должен был направить прислуживающего брата, уведомить вышестоящее начальство ордена о том, что они могут отобрать еду для себя. Все остальное распределялось без каких-либо различий, кроме того, что лучшее отдавалось больным. Тарелка, выдававшаяся каждым двум братьям, была настолько большой, что, когда они наедались, оставшегося хватало, чтобы накормить еще двух бедняков. Двум братьям полагалось столько еды, сколько трем полутюркам, а последним столько, сколько трем слугам. Братьям не позволялось питаться где-либо, кроме как у сервировщика, за исключением овощей, дичи и оленины. Но поскольку правилами

ордена охота была им запрещена, они не могли добывать их самостоятельно.

Развлечения невозможно было полностью запретить людям, которые вели полумирскую и столь активную жизнь, как тамплиеры. Поэтому им были разрешены турниры, но лишь с затупленными пиками, но трудно сказать, могли ли они проводить их лишь между собой или также в ходе публичных состязаний^[90]. Им разрешалось проводить скачки на своих лошадях, но не за большую награду, чем арбалетная стрела без наконечника либо другая безделица. Шахматы и шашки входили в число запрещенных игр. Также им было запрещено участвовать в любых других играх, каковы бы ни были ставки. Соколиная охота полностью исключалась для тамплиеров, возможно, из-за дороговизны соколов, а также потому, что это было любимым развлечением мирских рыцарей. Указанная в статутах причина была следующей: «Поскольку не подобает членам ордена предаваться греховным играм, но следует охотно внимать призывам Всевышнего, чаще молиться и ежедневно в своих молитвах к Господу скорбеть о грехах своих в печали и со слезами». Тамплиер не мог даже сопровождать того, кто отправлялся на соколиную охоту. Более того, поскольку крики и стрельба из лука считались неподобающими для члена ордена, он не мог ни отправиться на охоту в лес с луком или арбалетом, ни сопровождать тех, кто этим занимался, если только его задачей не было защищать их от неверных. Строго говоря, любой вид охоты был запрещен тамплиеру, кроме охоты на льва, «который бродит в поисках, кого бы сожрать, чьи когти против всех и против кого тоже все»^[91].

Поле битвы было местом, где тамплиеры приобретали славу, соответственно каждая деталь, относящаяся к поведению ордена в условиях войны, строго регулировалась. В походах тамплиеры, как стражники святого распятия, служили авангардом христианской армии; в боевом порядке они находились на правом фланге. Госпитальеры обычно были в арьергарде, а на поле битвы размещались по левому флангу. Тамплиеры садились верхом и выдвигались вперед по приказу маршала, знаменосец шествовал впереди со знаменем ордена. Они передвигались шагом или мелкой рысью. Обычно из-за жаркого восточного климата поход осуществлялся ночью и предпринимались все меры

предосторожности, чтобы избежать замешательства и неудобств. Когда штандарт останавливался для привала, маршал выбирал место для своей палатки и церкви, в которой должен был находиться голгофский крест. Палаткам сервировщика и верховного приора провинции также выделялись отдельные места. После этого выкрикивалась команда: «Братья, во имя Всевышнего, устанавливайте палатки!», по которой каждый тамплиер незамедлительно начинал возводить палатку в своем ряду. Все палатки устанавливались вокруг церкви за ее ограждением. Возле знамени размещался глашатай. Ни один из братьев ни под каким предлогом не мог удалиться дальше чем на голос боевого клича либо расположения кого бы то ни было еще, кроме госпитальеров, но лишь если те размещались по соседству. Место разбивки лагеря выбиралось приором провинции, в которой велись боевые действия, приор в данном случае выступал своего рода генерал-квартирмейстером. Маршал распределял места стоянок и в каждой назначал рыцаря-прецептора для управления и контроля над ней.

Когда начиналось сражение, маршал обычно брал из рук субмаршала знамя и разворачивал его, вызывая к Всевышнему. После этого он назначал от пяти до десяти братьев, которые должны были его охранять. Одного из них он делал рыцарем-прецептором, который обязан был держаться рядом с ним с завернутым вокруг пики знаменем, чтобы в случае, если тот флаг, который нес маршал, будет разорван, упадет или произойдет другая неприятность, то он мог бы поднять его на обозрение. Если маршал был ранен или окружен, этот рыцарь должен был поднять знамя вместо него. Никто не должен был ни при каких обстоятельствах опускать флаг, чтобы не вызвать смятение. Братство должно было сражаться по всем направлениям и любым способом, которым можно было нанести урон неприятелю, но все же держаться достаточно близко, чтобы иметь возможность защитить знамя, если это понадобится. Однако, если тамплиер видел, что опасность неминуемо угрожает христианину, он был вправе следовать зову своей совести и поспешить ему на помощь. Ему следовало вернуться на свое место как можно скорее. Если же на его пути к знамени встали турки, ему следовало присоединиться к ближайшему отряду христиан, отдавая предпочтение госпитальерам, если те были в пределах досягаемости. В случае если христиан настигало поражение, тамплиер под угрозой изгнания из ордена не мог

покидать поле брани до тех пор, пока развевалось знамя ордена, а если флага с красным крестом не было видно, он должен был присоединиться к госпитальерам или любому другому отряду. Если ни одного христианского знамени не оставалось, ему следовало по возможности отступить.

Таковы были боевые принципы ордена тамплиеров, принципы, которые:

вместо ярости

Вливают храбрость свободно дышать, твердо и
несгибаемо

Под страхом смерти не бежать и не отступать с
позором;

и никем, без всякого сомнения, не демонстрировалось столь решительное бесстрашие, кроме тамплиеров. Даже если бы все были храбрыми и отважными, как прославленные герои рыцарских романов, тамплиеры все равно считались бы особенными. Поэтому кардинал де Витри мог в начале XIII столетия, когда их уже можно было считать несколько утратившими свое первоначальное величие, сказать о них: «Они стремятся изгнать врагов креста Иисуса с земель христианских, сражаясь мужественно и идя в битву по сигналу и команде того, кто стоит во главе их войска, *не безудержно и беспорядочно, но расчетливо и со всяческими предосторожностями* – сперва в наступлении, потом при отходе. Непозволительно им также обращаться спиной в бегстве либо беспорядочно отступить. Они стали внушать такой страх противникам Христа, что один обращает в бегство тысячу, а двое – десять тысяч. Когда их призывают к оружию, они не спрашивают, сколько их, а лишь где они. Львы на войне и агнцы в своей обители, суровые воины в походе, монахи и затворники в церкви». Конечно, слова достопочтенного кардинала напыщенны и переполнены риторикой и их не стоит воспринимать буквально, тем не менее, если все это убрать, оставшегося будет достаточно, чтобы увидеть в рыцарстве Храма достаточное количество достоинств, за которые они снискали первоначальную славу.

Глава 9

Де Моле избран магистром. – Последняя попытка христиан в Сирии. – Действия трех военных орденов. – Филипп Справедливый и папа Бонифаций VIII. – Захват папы. – Избрание Климента V. – Папский престол перенесен во Францию. – Причины враждебного отношения Филиппа к тамплиерам. – Прибытие де Моле во Францию. – Его беседы с папой. – Выдвинутые против тамплиеров обвинения. – Арест рыцарей. – Судебный процесс в Англии. – Суть обвинений, выдвинутых против ордена

Выше было дано описание ордена тамплиеров со времени его основания до момента, когда владения романцев на берегах Сирии навсегда были повержены, а также изложено, в определенной степени, его внутреннее устройство, было рассказано также о степени его влияния и размахе владений. Остается лишь показать, как этот могущественный орден внезапно был уничтожен, изучить выдвинутые против него обвинения^[92] и, как было обещано, доказать их лживость и необоснованность – задача хотя и болезненная, но вполне заслуживающая благодарности, поскольку позволяет укрепить веру в справедливость и усилить ненависть к тирании и угнетению, реабилитируя память тех, кто пал жертвами несправедливости много веков назад. Также это очередной пример того, насколько действенен столь распространенный в мире принцип, по которому, даже если лжи и казуистике удастся сделать все, чтобы сокрыть правду, всегда остаются средства опровергнуть их и изобличить зло в его истинном свете, насколько бы оно ни было защищено высотой положения.

В 1297 году, когда главная резиденция ордена обосновалась на острове Кипр, магистром был избран Жак де Моле – уроженец Безансона во Франш-Конте. Де Моле, как представляется, всегда пользовался уважением и почетом, но, если доверять словам рыцаря по имени Гуго де Травю, он заполучил свой пост не без уловки, схожей с

той, которую использовал папа Сикстус V, чтобы стать понтификом. Капитул, согласно Травю, не мог прийти к единому мнению, одна его часть была за Моле, другая, более мощная, – за Гуго де Пейро. Моле, понимая, что у него мало шансов на успех, заверил нескольких из наиболее влиятельных рыцарей, что не будет претендовать на этот пост и сам проголосует за своего соперника. Поверив ему, они охотно сделали де Моле верховным приором.

Теперь он заговорил по-другому: «Мантия готова, осталось прикрепить капюшон к ней. Вы назначили меня верховным приором, и, желаете вы того или нет, я буду и великим магистром». Пораженные рыцари тут же избрали его.

Если этот рассказ верен, то способ избрания в эти времена должен был сильно отличаться от того, что, исходя из статуты, был описан выше. Более того, избрание происходило во Франции, где в 1297 году де Моле, как утверждается, держал четвертого ребенка короля у крестильной купели.

Одна немощная попытка закрепиться на Азиатском континенте в последний военный поход тамплиеров была предпринята христианами в период правления де Моле. В 1300 году монгольский хан Газан пришел на помощь королю Армении в противостоянии с тюрками. Поскольку монголо-татары, которые еще не приняли ислам, придерживались правила не раздражать врагов-мусульман, Газан, захватив территорию вплоть до Дамаска, направил посольство к римскому папе Бонифацию VIII, предлагая христианам, в особенности трем военным орденам, прийти и завладеть Святой землей. Тамплиеры, госпитальеры и король Кипра Генрих незамедлительно снарядили семь галер и пять судов помельче. Граф Тирский Альмерик де Лузиньян, а также магистры двух орденов высадились в Тортосе и попытались отстоять этот остров у египетского султана, но вынуждены были уступить превосходящим силам. Тамплиеры сражались мужественно, но напрасно, и несколько из них, защищавших башню, в которой укрылись, сдались и были увезены в плен в Египет.

В 1306 году госпитальеры возобновили попытки захватить остров Родос, в чем они в конце концов преуспели, изгнав тюрок и водрузив штандарт ордена. Тевтонские рыцари перенесли сферу своих военных действий в Россию и близлежащие страны, жители которых все еще

были язычниками. Тамплиеры тем временем бездействовали на Кипре и, казалось, уже помышляли о возвращении в Европу.

В это время во Франции правил Филипп IV Красивый, сын святого Луиса, который взшел на трон в семнадцатилетнем возрасте, обучался у Эгидио Колонна, впоследствии архиепископа Буржа, и был человеком, отличавшимся хорошими знаниями и дерзостью мышления. Одним из его любимых утверждений было, что «Иисус Христос не дал своей церкви светской власти, король же Франции получил свою от Бога и никого другого». Юному монарху, в голове которого очень рано утвердились подобные принципы, не было суждено стать верным сыном церкви, и такая личность, как Бонифаций VIII, который, не обладая талантами и достоинствами Григория или Иннокентия, пытался до крайних пределов расширить претензии Ватикана, очень скоро вызвала его противодействие. Папа издал буллу, запрещающую духовенству платить какие-либо подати мирской власти без разрешения из Рима. Филипп в ответ запретил экспорт из Франции золота, серебра и прочих товаров, тем самым лишив папу источника значительных доходов. В ходе спора Бонифаций утверждал, что монархи должны подчиняться ему и в светской жизни. Ответом Филиппа было: «Филипп, Божьей милостью король Франции, папе римскому Бонифацию не желает здравия. Да будет известно вашему безрассудству, что в мирских делах мы никому не подвластны». Вскоре после этого он публично сжег папскую буллу и возвестил Парижу о содеянном звуком труб. Бонифаций, переполненный негодованием, собрал в Риме французское духовенство, чтобы обсудить способы сохранить церковные привилегии. Филипп созвал в Париже национальный конгресс, на котором впервые появились представители третьего сословия, выразившие свое согласие встать вместе с монархом на защиту его прав, и духовенство охотно отказалось признать претензии понтифика на мирскую власть. У прелатов и аббатов, подчинившихся папе и поехавших к нему на собрание, король конфисковал церковные владения. Папа угрожал всем, кто отсутствовал, отрешением от должности и в своей известной булле *Unam sanctam* заявил, что каждый человек подвластен римскому понтифику. Другой буллой он установил, что любое лицо, вне зависимости от его титула, было обязано лично явиться в Рим, если его туда позвали. Филипп запретил

публикацию этих булл, и вновь собравшиеся генеральные штаты обратились к церковному собору за помощью против папы. По всей Франции были посланы гонцы, чтобы получить согласие духовенства на проведение собрания, иногда оно давалось добровольно, иногда с использованием немного строгих, но действенных мер. Король, его жена и сын поклялись поддержать тех, кто присоединится к защите Франции от понтифика-узурпатора. Следующим шагом Бонифаций отлучил от церкви короля, который перехватил буллу и не дал ей быть опубликованной. В итоге папа предложил корону Франции австрийскому императору Альберту. Теперь противостояние дошло до крайней точки, и Филипп отважился на один из самых дерзких поступков, которые когда-либо совершались в христианском мире.

Филипп дал прибежище у себя во дворе некоторым представителям рода Колонна, которые были личными врагами папы. Его советник и ярый приверженец Гийом де Ногаре, который также был представителем короля в процессе созыва церковного собора и выступил перед генеральными штатами с обвинениями понтифика в симонии (продаже и покупке церковных должностей или духовного сана; от имени волхва Симона, просившего, согласно библейскому сказанию, апостолов продать ему дар творить чудеса. – *Ред.*), магии и прочих реальных и вымышленных преступлениях, обычных для того времени. Он и еще несколько из находившихся в изгнании итальянцев в сопровождении 300 всадников отправились в Италию и расположились в замке между Флоренцией и Сиеной под предлогом того, что складывалась хорошая возможность для ведения переговоров с Римом. Папа в это время находился в своем родном городе Ананьи. Ногаре, щедро раздавая деньги, приобрел достаточное количество сторонников и ранним утром 7 сентября 1303 года появился у стен Ананьи. Ворота были открыты предателем, и французы со своими сторонниками прошли по улицам с возгласами: «Да здравствует король Франции! Смерть Бонифацию!» Во дворец они вошли без сопротивления. Французы разбрелись кто куда в поисках наживы, а Сциарра Колонна со своими итальянцами предстал перед папой. Бонифаций, которому к тому времени исполнилось восемьдесят шесть лет, был одет в свое папское облачение и склонился на колени перед алтарем в ожидании смерти. При виде его заговорщики, в чьи намерения входило убить его, резко остановились, переполненные

невольным благоговейным страхом, и не отважились поднять на него руку. В течение трех дней они держали его в качестве пленника. На четвертый день жители города подняли восстание и, изгнав их, освободили понтифика. Бонифаций вернулся в Рим, но негодование по поводу перенесенного им унижения расстроило его рассудок, и в одном из припадков он ударился головой о стену в своей палате и умер от полученной травмы^[93].

Бенедикт IX, преемник Бонифация, освободил Филиппа, его вельмож и подданных от наложенной на них анафемы. По мере того как он начинал чувствовать свою власть, папа начал переходить к более решительным мерам, чтобы отомстить за нанесенное Святому престолу оскорбление, но был отравлен, как полагают современные историки, шпионами Филиппа. В течение десяти месяцев конклав не мог прийти к согласию относительно кандидатуры преемника из числа итальянских кардиналов. Затем сторонниками французского короля было предложено, чтобы одна часть конклава выбрала три кандидатуры из числа заальпийских прелатов, из которых уже другая сторона должна избрать одного. Выбор пал на Бертрана де Готе, архиепископа Бордо, у которого было множество причин враждебного отношения к Филиппу и его брату Карлу Валуа. Друг Филиппа кардинал Пратский тут же отправил гонца с этой новостью, посоветовав королю согласиться с этим выбором, как только тот будет уверен в соблюдении этим кандидатом его интересов. Филипп направился в Гасконь и лично побеседовал с новоизбранным понтификом в лесном аббатстве вблизи Сент-Жен-де-Анжели. После того как они поклялись друг другу в сохранении беседы в тайне, король сообщил прелату, что в его власти сделать того папой римским на условии оказания последним шести услуг. Филипп представил ему подтверждение своих возможностей, и амбициозный гасконец, упав на колени, пообещал все сделать. Шесть услуг, истребованные Филиппом, представляли собой: полное примирение с церковью; возможность причащаться ему и его друзьям; получение десятины от французского духовенства в течение пяти лет для покрытия расходов на войну во Фландрии; избличение папы Бонифация и полное забвение; возведение в ранг кардиналов Джеймса и Питера Колонна. «Шестая услуга, – продолжил он, – серьезна и секретна, я попрошу о ней в более подходящее время и в другом месте». Прелат поклялся и отдал в

заложники своего брата и двух племянников. После этого король послал приказ кардиналу Пратскому избрать архиепископа Бордо, который принял имя Климент V.

То ли из тщеславия предстать в новом качестве перед своими соотечественниками, то ли из страха перед тиранией кардиналов, которая нависала над его предшественниками, а может быть, что более вероятно, в соответствии с пожеланиями Филиппа или же вследствие тех препятствий, которые создал данный монарх, чтобы не допустить его отъезда, Климент, к величайшему недовольству всего христианского мира, вместо того чтобы отправиться в Рим, созвал кардиналов для своей коронации в Лионе. Те с неохотой подчинились, и он был коронован в этом городе 17 декабря 1305 года. Король, его брат и высшая знать принимали участие в церемонии. Климент сразу же избрал двенадцать новых кардиналов – все сподручные Филиппа, вернейшим слугой которого папа проявлял себя по любому случаю. Данные им обещания были точнее выполнены, за исключением одного: искоренения памяти о Бонифации. Кардинал Пратский убедил Филиппа, что осуществление этого будет крайне неразумным и опасным. Тем не менее Климент охотно позволил королю в день праздника святой Марии Магдалины схватить всех евреев королевства, изгнать их и конфисковать всю их собственность во имя христианской веры.

Какова была шестая услуга, о которой просил Филипп, неизвестно. Множество гипотез выдвигалось, но безрезультатно. Вполне возможно, что на тот момент у короля не было в мыслях никаких определенных целей, и, подобно мифологическому подарку Нептуна Тесею, она должна была быть истребована, когда возникли бы обстоятельства достаточной важности.

Такими, как показано выше, были Филипп и высочайший понтифик. Один – искусный, решительный, алчный, амбициозный и беспринципный. Другой – покорный и не весьма щепетильный. Поскольку целью Филиппа было ослабление папской власти, ее подчинение собственным амбициям, его вполне естественным желанием было лишить ее всякой поддержки. Поэтому тамплиеры, которые при любых обстоятельствах были преданными сторонниками папского престола, по одной лишь этой причине должны были вызывать его антипатию. Более того, они открыто протестовали против

неоднократного обесценивания денег из-за уменьшения в них содержания драгоценных металлов, что причинило им существенный ущерб. Они также были крайне настойчивы в своих требованиях вернуть деньги, одолженные королю по случаю выхода замуж его дочери Изабеллы за сына короля Англии. Богатство тамплиеров было огромно, владения во Франции были самыми обширными, они были связаны с самыми знатными родами королевства, следовательно, теперь, когда они, похоже, отказались от каких-либо идей по продвижению на Восток, они со всей вероятностью могли бы стать серьезным препятствием на пути установления абсолютной королевской власти. И наконец, неприязнь к тамплиерам была широко распространенной из-за их чрезмерной надменности и высокомерия, поэтому можно было ожидать, что в борьбе с их властью и привилегиями народ поддержит короля. Данные мотивы, как представляется, были вполне достаточным основанием для стремления Филиппа посчитаться с орденом, за пределы которого, как будет показано ниже, его планы первоначально не выходили. Трудно сделать какие-либо предположения относительно того, когда этот план впервые посетил короля Филиппа, имелись ли у него виды также на госпитальеров и принуждал ли он папу пригласить магистров двух орденов во Францию.

Поскольку враждебность и неприязнь, существовавшие между двумя орденами, уже считались одной из главных причин безуспешности распространения христианства на Востоке, идея их объединения вынашивалась уже давно. Григорий X и святой Луис пытались осуществить ее на церковном соборе в Лионе, но напрасно. Папа Бонифаций VIII также стремился, чтобы этот проект принес плоды, и теперь Климент решил сделать такую попытку. 6 июня 1306 года, всего шесть месяцев спустя после своей коронации, он написал магистрам двух орденов письма, содержание которых сводилось к следующему: короли Армении и Кипра обратились к нему за помощью, поэтому он хотел бы посоветоваться с теми, кто хорошо знал эти страны и имел в них свои интересы, относительно того, что лучше всего сделать. Он выразил желание, чтобы они приехали к нему, насколько это возможно, втайне и с самым малым сопровождением, поскольку множество рыцарей будет в их распоряжении по эту

сторону моря. Он также попросил их обеспечить защиту Лимиссо на период своего отсутствия.

Магистр госпитальеров Уильям де Вилларет, когда до него дошло письмо, был вовлечен в битву за остров Родос и поэтому не мог откликнуться на призыв встретиться. Магистр же тамплиеров де Моле, поручив Лимиссо и управление орденом маршалу, отплыл в Европу с шестью наиболее знатными рыцарями, захватив с собой казну ордена, состоявшую из 150 тысяч золотых флоринов и такого количества серебра, которым нагрузили двенадцать лошадей. По прибытии во Францию он направился в Париж, где король принял магистра с величайшими знаками внимания и уважения, а сокровища ордена были размещены в парижском Тампле. Вскоре после этого де Моле уехал в Пуатье, где встретился с Климентом, которого ознакомил с состоянием дел на Востоке. По вопросу нового Крестового похода магистр высказал мнение, что лишь слияние всех христианских сил сможет принести сколько-нибудь значимый результат. Он воспротивился идее объединения орденов по следующим причинам, которые в целом не выглядели достаточно серьезными. Он заявил, во-первых, что новое не всегда означает лучшее и что ордены в таком виде, какими они существовали, были весьма полезными в Палестине, и если кратко, то использовал старый верный аргумент всех антиреформаторов: *эта система работает*. Во-вторых, ордены являются как духовными, так и мирскими, поэтому многие вступали в них по зову души и они не смогут остаться равнодушными к смене избранного ордена на другой. В-третьих, возможен раздор, поскольку каждый из орденов пожелает сохранить свою собственность и влияние и попытается утвердить главенство своих правил и порядков. В-четвертых, тамплиеры были щедры в распределении своих богатств, в то время как госпитальеры заботились лишь об их накоплении для себя – существенная разница, которая могла породить распри. В-пятых, поскольку тамплиеры в большем объеме получали подаяния и помощь от мирян, чем госпитальеры, они оказались бы в проигрыше, или, по крайней мере, вызывали бы зависть у своих собратьев. В-шестых, споры могли бы возникнуть между руководителями орденов относительно назначений на высшие посты в новом ордене. Тем не менее он откровенно признал, что новый орден был бы более сильным, чем прежние, и тем самым стал бы более рьяным в борьбе с

неверными, а также что многие руководящие должности можно было бы сократить и таким образом достичь эффекта экономии.

Выразив подобное свое отношение, де Моле покинул папу и вернулся в Париж. Смутные слухи стали появляться о серьезных обвинениях в отношении ордена, которые то ли выдвинуты, то ли должны быть выдвинуты, поэтому де Моле в сопровождении Рамбо де Карона, прецептора Утреме (область, включавшая в себя Армению, Антиох, Триполи и Иерусалим. – *Пер.*), Джеффри де Гонвиле, прецептора Аквитании, и Гуго де Перандо, прецептора Франции, снова появились в Пуатье приблизительно в апреле 1307 года, чтобы оправдать себя и свой орден в глазах папы. Климент, как рассказывается, проинформировал их о выдвинутых против них серьезных обвинениях в совершении различных преступлений. Однако они дали ему такие разъяснения, которые якобы успокоили папу, и вернулись в Париж удовлетворенные тем, что в его мыслях нет более сомнений.

Вот как, собственно, появились обвинения против тамплиеров.

В одной из тюрем, не то в Париже, не то в Тулузе, был заключен за некое преступление человек по имени Сквин де Флексиан, уроженец Безье, который раньше был тамплиером и приором Монтфокона, но был изгнан из ордена за ересь и прочие проступки. Его соседом по заточению был флорентинец Ноффо Дей – «человек, – по словам Виллани, – всех возможных пороков». Эти двое начали придумывать, как они могли бы выпутаться из своего нынешнего безнадежного положения. Как представляется, они были осведомлены о неприязни короля к тамплиерам, и, возненавидев их за полученное от них наказание, Сквин де Флексиан решил обвинить их в самых ужасных преступлениях и тем самым заполучить себе освобождение. Вызвав к себе коменданта тюрьмы, он заявил ему, что может предоставить королю такое разоблачение, которое принесет ему больше пользы, чем приобретение целого королевства, но готов сделать это лишь ему лично. Сквина немедленно препроводили в Париж, где он предстал перед королем, которому и сообщил о преступлениях ордена. Несколько тамплиеров по приказу Филиппа схватили и допросили.

По другим сведениям, Сквин де Флексиан и Ноффо Дей, которые оба были изгнанными тамплиерами, за некоторое время до этого активно подстрекали народ на мятеж, который вынудил короля

укрывать в парижском Тампле. Они были схвачены и находились в тюрьме без всякой надежды на спасение своей жизни, когда у них в уме родился план обвинить своих бывших соратников. Их обоих освободили, однако впоследствии Сквин был повешен, а Ноффо Дей обезглавлен, как утверждает, хотя и с малой долей вероятности, тамплиерами.

Также утверждает, что примерно в это же время кардинал Кантилупо, папский казначей, который с одиннадцати лет общался с тамплиерами, выступил с некоторыми разоблачениями в их отношении перед своим патроном.

Обвинения против ордена, сделанные Сквином де Флексианом, были следующие:

1. Каждый тамплиер при вступлении клялся никогда не покидать орден и продвигать его интересы всеми праведными и неправедными способами.

2. Руководители ордена находятся в тайном сговоре с сарацинами и исповедуют больше мусульманской ереси, нежели христианской веры, в доказательство чего они заставляют каждого новобранца плевать на распятие и топтать его, а также поносить вероучение Христа иными способами.

3. Руководители ордена – это жестокие, святотатствующие еретики. Если какой-либо новичок, узнав об их злодеяниях, пытается выйти из ордена, они убивают его и тайно ночью захоранивают. Они учат женщин, которые забеременели от них, как сделать аборт, а также тайно убивают новорожденных детей.

4. Тамплиеры заражены ересью фратичелли, они отвергают авторитет папы и всей церкви, пренебрегают таинствами, особенно покаянием и исповедью. Они лишь делают вид, что соблюдают церковные обряды, дабы не быть разоблаченными.

5. Руководство ордена привержено всем наиболее низким проявлениям распутства, а те, кто проявляет свое отвращение к этому, караются пожизненным заточением.

6. Храмы тамплиеров являютсяместилищем всех возможных преступлений и мерзостей.

7. Орден добивается передачи Святой земли в руки сарацин и благоволит им больше, чем христианам.

8. Назначение магистра происходит тайно, лишь немногие из юных членов ордена присутствуют на церемонии, из-за чего можно заподозрить, что он отвергает христианскую веру либо клятвой или иным способом совершает нечто несправедливое.

9. Многие статуты ордена противоречат законам, богохульны и не соответствуют христианской вере, поэтому членам ордена под страхом пожизненного заключения запрещено разглашать их.

10. Никакое злодеяние или преступление, совершенное во имя или во благо ордена, не считается грехом.

Таковы были обвинения, выдвинутые против ордена его провинившимся приором Монтфокона, – обвинения по своей сути абсурдные либо основанные на серьезном извращении некоторых правил общества. Другие, еще более невероятные, были предъявлены позже в процессе допроса свидетелей.

Филипп и его вельможи, имея теперь на руках то, что они считали выигранным делом против тамплиеров, секретно начали готовиться к действиям, и 12 сентября 1307 года по всей Франции губернаторам и королевским чиновникам были разосланы запечатанные конверты с приказом 12-го числа следующего месяца привести войска в боевую готовность, а ночью открыть конверты и действовать в соответствии с имеющимися там предписаниями. Наступил означенный день, и утром в пятницу 13 октября почти все тамплиеры по всей Франции оказались узниками своих врагов. Филипп так хорошо подготовил свои действия, что пребывавшие в созерцательном расположении духа жертвы ничего не заподозрили, а в самый канун своего ареста де Моле был избран вероломным монархом одним из четырех человек, поддерживавших покров гроба на похоронной церемонии принцессы Екатерины, жены графа Валуа.

Высланные королем указания своим чиновникам предписывали арестовать членов и имущество ордена Храма, допросить, подвергнуть пыткам и получить от них признания, обещать прощение тем, кто сознается, и угрожать тем, кто будет отказываться сделать это.

В день ареста магистра и его рыцарей король захватил Тампль в Париже, а сам магистр с прецепторами Аквитании, Франции и владений за морем были брошены в тюрьму в Корбейле. На следующий день теологи из Парижского университета с несколькими канониками собрались вместе с королевскими вельможами в соборе

Нотр-Дам-де-Пари (собор Парижской Богоматери), и канцлер Уильям де Ногаре заявил перед ними, что рыцари ордена преследуются по причине их еретических убеждений. 15 октября университетский собор был проведен в Тампле, и некоторые из руководителей ордена, в частности магистр, были допрошены. Как утверждается, ими были сделаны частичные признания вины ордена в его деятельности за последние сорок лет.

Теперь король опубликовал официальное обвинение, в котором не было места умеренным и мягким терминам. Он называл в нем обвиненных кровожадными волками, коварным и идолопоклонническим обществом, чьих деяний и одних лишь высказываний достаточно, чтобы осквернить землю и заразить воздух, и т. д. и т. п. Жителей Парижа собрали в королевском саду, где выступили представители короля, а несколько монахов прочли проповеди с обвинениями в адрес ордена.

Филипп в своей враждебности к ордену ничего другого не добивался, кроме как его полного уничтожения. Почти сразу после *coup d'état* (фр. государственный переворот. – Пер.) 13 октября он отправил священника Бернарда Пелетуса к своему зятю английскому королю Эдуарду II с предложением последовать его примеру. 30 октября Эдуард написал, что обвинения Филиппа и его представителей, выдвинутые против тамплиеров, представляются ему, его пэрам и прелатам абсурдными, поэтому он призовет к себе сенешаля Эгена, откуда пришли эти сведения, чтобы тот проинформировал его о ситуации, прежде чем предпринять какие-либо действия.

Климента поначалу раздражили поспешные и своевольные действия короля Франции в отношении тамплиеров, но Филиппу легко удалось умиротворить его. 22 ноября папа написал королю Англии, заверив его, что магистр тамплиеров по своей воле признал, что братья при вступлении в орден отрекались от Христа и что несколько членов братства в различных частях Франции признали идолопоклонничество и другие преступления, в которых обвиняли орден, а также что один рыцарь, высокопоставленный и очень уважаемый человек, которого он самолично допросил, признал отречение от Иисуса Христа составной частью церемонии вступления в орден. Поэтому он призывает короля арестовать тамплиеров в пределах его владений и наложить арест на

их земли и имущество на то время, пока будет расследоваться, виновны они или нет.

Эдуард в письме от 26 ноября подробным образом расспросил сенешаля Эгена в Гиени относительно обвинений против тамплиеров. 4 декабря он написал королям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии о том, что услышал, добавив, что не верит в это, и попросив их не прислушиваться к этим наговорам. 10 декабря, вероятно до получения папской буллы, он написал папе, заявив, что не верит услышанному и умоляет его святейшество провести расследование. Однако, когда прибыла папская булла со столь сильной уверенностью в вине ордена, малодушный король не рискнул отказаться от ее выполнения. И 15 декабря он издал приказ, назначив утро среды после Крещения временем для проведения арестов тамплиеров и их собственности, но указав обращаться с ними со всей мягкостью. Такие же приказы были высланы в Шотландию, Уэльс и Ирландию 20 декабря. А 26-го он написал папе свои заверения, что его указания будут исполнены в кратчайшие сроки. Соответственно, были проведены аресты, и тамплиеры со всей их собственностью были арестованы в двух странах, в которых они были наиболее могущественны^[94].

Нежелание короля Англии и его парламента прибегнуть к жестким мерам в отношении тамплиеров является обстоятельством, говорящим в их пользу, и позволяет допустить, что, если бы Филипп руководствовался таким же стремлением к справедливости, с орденом во Франции не обошлись бы так жестоко. Но Филипп решил известить это общество, а его ближайшие советники и фавориты не были людьми, которые стали бы сдерживать его на пути кровопролития и грабежа. К этим приближенным относились: Уильям Имберт – его духовник, доминиканский монах, выходец из ордена, привыкшего в Лангедоке к крови и крайне искусного в инквизиторской теории и практике; Уильям Ногаре – канцлер, нарушитель правила неприкосновенности главы церкви; Уильям Плазиа, который участвовал в этом дерзком поступке и впоследствии поклялся в присутствии лордов и прелатов Франции, что Бонифаций был атеистом и колдуном, а также общался с демоном.

Рис. 14. Филипп Красивый

Весь орден доминиканцев с огромным энтузиазмом включился в святую работу по выискиванию и наказанию еретиков. Но необходимо помнить, что выдвинутые против тамплиеров обвинения, хотя и не все могут попадать под термин «ересь», были тем не менее такими, какие церковь всегда предъявляла тем, кого она преследовала как явных еретиков. В этом смысле Филипп и его советники поступили разумно для своего времени, поскольку государственная измена или любое другое политическое обвинение в глазах общественности выглядели бы глупыми и не были бы столь эффективны, как ужасное слово «ересь».

Глава 10

Допросы захваченных рыцарей. – Различные виды пыток. – Причины признательных показаний. – Какие признания были сделаны. – Тамплиеры предстали перед папой. – Их заявления. – Папская комиссия. – Де Моле предстает перед ней. – Понсар де Гизи. – Защитники ордена. – Обвинительный акт. – Главные защитники. – Свидетели против ордена. – Пятьдесят четыре тамплиера приговорены к сожжению на костре в Париже. – Знаменитая речь Аймерика де Виллар-ле-Дюка. – Тамплиеры сожжены на кострах в других городах. – Дальнейшие расследования. – Идол, которому поклонялись тамплиеры. – Жан де Полинкур. – Питер де ла Палу

Обязанности по ведению процесса против общества были возложены Филиппом без согласования с папой и не дожидаясь его согласия на Имберта, который не стал терять времени и приступил к действиям. Он написал всем инквизиторам своего ордена, приказав начать процесс против тамплиеров, как он сам уже поступил. А удостоверившись в правдивости обвинений, передавать их через монахов-миноритов (монахи одного из четырех религиозных орденов: августинцы, кармелиты, доминиканцы и францисканцы. – Пер.) либо членов других орденов так, чтобы никто не мог помешать процессу, а признательные показания как можно скорее высылать королю и ему лично. Они не должны были быть жестокими с узниками, но при необходимости могли использовать пытки. 19 октября, то есть шесть дней спустя после ареста тамплиеров, Имберт начал допросы в парижском Тампле. 140 пленников было допрошено, и к этому моменту обещаниями, а также при помощи пыток было в избытке добыто признательных показаний. 36 рыцарей умерло под пытками, которые применялись, чтобы узнать от них правду. Рьяный Имберт после этого направился в Байе, Мец, Тул и Вердун. Во всех этих городах проводились допросы и теми же методами выбивались

признания. Во всех письменных протоколах тем не менее очень щепетильно записывалось, что свидетели говорили без какого-либо принуждения.

Поскольку, к счастью читателей, они могут и не быть близко знакомы с мягкими и добрыми способами, использовавшимися братством святого Доминика для выявления правды, ниже представлены некоторые из них, которые позволят получить определенное представление о ценности вымученных показаний.

Иногда испытуемого раздевали донага, руки завязывали за спиной, к ногам прикрепляли тяжелый груз, а веревку, к которой были привязаны руки, перебрасывали через блок. По сигналу его поднимали вверх, где он висел на вывернутых руках. Затем внезапно веревку резко отпускали, но прежде, чем несчастный при падении достигал пола, ее стопорили, вызывая тем самым шоковую боль во всем теле подвешенного. В качестве другого способа пытки ноги человека прикреплялись к специальному приспособлению так, чтобы он не мог ими пошевелить. Затем стопы чем-нибудь расцарапывали и подносили к пламени. Между пламенем и ступнями время от времени помещалась доска и снова убиралась, для увеличения боли интервалы, когда доска убиралась, увеличивались. Ступни испытуемого иногда зажимали в железную колодку, которую палач сжимал по своему усмотрению, вызывая мучительную боль. Очень мягким способом, которым могли побаловать лишь тех, кто не был в состоянии пережить вышеописанные пытки, было помещение между пальцами круглых прутьев, после чего пальцы сжимались до тех пор, пока в них не ломались кости. Зачастую у тамплиеров были выдернуты зубы, обожжены конечности, ко всем частям тела подвешивались грузы, и при всем этом они давали показания «не под принуждением».

То, что понималось под показанием, или признанием, было утвердительным ответом на вопросы, которые задавались. Обычно инквизиторы предполагали вину подозреваемого, и никакие свидетели в защиту не заслушивались. Не было смысла доказывать абсурдность и необоснованность обвинений, поскольку это лишь поставило бы под сомнение разум и суждение того, кто их слышал. Всегда давались обещания, что при полном и искреннем признании с преступником будут обращаться мягко. Более того, обвиняемый всегда содержался в одиночной камере, не было никого, кто мог бы утешить и поддержать

его, он чувствовал, что весь мир отрешился от него, убежденность в своей невинности не имеет никакого смысла, его единственная надежда – это милость его судьи. Необходимо вспомнить, что тамплиеры были схвачены перед самым началом зимы, а в этот сезон темницы Средневековья были настолько безрадостными, что невозможно описать. Им не предоставлялось даже самое необходимое для жизни, их лишили одеяния ордена и не позволяли находить утешение в религии, поскольку их считали еретиками. Кроме того, им демонстрировали настоящее или подложное письмо магистра, в котором он признавал преступления ордена и призывал их поступить так же. Яркие сторонники религиозного или политического течения поддерживаются сознанием своей правоты, они выдерживают лишения и пытки, полагаясь на благосклонность Всевышнего либо же на восхваление и оценку благодарных и восторженных потомков. Но большинство тамплиеров были далеко не такими личностями, – они были малообразованными рыцарями, которые длительное время жили в роскоши и с удовольствием носили маску высокомерия. Они знали, что очень многие их не любят и что их бывшее могущество утеряно. Стоит ли удивляться, что дезориентированные отсутствием какой бы то ни было надежды, многие из них с готовностью признали все выдвинутые против их ордена обвинения? И не следует ли еще больше восхищаться стойкостью тех, кто, не поддавшись безнадежности ситуации и не дрогнув под угрозами и пытками, испустил последний дух, но не признал ложь?

В Париже признавшиеся рыцари подтвердили отречение от Христа (это был пункт, который инквизиторы более всего стремились установить), однако в неуверенной и противоречивой форме, поскольку от того, что говорилось на одном допросе, отказывались на последующих, либо оно дополнялось или, наоборот, сокращалось в подробностях. Также было признано, что в их капитулах существовало поклонение идолу. В Ниме в ноябре 1307 года сорок пять рыцарей признали вину ордена. Потом они отказались от этих показаний, но в 1311 году пытки заставили их вернуться к первоначальным признаниям. В Труа двое рыцарей признали все, что от них потребовали. В Пон-де-эль-Арк призналось семеро. Они и еще шестеро других были снова допрошены в Кане, все они прекратили давать показания, обратившись к милости церкви и со слезами на

глазах умоляя избавить их от пыток. Те, кого допрашивали в Каркасоне, все дали письменные показания о поклонении идолам, но некоторые из них затем отказались от этого утверждения и умерли, отстаивая невиновность ордена. Шесть тамплиеров в Бигорре^[95] и семь в Кагоре тоже признались, но некоторые впоследствии отказались от своих слов.

Филипп и его приспешники были на этом этапе реализации своего плана, когда папа начал выражать некоторое сомнение относительно правомерности происходящего. Король незамедлительно ответил, упрекнув его в равнодушии к делу защиты религии. Монарх заверил, что епископы, которые были его (короля) помощниками в управлении церковными делами, были наиболее подходящими людьми для осуществления этого процесса, поскольку они хорошо знакомы с местными условиями, а также добавил, что ни он сам, ни они не имеют возможности исполнять пожелания папы. «Он действовал, – написал Филипп, – как слуга Господа и лишь Всевышнему отдает отчет». Климент не отважился чинить препятствия богоугодным делам столь рьяных служителей Господа. Он отменил буллу, подготовленную по этому поводу, и ограничился лишь требованием, чтобы каждый епископ-инквизитор утверждался местным собором, а допрос руководителей ордена должен был быть предоставлен ему самому. Филипп после этого снизошел до передачи узников папским судьям и выдачи имущества ордена в доход Святой земли. Духовенство отказалось взять на свое попечение узников, а собственность ордена стала управляться королем и папой совместно.

В начале 1308 года, как утверждается^[96], магистр тамплиеров, прецептор Кипра, ревизор во Франции, а также верховные приоры Аквитании и Нормандии предстали перед папой в Шиноне, где они добровольно и без применения к ним пыток подтвердили правдивость чудовищных преступлений, в которых обвинялся орден. Они отреклись от своих заблуждений, и кардиналы обращались к королю с прошением об их помиловании.

Франсуа Ренуар^[97], неизвестно, правда, на основании каких источников, категорично отрицает, что магистр и его соратники когда-либо доставлялись к папе. Он пишет, что в августе произошло следующее: они направлялись в Пуатье, чтобы быть допрошенными лично понтификом. Однако под предлогом того, что кто-то из них был

болен, их задержали в Шиноне, вместо того чтобы доставить в Пуатье, где находился папа. В итоге их препроводили обратно в Париж. Дата этого события историком не указывается, но, как представляется, это произошло следующей осенью.

Процесс против тамплиеров настолько демонстративно шел вразрез с интересами папы римского, что Филипп считал необходимым держать его под непрерывным контролем. Собрав в мае 1308 года генеральные штаты в Туре и получив от них декларацию, подтверждающую его право карать отъявленных еретиков, не запрашивая согласие папы римского, и в которой он призывался к решительным действиям против тамплиеров, он самолично направился с ней в Пуатье и представил ее Клименту. В период переговоров, проходивших в то время, папа попытался сбежать из Бордо, но его багаж и казна были задержаны по приказу короля у городских ворот, и Климент фактически остался пленником.

Пока верховный понтифик находился таким образом в его власти, Филипп, который все еще был в Пуатье, чтобы избавить того от каких-либо угрызений совести, привел и допросил в присутствии Климента 29 и 30 июня, а также 1 июля семьдесят двух тамплиеров, из тех, кто сознался. Как и следовало ожидать, основная их часть повторила свои прежние признания в неверии, идолопоклонничестве и распутстве, существовавших в ордене. Исходя из этого, со всей очевидностью представляется, что пытки были задействованы, чтобы добиться данных ранее показаний.

Пьер де Брое заявил, что его раздели и подвергли пыткам, но он ничего не сказал. Он также добавил, что все, кто его пытал, были пьяны.

Гиломе де Хеймса не пытали, но целый месяц держали в одиночной камере на хлебе и воде, прежде чем он дал признательные показания.

Жерар де Сент-Маршель, который сознался в отречении от Христа и в том, что плевал рядом с крестом, заявил, что его жестоко пытали, сначала он стыдился признать эти факты, хотя они и были правдой.

Деоде Жафе подвергался пыткам, но он был вдохновлен Богом и Девой Марией, и именно они, а не муки заставили его признаться. Он подтвердил все преступления, приписывавшиеся ордену. Рассказывая

об идоле, он поведал: «Я был один в комнате с человеком, который принимал меня, он вытащил из ящика голову или идола, у которого, как мне показалось, было три лица, и сказал:

– Ты должен поклоняться ему как своему Спасителю и покровителю ордена Храма.

Затем мы опустились на колени и выкрикнули:

– Да здравствует тот, кто спасет мою душу! – И я поклонялся ему».

Тем не менее Жафе впоследствии отказался от своих показаний и выступил в качестве одного из защитников ордена.

Итер де Рошфор, хотя и сказал, что признается, неоднократно подвергался пыткам в стремлении выжать из него больше. Он заявил, что после того, как был принят незаконным образом, он сознался в этом патриарху Иерусалима, который, услышав о такой нечестивости, горько расплакался. Как весьма справедливо отметил Ф. Ренуар, патриарх, который вряд ли испытывал дружественные чувства к тамплиерам, скорее всего, не ограничился бы пролитием нескольких бессмысленных слез, дойди до его ушей сведения о подобной ереси.

Пьер де Кондер признался, увидев дыбу.

Раймона де Стефани жесточайшим образом пытали в Каркасоне. Когда его спросили, почему он тогда не сказал правду, он ответил: «Потому, что я не мог вспомнить, но я умолял сенешаля позволить мне посоветоваться с моими собратьями, и, когда я пообщался с ними, я вспомнил».

Как можно доверять подобным показаниям, большинство которых впоследствии были взяты назад? И все же именно они позволили папе заявить, что он совершенно убежден в виновности ордена и оправдывает суровые меры, которые были им одобрены в его отношении. Филипп, следует отметить, все это время находился в Пуатье: узники допрашивались в присутствии кардиналов, и только те, которые не отказались от своих дыбой вымученных признаний, представляли перед собранием знати, духовенства и других людей, собравшихся по этому поводу^[98].

Климент и Филипп теперь организовали созыв Вселенского собора в Вене, чтобы объявить о роспуске ордена. Папа также учредил комиссию, которая должна была в Париже собрать юридические материалы против него, и 1 августа он уполномочил епископов и своих

делегатов начать расследование. 12 августа в булле *Faciens misericordiam* («Творя милосердие». – *Пер.*), дав сначала описание вины ордена, он призвал монархов и прелатов по всему христианскому миру помочь ему в проведении расследования этого дела.

Назначенная папой комиссия состояла из архиепископа Нарбона, епископов Байе, Мене и Лиможа, архидьякона Руа и нотариуса Святого престола Мэтью Неапольского, архидьякона Трента Жана Манту, архидьякона Магелона Жана Монло и настоятеля кафедрального собора в Эксе. Последний не смог принять участие в ней из-за занятости. К исполнению своих обязанностей комиссия приступила 7 августа 1309 года и приказала, чтобы братство Храма было вызвано к ним на суд в первый рабочий день после праздника святого Мартина в ноябре. Судебные слушания должны были быть обнародованы в присутствии народа и духовенства в соборах, церквях и школах, в основных обителях ордена и в тюрьмах, где содержались рыцари. Поскольку никто не являлся, выписывались новые повестки в суд. В конце концов комиссия попросила епископа Парижа самому посетить тюрьму, в которой пребывали магистр и руководители ордена, и уведомить их. Выполнив это, он указал, чтобы такие уведомления были осуществлены по всей его епархии.

Следующее событие, которое произошло в этот период времени, наглядно демонстрирует, что королевскими вельможами чинились препятствия тем, кто был настроен защищать орден. Члены комиссии узнали, что комендант Шатле арестовал и заключил в тюрьму нескольких человек, которые, как предполагалось, пришли защищать орден. Комендант, представ перед ними, заявил, что по приказу королевских министров арестовал семь человек, которые, согласно доносу, были тамплиерами, переодетыми в мирское облачение и пришедшими в Париж с деньгами в целях раздобыть адвокатов и защитников для обвиняемых. Он признался, что пытал их, но сам усомнился в том, что те являются тамплиерами.

В среду 26 ноября состоялось заседание комиссии, и магистр Храма де Моле предстал перед ней. Его спросили, будет ли он защищать орден или говорить от своего имени. В ответ он выразил недоумение оттого, в какой спешке церковь рассматривает это дело, в то время как вынесение приговора в отношении императора Фредерика затянулось на 32 года. И хотя у него нет ни достаточных

знаний, ни таланта, чтобы защищать орден, он счел бы низким в своих собственных глазах и в глазах своих товарищей, если бы не стал этого делать. Однако, будучи узником короля и папы, не имея денег, он попросил помощи и совета.

Члены комиссии пожелали ему еще раз подумать над своим предложением, а также над теми признаниями, которые он сделал относительно себя самого и ордена. Тем не менее они согласились дать ему время и, чтобы он не чувствовал себя несведущим в том, что ему предъявляется, зачитали на его родном языке документы, в которых содержались их полномочия.

Пока зачитывались грамоты, цитировавшие его признания, сделанные перед кардиналами в Шиноне, он постоянно крестился и демонстрировал прочие знаки негодования и изумления, а также сказал, что, если бы это не касалось столь почтенных персон, как посланники папы, он выразился бы совершенно иначе. Они ответили, что собрались здесь не для того, чтобы выслушивать возражения. На это магистр отметил, что не собирался возражать, а лишь желал, чтобы в этом деле они не действовали как сарацины или монголо-татары, которые отрубали голову и разрывали пополам того, кого находили виновным.

Два обстоятельства достойны быть отмеченными в расследовании данной комиссии. Во-первых, Уильям Плазиан присутствовал на ее собраниях, причем, как однозначно заявили члены комиссии, не будучи ими приглашенным. Во-вторых, признательные показания, которые вменялись де Моле и которые, как он отчетливо дал понять, являлись подложными, были включены в буллу «Творя милосердие», которая датируется 12 августа. Между тем праздник Успения, то есть 16 августа (вероятно, ошибка автора, праздник Успения Богородицы в католической и некоторых других церквях отмечается 15 августа. – *Пер.*), указан в качестве дня, когда эти признания были сделаны. В этом документе утверждалось, что руководители ордена раскаялись и прощены, и все же из вышесказанного видно, что с магистром обращались как с непримиримым еретиком.

На следующий день (27 ноября) перед комиссией появился приор Пайена Понсар де Гизи. Когда его спросили, будет ли он защищать орден, его ответом было: «Да, вмененное нам отречение от Христа, плевки на крест, совершение самых мерзких преступлений и прочие

подобные обвинения – все лживы. Если я сам и другие рыцари сделали признания в присутствии епископа в Париже или в каком-либо ином месте, то мы пошли против истины – мы поддались страху, угрозам и насилию. Нас пытали приор Монтфокон Флексиан де Безир и монах Уильям Робер, наши враги. Несколько из узников договорились между собой сделать эти признания, чтобы избежать смерти, потому что под пытками погибли 36 рыцарей в Париже и еще многие в других городах. Что касается меня, то я готов защищать орден от своего собственного имени и от имени тех, кто вместе со мной примет участие в этом судебном процессе, если мне выделят из имущества ордена столько средств, сколько будет необходимо для покрытия расходов. Я прошу предоставить мне возможность посоветоваться со священниками ордена Рено Орлеанским и Питером Болонским». Его спросили, подвергался ли он пыткам. Он ответил, что да, в течение трех месяцев, прежде чем он сделал признание.

В другой день снова привели магистра. Он потребовал, чтобы его отвели к папе, он взывал к мужеству и милосердию тамплиеров, к их рвению в улучшении убранства церквей, как фактам, подтверждающим их набожность, а также подтвердил свое собственное исповедание христианской веры. Присутствовавший при этом Ногаре отметил, что в летописях святого Дениса указывалось, что магистр ордена предоставил жилище Саладину и что султан приписывал появление у них неправедных богатств тайным злодеяниям и нечестивости. Де Моле заявил, что никогда не слышал подобной клеветы, и привел в качестве примера рассудительности и добропорядочности предыдущего магистра случай, когда он сам и несколько других юношей уговаривали его нарушить перемирие. Де Моле в завершение умолял канцлера и членов комиссии оказать ему милость служения мессы и дать возможность быть посещенным своим капелланом.

После того как были отданы приказания, чтобы всех тамплиеров, желающих встать на защиту ордена, сопроводили в Париж, их, усиленно охраняя, доставили туда. Комиссия тогда вновь продолжила свои заседания. По мере того как узники один за другим представляли перед ней, они, за редким исключением, заявляли о своей готовности защищать орден.

– До смерти! – кричали одни.

– До конца! – заявляли другие.

А один добавил:

– Потому что я хочу спасти свою душу.

Бертран де Сент-Пол заявил, что он никогда не признавал и не признает вину ордена, поскольку это неправда, и он верит, что Господь совершил бы чудо, если бы Тело Христово поднесли к тем, кто сознался, и к тем, кто отказался сделать это. Семеро из тех, кто допрашивался в присутствии папы и сознался, теперь утверждали, что они солгали, и отказались от сказанного. Жан де Важеле настаивал, что тогда он не делал никаких признаний. «Меня пытали так сильно и так долго держали над огнем, – рассказал Бернар де Вадо, – что мясо на моих пятках полностью обгорело, и появились эти две кости» (он показал их).

В процессе допросов один тамплиер по имени Лорен де Буни продемонстрировал письмо с печатями Филиппа де Вое и Жана де Жанвили, людей, поставленных папой и королем над узниками, которое адресовалось тамплиерам, содержащимся в Сенсе, и в котором им предлагалось признать, что от них требовалось, и утверждалось, что папа приказал отправлять на костер тех, кто будет упорствовать. Филипп де Вое, будучи допрошенным, показал, что не уверен, отсылал ли такое письмо и что его печать часто находилась в руках секретаря. Он всегда рекомендовал узникам говорить правду. Жанвили не допрашивали, равно как и Жана Карпини, который доставил это письмо. Де Буни был одним из первых, кого впоследствии приговорили к сожжению на костре. Вполне естественно предположить, что письмо было уловкой со стороны короля и его вельмож.

После того как магистра вновь предъявили комиссии и он опять попросил аудиенции у папы, ему пообещали написать понтифику об этом, но доказательств того, что это было выполнено, нет.

28 марта все тамплиеры, которые проявили желание защищать орден, были собраны в саду епископского сада. Их количество составило 546 человек. Магистра среди них не было. Пункты обвинения им были зачитаны на латыни. Затем члены комиссии приказали, чтобы то же самое зачитали на общепринятом наречии, но рыцари сообща закричали, что этого достаточно, что они не желают слышать на нормальном языке подобную мерзость, которая сплошь

лжива и недостойна упоминания. Они вновь пожаловались, что их лишили религиозных одежаний и всех церковных символов, а также высказали пожелание, чтобы сюда позвали магистра и других руководителей ордена. Однако эти вполне обоснованные требования выполнены не были. Напрасно магистр требовал, чтобы его отвели к членам ордена, напрасно рыцари запрашивали позволения быть удостоенными присутствием магистра. Ни то ни другое не отвечало интересам или пожеланиям короля.

Вскоре число собранных в Париже рыцарей достигло почти 900 человек. Члены комиссии изъявили желание, чтобы те назначили представителей, которые бы отвечали за защиту, но тамплиеры отказались сделать это. Некоторые сослались на то, что не могут сделать это без согласия своего руководителя, другие настаивали, что самолично будут защищать орден. В итоге, после множества споров и пересудов, семьдесят пять тамплиеров были выбраны для защиты ордена, а священники ордена Рено де Пруно и Питер Болонский и рыцари Уильям де Шабоне и Бертран де Сартиж были назначены присутствовать при опросе свидетелей.

Обвинительное заключение против тамплиеров, написанное от имени папы, включало в себя следующее. В момент вступления в орден от них требовалось отречься от Бога, Христа, Девы Марии и прочее; в частности, необходимо было заявить, что Христос не был Сыном Божьим, а всего лишь лжепророком, который был распят за собственные преступления, а не во искупление грехов человечества. Они плевали и топтали распятие, и особенно в Страстную пятницу. Они поклонялись коту, который иногда появлялся на их капитулах. Их священники, отправляя церковные службы, не произносили слов освящения. Они верили, что их магистр способен избавить их от грехов. При вступлении им говорилось, что они вольны предаваться любому распутству. У них были идола во всех провинциях, некоторые с тремя лицами, некоторые с одним. Они поклонялись этим идолам на своих капитулах, верили, что они способны спасти их, полагали, что они приносят богатство ордену и плодородие землям. Они прикасались к ним веревками, которые затем обвязывали вокруг собственных тел. Те, кто в момент приема не соглашались с этими правилами, лишались жизни или заключались в тюрьму. Все это, как заявлялось, происходило *в соответствии со статутами ордена*. Это

был общепринятый и древний обычай, и другого способа вступления в орден не было. Обвинительный акт утверждал также, что тамплиеры не останавливались ни перед чем ради обогащения ордена^[99].

Тамплиеры, в свою очередь, стали доказывать, что все эти инсинуации ложны, и если кто-то из них признался в них, то сделал это из-за угроз и насилия, – тридцать шесть человек не пережили пыток в Париже и еще многие в других местах. Нормы законов были нарушены в их отношении. В целях того, чтобы добыть от них лживые показания, им демонстрировались письма короля, в которых заявлялось, что ордену вынесен окончательный приговор, а жизнь, свобода и денежное содержание предлагается тем, кто даст ложные показания. «Все эти факты, – заявили они, – настолько общеизвестны и приобрели столь дурную славу, что нет смысла и поводов опровергать их». Основные пункты обвинения были не чем иным, как ложью и абсурдом, а в булле не содержалось ничего, кроме ужасных, отвратительных и несправедливых наговоров. Их орден невиновен, и если изучить статуты, то выяснится, что они были одними и теми же для всех тамплиеров во всех странах. Они исповедовали веру католической церкви, родители приводили в орден своих детей, братья братьев, своих племянников, потому что он был чист и свят. Захваченные в плен к неверным тамплиеры скорее умирали, чем отрекались от своей веры. Они заявили о своей готовности доказывать свою невиновность всеми возможными путями и перед любым человеком, кроме короля и папы, потребовали, чтобы они могли лично предстать перед верховным советом, и настаивали, чтобы те, кто вышел из ордена и дал показания против него, должны были быть взяты под стражу до тех пор, пока не подтвердится ложность или правдивость их утверждений, и чтобы ни один мирянин не мог присутствовать на допросах и запугивать обвиняемых. Они утверждали, что рыцари подвергались таким пыткам, что не столько удивляли сделанные ими самооговоры, сколько заслуживало восхищения мужество тех, кто продолжал отстаивать правду. Опросите, просили они, тех, кто присутствовал при последних минутах жизни рыцарей, умерших в тюрьме, пусть их признания будут раскрыты, и станет ясно, верны ли обвинения. Не странно ли, вопрошали они в заключение, что большим доверием пользуется ложь тех, кто сломался под пытками и обещаниями, чем клятвенные

заверения тех, кто, защищая истину, погиб, приняв мученичество, и существенного большинства рыцарей, которые подвергались и все еще подвергаются мучениям, не идя на сделки с совестью?

11 апреля 1310 года начались слушания свидетелей, обвиняющих орден. Был найден всего лишь 21 человек, из которых двое не принадлежали к ордену, а прочие были главным образом теми, кто настаивал на своих показаниях перед папой. Как и следовало ожидать, все преступления, которые вменялись ордену в папской булле, вновь были повторены этими людьми. Однако комиссия успела продвинуться лишь до опроса 13-го свидетеля, когда нетерпение короля проявилось в варварском и противозаконном поступке, который, вероятно, уже давно вынашивался.

Архиепископ Сенса, викарным епископом которого был епископ Парижа, умер незадолго до Пасхи 1309 года, и папа оставил за собой право назначить преемника. Филипп написал ему, потребовав назначить Филиппа де Марини, епископа Кэмбре, и брата Энкиранда, его премьер-министра, на эту должность, заверяя, что его юный возраст вовсе не является препятствием, а, наоборот, данное назначение докажет, насколько не по годам он развит. Папа хоть и крайне неохотно, но был вынужден дать согласие, и в апреле 1310 года Марини получил должность. Для перехода к действиям время теперь уже не тратилось. В воскресенье 10 мая четыре защитника ордена узнали, что провинциальный совет Сенса собрался в Париже, чтобы самостоятельно вести процесс против рыцарей. Они забили тревогу и обратились в комиссию, которая, хотя и не заседала по воскресеньям, собралась в этот день, и Питер Болонский проинформировал их о том, что выяснилось. Он попросил, чтобы ему позволили зачитать воззвание, которое он написал. В этом ему отказали, но было сказано, что, если он хочет передать бумаги в защиту ордена, они их примут. Он тут же выложил письменный документ, заявив о той угрозе, которая угрожает узникам, призывая Святой престол и умоляя комиссию остановить действия архиепископа и его помощников. После этого защитники ордена удалились, и дальнейшее рассмотрение этого вопроса было отложено на вечер, когда они вновь появились и передали обращение к архиепископу Сенса, содержащее прошение к папе. Члены комиссии тем не менее отказались вмешиваться в настоящее дело.

Следует отметить, что защитники ордена, пользуясь этим случаем, умоляли комиссию назначить одного или нескольких из своих нотариусов подготовить заключение в их защиту, поскольку они не могли нанять нотариуса, который согласился бы работать на них, возможно из-за страха вызвать неудовольствие короля либо же из-за отсутствия средств у обвиняемых.

В понедельник и вторник были заслушаны еще двое свидетелей. Один из них по имени Хумбер де Пюи заявил, что после отказа признать преступления, вмененные в вину ордену, его, по приказу Жана де Жанвили, трижды пытали и тридцать шесть недель держали на хлебе и воде в подвале башни.

Занимаясь этим вопросом, члены комиссии, к своему негодованию, узнали, что совет собирался приговорить к сожжению на костре 54 рыцарей из тех, кто выступил в защиту ордена. Они постоянно посылали своих нотариусов и одного из надзирателей тюрьмы, где содержались тамплиеры, чтобы уговорить архиепископа действовать с осторожностью, поскольку имелись серьезные основания усомниться в правдивости обвинений. Также они разясняли, что свидетели были настолько запуганы тем, что слышали о намерениях совета, что не в состоянии давать показания, о чем также говорилось в прошении тамплиеров, адресованном папе.

Архиепископа, который платил за свое избрание требовательному кредитору, не могли остановить подобные доводы. Он старался как можно быстрее завершить дознание. В понедельник он вызвал нескольких осуществлявших защиту ордена рыцарей в совет, и сам снова их допросил. Те, кто ранее признал вину, а потом отказался от своих показаний и продолжал настаивать на этом теперь, были объявлены закоренелыми еретиками и переданы мирской власти для сжигания на костре. Те, кто не признался и не собирался признавать вину, были приговорены к тюремному заключению как непримиримые тамплиеры, а те, кто продолжал подтверждать чудовищные преступления, легшие в основу обвинений ордена, были выпущены на свободу как примирившиеся.

Следующим утром пятьдесят четыре тамплиера, признанные непримирившимися, были выведены из тюрьмы, посажены в телеги и привезены к месту казни, где они увидели сложенные дрова и палачей, стоящих с зажженными факелами. Присутствовал и представитель

суда, который обещал свободу и королевское расположение тем, кто откажется от своих показаний или признает вину ордена. Друзья и родственники несчастных жертв столпились вокруг них в слезах и молитвах, упрашивая их сделать признания, которые от них требуются, и спасти свою жизнь. Напрасно. Мужественные рыцари, которые, сломленные муками пыток и опустошенные одиночеством и лишениями, признали правдой самые абсурдные обвинения, теперь, видя, что их мучениям в некоторой степени наступает конец, не стали ложью покупать себе жизнь, чтобы провести ее остаток в бесчестии и позоре. В один голос они вновь заявили о своей невинности и невинности ордена. Они призвали Всевышнего, Пресвятую Деву Марию и всех святых помочь и поддержать их, пропели отпевальные песни и умерли под слезы и причитания присутствующих.

Осужденные на основании неопровержимых доказательств преступники, как известно, умирают, заявляя о своей невинности, однако это происходит, когда у них нет ни малейшей надежды на спасение. Здесь были предложены жизнь и свобода, и жертв умоляли принять их те, кого они больше всего любили. Не следует ли предположить, что люди, которые устояли перед всеми этими соблазнами, были искренними и говорили правду и их поддерживала уверенность в том, что их как мучеников примет Господь, в которого они свято верили в соответствии с учением христианской религии?

В среду Аймерик де Виллар-ле-Дюк, мужчина 50 лет, предстал перед комиссией. Он был мертвенно-бледен и казался запуганным до крайности. После того как ему были объявлены пункты, по которым он должен был давать показания, он торжественно заявил о своем страстном стремлении говорить только правду. Затем, ударив себя в грудь сжатыми кулаками, он опустился на колени и, протянув руки к алтарю, произнес следующие памятные слова:

– Я продолжаю утверждать, что грехи, вменяемые тамплиерам, совершенно лживые, хотя я сам и признал некоторые из них, не в силах вытерпеть пытки, которым, по приказу Ги де Марсиле и Гуго де Сели, королевских рыцарей, я был подвергнут. Я видел 54 рыцарей, которых везли на телегах, чтобы сжечь на костре за то, что они не согласились признать то, что от них требовалось. Я слышал, что их сожгли, и я сомневаюсь, смог ли я, как они, сохранить свое достоинство и мужественно вынести ужас костра. Полагаю, если бы

мне стали угрожать этим, я бы дал показания под присягой членам комиссии или любому другому лицу, которое бы меня допрашивало, что все эти грехи, приписываемые ордену, правда. *Я убил бы даже Господа, если бы того от меня потребовали.*

После этого он стал искренне умолять членов комиссии и нотариусов, которые там присутствовали, не раскрывать вырвавшиеся у него слова перед королевскими чиновниками и надзирателями, если только они и его не хотят отправить на костер.

Не достаточно ли этих простых честных слов и искренности, с которой прозвучала в них истина, для того, чтобы перевесить в нас чашу сомнений против всех признаний, выбитых пытками, обещаниями или угрозами и дать представление об их ценности?

Члены комиссии, которые на протяжении всего времени рассмотрения этого дела продемонстрировали, что руководствуются чувством гуманизма и справедливости, заявили, что накануне вечером один из свидетелей пришел к ним и стал умолять сохранить его показания в тайне по причине опасности, которой он подвергнется, если они станут известны. Рассудив, что будет несправедливым заслушивать свидетеля в данном запуганном состоянии, они, посоветовавшись, решили отсрочить свое заседание на более поздний период.

Таким образом, видно, что даже папская комиссия не могла защитить свидетелей, которые были честны и достаточно смелы, чтобы отстаивать невиновность ордена. Поэтому вопрос справедливости здесь совершенно не рассматривался, Филиппу нужна была виновность ордена в самых немыслимых преступлениях, и смерть ждала тех свидетелей, кто не давал желаемых им показаний. Между тем его сподручные весьма активно старались манипулировать узниками. Угрозами и обещаниями им удалось сделать так, чтобы 44 из них отказались от своих намерений защищать орден.

21 мая встретились члены комиссии. В отсутствие архиепископа Нарбона и архидьякона Трена они объявили свою деятельность приостановленной на текущий момент и перенесли следующее заседание на 3 ноября.

В этот промежуток времени действия совета Сенса были копированы в других провинциях. Архиепископ Реймса созвал совет в Сенли, и по его приговору девять тамплиеров были отправлены на

костер. Другой совет был проведен архиепископом Руа в Пон-де-эль-Арк, было сожжено несколько тамплиеров. Епископ Каркасона председательствовал на совете, который передал множество жертв в руки светским властям. 18 августа архиепископ Сенса провел второй совет и сжег четырех рыцарей. Герцог Лоррейн Тибол, близкий друг короля Филиппа, погубил множество тамплиеров и захватил собственность ордена.

3 ноября трое членов папской комиссии встретились в Париже, чтобы спросить, желает ли кто-нибудь защищать орден тамплиеров. Поскольку никто не появился, они перенесли заседание на 27 декабря. Возобновив работу, они вызвали Уильяма де Шамбоне и Бертрана де Сартижи, чтобы те присутствовали при допросе свидетелей. Эти рыцари потребовали присутствия Рено де Пруи и Питера Болонского, но им сообщили, что эти священники торжественно и добровольно отказались от защиты ордена, вернувшись к своим прежним показаниям. Кроме того, последний бежал из тюрьмы и исчез, и ему невозможно было доверить защиту ордена, поскольку его лишили сана на совете в Сенсе. Рыцари повторили свой отказ от участия и удалились. Члены комиссии продолжили допросы свидетелей до 26 мая 1311 года.

Общее число лиц, представших перед комиссией, составило 231 человек, и основная их часть была прислуживающими братьями. Из них почти две трети признали правдивость основных обвинений, выдвинутых против ордена. Отречение от Христа и плевки на крест признавались практически всеми, однако многие говорили, что плевали *рядом*, а не *на* крест и что они отрекались от Господа лишь устами, но не своим сердцем.

Относительно лика, которому якобы поклонялись тамплиеры, показания были даны лишь немногими, хотя это и было важно доказать для подтверждения обвинения в ереси. Одни говорили, что он был похож на лицо человека с длинной белой бородой, другие, что он больше походил на женский и что утверждалось, будто он принадлежит одной из 11 тысяч девственниц. Один свидетель рассказал следующую историю, которую он услышал от рыцаря-мирянца в Лимиссо на Кипре.

Один дворянин страстно полюбил девушку. Не будучи, однако, в силах превозмочь ее неприязнь к нему, он, после того как она умерла,

выкопал ее тело из могилы и отрезал голову, а когда он этим занимался, то услышал голос, прокричавший: «Будь осторожен с ней, кто ни взглянет на нее – погибнет». Он поступил, как было молвлено, и впервые испытал ее действие на Гриссоне, арабском племени, которое проживало на Кипре и в соседней стране. Когда бы он ни доставал голову и ни обращал ее в сторону одного из их городов, стены его немедленно рушились. Затем он с этой головой направился в Константинополь, решив разрушить и этот город. По дороге его служанка из любопытства открыла короб, в котором была голова. Тут же они попали в сильнейший ураган, корабль развалился на куски, и почти все, кто находился на борту, погибли. Даже рыба исчезла в этой части моря.

Такую же историю слышал еще один из свидетелей. По одной из восточных легенд, с его слов, в древние времена, до того как были созданы два рыцарских ордена, случилось, что в водовороте, который называли Сателия, поднималась некая голова, появление которой несло огромную опасность оказавшимся поблизости судам. Можно предположить, хотя, как представляется, свидетели об этом и не говорили, что тамплиеры мечтали заполучить эту опасную голову.

Следует отметить, что свидетели, дававшие такие показания, выискивались и отбирались королевскими чиновниками по всей Франции из числа тех, кто признал свою вину перед прелатами и местными советами и кто, испугавшись угроз или поверив обещаниям, продолжал настаивать на своих словах. Состояние запуганности, в котором они находились, проявлялось в их манере держаться, в речи и действиях. Многие из них начинали со слов, что они скажут то же самое, что говорили тому-то епископу или тому-то совету. И все же даже среди них находились достаточно смелые люди, решавшиеся отказаться от своих показаний и заявлявшие, что они были выбиты из них пытками, и утверждавшие невиновность ордена. Другие отказывались от своих признаний перед членами комиссии, но вскоре после этого, видимо под влиянием угроз или пыток со стороны королевских чиновников, возвращались и вновь меняли показания в обратную сторону.

Пример Жана де Полинкура, тридцать седьмого свидетеля, в этом плане очень показателен. Он начал как обычно, заявив, что подтверждает показания, данные епископу Амьена, относительно

отречения от Христа и прочего. Члены комиссии, заметив его бледность и встревоженность, попросили говорить правду и тем самым спасти свою душу и не настаивать на своих показаниях, если они не были искренними, заверив, что ни они, ни их нотариусы ничего никому не расскажут об услышанном. После некоторой паузы он ответил:

– Тогда я заявляю, во спасение своей души и силою данной мной клятвы, что в момент, когда меня принимали в орден, я не отрекался от Господа, не плевал на крест и не совершал никаких иных непристойностей, равно как никто от меня этого не требовал. Это правда, что я сделал признание перед инквизиторами, но это произошло под угрозой смерти и потому, что Жиле де Ротанжи со слезами на глазах заявил мне и многим другим, кто был со мной в тюрьме в Монро, что мы заплатим за это своей жизнью, если своими признаниями не поможем уничтожить орден. Я поддался уговорам и потом решил исповедаться перед епископом Амьена. Он направил меня к монаху-доминиканцу. Я покаялся в этой лжи и получил прощение при условии, что больше не буду давать лживых показаний по этому делу. Я говорю вам правду, я уверяю вас в этом, и будь что будет, спасение своей души я предпочитаю телу.

Ничто не может иметь более явный отпечаток правдивости, чем такое заявление, тем не менее тремя днями позже свидетель вернулся, отказался от всего сказанного, рассказал о коте, который появлялся на капитуле, и стал утверждать, что, если бы орден не распустили, он вышел бы из него. Не подвергся ли он хорошей обработке, словесной и физической, в промежутке?

Показания Питера де ла Палу, бакалавра теологии ордена проповедников, и 201 свидетеля содержали следующие примечательные слова:

– Я присутствовал на нескольких допросах тамплиеров, некоторые из которых признали большинство из того, что содержится в пунктах обвинения, а другие целиком и полностью все отвергали. По многим причинам мне кажется, что гораздо большего доверия заслуживают те, кто отрицал, чем те, кто признался.

Глава 11

Следствие в Англии. – В Германии. – В Испании. – В Италии. – В Неаполе и Провансе. – На Сицилии. – На Кипре. – Проведение Венского собора. – Запрет ордена. – Судьба его членов. – Смерть де Моле

Подошло время, назначенное для проведения собора в Вене, на котором должна была решиться судьба ордена. Прежде чем перейти к рассказу о том, что на нем происходило, стоит кратко изложить результаты следствия по делу тамплиеров в других странах.

Папа в качестве своих судей отправил в Англию аббата Лени Дюдоне и каноника Нарбона Сикара де Во. 25 ноября 1309 года начали проводиться допросы в Йорке, Лондоне, Линкольне и в других городах. Следствие проходило до 1311 года, когда состоялся совет в Лондоне. Количество допрошенных тамплиеров составило 228 человек. Против ордена свидетельствовало 72 человека, почти все кармелиты, минориты, доминиканцы и августинцы, все давнишние враги ордена. С тамплиерами обращались весьма мягко. В Англии, Ирландии и Шотландии все они в один голос свидетельствовали о невиновности ордена. Почти все доказательства вины ордена сводились к ереси, суть которой можно продемонстрировать на следующих примерах.

Джон де Годерал, минорит, *слышал*, что тамплиер Роберт де Раксе как-то расхаживал по лугу, выкрикивая: «Эй, эй, это я! Как только меня родили, меня заставили отречься от Бога и отдать душу дьяволу!»

Тамплиер в присутствии нескольких почтенных людей сказал Уильяму де Бени на похоронах приходского священника Дюксворта, вблизи Кембриджа, что от человека после смерти остается не больше души, чем от собаки.

Джон де Юре, мирской рыцарь, рассказал, что однажды пригласил приора Уильяма де Фени к себе на ужин. После трапезы приор вытащил из-за пазухи книгу и дал ее почитать жене рыцаря. На листе бумаге, вложенном в книгу, она прочла следующие слова: «Христос не был Сыном Божьим и не рожден девой, а был выношен Марией, женой

Иосифа, так же, как и все остальные люди. Христос был не настоящим, а лжепророком и был распят за собственные преступления, а не во искупление грехов человечества и тому подобное». Женщина показала этот листок своему мужу, который сказал об этом приору, на что тот лишь рассмеялся. Однако, представ перед праведным судом, он сознался в этом, объяснив, что это произошло из-за его неграмотности и незнания содержания книги.

Минорит Роберт Отеригемский рассказал: «Как-то вечером наш приор не появился за трапезой, поскольку из Палестины прибыли святые реликвии, которые он хотел показать братьям. Около полуночи я услышал странный шум в часовне. Я встал и, посмотрев сквозь замочную скважину, увидел, что она была освещена. Утром я спросил у своего брата, кто был тем святым, в чью честь они ночью проводили службу? Он побледнел и с ужасом взглянул на меня, полагая, что я видел нечто, и сказал, чтобы я не спрашивал об этом и, если мне дорога моя жизнь, не говорил об этом никому из наших настоятелей».

Другой свидетель рассказал, что сын тамплиера подглядел сквозь щелочку в двери в комнате капитула, как новобранца убили за то, что он не стал отрицать Христа. Спустя много лет, когда его отец предложил ему стать тамплиером, он отказался, рассказав, что видел, и отец на месте убил его.

Джону Гертийскому, тоже минориту, одна женщина по имени Агнесс Лавкоут рассказывала, со слов лондонского приора Эксвалетуса, что, когда в одной из церквей брат отказался плюнуть на крест, его подвесили в колодце и закрыли там. Этот свидетель также дал показания и относительно других преступлений, о которых он слышал от этой же женщины, а та, в свою очередь, тоже говорила с чужих слов.

В июне 1310 года папа написал королю Англии Эдуарду, обвиняя того в мягкости и призывая задействовать пытки, чтобы добиться правды. Совет в Лондоне после длительных дискуссий приказал прибегнуть к ним, но так, чтобы не увечить конечности и не наносить незалечимых ран и не вызывать сильные кровотечения. Рыцари продолжали настаивать на своей невиновности.

В Германии различные прелаты допрашивали тамплиеров в своих епархиях. Никаких преступлений установлено не было. В Менце орден был объявлен невиновным. Рауграф Фредерик, рейнский прецептор,

предложил провести испытание раскаленным железом. Он хорошо знал магистра по Востоку и верил, что он является добрым христианином, чем любой другой человек.

На Пиренейском полуострове также провели следствие над тамплиерами, свидетелей в их защиту и против них заслушали в Кастилии, Леоне, Арагоне и Португалии и никаких доказательств вины не нашли. Тарагонский совет в Арагоне, прибегнув к пыткам, заявил, что орден не запятнан ересью. На совете в Медине-дель-Кампо в Леоне один свидетель показал, что слышал такую историю: когда минориты посетили прецептора в Виллапандо, то заметили, как он читал маленькую книжку, которую постоянно записывал в трех ящиках и объяснял, что, если эта книга попадет в чужие руки, это может быть очень опасным для ордена.

Влияние папы, возможно, было сильнее в Италии, чем в вышеназванных странах, и соответственно здесь можно встретить те же самые признательные заявления, что и во Франции. Все же лишь во Флоренции поклонение идолам, коту и прочее было признано наиболее широко. В монастыре Святого Петра было сделано несколько подобных признаний. А вот в Болонье, Цесине и Анконе ничего выявлено не было. Девять тамплиеров продолжали отстаивать невиновность ордена на совете в Равенне. Обсуждалось, следует ли применить пытки. Два доминиканских инквизитора выступали за это, остальные члены совета были против. Было решено, что невиновных следует простить, а виновных – наказать в соответствии с законом. *Те, кто отказывался от показаний, данных под пытками или из страха перед ними, должны были считаться невиновными* – совершенно отличное правило от того, чем руководствовался король Филипп.

Карл II Анжуйский, родственник французского короля и враг тамплиеров, которые были на стороне сицилийского короля Фредерика, арестовал тамплиеров и допрашивал их в Провансе и Неаполе. Те, кого допрашивали в Провансе, все были прислуживающими братьями, и некоторые из них подтвердили безверие и идолопоклонничество ордена. Двое тамплиеров были допрошены в Бриндизи в Неапольском королевстве в июне 1310 года. Один отрекся от распятия, по его словам, через шесть лет после вступления в орден. Другой топтал крест в момент вступления. Он и другие на капитулах склоняли голову и поклонялись серому коту.

На Сицилии шесть тамплиеров, то есть все, кого арестовали, дали показания против ордена. Один из них заявил, что его приняли не по уставу в Каталонии, там, где, как было показано выше, была полностью доказана невиновность ордена. Его показания были полны абсурда. Он рассказал, что уже длительное время кот не появлялся на капитулах, но что древние статуты Дамиетты утверждают, что раньше он появлялся и ему поклонялись.

На Кипре были взяты показания у 110 свидетелей. 75 были членами ордена и утверждали, что он невиновен. Показания остальных также были в пользу ордена.

Таким образом, видно, что повсеместно за пределами сферы влияния короля Франции и его ручного папы отстаивалась и признавалась невиновность ордена и, несомненно, точно так же обстояло бы дело и во Франции, если бы процесс против ордена подчинялся принципам справедливости и любви к истине.

Время, назначенное для проведения Вселенского собора, настало. 1 октября 1311 года папа прибыл в Вену, которая располагалась не очень далеко от Леона. Там уже собрались и поджидали его 114 епископов и несколько других прелатов. 13 октября, в годовщину ареста тамплиеров, произошедшего четырьмя годами ранее, собор начал свои кафедральные заседания. Папа, открывая собрание, в своей речи озвучил причины, по которым был созван этот собор, а именно процесс против тамплиеров, поддержка Святой земли и реформа церкви. Епископы Сюсона, Мене, Леона и Аквилы, которым было поручено подготовить заключение по результатам расследования преступлений ордена, зачитали его перед собравшимися святыми отцами, которые еще раз предложили тамплиерам, желающим защищать орден, заявить о себе.

Хотя орден к этому моменту был уже разгромлен и преследовался, множество его самых достойных членов погибло или томилось в темницах вместе со своими руководителями, тем не менее девять рыцарей имели мужество выступить в защиту ордена и явиться перед собором в качестве представителей от 1500 до 2000 тамплиеров, которые скрывались в Лионе и его окрестностях. Папы не было, когда они появились, однако его письмо от 11 ноября демонстрирует, как он отреагировал, когда узнал, что на сцену вышли защитники ордена. Климент приказал арестовать этих мужественных рыцарей и бросить в

тюрьму. В реальном или мнимом страхе перед количеством свободных тамплиеров, он принял дополнительные меры предосторожности в отношении собственной персоны и рекомендовал королю сделать то же самое.

К чести собравшихся святых отцов, они отказались одобрить этот вопиющий акт несправедливости. Прелаты Испании, Германии, Дании, Англии, Ирландии и Шотландии, все, кроме одного, итальянцы, французы, за исключением архиепископов Реймса, Сенса и Руана, заявили, хотя и безрезультатно, что необходимо позволить тамплиерам участвовать и заслушать их доводы в защиту ордена. Вместо того чтобы выполнить это требование, соответствующее понятиям о справедливости и гуманности, Климент внезапно прекратил работу собора. Зима прошла в спорах и переговорах.

Филипп, который привык всегда самостоятельно заниматься собственными делами, посчитав, что его присутствие необходимо в Вене, отправился туда, прибыв в начале февраля в сопровождении трех сыновей, брата, знати и тяжелой кавалерии. Результаты его присутствия очень скоро начали ощущаться. Папа созвал кардиналов и нескольких других прелатов на тайную консисторию и распустил орден своим единоличным решением 22 марта 1313 года.

Вторая часть собора была открыта 3 марта с огромной торжественностью. Король Франции, его сыновья и брат присутствовали на нем, появилась также и королевская гвардия в знак уважения, в целях охраны, а может быть и устрашения. Папа зачитал буллу о роспуске ордена. Все присутствующие слушали в тишине. Никто не осмелился поднять голос в защиту справедливости. Богатый и могущественный орден тамплиеров был уничтожен. 2 мая булла была опубликована, и орден как таковой перестал существовать.

После уничтожения ордена дальнейшее преследование его членов стало бессмысленным, и по большому счету оно прекратилось. Король и папа обратили в свою пользу все движимое имущество ордена во Франции. Прочие его владения, к высшему неудовольствию короля, были переданы ордену госпитальеров, которых, однако, вынудили заплатить столь большие пошлины королю и папе, которые почти целиком разорили их. Это произошло во всех странах, кроме Пиренейского полуострова и Майорки. Собственность тамплиеров в Арагоне была передана ордену Пресвятой Девы Марии Монтезкой,

который был основан в 1317 году. Его задачей была борьба с маврами, костюм напоминал облачение тамплиеров, и поэтому он вполне может считаться тем же самым орденом. Диниз, талантливый и просвещенный король Португалии, не упразднил орден, невиновность которого была признана его прелатами. Чтобы продемонстрировать покорность папской воле, он заставил его сменить свое название, и верховный приор тамплиеров в Португалии стал магистром ордена Христа, который продолжает свое существование и в наши дни.

Относительно уцелевших тамплиеров, заключенных в тюрьмах, на соборе было решено: тех, кто был признан невиновным, следует отпустить на свободу и содержать из средств ордена, с виновными, если они признались и раскаялись в совершенных преступлениях, необходимо обойтись с мягкостью, если нет – поступить с ними в соответствии с церковными законами и держать в заключении в бывших обителях ордена и монастырях. Те, кто бежал, если в течение года не появятся перед собором или епископом своей епархии, должны быть отлучены от церкви.

Большинство рыцарей сразу же были выпущены на свободу, однако никакой собственности у ордена не осталось и для них не осталось никаких средств к существованию. Поэтому они оказались в крайней нужде, и большинство из них было вынуждено соглашаться на самую низкооплачиваемую работу, чтобы добыть себе пропитание. Значительное количество было принято в орден Святого Иоанна в том же статусе, в каком они состояли в собственном ордене, что является весомым доказательством того, что вина ордена тамплиеров в любом случае не считалась доказанной. Постепенно, по мере того как члены ордена умирали или вливались в другие ордены, название «тамплиер» предавалось забвению либо о нем вспоминали с сожалением об их незаслуженно горькой судьбе.

В то время как достойнейший орден был таким образом уничтожен, его члены разбросаны по странам, собственность поделена, когда-то возглавлявший его магистр Жак де Моле со своими тремя соратниками верховным приором Нормандии Гуго де Пейро, досмотрщиком Франции и братом дофина Аверне Гаем продолжали томиться в тюрьме. Де Моле посещал лишь единственный человек – его повар. Выделенных ему средств едва хватало на то, чтобы добыть ему самое необходимое, и жизнь потеряла для него всякий смысл. В

конце концов папа решился проинформировать узников об уготованной им судьбе.

Папская комиссия в составе епископа Альбы и двух других кардиналов приехала в Париж, но не для того, чтобы выслушать пленников, а, считая их вину доказанной, вынести свой приговор. Чтобы придать этому деянию публичность, возможно в соответствии с пожеланием короля, 18 марта 1314 года перед собором Парижской Богоматери был возведен помост, на котором разместились три члена комиссии с архиепископом Сенса и несколькими другими прелатами. Вокруг собралось значительное число людей. Четыре благородных узника были выведены из своих темниц и возведены на сцену. Кардинал Альбы зачитал сделанные ими ранее признания и вынес приговор – пожизненное заключение. После этого он начал обличать виновность ордена, когда его прервал магистр и, призвав всех присутствующих в качестве свидетелей, начал говорить:

– Вот так, в столь ужасный день и в последние моменты моей жизни я должен изобличить всю несправедливость лжи и позволить истине восторжествовать. Итак, я заявляю перед лицом небес и всего мира и к своему собственному стыду признаю, что совершил величайшее из преступлений, но оно заключается лишь в том, что мною были признаны те, в которых столь нелепо обвинили орден. Я свидетельствую, и истина обязывает меня засвидетельствовать, что он невиновен. Я заявлял обратное лишь для того, чтобы прекратились невыносимые муки пыток и успокоились те, кто меня им подвергал. Я знаю, какое наказание постигло всех тех рыцарей, кому хватило мужества отказаться от подобных признаний, но чудовищное представление, которое меня ожидает, не способно заставить меня подтвердить одну ложь другой. Я без сожаления отказываюсь от жизни, предложенной мне на столь бесчестных условиях.

Рис. 15. Портрет последнего верховного магистра

Примеру де Моле, заявившему о невиновности ордена, последовал и Гай, двое других промолчали. Члены комиссии пришли в замешательство и приостановили свою работу. Сведения о происшедшем немедленно донесли королю, который сразу созвал совет, на котором никто из духовных лиц не присутствовал, и приговорил этих двух рыцарей к сожжению на костре.

Поленица была сложена в том месте на острове посреди Сены, где позже был воздвигнут памятник Генриху IV, и на следующее утро де Моле и его соратника привели и поместили на ней. Они продолжали настаивать на невиновности ордена. Языки пламени сначала коснулись их ступней, затем более жизненно важных частей тела. Зловонный запах горящего мяса наполнял окружающее пространство, принося им дополнительные муки. И все же они продолжали кричать о своей невиновности. В конце концов смерть положила конец их мучениям. Зрители утирали слезы, наблюдая за их несгибаемой силой духа, а ночью их прах собрали, чтобы сохранить как реликвию.

Как предание, некоторыми историками рассказывается, что де Моле, прежде чем умереть, призвал Климента предстать на Божий суд в течение 40 дней, а Филиппа к тому же правосудию – через год. Понтифик действительно умер от колик ночью 19 числа следующего

месяца, а церковь, в которой лежало тело, сгорела, и огонь почти целиком уничтожил его останки. Прежде чем истек год, король погиб, упав с коня. Вероятнее всего, именно эти события послужили возникновению поверий, запечатлевшихся в общественном сознании верою в невиновность тамплиеров. Также было отмечено, что все, кто активно преследовал тамплиеров, умерли преждевременной или насильственной смертью.

Остается обсудить два следующих момента: было ли у военно-религиозного ордена рыцарей Храма секретное учение, которое противоречило религиозным и моральным нормам? Продолжил ли орден свое существование вплоть до наших дней?

Выше было продемонстрировано, каковы были доказательства вины тамплиеров, и очевидно, что подобные факты не были приняты во внимание современным, руководствующимся принципами справедливости судом. Они представляли собой слухи, либо распространявшиеся лицами, совершенно не заслуживающими доверия, либо же выжатые из обвиняемых муками и пытками. Сами по себе пункты обвинения абсурдны и противоречивы. Стоит ли верить, что один и тот же человек мог принять строгий деизм магометан и быть виновным в идолопоклонничестве^[100], почти немислимом даже для самых грубых суеверий? Но когда началось подобное разложение тамплиеров? Были ли те, кого святой Бернар восхвалял как образец для подражания в христианском рвении и набожности, кем восхищался и кого почитал весь христианский мир, вовлечены в тайный заговор против религии и государства? Да, самоуверенно отвечает Хаммер, двое смиренных, благочестивых рыцарей, которые основали орден, были учениками и тайными сторонниками мусульман-исмаилитов. Это уже слишком, по мнению Вилайка, который считает, что вина появления тайного учения лежит на капелланах. Так, он разглядел, что учение гностицизма, которого, как предполагается, придерживались тамплиеры, выходило за пределы понимания малообразованных рыцарей, которые, хотя и были способны сражаться и молиться, совершенно не годились для того, чтобы разбираться в дебрях мистической метафизики. Таким образом, согласно одним, весь орден был поражен преступной доктриной снизу доверху, по другим – секретное учение было уделом немногих, и, противореча всем возможным аналогам, руководители ордена зачастую не знали о нем.

Ни те ни другие не представили ничего, что было бы похоже на факты в поддержку своих допущений.

Реальная вина тамплиеров заключалась в их богатстве и гордыне^[101]: последняя отдалила их от людей, первая – породила алчность в короле Франции. Речь идет вовсе не о том, чтобы утверждать наличие у тамплиеров более высоких моральных качеств, чем у представителей других религиозных орденов. При наличии таких свободных средств, которыми они располагали, чтобы потакать всем своим аппетитам и пристрастиям, сказать, что они всегда держали себя в руках, противоречило бы всему историческому опыту, и можно даже предположить, что некоторые из его членов не были свободными от обвинений в деизме, неверии, нарушении своих религиозных обетов и крайней распущенности. Можно лишь утверждать, что правила ордена таковыми не были. Не будь они столь преданы Святому престолу, они, возможно, дожили бы до наших дней столь же незапятнанными, как рыцари святого Иоанна^[102]. Они же поддержали папу Бонифация в противостоянии с Филиппом Красивым, и следующий понтифик из-за собственных алчности и амбиций пожертвовал самыми верными сторонниками римского престола^[103].

Нет ни малейшего сомнения в том, что тот, кто спокойно и непредвзято рассмотрит вышеописанный способ расправы с орденом, вряд ли посчитает вину его членов доказанной. Тем, кто в наши дни сомневается в этом, следует предоставить более весомые доказательства, чем предъявлявшиеся ранее. Главным противником тамплиеров до наших дней является автор, чья правдивость и приверженность справедливости не подвергается сомнению и который своими трудами по восточной литературе снискал себе надежную славу. Однако он склонен полагать, и это даже его самые верные друзья признают, что эрудированность и богатое воображение склонны нарушать равновесие в суждениях и теориях^[104]. Ему возражали Ренуар, Мюнтер и другие достойные защитники рыцарей.

Теперь можно перейти к вопросу существования ордена в последующие столетия. Не подвергается сомнению то, что некоторым образом он продолжил свою деятельность вплоть до XIX века. Так, и об этом уже говорилось выше, король Португалии создал в своих владениях из тамплиеров орден Христа. Однако читатели, разумеется,

могут не подозревать, что масоны считают себя связанными с тамплиерами и что существовало общество, члены которого называли себя тамплиерами, главная их резиденция находилась в Париже, а филиалы – в Англии и других странах. Свою историю они рассказывали следующим образом.

Жак де Моле в 1314 году, предполагая свою скорую мученическую участь, назначил Йохана Маркуса Лормени своим преемником. Это назначение осуществлено надлежащим образом удостоверенным документом, содержащим подписи различных руководителей ордена, хранится в Париже вместе со статутами, архивами, знаменами и прочими атрибутами воинства Храма. Один магистр приходил на смену другому без перерывов, среди них можно встретить некоторые из наиболее выдающихся имен Франции. Бертран дю Гюсли был Великим магистром в течение нескольких лет, эта честь выпадала нескольким представителям рода Монморанси, руководителями общества были и королевские особы различных линий дома Бурбонов^[105].

Вне сомнения, это весьма впечатляющий и обстоятельный рассказ. Однако если коснуться его разоблачающим копьем Итуриэля (ангел, избличающий ложь. – *Пер.*), то начнут проступать некоторые очертания неприглядной лжи. Например, утверждается, что де Моле назначил своего преемника в 1314 году. Он был казнен 18 марта этого года, а орден был уже почти год как распущен. Почему он так долго откладывал это и почему стал опасаться гибели именно в это время, когда, как хорошо известно, не было никаких намерений казнить его? И еще, где находились руководители ордена в то время? Как много из них оставалось в живых? Как им удалось собраться в тюрьме, где находился де Моле, и осуществить формальную процедуру? Более того, не противоречило ли это правилам и традициям тамплиеров, чтобы магистр назначал своего преемника? Это лишь немногие из возражений, которые можно обоснованно предъявить, но в целом есть серьезные основания не верить всей этой истории.

Что же касается масонов, то здесь верно будет предположить, что это было скорее стечение обстоятельств и совпадение в названии тамплиеров, что позволило им заявить о своем происхождении от ордена. И вполне возможно, что если бы та же участь выпала рыцарям святого Иоанна, то такое утверждение никогда не появилось бы. Здесь

вовсе не утверждается, что в момент разгрома ордена Храма не существовало никакой тайной доктрины и что низвержение папской власти, идолопоклонничество, суеверия и безбожие не входили в число идей, которым были привержены ее сторонники, и что масоны не могли стать сторонниками той же доктрины, но под другим названием^[106]. Однако с полной уверенностью можно говорить, что не было представлено ни одного серьезного доказательства причастности тамплиеров к подобному учению и вероятнее всего обратное. Их в целом следует считать мучениками – мучениками, пострадавшими от алчности, кровожадности и амбиций короля Франции.

Тайные трибуналы Вестфалии [\[107\]](#)

Глава 1

Введение. – Первоначальная Вестфалия. – Завоевание саксов Карлом Великим. – Его право. – Герцоги Саксонии. – Германское государство. – Генрих Лев. – Его изгнание. – Последствия этого. – Происхождение германских городов. – Появление судов фемы, или тайных трибуналов. – Теории их возникновения. – Происхождение их названия. – Схожие термины

Теперь повествование переходит к объединению, примечательному сам по себе, хотя, благодаря буйной фантазии сочинителей средневековых романов, в особенности о великом маге Севера, оно окутано такой тайной, мистикой и благоговейным страхом, что до таких поэтических высот никогда не дойдет холодный взгляд искателя истины. Ночной мрак представится в сознании многих читателей при произнесении слов «тайные трибуналы Вестфалии»: полуосвещенное подземелье под стенами какого-нибудь замка либо случайная швейцарская придорожная гостиница, где в торжественном молчании восседают одетые в черные робы судьи, будут рисоваться в его воображении, и, затаив дыхание от волнения, он будет внимательно следить за деталями деяний людей^[108].

Есть опасения, что данная глава не сможет оправдать ожидания такой изысканности. Необычность, которая действительно была присуща тайным трибуналам, может быть рассмотрена здесь лишь как пример действия принципа естественного замещения, характерного для норм морали и всего мироздания, поскольку в период наибольшего хаоса и беззакония в истории Германии практически единственным сдерживающим фактором для преступников в основной части страны был спасительный страх перед этими судами фемы, или тайными судилищами. А те читатели, которые получили представление о них лишь по художественной литературе, с удивлением для себя узнают, что в то время не было формального суда, который бы превосходил, а

скорее даже просто равнялся бы им по справедливости своих процедур.

К сожалению, исторические сведения о них преданы забвению, и невозможно, как в случае с двумя предыдущими обществами, с точностью проследить существование этой организации с момента ее появления до времени, когда она стала угасать и безвозвратно исчезла из вида. Когда она процветала, ужас и страх слишком сильно давили на сознание людей, чтобы те отваживались совать нос в ее покрытые тайной дела. Верная и немедленная смерть была уделом чужака, которого заметили бы в месте, где заседал трибунал, или который всего лишь заглянул бы в книги, где описывались законы и правила общества. Смерть предназначалась и любому члену общества, который раскрыл бы его секреты. Настолько сильнодействующим был этот страх или принципы чести, что, как уверяет Энеа Сильвио (впоследствии папа Пий II), секретарь императора Фредерика III, хотя число членов общества превосходило 100 тысяч человек, никакие мотивы ни разу никого не побудили нарушить свою клятву. Тем не менее все же имеется достаточно материалов, чтобы удовлетворить обоснованное любопытство к этому вопросу.

Прежде чем рассказывать об организации и порядке работы этого грозного судебного органа, для оценки географической и юридической сфер деятельности и для того, чтобы обрисовать наиболее вероятные причины его появления, следует сделать некоторое отступление.

Итак, местом зарождения этой организации была Вестфалия и лишь на Вестфалию распространялась ее власть. Однако Вестфалия Средних веков не в полной мере соответствовала той, какой она стала позже. В целом она представляла собой земли между Рейном и Везером. Ее южными границами были горы Хессе, северными – земли Фрисланда, которые в те времена простирались от Голландии до Шлезвига. В летописях и законах Средневековья эта страна имела мистическое название *красная земля*, которое возникло, как полагает один из авторов, от геральдического красного цвета, которым был окрашен щит Саксонского герцогства. Другие расценивают это как синоним *окровавленной земли*, а третьи полагают, что название пошло от красного цвета грунта в некоторых районах Вестфалии.

Эти земли составляли значительную часть страны саксов, которые после мужественного тридцатилетнего сопротивления были

вынуждены покориться Карлу Великому и принять религию своего завоевателя. С этого момента саксы стали жить в состоянии полной независимости, а их герцоги и правители почти не обладали какой-либо властью, являясь всего лишь председателями на общих советах или предводителями в бою. Карл Великий посчитал целесообразным вовсе упразднить даже эти почести и распространил на земли саксов французскую систему графств и округов. Каждый граф был только королевским чиновником – гражданским и военным начальником в районе, в который он был назначен. *Missi dominici* (государевы посланники) или *регии* из числа придворных были отправлены с инспекцией в Саксонию, равно как и в другие владения Карла. К этим лицам могли обратиться люди всех сословий, чтобы пожаловаться им, как представителям короля, если считали, что с ними несправедливо обошелся граф или любой из его нижестоящих чинов.

В правление Людовика II Немецкого успешная система Карла Великого начала изживать себя, стали распространяться анархия и насилие. Наиболее угрожающими были вторжения норманнов, да и венды^[109] причиняли серьезное беспокойство Германии. Поскольку саксонские земли стали той частью страны, которая практически сразу пострадала от вторжения, император решил восстановить старые полномочия герцогов и поставить во главе этого региона одного человека, который мог бы направить усилия всего населения на борьбу с захватчиками. Герцог был королевским подданным, как и графы, и отличался от них лишь размером территории, на которую распространялись его полномочия. Первым герцогом Саксонии был граф Людольф, основатель монастыря Гандерсхайм. После его смерти этот титул перешел к его сыну Бруно, которого, погибшего в кровавой битве с норманнами при Эбсдорфе, сменил его младший брат Оттон I, отец Генриха I Птицелова.

После оборвавшейся германской ветви династии Каролингов представители разных народов Германии избрали Конрада Франкского своим верховным правителем, поскольку новый враг – мадьяры, или венгры, угрожали теперь империи и от нового правителя требовались энергичные меры. Сам Конрад был настолько уверен в этом, что, умирая после непродолжительного правления, рекомендовал избрать на свое место не своего брата, а Генриха Птицелова, герцога Саксонского, который в своих столкновениях с вендами и норманнами

наилучшим образом продемонстрировал свой талант и мужество. Генрих был избран, и принятые им в ходе правления меры, а также поражение, нанесенное венграм, оправдали его избрание.

После смерти Генриха его сын, которого впоследствии справедливо нарекли Великим, был единодушно избран как преемник императорского трона. Герцогство Саксонию он поручил Герману Биллунгу. Из-за постоянных войн с вендами и норманнами саксонцев теперь считали наиболее храброй нацией Германии, и вполне естественно они пользовались наибольшим расположением императоров саксонской династии. После того как со смертью Генриха II в 1024 году эта родовая линия закончилась, скипетр перешел к франконской династии, во времена которой преуспела швабская родовая линия, и императорская власть в Германии значительно уменьшилась, главным образом из-за споров с папами по поводу инвеститутов и по различным другим причинам. Анархия и феодальная междоусобица стали приобретать угрожающий размах. Замки феодалов превратились в убежище разбойников, и нигде невозможно было найти защиты закона и справедливости.

Одно из наиболее примечательных событий этого переполненного бедствиями периода, тесно связанное с предметом данной главы, – изгнание Генриха Льва, герцога Саксонского и Баварского. Магнус – последний из династии Биллунгов Саксонии – умер, оставив лишь двух дочерей, из которых старшая была замужем за Генрихом IX Черным, герцогом Баварии, который, в соответствии с порядком этой эпохи, имел право на герцогство Саксонию. Однако император Генрих V не согласился с его притязаниями и передал герцогство Лотарю Супплинбургскому. Тем не менее, поскольку сын Генриха Черного Генрих X Гордый был женат на единственной дочери Лотаря, а этот монарх сменил Генриха V на императорском троне, Генриху Гордому оказалось несложным заполучить Саксонское герцогство от своего тестя, который приложил усилия и к тому, чтобы тот был избран его наследником. Однако другие королевские особы сильно завидовали ему и после смерти Лотаря поспешно избрали Конрада Швабского, который под предлогом того, что ни один из герцогов не должен властвовать в двух герцогствах, призвал Генриха отказаться либо от Саксонии, либо от Баварии. После отказа, с согласия прочих монархов империи, Конрад объявил его лишенным обоих герцогств, передав

Баварию маркграфу Австрии Леопольду IV, а Саксонию Альбрехту Медведю, сыну второй дочери герцога Саксонии Магнуса.

Саксония, однако, позже была возвращена Конрадом Генриху Льву – сыну Генриха Гордого, а преемник Конрада Фридрих Барбаросса отдал ему и Баварию. Генрих самостоятельно с оружием прошел от Эльбы до Балтики и отвоевал значительные территории у вендов, которые он считал своей собственной вотчиной. Теперь он властвовал на большей части Германии, и было очевидно, что он должен либо получить императорский титул, либо погибнуть. Своей гордыней и жестокостью он нажил множество врагов. Поскольку у него не было детей, кроме дочери, которая была замужем за кузеном императора, с его властью не особенно считались. Тем не менее в амбиции Генриха входило желание стать отцом героической расы, и, согласно обычаям того времени, он развелся со своей супругой и женился на дочери короля Англии Генриха II Матильде, от которой у него появилось четыре сына. Вследствие этого и других обстоятельств были утрачены все дружеские чувства между Генрихом и императором, которого тот тем не менее сопровождал в итальянском походе, завершившемся битвой при Леньяно. Однако внезапно Генрих отвел свои войска и покинул императорскую армию в ее походе. Фридрих же, приписывая неудачу, которую он потерпел, главным образом поступку герцога Саксонии, по возвращении в Германию пребывал в настроении, в котором любые обвинения в адрес Генриха находили в лице императора благодарного слушателя. И такие рассказчики не заставили себя долго ждать. В качестве главных жалобщиков предстало саксонское духовенство, у которых он отобрал право инвеституры. Их обвинения, которые частично были правдивыми, частично ложными, были охотно выслушаны Фридрихом и другими монархами империи, после чего низвержение Генриха было делом решенным. Его четыре раза призывали к ответу на выдвинутые против него обвинения, но безрезультатно. После этого в Вюрцбурге был вынесен приговор: «Изгнание». Он оспорил его законность и попытался воспротивиться исполнению. На его защиту встало несколько герцогов. Тем не менее ему пришлось подчиниться и подать в Эрфурте прошение о помиловании. Император простил его и разрешил сохранить унаследованное имущество на условии, что тот

покинет на три года Германию. Он был лишен всех имперских владений, которые тут же были переданы другим монархам.

При разделе захваченного у Генриха Льва Саксония была разделена. Значительная ее часть отошла архиепископу Кельна, Бернар Анхальтский, сын Альбрехта Медведя, получил значительную часть от оставшегося. Прекратила существовать верховная власть Саксонии над Гольштейном, Мекленбургом и Померанией, а Любек стал свободным имперским городом. Ни Бернар, ни архиепископ Кельна были не в состоянии укрепить свою власть над вверенными им территориями, и повсеместно распространилось не сдерживаемое никакими законами насилие. «Не было короля в Израиле, и каждый делал то, что сам считал правильным», – сказано в летописи^[110].

В данном случае мы вновь сталкиваемся с примером действия принципа естественного замещения. Именно период волнений и анархии, последовавший за изгнанием Генриха Льва, послужил импульсом к строительству и расширению городов на севере Германии. Вольные германцы, как их описывал Корнелий Тацит, считали ниже своего достоинства запираяться за стенами и рвами, и, похоже, их потомки саксонцы унаследовали подобные представления, поскольку в этой стране не было городов до времен Генриха Птицелова. В качестве мер защиты от норманнов, славян и мадьяр этот монарх повелел участки земли огораживать земляными валами и рвами, за которыми концентрировалась одна треть обрабатываемых земель округа, на которых должен был поселиться каждый девятый житель. Чтобы придать этим местам значимость, в них должны были проводиться судебные заседания. Набирая силы вместе с ростом населения, эти города стали способны противостоять натиску врагов и предоставлять убежище и защиту жителям открытой местности. Прочие города, такие как Мюнстер, Оснабрюк (Оснабург), Падерборн и Минден, разрастались из-за желания людей селиться ближе к аббатствам, церквям и резиденциям епископов, где они могли найти поддержку во времена материальной или духовной нужды, а также получить защиту благодаря проявляемому к церквям почтительному отношению. Третий тип городов своим происхождением был обязан тому беспокойному периоду, который здесь описывается. Так, жители с открытой местности, жертвы притеснений и тирании, бежали туда, где в обмен на свою покорность они могли бы получить хоть какую-то

защиту, и строили дома у подножия замков каких-нибудь влиятельных феодалов. Такие города постепенно наращивали свою силу, пользуясь расположением императоров, которые, как и другие монархи, видели в них союзников в противостоянии чрезмерному влиянию церкви и знати и охотно одаривали их значительными привилегиями. Так появился прославленный Ганзейский союз, к которому прямо или косвенно принадлежал практически каждый сколь-нибудь значимый город в Вестфалии.

Однако рост городов и то процветание с улучшением системы регулирования социальных отношений, которое они несли с собой, не были единственным результатом изгнания Генриха Льва. Есть серьезные основания полагать, что именно в этот период в Вестфалии были учреждены суды фемы, или тайные трибуналы. По крайней мере, самый ранний документ, в котором есть четкое и однозначное упоминание о них, датирован 1267 годом. Это был инструмент, при помощи которого граф Марка Энгельберт освободил некоего Гервина Кинкенродского от феодальных обязательств для получения в наследство Брока, который находился в графстве Марк. Это, как утверждается, произошло в месте под названием Берле, на суде председательствовал Бернард Хенедорпский, и был составлен приговор фемы. Под приговором фемы во все времена понимались те, что тайно выносились вестфальскими трибуналами, следовательно, здесь имеется четкое и явное доказательство существования подобных судилищ в то время. В другом документе, датированном 1280 годом, снова в качестве свидетельств появляются приговоры фемы, и после этого они начинают встречаться все чаще.

Таким образом, обнаруживается, что менее чем через полвека после изгнания Генриха Льва суды фемы повсеместно действовали в Вестфалии, и нет ни малейших намеков на их существование до этого времени или достаточно убедительных доказательств, чтобы считать их более древними учреждениями. Не будет ли достаточно правомерным принять точку зрения тех, кто датирует их появление первой половиной XIII века и объясняет это анархией и беспорядком, последовавшими за устранением власти, которая до сих пор держала в рамках знать и простолюдинов? И не лишена ли смысла гипотеза, что некоторые отважные и порядочные люди пришли к тайному соглашению осуществлять жестокое возмездие нестерпимому злу,

охватившему страну, и сочли целесообразным прибегнуть к тем мерам поддержания гражданского порядка, которые постепенно переросли в тайные трибуналы? А может быть, какой-нибудь влиятельный правитель, действуя исключительно из эгоистических побуждений, разработал план общества и назначил собственных судей, чтобы первым написать о них?^[111]

Впрочем, приходится признать, что происхождение судов фемы покрыто такой же завесой тайны, какая окутывает историю Ганзейской лиги и столь многих других институтов Средних веков, и не стоит питать излишних надежд, что когда-нибудь она будет полностью сброшена. Поэтому в этом вопросе всегда будет широкий простор для появления гипотезы, и та, что была выдвинута выше, является лишь одной из девяти уже существующих. Четыре из них относят происхождение судов фемы ко временам Карла Великого, считая, что они либо были прямо учреждены данным великим монархом, либо постепенно трансформировались из других его институтов, созданных для совершенствования управления его владениями.

Пятая относит их происхождение ко второй половине XI столетия и считает их изобретением вестфальского духовенства для продвижения позиций папской власти в ее попытках установить главенство над всеми мирскими правителями. Шестая приписывает их учреждение святому Энгельберту, архиепископу Кельна, которому император Фридрих II поручал управление своими делами в Германии в период своего пребывания на Сицилии и который был известен своим религиозным рвением и преследованием еретиков. Он создал их, как утверждают сторонники этой теории, по образу инквизиции, учрежденной позже. Седьмая и восьмая гипотезы даже не заслуживают упоминания. В отношении остальных следует сделать несколько замечаний.

Первые авторы, которые упоминают суды фемы, – это Генрих Херворденский, монах-доминиканец, который осуждал их в период правления императора Чарльза IV в середине XIV века, а также Энеа Сильвио, секретарь Фридриха III, писавший о них веком позже. Эти авторы принадлежат к числу тех, кто относит происхождение судов фемы к Карлу Великому, и очевидно, это было общеизвестным мнением того времени, старательно распространявшимся самими членами этой организации, которые пытались придать ей

дополнительную значимость в глазах императора и соотечественников, связав их с памятью о блистательном монархе Запада. Тем не менее нет никаких свидетельств извне, и никакие внутренние сведения не предоставляют возможности уверенно подтвердить это. Эгинхарт, секретарь и биограф Карла Великого, а также все прочие авторы тех времен хранят молчание по этому вопросу. Бесценные отрывки древних саксонских законов, собранные в XII веке, не имеют ни малейших ссылок на подобные суды, и, строго говоря, их дух и образ действия сильно разнятся от того, что было характерно для созданных Каролингами институтов. Что касается гипотезы, по которой автором судов фемы является архиепископ Энгельберт, она совершенно не подтверждается сторонними свидетелями. В свою поддержку она не имеет ничего, кроме совпадения по времени первого упоминания о подобных судах с деятельностью Энгельберта и в схожести присущей им и святой инквизиции секретности в осуществлении своих процедур. Последнее сходство можно легко объяснить, и для этого вовсе не нужно прибегать к предположению, что одно было заимствовано другим.

Таким образом, с определенной уверенностью можно сказать лишь одно, что в середине XIII века суды фемы существовали и действовали в той стране, которая была описана как Вестфалия Средних веков. К этому можно добавить только то, что их юрисдикция распространялась на всю данную страну и первоначально ограничивалась именно ее границами, все суды в других частях Германии, которые имеют сходство с вестфальскими судами фемы, имели другой характер и свойства^[112].

Прежде чем перейти к описанию этих трибуналов, остается рассказать о происхождении их названия. И здесь опять сталкиваемся с такими сложностями и неопределенностью, как при изучении происхождения самого общества.

Почти каждое слово в немецком и родственных ему языках, которое имеет самое небольшое сходство со словом «фем» (Fehm)^[113], приводилось теми или иными авторами в качестве его истинного источника. Нет необходимости в текущем контексте рассказа об истории судов фемы обсуждать доводы в пользу одной или другой теории, вполне достаточно ограничиться упоминанием того, что к числу наиболее вероятных относится латинское слово *fama*

(репутация, общественное мнение), впервые предложенное Лейбницем. Во времена, к которым с наибольшим количеством оснований можно относить появление подобных трибуналов, немцы были хорошо знакомы с терминами гражданских и церковных законов. Суды фемы существенно отличались от первоначальных принципов германских законов, одним из которых был: *нет обвинителя – нет суда*, и, подражая зарубежным законам^[114], действовали на основании *общественного мнения* без выдвижения формального обвинения в отношении человека, подозреваемого в преступлении или дурных намерениях. Более того, различные трибуналы за пределами Вестфалии, которые действовали на тех же основаниях, по общеизвестным сведениям, также назывались судами фемы, что, соответственно, можно интерпретировать как суды фаме, то есть те, которые не требовали в соответствии с древними германскими традициями формального обвинения, а начинали расследование и установление истины по любому обвинению, которое выдвигалось общественной молвой или слухами в отношении того или иного лица. Без сомнения, это было очень опасной процедурой, которая могла быть подвержена самым сильным злоупотреблениям, однако в том состоянии беззакония в Германии и в ощущении безнаказанности, которое могли испытывать самые злостные преступники, из-за страха перед ними, удерживающего пострадавших и свидетелей от выдвижения против них обвинений, она, возможно, была более чем оправданной. Стоит тем не менее отметить, что слово «фем» может быть вариантом старонемецкого слова, обозначающего «приговор». Очень даже вероятно, что в итоге суд фемы мог означать всего лишь трибунал, выносящий приговор, другими словами, суд, выносящий наказание за преступление, который можно назвать уголовным судом.

Суд фемы было не единственное название, которым обозначали подобные судилища. Их также называли «фемдинг», а слово «динг»^[115] в Средние века было эквивалентом «суду» или трибуналу. Их также называли вестфальскими трибуналами, поскольку их можно было проводить лишь в *Красной стране*, то есть в Вестфалии, и только вестфальцы были подсудны их юрисдикции. Их также называли «вольные престолы» (*Frei-stühle*, а слово *Stuhl* означало то же самое, что и «суд» – *gerichte*), вольные трибуналы и т. п., поскольку только свободные люди были подсудны им. «Вольный суд» тем не менее не

был термином, полностью замещающим понятие вестфальского «суда фемы». Первое было понятием «родовым», последнее – «видовым». В документах их также называли «секретные трибуналы» и «безмолвные трибуналы» из-за секретности их работы; «запретные трибуналы» – название, причины появления которого не очень ясны; «каролинские трибуналы» – из-за убеждения в том, что они были созданы Карлом Великим; «вольная власть», где последнее слово (*Bann*) также означало и юрисдикцию. Суд фемы также именовали «тайный приговор» или «тайный закрытый приговор», где слово «приговор» (*Acht*) означало то же самое, что и суд или трибунал.

Глава 2

Верховный судья трибунала. – Граф. – Шоффен. – Посыльные. – Публичный суд. – Тайный трибунал. – Пределы распространения их юрисдикции. – Места проведения судебных заседаний. – Время их проведения. – Действовавшие на них процедуры. – Вынесение решения в случаях поимки преступников на месте преступления. – Рассмотрение дел инквизиционным методом

Проследив происхождение судов фемы и их всевозможные обозначения, насколько это позволили сделать существующие документы и прочие свидетельства, перейдем к описанию устройства и порядка работы этих прославленных трибуналов, а также выясним, кем были люди, входившие в них, как у них появлялись их полномочия и на какие сословия людей распространялась их юрисдикция.

Даже в период наибольшей анархии в Германии император считался источником всех законов и властных полномочий, и в еще большей степени, когда это касалось права на вынесение смертного приговора. Суды фемы поэтому видели императора в качестве своего повелителя, от которого проистекает вся имеющаяся у них власть, и признавали его право контролировать и менять их устройство и решения. Ниже необходимо более подробно остановиться на этих правах императора.

Между императором и вестфальскими председателями трибуналов (*штульгеры*)^[116], как их называли, то есть местными главами светских и церковных властей, не было никаких посредников вплоть до XIV века, когда архиепископ Кельна был назначен наместником императора в Вестфалии. Каждый председатель трибунала имел свой определенный округ, в рамках которого он имел право создавать трибуналы и за пределы которого его власть не распространялась. Он либо самостоятельно председательствовал в своем суде, либо назначал вместо себя верховного судью (*фрайграфа*). Права штульгера напоминали права тех, кто в этой стране осуществлял

патронат, то есть распределял приходы. В его власти было всего лишь назначение себя самого или другого лица верховным судьей, право же выносить смертный приговор имел император или его представитель. С учетом этого когда штюльгер представлял к назначению фрайграфа, то должен был поклясться, что предложенный им человек был искренним и честным, такими же были его отец и мать, он был рожден на вестфальской земле, имеет незапятнанную репутацию, не замечен в совершении преступлений и что он уверен в способности кандидата достойно и квалифицированно вершить правосудие в округе.

Получив назначение, фрайграф должен был поклясться, что будет вершить суд по правде и справедливости, в соответствии с законами и нормами императора Карла и *закрытого трибунала*, что он будет подчиняться императору или королю и его представителям, а также что он как минимум один раз в год будет отчитываться перед верховным капитулом, проводимым в Вестфалии, рассказывая о своей работе, и т. п.

Доходы фрайграфа формировались из судебных сборов и доли в наложенных штрафах, у него также было фиксированное жалованье от штюльгера в денежной форме или в натуре. Каждый принятый заседатель, или *шоффен*^[117], делал ему подарок, как гласил закон, в *возмещение его графской шляпы*. Если принятое лицо было рыцарем, этим вступительным взносом была золотая марка, если нет – серебряная марка. Каждый из принятых членов, клятвой очистивших себя от всех обвинений, уплачивал графу крестный грош. Он обладал долей во всех наложенных его судом штрафах и в сборах за выписанные повестки и прочее.

Как правило, в каждом трибунале был лишь один фрайграф, однако случалось, что их насчитывалось до семи или восьми человек. Граф председательствовал в суде, и повестки обвиняемым выписывались именно им.

Следующими по рангу после графа были шоффены. Они составляли основную часть и силу общества. Их кандидатуры предлагал граф с одобрения председателя трибунала. Два человека, уже являющиеся членами общества, должны были клятвой поручиться, что кандидат годится для принятия в шоффены. Требовалось, чтобы он был немцем по происхождению, рожден в законном браке свободными родителями, исповедовал христианство,

не был ни отлучен, ни изгнан, не участвовал ни в каких заседаниях суда фемы и не был членом никакого духовного ордена или подобной организации.

Шоффены делились на два класса: заседатели рыцарского и обычного почтенного происхождения, поскольку в те времена повсеместно действовал принцип, что каждый человек может быть судим лишь равными ему людьми, и, соответственно, он должен быть соблюден и в судах фемы.

До того как быть допущенными к секретам общества, шоффены назывались «несведущими», после вступления их именовали «сведущими», или *фементами*. Лишь последних допускали на заседания суда фемы. Процесс приема в шоффены сопровождался весьма торжественной церемонией. Кандидат предстал перед собравшимися членами трибунала с непокрытой головой и отвечал на вопросы относительно его навыков и способностей. Затем, встав на колени и положив большой и указательный пальцы правой руки на обнаженный меч и виселичную веревку, произносил, повторяя за фрайграфом, следующую клятву:

– Я клянусь святыми узами, что с этого момента буду помогать, оберегать и хранить тайны святой фемы от жены и детей своих, от отца и матери, от сестры и брата, от огня и ветра, от всего, на что падает солнечный свет и проливается небесная влага, от всего между небом и землей, а особенно от людей, знающих закон. Клянусь представить перед лицом данного вольного суда, в котором я заседаю, все, что относится к тайной юрисдикции императора, узнаю ли я, что это правда, сам, или от проверенных людей, требует ли оно отмены или наказания, подвластно ли оно феме или нет (то есть преступление, совершенное в другом графстве), но что подлежит суду или же с согласия обвинителя может быть прощено. Клянусь никогда не поступать иначе ни из любви, ни из страха, ни за деньги, ни за золото или драгоценные камни. Клянусь содействовать этому трибуналу и исполнению его решений всеми моими пятью органами чувств и силою духа. Клянусь также, что данные обязанности я принял на себя ни по какой другой причине, кроме как из любви к закону и справедливости. А еще клянусь, что буду вечно поддерживать и чтить этот вольный трибунал больше, чем любой другой свободный суд, и

буду неукоснительно и твердо хранить свою клятву, да поможет мне в этом Всевышний и Его святое Евангелие.

Принимаемый также был обязан поклясться, что он всегда в силу всех своих возможностей будет стремиться расширять священную империю и никогда не предпримет никакой несправедливости по отношению к земле и подданным штульгера.

После этого граф узнавал у судебных исполнителей (*fronboten*), исполнены ли кандидатом все формальности, необходимые для вступления в члены трибунала. При получении утвердительного ответа председатель раскрывал перед новичком секретные знания общества и сообщал секретные знаки, по которым посвященные узнавали друг друга. Что именно служило этим знаком, совершенно неизвестно: некоторые утверждают, что, когда они встречались за обеденным столом, они обычно поворачивали нож острием к себе, а рукояткой от себя. Другие полагают, что буквы SSGG, которые были найдены на документах в архивах Герфорда, служили этим знаком и расшифровывались как «палка, камень, трава, страдание» (*Stock Stein, Gras Grein*). Тем не менее это наиболее спорные предположения, не имеющие никаких доказательств. Граф после этого был обязан внести имя новичка в общий регистр, и с этого момента тот становился частью могущественной группы посвященных.

Монархи и дворяне боялись, что их канцлеры и вельможи, а объединения городов – что отдельные члены магистратов могут входить в число шоффенов. Многие правители сами стремились стать членами этой грозной организации, и утверждается, что в XIV–XV веках (только об этом периоде имеются точные исторические свидетельства) число шоффенов превышало 100 тысяч человек.

В обязанности шоффенов входили доставка по стране повесток в суд, отслеживание и изобличение злодеев или же, если те были застигнуты во время совершения преступления, прямо на месте совершение над ними правосудия. Они также входили в число заседателей при фрайграфе, когда собирался трибунал. Для этого требовалось присутствие по крайней мере семи из тех, кто проживал в том округе, где проходил суд. Те, кто принадлежал к другим округам, могли присутствовать, но не выступать в роли заседателей, они являлись лишь одними из присутствующих на суде лиц. Всего таких зачастую насчитывалось до 100 человек.

Все посвященные могли перемещаться по стране как пешком, так и верхом на лошади, поскольку лишь самые отчаянные люди могли решиться причинить им какой-либо вред, так как в этом случае ничто, кроме смерти, их не ожидало. Страшное наказание ждало и тех, кто позабыл бы о своей клятве и раскрыл тайны общества. Его должны были схватить, завязать тряпкой глаза, скрутить руки за спиной, надеть петлю на шею. После этого его опрокидывали на живот и вешали семью футами выше любого другого преступника. Тем не менее есть сомнения, что подобное наказание когда-либо потребовалось осуществить. Так, Энеа Сильвио, который писал в те времена, когда общество уже пришло в упадок, уверяет, что ни один из членов вестфальских трибуналов никогда ни по каким мотивам не выдал их секретов. Он описывает шоффенов как суровых людей, приверженцев истины и справедливости. Подобные слова в их отношении используются и другими авторами тех времен.

Помимо фрайграфа и заседателей для правильного проведения судов фемы требовались исполнители, которые назывались «фронботы», или, по-другому, «сержанты» либо «посыльные», а также клерк для записи вынесенных приговоров в так называемую *Кровную книгу* (*Liber sanguinis* – Книга кровожадности). Они также, разумеется, были посвященными, в противном случае они не могли бы присутствовать на трибуналах. Требовалось, чтобы посыльные были свободными гражданами, живущими в этом округе и обладающими всеми теми качествами, что и обычные шоффены. Их обязанностью было присутствовать на заседаниях суда, когда они проводились, и следить за тем, чтобы непосвященные, в отношении которых были выдвинуты обвинения, были привлечены к ответственности надлежащим путем^[118].

Граф обязан был созывать два вида судебных заседаний: одно открытое, называвшееся открытым, или публичный, суд, на который имели доступ все свободные граждане, а другое – закрытое, называвшееся тайный трибунал, на котором нельзя было появляться никому, кроме посвященных.

Первый суд проводился через определенные промежутки времени и не реже трех раз в год. О его заседании за четырнадцать дней объявляли посыльные, и каждый домовладелец в графстве, посвященный или нет, свободный или подневольный, был обязан под

угрозой штрафа в четыре полновесных шиллинга появиться на нем и клятвенно заявить о тех преступлениях, которые, как ему известно, были совершены в графстве.

Когда граф созывал тайный трибунал, постриженное и рукоположенное духовенство, женщины и дети, евреи и язычники^[119], а также, как представляется, высшая знать не подпадали под его юрисдикцию. Духовенство было неподсудно, вероятно, по благоразумным мотивам, поскольку не казалось безопасным беспокоить членов столь влиятельного учреждения, посягая на их привилегии. Тем не менее духовенство по своему желанию могло стать подотчетным судам фемы, если хотели разделить преимущества причастности к ним. Женщины и дети исключались на основании пола и возраста, а период несовершеннолетия продлевался в документах до четырнадцати, восемнадцати и иногда до двадцати лет. Евреи и язычники, а также им подобные не допускались на основании их недостойности. Высшее дворянство было неподсудно (если это действительно было так) в соответствии с принципами германских законов, по которым люди должны были судиться лишь равными себе, поэтому вряд ли было возможно найти графа и семь заседателей, которые были бы равного звания с обвиняемым этого класса.

При своем появлении суды фемы, если принять, что их название пошло от слова *fem* – «приговор», были исключительно уголовными судами, и их действие не распространялось на вопросы гражданских отношений. Им были подсудны все преступления против христианской веры, святого Евангелия, десяти заповедей, общественного покоя и личного достоинства – категории, под которые, впрочем, можно было легко подвести почти любой совершенный проступок и преступление. Соответственно в своде законов суда фемы можно найти перечисленными такие преступления, как святотатство, грабеж, изнасилование, убийство, отступничество, предательство, лжесвидетельство, фальшивомонетничество и прочее и прочее. Таким образом, трибуналы, ловко интерпретируя законы, умудрялись сделать «подфемными», то есть подпадающими под их юрисдикцию, даже те дела, которые были очень далеки от уголовных преступлений.

Однако все исключения вообще не принимались во внимание в случае неявки в суд, или если лицо было застигнуто непосредственно в момент совершения преступления. Если человек, после того как его в

установленном порядке вызвали в суд, даже по гражданскому делу, не явился, чтобы дать ответ на выдвинутые против него обвинения, его объявляли вне закона, а его преступление становилось «подлежащим феме». Каждый судейский в этом случае имел право арестовать обвиняемого, принадлежал ли он к его округу или нет. Силы всех шоффенов были теперь направлены против него, и скрыться от них было практически невозможно. Здесь и проявляла себя огромная власть судов фемы. Другие суды также могли объявить человека вне закона, но никто другой не имел таких же возможностей привести в исполнение свой приговор. Единственным средством защиты от суда для обвиняемого было попытаться явиться перед ним и защитить свою позицию либо же подать прошение о защите императору. Если человека поймали *flagranti delicto* (на месте преступления – лат.), вестфальские трибуналы имели право незамедлительно казнить его.

Те, кто узнал о судах фемы из пьес и рыцарских романов, склонны полагать, что они проводились в подземелье или же в глубине самых непроходимых лесов, когда ночь, накрывая их своим мраком, придавала им дополнительную величественность и торжественность. Здесь, как и в других случаях, неохотно, но придется помочь развевать литературные фантазии. Эти суды не проводились ни в лесах, ни в стенах замков, даже просто под крышей – крайне редко. Есть лишь один документальный пример того, что суд фемы проводился в подвале, а именно в Хайнберге под домом Джона Менкина. В Падерборне он был проведен в городском доме; был пример суда, состоявшегося в замке Вульфен. Однако более частой была ситуация, когда для проведения суда выбиралось место под голубым куполом небес, поскольку вольные германцы все еще сохраняли в себе пристрастие своих предков к открытому пространству и экспансии. Так, в северном и южном церковных уделах трибуналы собирались на подворьях церквей; в Дортмунде – на рыночной площади вблизи городских домов. Однако самым излюбленным местом проведения судебных заседаний было пространство под сенью деревьев, как в древние времена. Можно прочесть о трибунале в Аренсберге в саду; о другом – под боярышником; о третьем – под грушей; о четвертом – под липой и т. д. Часто встречаются упоминания трибуналов, которые назывались по видам деревьев, под которыми они проводились, как, например, трибунал у бузины, у старого дуба и т. п.

Представление о том, что они проводились по ночам, также лишено всяких доказательств. Не имеется никаких указаний на это в дошедших до нас документах. Гораздо более соответствующим германской привычке будет предположение, что как публичный суд и немецкие суды в целом проводились ранним утром, сразу после восхода, такой же была практика проведения тайных трибуналов.

Когда на рассмотрение суда фемы выносилось какое-нибудь дело, сперва выяснялось, подпадает ли этот вопрос под его юрисдикцию. Если это было так, то обвиняемого вызывали предстать перед публичным судом и дать ответ на обвинения. Все сословия людей, включая евреев и язычников, могли прийти на этот суд, на котором также присутствовали непосвященные шоффены и который был столь же открытым, как и любой суд в Германии. Если обвиняемый не появлялся или появлялся, но не мог оправдаться, дело передавалось в тайный трибунал. Гражданские дела, которые из-за отказа удовлетворить требования передавались в суды фемы, в подобных случаях из-за неявки обвиняемых также передавались туда.

У тайных трибуналов имелись три различные процедуры работы, а именно для случая, когда преступника ловили на месте преступления, инквизиторская и обвинительная.

В первом случае требовалось выполнение двух условий: преступник должен был быть пойман по факту преступления и, как минимум, три шоффена должны были присутствовать при его казни. Что касается первого, то юридический язык в Саксонии давал широкое толкование понятию «пойман по факту». Оно распространялось не только на тех, кого поймали непосредственно в момент совершения преступления, но и на тех, кто был пойман, когда убегал. В случае убийства тот, кто был найден с оружием в руках, считался пойманным по факту. Так же происходило при краже, если лицо обладало ключом от того места, в котором были найдены украденные вещи, если только ему не удавалось доказать, что они попали туда без его согласия или ведома. Закон фемы выделял три признака или доказательства вины в подобных случаях: *владеющая рука* – преступник держал в руках улику; *внешний вид* – как, например, рана на теле убитого, и *запинающиеся уста* – или признание вины преступником. Тем не менее во всех этих случаях требовалось, чтобы преступник был пойман немедленно, поскольку, если ему удавалось сбежать и его

ловили опять, тогда он уже не считался застигнутым на месте преступления и должен был судиться трибуналом с соблюдением всех формальностей.

Второе условие – наличие как минимум трех посвященных лиц, чтобы они имели право схватить, осудить и казнить пойманного на месте преступления человека. Они в этом случае одновременно являлись судьями, обвинителями, свидетелями и палачами. Здесь следует более подробно описать порядок их действий. Неясным остается вопрос, соблюдалось ли в подобных случаях правило суда равных: в документе, называемом Аренсбергской реформой судов фемы, четко определяется, что в случае, если лицо поймано на месте преступления, его происхождение не избавляет от ответственности и дворянин должен судиться как простолюдин. Тем не менее случаи, когда троем посвященным удавалось застигнуть преступника на месте, должно быть, происходили крайне редко.

Когда было совершено преступление и преступник не был схвачен сразу, оставалось два способа суда над ним: инквизиционный и обвинительный процессы. То, какому необходимо было следовать, зависело от обстоятельств. Однако, если речь шла о посвященном, против него в обязательном порядке применялся обвинительный процесс.

Предположим, был избран первый способ суда, который обычно применялся, когда преступник был застигнут на месте преступления, но ему удалось скрыться, либо он был тем, кого открыто и отчетливо обвинила в преступлении общественная молва. В данном случае его не вызывали в суд и не удостоивали возможности быть заслушанным. Обычно его изобличал один из посвященных. Суд после этого изучал доказательства его вины, и, если они признавались достаточными, его объявляли вне закона, называлось это «ферфемт» (приговоренный фемой)^[120], а его имя вписывалось в Кровную книгу. Незамедлительно выносился приговор, которым все правители, властители, дворяне города, каждый гражданин, и в особенности посвященные, призывались содействовать в отправлении правосудия. Данный приговор, разумеется, первоначально мог распространяться лишь на Вестфалию, однако суды фемы постепенно расширили свои притязания. Их требования уважались императорами, которые видели в них поддержку своей власти, и вскоре последовали указания, чтобы

их приговоры исполнялись на всей территории империи как вынесенные императорской властью.

Незавидна была участь приговоренного. Целая армия посвященных, а это около 100 тысяч человек, теперь преследовала его. Если встретивших его было достаточное количество, они сразу хватали его. Если им казалось, что их сил недостаточно, они призывали на помощь своих собратьев, и каждый член общества, если его попросили об этом трое или четверо из посвященных, поклявшихся, что человек осужден фемой, был обязан помочь схватить его. Как только преступник был пойман, они незамедлительно казнили. Его вешали на дереве у дороги, а не на виселице, напоминая тем самым, что они были уполномочены осуществить свои обязанности именем короля в любом месте по своему усмотрению и независимо от территориальной юрисдикции. В качестве петли, в соответствии со средневековой практикой, они использовали ивовые прутья. Как утверждается, у них было столь много практики, что очень скоро они достигли такой сноровки в этом деле, из-за которой фраза «осуществить фему» в итоге стала означать просто «повесить», как это в английском языке произошло со словом «эзекуция». Более вероятным все же является предположение, что эта казнь или нечто близкое к ней изначально именовалось словом, от которого пошло название трибуналов. Если преступник оказывал сопротивление, захватившие имели право забить его до смерти. В этом случае они привязывали мертвое тело к дереву и втыкали рядом с ним свои ножи в знак того, что он был убит не разбойниками, а казнен именем императора.

Если человек, приговоренный фемой, не был посвященным, у него не было никакой возможности узнать об угрожающей ему опасности до тех пор, пока петля не оказывалась у него на шее. Поскольку суровая кара, ожидавшая всякого, кто раскрывал секреты фемы, абсолютно исключала возможность того, чтобы дружеский намек или предостережение встали на его защиту. Если же по воле случая, такого, как, например, удачный побег от тех, кто пытался его схватить, кто-то помогал человеку узнать о своем положении, тот мог, если считал себя способным оправдаться, искать защиты и помощи у штюльгера или у императора.

Если кто-либо сознательно общался или укрывал приговоренного, он подвергал себя такой же опасности, как и укрываемый им преступник. Требовалось, однако, доказать, что он делал это умышленно, – обстоятельство, которое выносилось на суд императора или председателя суда того округа, в котором проживал обвиненный. Первоначально это правило распространялось только на Вестфалию, но судьи фемы впоследствии взяли на себя право карать пособников, приговоренных фемой, в любой части империи.

Ничто не покажется более поспешным и несправедливым, чем такой порядок действий, тем, кто попытался бы применить идеи и принципы современности к тем ушедшим временам. Тем не менее жестокие злодеяния требовали жестокого возмездия, а степень дезорганизации Европы в целом и Германии в частности в Средние века была такой, что выходила за рамки практически всех современных представлений. Не следует ли предположить, что необходимо расценивать как благо, а не как зло любой институт, который устанавливал пределы несправедливости и насилия, вселяя в души злодеев спасительный страх перед последствиями? Когда человек совершал преступление, он знал, что существует трибунал, способный осудить за это и от которого его власть, какой бы могущественной она ни была, не сможет защитить. Он не знал, кто входил в число посвященных и в какой момент он может оказаться в их руках. Даже его брат мог оказаться среди его изобличителей, его самые близкие родственники или товарищи могли стать теми, кто схватит и казнит его. Необходимость подобной силы в целом ощущалась столь остро, что несколько городов, таких как Нюрнберг, Кельн, Страсбург и прочие, обратились к императору и получили его соизволение выносить смертный приговор даже без слушаний, если основанные на общей молве доказательства вины преступников казались убедительными большинству городского совета. Несколько графств получило такие же привилегии, из чего видно, что суды фемы появились и в других местах за пределами Вестфалии, но они были весьма далеки от них по своему влиянию, поскольку не имели многочисленной армии шоффенов в своем распоряжении.

В завершение следует отметить, что лишь тогда, когда преступления были значительными по тяжести, а молва о них громкой и не стихающей, инквизиционный процесс мог проходить должным

образом. В менее значимых делах обвиняемый имел право быть заслушанным лично. Кроме того, инквизиционный процесс имел свои пределы, если сведения были недостаточно весомыми и убедительными, и виновность все еще оставалась недоказанной, злоумышленник должен был преследоваться по обвинению. Если он входил в число посвященных, это было его безусловным правом и привилегией по всем делам.

Глава 3

Обвинительный процесс. – Лица, которых подлежало судить данным образом. – Порядок вызова в суд. – Порядок судопроизводства. – Право на апелляцию

Как отмечалось выше, первым вопросом, который появлялся при рассмотрении дела судом фемы, было: подпадает ли оно под его юрисдикцию, и если это было так, то обвиняемый вызывался в публичный суд, а если он там не появлялся или не был способен оправдаться, рассмотрение дела переносилось в тайный трибунал. Теперь следует рассмотреть весь судебный процесс более подробно.

Повестка выписывалась за счет обвиняемого. Она должна была быть выписана на качественном новом пергаменте, без каких-либо исправлений в тексте и заверена как минимум семью печатями, а именно графа и шести заседателей. Печати разных судов имели отличия. Повестки также были разными, в зависимости от того, кем был обвиняемый, фрайграфом, фрайшоффеном или же кем-то из неприсяжных или непосвященных, местным жителем, лжешоффеном или же просто бродягой. В любом случае они должны были доставляться шоффенами. Повестки должны были содержать имя графа, обвинителя и обвиняемого, суть предъявляемого обвинения и место, где должно состояться заседание суда. Штульгер также должен был быть заранее проинформирован о них.

Чтобы повестка дошла и имела законную силу, требовалось, чтобы два шоффена доставили ее обвиняемому лично либо оставили ее открыто или тайно в месте его проживания или там, где он укрылся. Если он не появился для ответа на обвинения в течение шести недель и трех дней, его вновь вызывали уже четыре человека. Шесть недель – это был минимальный срок, отведенный для ответа на эти повестки, и также требовалось, чтобы вместе с ней вручалась частичка имперской монеты. Если человек все еще отказывался явиться, его вызывали в третий и последний раз шестью шоффенами и графом, а установленный срок составлял шесть недель и три дня, как и прежде.

Если обвиняемый был не просто посвященным, а еще и графом, с ним обходились с подобающим уважением. Первые повестки доставлялись семью шоффенами, вторая – четырнадцатью и четырьмя графами, а третья – двадцатью одним и семью графами.

Непосвященные, будь они подневольными или свободными, подобными почестями не пользовались. Повестки доставлялись им по месту их проживания посыльными и лишь однажды. Точно неизвестно, какой период времени отводился им для явки в суд, но представляется, что, как обычно, он составлял шесть недель и три дня.

Повестки для городов и местных общин адресовались, как правило, всем жителям мужского пола. Обычно некоторые из них особо назывались по имени. По Аренсбергской реформе предписывалось, чтобы указывались имена как минимум тридцати человек. Срок был шесть недель и три дня, а от тех, кто доставлял повестки, требовалось, чтобы они были *настоящими и правильными* шоффенами.

Лжешоффен, то есть человек, который тайком овладел секретами общества, вызывался лишь один раз. Обычное время давалось ему для явки в суд.

Если же обвиняемый был всего лишь бродягой, то есть тем, у кого не было постоянного места жительства, то придерживались следующего действия: за шесть недель и три дня до заседания суда выписывались четыре повестки, которые прикреплялись на перекрестке, дороги от которого уходили в четыре разных стороны, и к каждой из них прилагалась частичка имперской монеты. Это считалось достаточным и надлежащим уведомлением, и, если обвиняемый не появлялся, суд продолжал свою деятельность исходя из неявки.

Независимо от привилегий, которыми пользовались члены тайных трибуналов, и мер предосторожности, обеспечивающих их безопасность, и даже смертельного возмездия, ожидавшего любого, кто нанес бы им обиду, не следует полагать, что практика доставки повесток возникла прежде, чем суды феоды ощутили себя в полной безопасности. Тираничный и своенравный феодал, находящийся в своем укрепленном замке и окруженный вассалами, мог и не проявить особой щепетильности в учинении скорой расправы над смельчаком, отважившимся вызвать его в суд и ответить за свои преступления.

Городские власти также могли с негодованием разорвать повестку в суд фемы и обойтись с доставившими ее посыльными как с преступниками. Дабы подобного не случилось, было необходимо, чтобы благим делом считалось, когда повестка прикреплялась ночью к воротам города или замка, к двери дома обвиняемого или же ближайшей богадельни. Доставлявший так ее шоффен после этого просил стражу или кого-нибудь из прохожих уведомить обвиняемого о том, что повестка доставлена, он также должен был отрезать небольшую щепу от ворот или двери в качестве доказательства исполненного поручения.

Если обвиняемый решался подчиниться повестке, ему нужно было отправиться в назначенный день в то место, где собирался суд, имея при себе повестку в качестве пропуска. Те же, кто продолжит утверждать, что судилица фемы проходили по ночам в секретных местах, скажут, что для явки в суд обвиняемый должен был за три четверти часа до полуночи прийти к ближайшему перекрестку, где его ожидал бы шоффен, который завязал бы ему глаза и провел к месту заседания суда. Это, впрочем, всего лишь выдумка, поскольку место проведения суда всегда точно указывалось в каждой повестке.

Суды фемы (как и все суды в Германии) проводились по вторникам^[121]. Если в этот день обвиняемый или его адвокат появлялись в назначенном месте, а суд не проводился, повестки аннулировались и теряли свою силу. То же самое происходило, если ему и его свите отказывали в доступе на заседание суда – обстоятельство, которое происходило время от времени. Однако, если человек не появлялся по первой повестке, он облагался штрафом в 30 шиллингов; в второй раз – 60 шиллингов, на третий – он объявлялся приговоренным фемой. Трибунал тем не менее был вправе сделать еще поблажку в виде шести недель и трех дней, прежде чем вынести этот последний суровый приговор. Это проявление милости называлось Королевским днем, или Днем милосердия императора Карла.

Просьба о необходимом и неизбежном отсутствии тем не менее принималась в любом случае, и уложениями фемы четко определялись четыре законных препятствия для явки в суд, а именно: тюремное заключение; болезнь; служба Господу (то есть паломничество) и выполнение служебных обязанностей. Законом также в качестве справедливых причин добавлялись следующие: неспособность

пересечь реку из-за отсутствия лодки или моста, а также шторм; утрата лошади, когда обвиняемый ехал на суд, по причине чего не смог явиться вовремя; отъезд из графства по рыцарским, торговым и прочим благородным делам; и наконец, услужение своему правителю или хозяину. В общем, любая разумная причина была приемлемой. До тех пор пока препятствие продолжало существовать, все процедуры в отношении обвиняемого считались приостановленными. Если невозможность присутствия возникала из-за нахождения в тюрьме либо выполнения служебных обязанностей или поручений хозяина, обвиняемый должен был уведомить об этом письмом, заверенным его печатью или же собственной клятвой и клятвой двух-трех свидетелей. Прочие перечисленные выше основания подтверждались одной лишь клятвой самого обвиняемого.

Если обвиняемый проигнорировал две первые повестки, но явился по третьей, от него требовалась уплата двух штрафов за неявку. Но если он заявлял, что слишком беден для уплаты такой суммы, он был обязан положить указательный и средний пальцы на обнаженный меч, лежавший перед фрайграфом, и поклясться святым распятием, что это именно так. После этого штраф ему прощался и начиналось судебное заседание.

На заседаниях суда фемы председательствовал граф. Перед ним на столе лежал обнаженный меч и ивовая петля. Первый, согласно уложениям, символизировал распятие, на котором принял мученическую смерть Христос, и строгость суда, последняя демонстрировала ожидающую злодеев кару, которой будет умиротворена ярость Всевышнего. По правую и левую руку от него стояли судебные исполнители, заседатели и присутствующие. Все были с непокрытой головой, дабы продемонстрировать, как было записано, что они будут осуществлять правосудие открыто и справедливо, наказывать людей только за преступления, которые они совершили, и не будут *покрывать правое неправым*. Они также должны были держать свои руки на виду в знак того, что не будут делать ничего тайно и исподтишка. На плечах у них должны были быть надеты короткие мантии, символизирующие тепло любви, которую они испытывают к справедливости, *поскольку как мантия укрывает всю прочую одежду и все тело, так и их любовь должна обволакивать справедливость*. Они не должны были носить ни

оружия, ни доспехов, чтобы никто не почувствовал бы страха перед ними, а также как знак того, что они находятся под опекой императора, короля и империи. И наконец, они не должны были быть в гневе или опьяненными, чтобы это не привело к принятию несправедливых решений, *потому как опьянение чинит множество пороков.*

Если среди собравшихся обнаруживался кто-нибудь из непосвященных, его дело рассматривалось кратко. Без всяких церемоний его хватали, руки и ноги связывали вместе и подвешивали за них на ближайшем дереве. Когда на суде ловили лжешоффена, ему на шею надевали петлю из дубовых лоз и бросали на девять дней в темницу, а по прошествии этого времени его судили, и, если тому не удавалось оправдаться, с ним поступали, как того требовал закон, то есть вешали.

День слушаний начинался, как и во всех германских судах, с того, что председатель спрашивал исполнителей, этот ли день и этот ли час назначен для проведения суда именем короля. Получив утвердительный ответ, фрайграф уточнял, как много заседателей должно быть в трибунале и в каком порядке должны заниматься места. После выяснения ответов на эти вопросы он объявлял судебное заседание открытым.

Каждой стороне разрешалось привести с собой до 30 друзей в качестве свидетелей и компургаторов (свидетель, очищающий от обвинения клятвой в том, что считает подсудимого невиновным. – *Ред.*). Однако, чтобы те не могли помешать отправлению правосудия, они должны были быть безоружными. Каждая сторона, кроме того, имела право быть представленной собственным адвокатом. В этом качестве мог выступить лишь посвященный человек, он также должен был быть равней тем, кого представлял. Если адвокат был задействован одной из сторон на любой стадии процесса, он уже не мог быть привлечен другой стороной, даже с разрешения тех, кто первоначально его привлек. Когда он представлялся суду, удостоверяющие его полномочия документы тщательно проверялись, и если выяснялось, что они находятся в строгом соответствии с предписаниями закона, то объявлялись действительными. Требовалось, чтобы эти документы были написаны на хорошем, новом и неповрежденном пергаменте без пятен и потертостей, а также заверены печатями как минимум двух фрайшоффенов.

Адвокат правителя империи появлялся с зеленым крестом в правой руке и имперской золотой монетой в левой. На его правую руку также должна была быть надета перчатка. Если было два адвоката, они оба должны были быть с крестом и с монетой. Адвокаты обычных правителей приносили серебряные монеты. Старые уложения, в которых очень охотно давались разъяснения любым мелочам, гласили: «Крестом они указывали, что правитель, которого они представляют, в случае если окажется виновным, исправит свое поведение в соответствии с требованиями веры, которую проповедовал Иисус Христос, будет непреклонен и верен святому христианскому учению и покорным святой империи и праведному суду».

По завершении всех предварительных формальностей судебное разбирательство начиналось с ознакомления подсудимого с выдвинутым против него обвинением и предложением защитить себя. Если он не хотел защищаться самостоятельно, ему разрешалось привлечь адвоката, которого он мог привести с собой. Если дело было гражданским, он мог сразу же остановить процесс, предоставив убедительные свидетельства того, что исполнит требования истца. В этом случае ему давалась обычная отсрочка в шесть недель и три дня. Он также имел возможность опротестовать компетентность членов суда, законность его созыва и любые другие обстоятельства. И если изъяны подтверждались, то производство прекращалось.

Если обвиняемый не появлялся, в качестве общепринятой процедуры обвинитель *перекликал* его, то есть сам давал клятву именем всех святых, что сказал правду, и шесть надежных и проверенных фрайшоффенов клялись, что верят в сказанное им.

Древние законы фемы делали существенное различие между посвященным и непосвященным, причем с большим преимуществом в пользу первого. Обвиняемый, если был посвященным, мог оправдаться, возложив указательный и средний пальцы на обнаженный меч и поклявшись всеми святыми, «что он невиновен в вещах и проступках, которые упомянуты судом и которые поставлены ему в вину обвинителем, да поможет ему Всевышний и все святые». После этого он бросал крестный грош (возможно, крейцер) в сторону суда и уходил, и никому не было позволено задержать его или воспрепятствовать ему. Однако, если обвиняемый не являлся

посвященным, он не мог очиститься подобным образом, а истина устанавливалась на основании приводимых фактов.

Очевидно, что подобные правила могли нормально существовать лишь в те времена, когда никто, кроме людей с безупречной репутацией, не принимался в общество. По мере того как данное сообщество деградировало, это различие постепенно перестало проявляться, и факты устанавливались исходя из приводимых доказательств без какого-либо учета высоты положения обвиняемого.

Обвинитель мог воспрепятствовать обвиняемому столь легко очиститься, принеся собственную клятву, подтвержденную шестью компургаторами, в правдивости своего обвинения. Если обвиняемый желал привести эти доводы, ему требовалось представить тринадцать или двадцать компургаторов, которые поклялись бы в его невиновности. Если ему удавалось представить последнее количество, он считался оправданным, поскольку закон не позволял превышать это число. Но если у него было лишь тринадцать человек, обвинитель мог обойти его, приведя двадцать свидетелей, которые поручились бы уже за его правдивость.

Если обвинитель доказывал вину подсудимого, он выходил и просил председателя суда вынести справедливый приговор. Фрайграф никогда не брал на себя обязанность определения вердикта. Он всегда поручал это одному из заседателей. Если заседатель считал, что вопрос слишком сложен для него, он присягал, что дело обстоит именно так, и суд тогда поручал это другому, который также мог избавиться от ответственности подобным образом. Если ни один из заседателей не был в состоянии вынести решение, вопрос переносился на следующее заседание суда.

Если же заседатель брал на себя обязанность определения вердикта, он по своему усмотрению мог сделать это самостоятельно или удалиться, чтобы посоветоваться с другими заседателями и присутствующими. Чтобы вердикт имел силу, его необходимо было вынести совещательным путем, в противном случае его можно было оспорить. Должен ли был заседатель принять решение, исходя из мнения большинства, неясно. Когда решение было принято, заседатель со своими коллегами появлялся перед трибуналом и передавал вердикт председателю, который после этого выносил приговор. Каковы были наказания за различные преступления, было секретом, известным

лишь посвященным. Но если они карались смертной казнью, повешение, на что намекала лежащая на столе петля, было способом приведения приговора в исполнение.

Если обвиняемый не появился и вследствие этого был объявлен вне закона, его объявляли приговоренным следующей ужасной формулировкой: объявлялось, что «он должен быть исключен из общественной жизни, лишен всех прав и свобод, нигде не найдет он покоя и милости, лишь виселица назначена ему. Должны быть прерваны все связи христиан с ним, и должно так обходиться с ним, чтобы он чах в своем собственном теле и никогда бы вновь не расцвел и не возвысился каким-либо образом. Его жену следует считать вдовой, а детей – сиротами. У него не должно быть ни почета, ни прав. Шея его достанется воронам, тело всем тварям земным, птицам небесным и рыбам в воде, а душа отдана Всевышнему» и т. д. и т. п.

Когда после объявления приговоренного вне закона проходил год и один день, все его имущество переходило в доход императора или короля. Правитель, город или община, на которых был наложен такой приговор, теряли при этом все свои свободы, привилегии и льготы.

Если в качестве приговора была назначена смертная казнь, председатель суда выкидывал из-за ограждения трибунала петлю, шоффен плевал на нее, а имя приговоренного вносилось в кровную книгу. Если преступник находился среди присутствующих, его немедленно хватали, и, согласно традициям Средних веков, когда, как и на Востоке, к обязанностям палача не относились презрительно, задача приведения приговора в исполнение поручалась самому молодому из присутствующих шоффенов, который тут же вешал его на ближайшем дереве. Статус преступника должным образом учитывался и в этом процессе, поскольку тех, кто был посвящен, вешали на семь футов выше остальных, так как их вина считалась более серьезной. Если приговоренный отсутствовал, то, как уже описывалось выше, все шоффены пускались на его поиски, и где бы они его ни поймали, то вешали без всяких дальнейших церемоний.

Приговор держался в строжайшем секрете от всех непосвященных. Его копия, написанная в общепринятой форме и заверенная семью печатями, выдавалась обвинителю.

Таким образом, видно, что процедуры в судах феодальной эры находились в строгом соответствии с нормами справедливости и даже немного

тяготели к милосердию. Но это было еще не все: право на апелляцию гарантировалось обвиняемому в случае, если один из совещающихся шоффенов был не согласен с вердиктом или если свидетели противоречили друг другу в своих показаниях и, наконец, если принятое решение казалось несправедливым и неприемлемым. Последний пункт предоставлял широкое поле для возможности прибегнуть к апелляции, поскольку крайне редко бывает так, чтобы приговор не казался несправедливым или слишком суровым той стороне, которой его вынесли. Однако требовалось, чтобы протест был заявлен сразу после оглашения приговора или, по крайней мере, до роспуска суда. Сторонам разрешалось удалиться на несколько минут, чтобы посоветоваться с сопровождающими их друзьями. Если они не заявляли, что будут опротестовывать решение суда, приговор объявлялся окончательным и запрещалось под страхом сурового наказания оспаривать его в любом другом суде. Если кто-то из них решался подать протест, обе стороны были обязаны оставить залог *de lite prosequenda*. Если одна из них, будучи бедняком или чужеземцем, не была в состоянии внести залог, клятвы было достаточно, поскольку, как гуманно и справедливо выражался закон: «Чужеземец и бедняк должны иметь возможность искать справедливость в Священной Римской империи так же, как ее жители и богатые».

Апелляция подавалась в генеральный капитул *Тайного закрытого трибунала Имперской палаты*, которая обычно, если не постоянно, заседала в Дортмунде, либо императору или королю как верховному руководителю трибунала. Если монарх входил в число посвященных, он мог рассмотреть обстоятельства дела самостоятельно, в противном случае он должен был поручить изучение вопроса тем из своих советников, которые были посвященными, или направить посвященных уполномоченных, но последнее могло иметь место лишь в Вестфалии. Существует множество примеров подачи подобных апелляций. Наконец, протест мог быть направлен наместнику императора, который в этом случае сам разбирался в деле при помощи посвященных шоффенов либо передавал его рассмотрение генеральному капитулу, на котором он председательствовал. Его приговор или решение генерального капитула у императора уже не опротестовывалось.

Помимо права на апелляцию существовали и другие способы избежать исполнения приговора суда фемы. Например, к ним относилось то, что назвалось *замена прежним положением*, к чему тем не менее мог прибегнуть только посвященный. Когда приговор был вынесен человеку, который не появился на суде, он мог добровольно лично направиться в место проведения тайного трибунала и испросить подобной благосклонности. Он должен был предстать перед вынесшим приговор судом в сопровождении двух фрайшоффенов с петлей на шее, в белых перчатках, со скрещенными руками, с имперской монетой и зеленым крестом в них. Он и его спутники должны были пасть на колени и молить за него, чтобы его вернули в то состояние, в котором он находился до начала судебного процесса. Также существовал так называемый «протест ничтожности» для случаев, когда был нарушен предписанный порядок судопроизводства. Некоторые другие способы будут представлены чуть позже.

Глава 4

Генеральный капитул. – Права императора. – Права его наместников. – Права штульгеров и председателей трибунала

Чтобы завершить рассказ о судах фемы и о порядке рассмотрения дел в них, необходимо описать права и полномочия генерального капитула и императора, его наместников и председателей судов.

Генеральный капитул – это верховное собрание председателей судов Вестфалии, фрайграфов и шоффенов, которое проводилось один раз в год императором или его наместником. Каждый фрайграф силою клятвы обязан был присутствовать на нем. Оно могло проводиться лишь в Вестфалии и исключительно в Дортмунде или Аренсберге. На нем не мог появиться никто, кто не был посвящен, даже сам император. Председательствовал император, если он присутствовал и был посвящен, в противном случае его наместник или представитель.

В обязанности генерального капитула входило рассмотрение работы различных трибуналов фемы. Соответственно, все фрайграфы должны были отчитываться о всех делах, рассмотренных в течение прошедшего года, пополнить список имен шоффенов, которых приняли, перечень начатых дел с именами обвинителей, обвиняемых, приговоренных и т. п. Те фрайграфы, которые не исполнили свои обязанности, снимались генеральным капитулом со своих должностей.

Как указывалось выше, на генеральном капитуле рассматривались апелляции на решения всех судов фемы. В вопросах особой важности решения фрайграфов нижестоящих судов для придания им веса утверждались генеральным капитулом. Наконец, на генеральном капитуле принимались все правила, законы и реформы относительно судов фемы.

Император, даже когда авторитет императорской власти был крайне низким, считался в Германии источником всех властных полномочий. Считалось, что право вынесения смертного приговора, в частности, прямо или косвенно исходило от него. Суды фемы отличались своей готовностью признавать императора в качестве

первоисточника своей власти и все их решения выносились его именем.

Как верховный руководитель и судья над всеми фрайграфами и трибуналами, император обладал правом инспектировать их работу и реформировать их. Он мог созывать и председательствовать на генеральном капитуле, он мог появиться на заседании любого суда, и председательствующий граф был обязан пропустить его и позволить ему вести заседание вместо себя. В его власти было принимать новых шоффенов, если это происходило на вестфальской земле. Более того, каждый шоффен был обязан дать императору правдивый ответ на вопрос, является ли то или иное лицо приговоренным фемой и в каком суде. Он мог также снять с должности фрайграфов, не исполнивших свои обязанности, но только в Вестфалии.

Император даже мог изъять из ведения трибуналов какое-либо дело. Его право рассматривать апелляции уже было отмечено, однако помимо данного права он мог еще запретить рассматривать определенное дело, если обвиняемый обратился к нему *за милостью и справедливостью*. В этом случае граф мог продолжать рассмотрение дела лишь на свой собственный страх и риск. Император мог также выдать охранную грамоту любому человеку, который обратился за ней из опасения, что его могли приговорить фемой, и ни один шоффен не отваживался нарушить эти гарантии безопасности. Даже если человека приговорили фемой, император мог спасти его, издав указ о приостановлении приведения приговора в исполнение на сто лет, шесть недель и один день.

Очевидно, для того, чтобы реализовывать свои права, император сам должен был быть посвященным, поскольку в противном случае он не мог, например, появиться на заседании суда фемы, вносить изменения в законы, с которыми не был бы знаком как *непосвященный*, а также проявлять милосердие, когда ему не было бы известно, кто приговорен фемой, а кто нет. Поэтому в уложениях, описывающих права императора, всегда добавлялось *в случае, если он посвящен*, а указы непосвященных императоров судами фемы нередко объявлялись недействительными. У императора поэтому был выбор: либо назначать своего уполномоченного над судами фемы, либо самому быть посвященным. Последнее было более предпочтительным, и каждый император при коронации в Ахене инициировался наследным титулом

фрайграфа Дортмунда. Хотя Ахен не находился в Вестфалии, уложения позволяли отойти от обычного правила, что во фрайшоффены можно было принимать лишь в этой стране.

Представитель императора, которым практически всегда являлся архиепископ Кельна, имел право утверждать тех фрайграфов, которых ему представляли председатели трибуналов, наделять их властью, дарить жизнь и карать смертью. Он также имел право созывать генеральный капитул, председательствовать на нем, а также реализовывать прочие императорские права. Он сам, посоветовавшись с некоторыми шоффенами, мог принимать решения по поступившим к нему апелляциям, не вынося рассмотрение этих дел на генеральный капитул. Он также был вправе принимать шоффенов в любой трибунал в Вестфалии, что подтверждает наличие у него, как и у императора, свободного доступа в любой из них. Исходя из этого, становится ясно, что он тоже был посвященным.

Почет и преимущества, полученные архиепископом Кельна, когда на него были возложены эти обязанности, породили ревность и зависть среди феодалов Вестфалии, с которыми он с этого момента стал равным и которые считали, что сами в такой же степени достойны подобных привилегий. Они не упускали ни малейшей возможности продемонстрировать свое отношение к нему и всегда старались, чтобы фрайграфов в их владениях назначал император, а не архиепископ. Не хотели они видеть среди своих фрайграфов и тех, кто был назначен архиепископом, а потом переназначен императором.

Теперь осталось рассказать лишь о председателях трибуналов (*штульгерах*).

Председатель трибунала возглавлял округ, в котором находился суд фемы. Если он был посвященным, то мог сам стать фрайграфом суда, уже получив ранее от императора право на жизнь и смерть, либо назначить своего уполномоченного. Если же он не решался сделать ни то ни другое, то мог, как говорилось выше, представить кандидатуру графа на утверждение архиепископу, за которого ручался. Если назначенный фрайграф оказывался впоследствии недостойным, то штульгер был обязан лишить того судебных прав. Ему, в результате, также было позволено проводить инспекции судов фемы на своей территории. Ни один шоффен не мог быть принят, ни одно дело не передано в суд, ни даже повестка выписана без его утверждения. У

него даже было в своем роде право рассматривать жалобы на решения фрайграфа, и как император он тоже мог вывести из-под его юрисдикции отдельных лиц и целые дела. Однако, поскольку его полномочия не распространялись за пределы его территории, фрайграф мог направить те дела, которые он хотел вести, но ему это было запрещено, в суды других округов. Он также мог, если встречался с противодействием штульгера, потребовать, чтобы тот (если был посвященным) присутствовал на заседаниях суда.

Штульгер, если не был посвященным, как и император в подобном случае, мог осуществлять свои права только через своих посвященных представителей.

Огромные преимущества, которые давало наличие суда фемы, заставляло знатных представителей как духовных, так и гражданских властей прилагать массу усилий, чтобы обзавестись в своих землях подобными территориальными учреждениями. В результате практически все феодалы в Вестфалии располагали судами фемы. Даже такие города, как, например, Дортмунд, Зост, Мюнстер и Оснабрюк, располагали собственными трибуналами либо в черте своих стен, либо в своих округах и окрестностях, поскольку для них позволить подобным *государствам в государстве* оставаться независимыми от магистрата было бы проявлением крайне недальновидной политики.

Глава 5

Суды фемы в Целле. – В Брауншвейге. – Трибунал сведущих в Тироле. – Замок Баден. – Африканские суды пурры

Итак, к настоящему моменту рассмотрены вопросы организации и порядка работы тайных трибуналов Вестфалии, насколько это позволяют сделать дошедшие до нашего времени отрывочные сведения. Остается лишь проследить их историю до последних следов. Не лишен любопытства и тот момент, о котором следует рассказать, насколько характерными они были именно для Вестфалии и существовали ли напоминающие их организации где-либо еще.

В действительности тайные суды фемы, как уже отмечалось, не были присущи лишь Вестфалии. В манускрипте Франциса Альгермана, описывающем жизнь герцога Юлиуса Целлийского^[122], датированном 1608 годом, можно прочесть следующее описание суда фемы, заседание которого в городе Целле автор видел в юности и запомнил:

«Когда должно было быть запущено судилище фемы^[123], все жители округа старше 12 лет были обязаны прийти без опоздания на пустырь или в другое просторное открытое место и усесться на земле. Посередине собравшихся после этого выставлялось несколько столов, за которыми размещались правитель, его советники и бейлифы. Тайные судьи после этого называли преступников и их преступления, после чего обходили по кругу и били белым жезлом по ногам преступников. Любой, чья совесть была нечиста, теперь знал, что виновен в преступлении, караемом смертной казнью, ему разрешалось встать и покинуть страну в течение ближайшего дня и ночи. Он мог подождать, пока не получит второй удар. Но если его ударяли в третий раз, палач был уже рядом, пастор исповедовал его, и он отводился к ближайшему дереву.

Но если человека ударяли лишь один или два раза, это считалось отеческим наказом незамедлительно изменить свою жизнь. Потому это

называлось *правом на прощение*, поскольку в этом было проявление милосердия, что со временем превратилось в судилище».

Рассказывается, что подобные суды проходили в местах под названием Вельпе и Ротенвальде. Там у тайных судей была традиция, если они узнавали, что кто-нибудь совершал преступление, подпадавшее под юрисдикцию судов фемы, делать дружеское предупреждение. С этой целью они ночью оставляли отметку на его двери, а на питейных сборищах делали так, что мимо него проносилась жестяная банка. Если эти предостережения не действовали, проводился суд.

В соответствии с древними юридическими книгами суд фемы в Брауншвейге регулировался и проводился несколько иначе. Некоторые из наиболее мудрых и уважаемых граждан, которых называли *фемены*, были обязаны незаметно отслеживать поведение своих сограждан и передавать информацию об этом совету. Если накапливалось такое количество нарушений, что необходимо было проводить суд фемы, назначался определенный день для этого. Несколько членов совета из различных районов города встречались в полночь во дворе церкви Святого Мартина и после этого созывали весь совет. Все входы и выходы в город закрывались, все перекрестки и мосты, лодки выше и ниже по течению брались под охрану. Судебному исполнителю фемы после этого приказывалось начинать свою работу, а феменов просили предоставить ему свою информацию, чтобы облечь ее в юридическую форму, если на то было достаточно времени.

На рассвете граждане уведомлялись, что совет решил провести суд фемы в такой-то день, и им надлежит отправиться на рыночную площадь, как только зазвучит набатный колокол. После того как колокол пробил трижды, все собравшиеся провожали совет из города через ворота Святого Петра к так называемому рву фемы. Здесь они разъединялись: совет располагался между рвом и городскими воротами, а жители вставали по другую сторону рва. Фемены теперь смешивались с толпой сограждан и выспрашивали о правонарушениях, сведения о которых до них еще не дошли, и всю информацию, которую им удалось раздобыть, а также то, что им было известно раньше (если они не успели сделать это в течение ночи), они передавали судебному исполнителю, чтобы он придал им необходимую юридическую форму и изложил ее перед советом.

После того как исполнитель передавал протокол совету, его члены изучали его и решали, какие из содержащихся в нем правонарушений следовало передать в суд фемы, а какие – нет, поскольку вопросы ценою менее четырех шиллингов не подлежали рассмотрению в нем. Затем совет возвращал протокол исполнителю, который шел с ним к суду фемы, члены которого занимали свои места в присутствии представителей совета.

Первыми вызывались те, кто был обкраден, их спрашивали, знают ли они вора. Если ответ был отрицательным, они были обязаны поклясться всеми святыми в правдивости своего ответа. Если назывался конкретный человек, и это было первое обвинение, выдвинутое против него, он мог принести очистительную клятву, но если в его отношении выдвигалось второе обвинение, его собственной клятвы было недостаточно и ему следовало представить шесть компургаторов, которые поклялись бы вместе с ним. Если выдвигалось третье обвинение, его единственная возможность оправдаться была в прохождении испытания. Ему следовало вымыть в воде свои руки и взять в них раскаленное добела железо, которое всегда было наготове у судебных посыльных и палачей по левую сторону от места расположения трибунала, и пронести его на расстояние в 9 футов. Фрайграф, в соответствии с древним обычаем, выбирал, кто будет выносить вердикт. Совет мог остановить судебный процесс в любой момент. Те дела, до которых не дошла очередь или которые не были рассмотрены из-за болезни или по любому другому законному основанию, в таких случаях отмечались и откладывались до следующего заседания.

Очевидно, что данный городской суд, главной задачей которого было наказание воровства – серьезного преступления в Средние века, – хоть и носил название суда фемы, существенно отличался от того, что носило такое же название в Вестфалии.

Трибунал сведущих (*Gericht der Wissenden*) в Тироле также ошибочно считался тем же самым судом, что и в Вестфалии. В качестве принятой там процедуры обвинитель возлагал свой палец на голову обвиняемого и клялся, что знает его как нечестивого человека, в то время как шесть почитаемых людей возлагали свои пальцы на руку обвинителя и клялись, что они знают его как честного и достойного

человека. Это считалось достаточным доказательством против любого человека, и суд приступал к вынесению приговора.

Вымышленное судилище фемы в подземельях замка Баден не может не быть упомянуто, поскольку, похоже, именно оно стало прототипом, по которому хорошо известный романист писал о трибуналах фемы в Швейцарии! Немецкая писательница^[124] рассказывает, что под замком Баден подвалы простирались огромными извилистыми лабиринтами и в былые времена использовались для загадочных таинств трибуналов фемы. Те, кто предстал перед этим ужасным судилищем, попадал в подземелья замка не обычным путем, а опускался в мрачную бездну в корзине на веревке и таким же образом возвращался на свет, если ему посчастливилось быть оправданным. Таким образом, они никогда, как бы ни старались, не могли узнать, где находились. Обычный вход шел через длинный мрачный коридор, который закрывался дверью из цельного камня, крупного, как надгробье. Дверь перемещалась по невидимым шарнирам и прижималась настолько плотно, что, когда была закрыта, находящийся внутри человек не мог отличить ее от соседних плит и определить, через какую из них он вошел. Она могла быть открыта лишь с внешней стороны потаенной пружиной. Проходя дальше по коридору, человек попадал в камеру пыток, где можно было увидеть торчащие из стен крюки, тиски и все прочие пыточные приспособления. Слева была дверь, ведущая в укромное место, называвшееся *Поцелуй Девы*. Когда приговоренный человек попадал в эту комнату, камень уходил из-под его ног, и он проваливался к Деве, которая, подобно жене Набида, до смерти сжимала его в своих объятиях, плотно унизанных острыми шипами. Пройдя еще дальше и минув несколько дверей, можно было попасть в помещение трибунала. Это была вытянутая просторная четырехугольная комната, обитая черной тканью. В ее дальней части была ниша, в которой размещался алтарь с распятием. Там сидел верховный судья. Его помощники располагались на деревянных скамьях вдоль стен.

Нет надобности отмечать, насколько сильно все это отличается от заседаний настоящих судов фемы. То, что под замком Баден есть подвалы – это совершенно точно, и данное выше их описание может быть вполне правдивым. Но вот суды фемы, которые там проводились, – это всего лишь плод женского воображения, и крайне

маловероятно, чтобы хоть что-то было правдой, кроме того, что в этом месте вполне могла располагаться святая инквизиция, чьи тайные дела никогда не могли соперничать по справедливости и гуманности с тем, как они велись в вестфальских судах фемы. Более того, ни одним документом и даже местными легендами проведение там судов фемы не подтверждается, и данное место вообще не заслуживало бы упоминания, если бы не приведенная выше причина.

Сходство между судами фемы и инквизицией очень часто отмечалось. В секретности ведения дел и в огромном количестве подручных, которые были в их распоряжении, они были похожи друг на друга. Тем не менее в Священной канцелярии не было ничего, что походило бы на публичные и повторяющиеся повестки судов фемы, справедливое рассмотрение дела обвиняемого, большее стремление судей к милосердию и гарантированное право на апелляцию.

Наиболее удивительное сходство с судами фемы можно (или было можно) найти у негров западного побережья Африки, как это описывал французский путешественник^[125]. Речь идет о пуррах у фуллахов, живших между рекой Сьерра-Леоне и Кейп-Монте.

У этого народа есть пять племен, которые объединены в конфедерацию, во главе которой стоит союз воинов, который называется пурра. У каждого племени был свой собственный отряд пурры и у каждой пурры были свои вожди и свои суды, которые в узком понимании также назывались пурры. Верховный пурра конфедерации формировался из пурров пяти племен.

Чтобы стать рядовым членом пурры, мужчине должно было быть не менее 30 лет. Никто моложе 50 лет не мог входить в состав верховного пурра. Кандидат на вступление в рядовые члены пурры должен был пройти через череду суровых испытаний, в которых задействовались самые разные элементы, чтобы проверить его. Прежде чем он допускался к испытанию, те из его родственников, которые уже были членами союза, были обязаны поклясться в том, что он подходит и что они лишат его жизни, если он когда-либо выдаст секреты общества. Выдержав все испытания, воин становился членом союза и приносил клятву сохранения его тайн и повиновения. Если он пренебрегал своей присягой, то становился «дитем смерти». В самый неожиданный момент перед ним появлялся замаскированный воин и

говорил: «Великий пурра посылает тебе смерть». Все присутствующие удалялись, никто не отваживался сопротивляться, и жертва погибала.

Входящие в верховный пурра более низкие союзы карали за все преступления, совершенные на их территориях, и следили, чтобы приговоры должным образом исполнялись. Они также урегулировали споры и распри между основными семьями.

Лишь по самым экстренным случаям собирался верховный пурра. Им рассматривались вопросы наказания предателей и тех, кто противился его решениям. Ему зачастую также приходилось вмешиваться, чтобы положить конец войнам между племенами. Когда он собирался по этой причине, то воюющим сторонам велелось прекратить вражду под страхом смерти каждого, кто прольет хотя бы каплю крови. После этого верховный пурра разбирался в причинах войны и приговаривал племя, которое признавалось агрессором, к четырем дням разграбления. Воины, которым поручалось привести приговор в исполнение, должны быть отобраны из нейтрального региона. Они вооружались и маскировались, наносили на лица устрашающую раскраску и с зажженными факелами в руках ночью выдвигались с места своего сбора. Без каких-либо задержек они добирались до стоянки приговоренного племени еще до рассвета и, разбившись на части в 40–60 человек, неожиданно нападали на него. С устрашающими криками, возвещая о приговоре верховного пурры, они начинали приводить его в исполнение. Затем делилась добыча: одна половина отдавалась пострадавшему племени, вторая – верховному пурре, который, в свою очередь, отдавал половину своей доли воинам, приводившим приговор в исполнение.

Даже отдельные семьи, если казалось, что их влияние усиливается столь стремительно, что вселяет в общину страх потерять независимость, приговаривались к разграблению пуррой. Таким же образом, хотя и под более благовидными предложениями, афинская демократия стремилась уменьшить давление своих влиятельных сограждан, заставляя их строить суда, давать театральные представления и другими способами тратить свои богатства.

Ничто не могло сравниться со страхом, который вызывал в людях пурра. О нем говорили с ужасом и благоговейным страхом, а на его членов смотрели как на колдунов, общающихся с дьяволом. Сам пурра целенаправленно старался, насколько возможно, распространять

подобные представления, считая это хорошим способом увеличения своей власти и влияния. Число его членов, по имеющимся оценкам, превышало 6 тысяч человек, которые узнавали друг друга по особым словам и знакам. Их законы и тайны, несмотря на значительное количество членов, очень верно хранились, чтобы не стать известными непосвященным.

Глава 6

Император Людвиг Баварский. – Карл IV. – Вацлав. – Реформация Руперта. – Выход судов фемы за пределы своих полномочий. – Дело Николая Веллера и города Гёрлитца. – Дело города Данцига. – Дело Ганса Дэвида и тевтонских рыцарей. – Другие примеры самонадеянности фрайграфов. – Вызов в суд императора Фридриха III. – Дело графа Текенбурга

В истории судов фемы до XV века несколько событий могут привлечь внимание. Император Людвиг Баварский, как представляется, несколько раз использовал свою власть, даруя привилегии в Вестфалии в соответствии, как это было совершенно однозначно определено, законам фемы. Его преемник, блистательный Карл IV, действовал по отношению к трибуналам фемы столь же капризно, как и во всех прочих вопросах, жалуя привилегии и отменяя их в соответствии с тем, как он видел собственные интересы на текущий момент. Данный монарх попытался распространить систему судов фемы за пределы территории Вестфалии, видимо полагая, что это может быть хорошим способом подчинить всю Германию его родному королевству Богемия. Поэтому он разрешил епископу Хильдесхайма учредить два вольных трибунала вне Вестфалии. Однако после протестов архиепископа Кельна и глав трибуналов Вестфалии позже распустил их.

Вацлав, сын Карла, в отношении судов фемы действовал со свойственным ему легкомыслием. Якобы он, не умея хранить секреты, выболтал их тайный знак и принялся в нарушение закона принимать в шоффены за пределами Вестфалии. Эти императорской выделки шоффены тем не менее не пользовались особым уважением со стороны настоящих, как об этом свидетельствует ответ, данный вестфальскими трибуналами императору Руперту. На его вопрос, как они относятся к таким шоффенам, их ответом было: «Мы спрашиваем, каким судом они были произведены в шоффены. Если оказывается, что они стали шоффенами в суде, который не имел право на это, мы

вешаем их, как только встречаемся с ними в Вестфалии, без всякой пощады». Вацлав, насколько бы мало его ни интересовала Германия в целом, иногда прибегал к помощи судов фемы для реализации своих планов, и в 1389 году судился с графом Генри Вернегеродским, которого шоффены и повесили за предательство. Правление Вацлава отличилось особенно тем, что именно в этот период архиепископ Кельна приобрел почетный статус уполномоченного императора над всеми вестфальскими трибуналами.

Правление Руперта, применительно к судам фемы Вестфалии, ознаменовалось главным образом их реформой, названной по его имени. Данная реформа, которая является самым ранним публично доступным источником сведений о судах фемы, была осуществлена в 1404 году. Она является собранием указов, которыми были определены права и привилегии римского монарха по отношению к этим трибуналам.

Реформа Руперта и учреждение должности уполномоченного в лице архиепископа Кельна, которое было завершено либо Рупертом, либо его преемником Сигизмундом, вместе составляют целую эпоху в истории судов фемы. Впредь одна лишь Вестфалия была ареной их деятельности, и их власть пользовалась очевидными преимуществами в империи. Их могущество достигло зенита, а уверенность в своих силах приводила к злоупотреблению ею. И в течение века, прошедшего между реформой Руперта и учреждением Вечного земского мира и Высшего имперского суда императором Максимилианом I, приходится наблюдать главным образом случаи нарушений с их стороны и проявления высокомерия.

Право на вызов в суд было тем, что нарушалось чаще всего вольными трибуналами. Теперь, когда они были официально признаны действующими по императорскому повелению, одна лишь Вестфалия им показалась слишком малой ареной для проявления своей активности и влияния. В качестве имперских уполномоченных они стали полагать, что их юрисдикция распространяется на каждый уголок земли и принадлежит императору, и вряд ли можно было найти уголок в Германии, в котором не появлялись бы их посыльные. Более того, даже за пределами империи люди вздрагивали от их повесток.

Наибольшее беспокойство их повестки доставляли городам, которым они часто выписывались, когда людей наказывали или

изгоняли за их проступки. Власть и влияние судов фемы были столь значительными, что от них даже самые крупные города не были защищены: можно встретить примеры, когда в XIV веке главные города империи вызывались в трибуналы вестфальских фрайграфов. Так, в документах тех времен можно встретить повестки, доставленные в Бремен, Любек, Аугсбург, Нюрнберг, Эрфурт, Гёрлитц и Данциг. Даже Пруссия с Ливонией, которые тогда принадлежали тевтонским рыцарям, были потревожены вмешательством тайных трибуналов.

Один из наиболее примечательных случаев того периода произошел у жителя города Гёрлитца по имени Николя Веллер. Он, являясь вестфальским шоффеном, был обвинен в том, что выкопал из могилы труп некрещеного ребенка и, сделав из его предплечевой кости подсвечник, наполнил его воском от пасхальной свечи и ладаном и использовал в амбаре в присутствии своей матери, жены и пожилого крестьянина в магических целях. Поскольку он не смог отрицать этого факта, то по законам того времени его должны были повесить. Однако верховный бейлиф Штейна и некоторые другие важные персоны вступились за него, в результате чего члены магистрата ограничились высылкой того из города и конфискацией его имущества. Как выяснилось позже, они поступили бы более разумно, если бы приговорили его к пожизненному заключению.

Веллер тут же отправился в Бреслау и попросил епископа Варадейнского и имперского канцлера выступить адвокатами по его делу. Они пошли навстречу его просьбе, но члены магистрата Гёрлитца успешно доказали справедливость своего решения. Веллер, не желая успокоиться, обратился с жалобой к папе Иннокентию VIII, обосновывая ее тем, что он никак не сможет обжаловать решение совета Гёрлитца ни в одном из городов епархии Мейсена и что у него там нет никаких шансов на справедливость. Папа тут же назначил Джона де Медичи и доктора Николаса Таухена из Бреслау духовными уполномоченными по этому делу. Они указали верховному бейлифу Штейна предпринять все меры к тому, чтобы Веллер был восстановлен в своих правах в течение месяца, после того как он принесет клятву в правдивости своих слов, в противном случае они сами предпримут меры для достижения этой цели.

По неизвестным причинам из этого ничего не вышло, и Веллер снова обратился к папе, решением которого епископ из Остия стал его адвокатом. Ему позволили вернуться в лоно церкви, но решение магистрата Гёрлитца все еще оставалось в силе, и более того, новые уполномоченные, назначенные папой, подтвердили его.

Поняв, что от папского вмешательства ничего ожидать не приходится, Веллер в конце концов прибегнул к помощи суда фемы, и 3 мая 1490 года Джон Хульшедский, граф трибунала в Бракеле, выписал повестку бургомистрам, городскому совету и всем мирским жителям Гёрлитца старше восемнадцати лет, вызывая их предстать перед трибуналом. Эта повестка была доставлена достаточно забавным способом: она была найдена прикрепленной к столбу изгороди фермы, находящейся на небольшом удалении от города и принадлежащей человеку по имени Вензель Эммерих.

Поскольку Золотой буллой императора Карла IV, а также специальными привилегиями, выданными Сигизмундом, Гёрлитц был освобожден от любой внешней юрисдикции, магистрат проинформировал короля Богемии Владислава об этой повестке и попросил о его посредничестве. Богемский монарх обратился в трибунал в Бракеле, но Георг Хакенберг, который в этот момент был фрайграфом суда вместо умершего Джона Хульшедского, даже не почтил его ответом. Между тем истекло время, предоставленное повесткой для того, чтобы жители Гёрлитца предстали перед судом, и Веллер, обвинив их в неповиновении и неуважении к суду, заявил, что они могут быть приговорены к возмещению всех затрат и штрафов, возникших вследствие этого, а он сам сможет самостоятельно перейти к рассмотрению своей жалобы. К этому моменту он оценил свои потери и причиненный ему ущерб в 500 рейнских флоринов и подтвердил это принесением клятвы, которую вместе с ним разделили еще два человека. На данном основании суд разрешил ему любым способом возместить свой ущерб за счет жителей Гёрлитца. Кроме того, заявлялось, что любой, кто воспрепятствует Веллеру в реализации его прав, тем самым привлечет на себя тяжкий гнев империи, а также страдания и штрафы со стороны трибунала Бракела и будет обязан покрыть все затраты обвинителя.

16 августа того же года фрайграф назначил жителям Гёрлитца новый окончательный срок для явки в суд, заверив их, что в случае

неповиновения «он будет вынужден, к своему огромному сожалению, вынести им самый тяжкий и суровый приговор в отношении личности, жизни и достоинства обвиняемых». Повестка в этот раз была найдена на полу монастырской церкви. В ужасе городской совет обратился к архиепископу Кельна и собственно к фрайграфу, чтобы их избавили от этой необходимости, но напрасно. Граф не снизошел до того, чтобы обратить какое-либо внимание на их просьбу, и, когда они не появились в назначенный срок, объявил город Гёрлитц вне закона за неповиновение.

Похоже, что Веллер по той или иной причине выдвинул обвинение и против города Бреслау, поскольку в опубликованном указе об объявлении Гёрлитца вне закона он тоже фигурировал. Этим решением каждому человеку было запрещено под страхом объявления и его вне закона предоставлять крышу жителям любого из этих двух городов, принимать пищу и пить или же вступать с ними в какое-либо общение до тех пор, пока они не примирятся с трибуналами фемы и не удовлетворят требования истца. Веллер сам прикрепил копию этого указа в рыночный день в Лейпциге, но тот немедленно был сорван кем-то из жителей Гёрлитца, оказавшимся там.

Представители двух городов, Гёрлитца и Бреслау, встретились в Лигнитце для того, чтобы обсудить ситуацию и придумать, какие меры лучше всего предпринять, чтобы освободиться от этой системы преследования. Они решили, что совместно и каждый по отдельности будут защищать себя и свои решения через публичные заявления, которые необходимо разместить в Гёрлитце, Бреслау, Лейпциге и в других городах. Они также решили пожаловаться о своих несчастиях в рейхстаг в Праге и попросить его заступиться за них перед архиепископом Кельна и ландграфом Хессена. Они так и поступили, и рейхстаг выполнил их пожелание. Тем не менее его добрые услуги не возымели результата, и ответ ландграфа ясно продемонстрировал, что тот либо не властен над своим фрайграфом, либо он втайне был удовлетворен его действиями.

Неугомонный Веллер теперь решился захватить нескольких жителей Бреслау и Гёрлитца в Хейне и других городах Мейсена. Но те расстроили его планы, получив обещание защиты и охранные грамоты от герцога Георга. Веллер, однако, не отступил и, когда герцог Альберт вернулся из Голландии в Мейсен, обратился к нему и получил его

покровительство. Но здесь ему снова помешали, поскольку, когда верховный бейлиф и городской совет Гёрлитца проинформировали этого правителя о реальном положении вещей, он лишил Веллера своей поддержки. Измотанные непрекращающимися тяжбами города через короля Богемии обратились к императору Фридриху III, чтобы тот приказал всем своим подданным воспрепятствовать действиям трибунала в Бракеле и всех фрайграфов и шоффенов. Когда такие указания были ими получены, они постарались тайно доставить их в городской совет Дортмунда и фрайграфу Бракела. Подобным путем они, как могло показаться, должны были положить конец своим мучениям до окончания дней Веллера. Однако в 1502 году его сын и зять повторно выдвинули обвинения против Гёрлитца. Фрайграф Эрнст Гогенштайн вступился за них, но городской совет, строго придерживаясь своего прежнего решения, заявил, что они могут искать удовлетворения своих требований лишь в своем или вышестоящем трибунале. Рассмотрение этого вопроса на 10 лет было прекращено, пока он снова не был поднят неким Гаем из Таубенхайма, и, вероятнее всего, дело было разрешено полюбовно.

Как уже говорилось, тайные трибуналы фемы распространяли свои притязания на рассмотрение дел даже в Балтии. Так, известно о гражданине города Данцига по имени Ганс Голлогер, который, будучи фрайшоффеном, был вызван повесткой явиться в трибунал Эллерингхауза под боярышником, «поскольку он сказал то, что не должен был говорить о секретном трибунале». Этого вполне было достаточно, поскольку он принадлежал к членам общества, но городскому совету было приказано во избежание штрафа в пятьдесят фунтов чистым золотом заточить обвиняемого в тюрьму, пока не будет обеспечена его явка в суд.

Даже могущественный орден тевтонских рыцарей, которые были властителями Пруссии и Ливонии, не избежал назойливости трибуналов фемы. Насколько беспомощной была их власть против грозной судебной системы, явно демонстрирует ответ, данный верховным магистром городам, которые обратились к нему за помощью: «Дорогие вассалы! Вы обратились к нам за защитой, которую мы бы вам охотно предоставили, если бы только знали, каким образом и путем это возможно». А когда он написал Мангольту, фрайграфу трибунала в Фрайенгагене, предупреждая его, чтобы он не

вызывал в суд подданных ордена, тот высокомерно ответил: «Вы получили свои права от империи, а я имею власть судить всех, кто принадлежит империи».

Следующий весьма занятный случай произошел в первой половине XV века.

В Либштадте умер лавочник, оставшись в огромных долгах перед двумя членами Тевтонского ордена, в чьи обязанности входило снабжать маленькие города Пруссии коммерческими товарами, и они, соответственно, наложили арест на всю оставшуюся после него собственность. Ее тем не менее было недостаточно, чтобы удовлетворить требования даже одного из них. Они уже почти смирились со своими убытками, когда, к их удивлению, появился Ганс Дэвид, сын умершего, и предъявил ордену счет на такую сумму, что, как было отмечено, если бы все дома в городе были бы проданы, а доходы всех жителей были бы обложены самыми высокими налогами, вырученных средств не хватило бы на покрытие и половины его. Однако ему удалось предъявить документ, представляющий собой вексель ордена. Данная ценная бумага имела все признаки подделки: на нем было много подтирок и исправлений, среди его заверителей некоторые значились как приоры, в то время как они были обычными братьями; были указаны имена других лиц, которые никогда не видели этого документа; указывалось, что вексель был подтвержден и заверен трибуналом в Пасснаре, но в архивах этого суда не было ни малейших ссылок на него; не хватало и печати верховного магистра, которой скреплялся любой документ, имеющий важность. Разумеется, в оплате было отказано, но Гансу Дэvidу было рекомендовано, если у него было желание, отстаивать далее свое требование перед императором и папой, которых орден признавал своими высшими руководителями.

Поскольку Ганс Дэвид был подданным короля Польши, он обратился к этому монарху. Но тот отказался вмешиваться в это дело, ограничившись лишь обещанием испросить для него гарантии безопасности, чтобы тот мог продолжить отстаивать свои требования. Верховный магистр в ответ на обращенную к нему просьбу поклялся своей честью, что ничего не должен истцу и что вексель был поддельным. Он также пообещал ответить на обвинения в любом подходящем для этого месте, которое выберет податель жалобы,

включая и Пруссию, и предоставил тому гарантии безопасности, как и прежде.

Неизвестно, какие действия стал после этого предпринимать Ганс Дэвид, но девять лет спустя (1441) он обратился в вольный трибунал в Фрайенгагене, фрайграф которого, печально известный Мангольт, незамедлительно выписал повестку, «поскольку, как он сам выразился, орден судит мечом, тайными убийствами и костром». Верховный магистр, возмущенный подобным проявлением невежества, незамедлительно вынес это дело на рассмотрение собрания фрайграфов в Кобленце, которые объявили инициированное судебное дело ничтожным, а Мангольта подлежащим наказанию, поскольку рыцари относились к духовенству. Магистр, кроме того, обратился к императору, который, надо отдать ему должное, издал указ, адресованный всем правителям империи и объявляющий действия Мангольта несправедливыми, ничтожными и не подлежащими исполнению.

Ганс Дэвид после этого был заключен в тюрьму в Кельне и, несмотря на запрещение вольным трибуналом продолжения производства по его делу, содержался там в течение двух лет. Существующие документы подтверждают (хотя данный факт и остается непостижимым), что император приказал архиепископу Кельна и маркграфу Бадена заново рассмотреть это дело и выслать результаты в имперскую канцелярию и в итоге освободить истца под клятву или под поручительство, что он явится в Нюрнберг. Поскольку данные обстоятельства можно приписать лишь влиянию тайных трибуналов, желавших доставить неприятности ордену, то это можно рассматривать как наглядное проявление того, каким было их влияние и значение в те времена.

Двумя годами позже выяснилось, что вексель был подделан по просьбе Ганса Дэвида грамотеем из Эльбингена по имени Ротофи. Поскольку все обстоятельства дела в отношении первого теперь выяснились, можно было бы предположить, что его немедленно покарают. Вместо этого император отослал стороны к папе, поскольку Ганс Дэвид покусился на приора ордена, и последнего не удовлетворили предложения императора.

Позиция ордена победила и в Риме, тем не менее Ганс Дэвид сумел найти способ отсрочить исполнение приговора, уже

вынесенного ему в Вене. Лишь после смерти тогдашнего верховного магистра окончательный вердикт был вынесен кардиналом Джоззи, и Ганс Дэвид, его сподручный Поль Франклейен и фрайграф Мангольт были приговорены к обету молчания и выплате ордену суммы в 6 тысяч рейнских флоринов, а в случае неповиновения они объявлялись вне закона. Однако это не принесло никакого результата, и еще два года спустя Джоззи был вынужден обратиться к императору за помощью мирской власти в приведении приговора в исполнение. Капеллан ордена в Вене также выяснил, что Ганс Дэвид все еще обманным путем находил сторонников своих притязаний, и, соответственно, позаботился о том, чтобы описание всех его деяний появилось прикрепленным на дверях церкви.

Но неутомимый Ганс Дэвид все еще не успокаивался. Теперь он обратился в вольный трибунал в Вальдеке и сумел ввести в заблуждение фрайграфа своими фальсификациями. Он заверил его, что орден предложил ни много ни мало 15 тысяч флоринов и ежегодную пенсию, если он откажется от своих требований, и что они не были бы сильно удручены, если б из тюрьмы в Кельне он бежал, но он предпочитает справедливость и правду свободе. Но орден и здесь преуспел в раскрытии и обличении его уловок, и граф честно признался, что был обманут. Он отправил Ганса Дэвида восвояси, и тот прекратил беспокоить орден, посвятив себя астрологии и гаданию, чем занимался до скончания своих дней^[126].

Тем не менее он причинил множество неудобств и расходов ордену. Существующие документы утверждали, что данное дело стоило ему более 1580 дукатов и 7000 флоринов, которые в значительной степени можно приписать тайным манипуляциям трибуналов фемы, которые очень хотели ущемить тевтонских рыцарей, стоявших у них на пути.

В 1410 году граф Вилда и Рейна был вызван в трибунал Нордернау, а в 1454 году саксонский герцог – в лимбургский. Пфальцграф Рейна столкнулся с трудностями, когда в 1448 году был вынужден защищать себя от приговора, вынесенного ему одним из судов фемы. Герцогу Генриху Баварскому пришлось фактически самому стать шоффеном, чтобы спастись, при следующих обстоятельствах. Некто Гаспар из Торрингена выдвинул против него в трибунале в Вальдеке обвинение в том, что он «отнял у него

наследственный титул главного егеря, схватил и избил его охотников и слуг, забрал собак, разрушил его замок в Торрингене и захватил вещи и драгоценности его жены, презрев Господа, честь и законы предков». Фрайграф немедленно выписал повестку в суд герцогу, который обратился к императору Сигизмунду и добился приостановления рассмотрения дела трибуналом. Несмотря на это, герцог счел необходимым предстать перед тайным трибуналом, но уже успел, посчитав это целесообразным, стать фрайшоффеном и после этого, вероятно благодаря своему положению и влиянию, добился, чтобы приговор был вынесен в соответствии с его пожеланиями. Гаспар, который, видимо, был пострадавшей стороной, в действительности пожаловался императору, который направил дело на рассмотрение архиепископу Кельна, но чем оно завершилось, остается неизвестным.

Дерзость же вольных судов дошла уже до того, что они вызвали самого императора. В ответ на объявление имперской канцелярией, по вполне разумным и понятным причинам, нескольких фрайграфов и их штульгера Вальрабе Вальдекского вне закона три фрайграфа отважились в 1470 году вызвать императора Фридриха III с его канцлером, епископа Пассау и заседателей имперского суда явиться перед вольным трибуналом меж городских ворот Вюнненберга в Падерборнской епархии, чтобы «там защитить свою особу и свое достоинство под страхом быть признанным непокорным императором». А после того как он не явился, они, набравшись наглости, вызвали его вновь, заявив, что, если он не появится, справедливость найдет способ свершиться. Каким бы слабовольным ни был характер императора, он не поддавался подобной заносчивости.

Даже разбой и грабеж могли найти защиту в судах фемы. В конце XIII века граф Текенбургский разграбил и разорил Мюнстерскую епархию. Епископ собрал местных жителей и призвал своих союзников помочь ему. Они захватили два замка, принадлежавшие графу, и его самого поставили в крайне опасную ситуацию. Чтобы выпутаться, он обвинил епископа и всех, кто ему помогал, в своем суде фемы, и, хотя среди обвиняемых были епископ Падерборна, три графа и несколько рыцарей, вольный суд набрался храбрости вызвать их всех на трибунал и защитить свою честь. Вероятно, стороны уладили спор полюбовно, и повестка была отозвана.

Данные примеры наглядно показывают, насколько далеко отошли суды фемы от своих первоначальных задач и насколько коррумпированными и чудовищно несправедливыми они стали.

Глава 7

Причины деградации судов фемы. – Попытки их реформирования. – Основания, по которым они пользовались хорошей репутацией. – Дело герцога Вюртембергского. – Дело Керстиана Керкеринка. – Причины уменьшения сфер ответственности судов фемы

Основной причиной деградации судов фемы был допуск в члены общества неподходящих людей. Изначально, как указывалось выше, никому не позволялось стать шоффеном, не предоставив убедительных доказательств своей порядочности. Но теперь, что в случае с фрайграфами, что с шоффенами, определенная сумма денег позволяла избежать доскональной проверки, и в результате самые малопрстойные люди зачастую возглавляли трибуналы и обладали столь опасной властью этой организации. Один писатель времен правления Сигизмунда отмечал: «Те, кто получил власть вешать людей, вряд ли заслуживали того, чтобы пасти свиней, они сами были вполне достойны виселицы, если взглянуть на их жизненный путь, в чужих глазах они и соринку замечали, но не видели бревна в своем собственном» и т. п. Написание подобных слов требовало существенного мужества от их автора, поскольку, согласно его собственным утверждениям, люди не отваживались даже говорить о тайных трибуналах, настолько велик был страх, в котором их держали.

Вследствие этого нельзя было найти правосудия ни в одном трибунале, в котором председательствовал коррумпированный судья, поскольку они подбирали в качестве заседателей и даже просто присутствующих таких же людей, как они сами. Какой им вердикт нравился, такой они и выносили. Штульгеры обычно смотрели сквозь пальцы на их деятельность, а к праву на обжалование решений у императора относились с пренебрежением, ведь у этих монархов обычно были дела более срочные и важные, которым требовалось уделять свое внимание. Правила неподсудности также попирались, как демонстрировалось выше, суверенные правители вызывались в

трибуналы, то же самое происходило и с евреями. Теперь даже дела исключительно гражданского свойства считались подпадающими под юрисдикцию судов фемы, и стороны в таких процессах вызывались в суд и признавались виновными в случае неподчинения. В целом система судов фемы стала реальным злом, а не благом для страны.

Несомненно, предпринимались некоторые попытки реформировать суды фемы, как, например, Аренсбергская реформа, Оснабургский регламент и прочее, но безрезультатно. Фактически система вошла в противоречие с духом, который начал преобладать, и привести их в соответствие друг с другом было уже невозможно.

Прежде чем перейти к тому, как это общество приходило в упадок, следует немного задержаться на том, каковы были причины, по которым оно приобрело и пользовалось столь успешной репутацией и влиянием в период своего расцвета.

Первая и главная причина заключалась в тех преимуществах, которые виделись в этих судах, поддерживавших социальный порядок и спокойствие. В самые худшие и наиболее беспокойные времена всегда найдутся люди, которые будут стремиться к миру и справедливости. Другие, чувствуя себя жертвами насилия, охотно ухватятся за любую надежду на защиту. Даже самые могущественные и даже тираны со временем с удовлетворением будут смотреть на любую организацию, способную защитить их от еще более могучих сил, либо же полагая, что подобная структура может стать инструментом, увеличивающим их силу и значимость. Суды фемы были устроены так, чтобы отвечать интересам всех этих разных групп людей. XIV–XV века были периодом наибольшей анархии в Германии. Имперская власть была немошной и неспособной управлять страной, а личностные качества большинства императоров были таковыми, что делали еще более беспомощной власть, которой они, как главы империи, обладали. Чувствуя свою слабость, эти монархи обычно поощряли суды фемы, которые столь охотно и даже нарочито признавали верховенство императоров до тех пор, пока те не пытались их контролировать либо мешать их деятельности. Сведения, которые они могли, если были посвящены, получать о преступлениях, совершенных в империи, а также возможность направлять меч общества на преступников, также были весьма небесполезными, и постепенно они пришли к мнению, что их собственная власть зависит

от судов фемы. Вестфальская знать по схожим мотивам стремилась использовать преимущества от принадлежности к членам общества, а пост штульгера, о чем говорилось выше, как раз способствовал росту влияния и значения.

Но гораздо больше существованию тайных трибуналов фемы радовались наиболее угнетенные и беспомощные члены общества, в особенности несчастные крепостные, поскольку лишь здесь они могли надеяться получить возмещение за причиненный им ущерб. Зачастую такие дела попадали в тайный трибунал, который судил, невзирая на личности, после того как иск не был принят ни одним другим судом. Обвинитель также мог не бояться мести злоумышленника или же его друзей и вассалов, поскольку его имя держалось в строжайшем секрете, если предоставленных им доказательств было достаточно, чтобы рассмотреть дело уже упоминавшимся инквизиционным путем. Таким образом, знатные грабители или тираны феодалы нередко несли заслуженное наказание тогда, когда они, возможно, меньше всего боялись этого и с величайшим презрением относились к своим жертвам, призывы которых к справедливости принесли им эту кару. Так, подобно Немезиде или «скитающимся во мраке» древнегреческим эриниям, воздаятельное правосудие судов фемы приближалось к жертве возмездия невидимой поступью и достигало ее даже в самом безопасном месте.

Второй причиной была уверенность, что данные суды учреждены Карлом Великим, монархом, чьи заслуги и память о котором очень высоко ценились и почитались в Средние века. Императоры полагали себя обязанными уважительно относиться к учреждениям, созданным тем, от кого они получили свою власть. Духовенство же, будучи выведенным из-под их юрисдикции, было расположено к организации, созданной монархом, которому церковь серьезно задолжала, и среди наиболее важных целей которой было наказание еретиков.

Третья, и далеко не маловажная причина, состояла в очень эффективной организацией общества, которая позволила сделать их решения настолько действенными, что сравниться с ней в тот период времени ничто не могло. Покров таинственности, который окутывал все их действия, и количество членов, готовых привести в исполнение его решения, вселяли благоговейный страх. Дополнительное уважение приобреталось и за счет общеизвестной строгой проверки личных

качеств человека, прежде чем принять его в общество. Его приговоры, даже когда не были известны доказательства, считались основанными на справедливости. Дурные люди трепетали, а добродетельные радовались, когда видели свисающее с дерева тело преступника и воткнутый рядом нож шоффена, демонстрирующий, кем он был осужден и приговорен.

Правление императора Максимилиана было периодом великих реформ в Германии, а учреждение им Вечного земского мира и Высшего имперского суда, вместе с другими мерами, в значительной степени было нацелено на исправление и улучшение ситуации в империи. Судам фемы в качестве вполне благоразумной меры следовало бы попытаться приспособиться к новому положению вещей, но это та мудрость, которую обычно не дано постичь обществам и корпорациям. И вместо того, чтобы успокоиться в своих притязаниях, они попытались даже еще больше расширить их. Под своим обычным предлогом – отсутствие справедливости – они начали распространять свои повестки на лиц и территории, которые не попадали под их юрисдикцию. Тем самым они спровоцировали враждебность и активные действия со стороны городов и влиятельных местных феодалов.

Наиболее примечательными делами этого периода, демонстрирующими, насколько были извращены права и власть трибуналов фемы, являются нижеследующие два примера.

Герцог Ульрих Вюртембергский жил несчастливим браком с супругой Сабиной. При его дворе был молодой дворянин по имени Ганс Гуттен, выходец из почтенной и влиятельной семьи, на жену которого герцог обратил внимание более пристальное, чем мог потерпеть муж. Герцогиня же, в свою очередь, проявила особое пристрастие к Гансу Гуттену, и личные отношения между ними стали близкими настолько, что герцог этого простить не мог. Гуттен был либо самонадеян, либо беспечен, но стал открыто носить на пальце дорогое кольцо, подаренное ему герцогиней. Это переполнило чашу терпения герцога, и ревность с гневом вырвались наружу. Однажды на охоте в лесу у Беблинга он ухитрился отвести Гуттена в сторону от свиты и, застав его врасплох, пронзил своим мечом. Затем он снял свой пояс и повесил на нем соперника на одном из дубов в лесу. Когда убийство вскрылось, он не стал отрицать это, но заявил, что был

фришоффеном и совершил этот поступок, повинуюсь велению тайного трибунала, которому он был обязан подчиниться. Эта история не удовлетворила, однако, семью Гуттена, и столь же мало их устроило предложение убийцы выяснить отношения перед лицом вестфальского трибунала. Они громогласно воззвали к императору за справедливостью, и мужественные речи Ульриха фон Гуттена, отца убитого, настроили общественное мнение столь сильно в их поддержку, что императору не оставалось ничего другого, как объявить герцога Вюртембергского вне закона. Со временем при посредничестве кардинала Ланга было достигнуто примирение с родом Гуттенов и герцогиней, однако враждебность первых не иссякла. Чуть позже они приложили усилия, чтобы добиться изгнания герцога и конфискации его имущества.

Вполне допустимо, что трибунал фемы мог санкционировать убийство, совершенное герцогом, по крайней мере, вся былая уверенность в их справедливости уже утратилась, и даже самые щедрые в восхвалении прежних шоффенов авторы того времени не могли найти достаточно выразительных слов, чтобы описать, насколько недостойными они стали теперь. Распространенной поговоркой стала фраза о том, что в судах фемы заведено сначала повесить обвиняемого, а потом доследовать за что. Объявляя о торжественном роспуске, рейхстаг в Трире заявил, что «вестфальскими трибуналами очень многие честные люди были лишены достоинства, правоспособности, жизни и собственности». Архиепископ же Кельна, который хорошо был знаком с ними, вскоре после этого признал, среди прочих обвинений, в выпущенном им отречении, что «очень многие остерегались их и считали рассадником негодяев».

Второй случай, на который была ссылка, предоставляет еще более веские доказательства деградации вестфальских трибуналов.

Мужчина по имени Керстиан Керкеринк, живший недалеко от города Мюнстера, был обвинен, и, возможно, заслуженно, в неоднократных актах прелюбодеяния. Вольный трибунал Мюнстера решил взять это дело в рассмотрение. За ним послали и вытащили его из кровати прямо посреди глубокой ночи. Чтобы он не шумел и не сопротивлялся, задействованные люди убедили его, что он будет представлен перед трибуналом благородного канцлера города

Мюнстера, и настояли, чтобы он надел свой лучший наряд. Его привели в место под названием Бекманский кустарник, где укрывали его, пока один из них доставлял сведения об успешном выполнении поручения в городской совет.

На рассвете штульгеры, фрайграф и шоффены, взяв с собой монаха и городского палача, пришли к Бекманскому кустарнику и призвали к себе пленника. Когда тот появился, то стал умолять, чтобы ему разрешили воспользоваться помощью адвоката, но в этой просьбе ему было отказано, и суд незамедлительно перешел к вынесению смертного приговора. Несчастный стал теперь упрашивать, чтобы ему дали отсрочку хотя бы на один день, чтобы уладить свои дела и примириться с Господом. Но и в этом ему с непреклонной твердостью отказали, отметив, что он должен умереть немедленно и что, если хочет, может исповедаться, для чего сюда и привели священника. Когда несчастный бедолага еще раз взмолился о милости, ему ответили, что ему окажут милость, и он будет обезглавлен, а не повешен. Монаха попросили принять исповедь, и, когда это было сделано, палач (который перед этим принес клятву никогда не рассказывать об увиденном) подошел и отрубил голову преступнику.

Между тем слухи о происходящем дошли до города. Стар и млад поспешили стать свидетелями последнего акта трагедии и, может быть, вмешаться в защиту Керкеринка. Но это предвиделось, поэтому были предприняты меры предосторожности. Были выставлены наблюдатели, чтобы никто из города не появился у места суда, пока все не будет кончено. Когда люди добрались туда, они не нашли ничего, кроме безжизненного тела Керкеринка, которое поместили в гроб и похоронили на ближайшем погосте.

Епископ и капитул Мюнстера выразили крайнее возмущение этим выходящим за рамки правил судом и попранием их собственных прав, что способствовало росту общей неприязни к судам фемы.

Читатели сразу поймут, насколько сильно в этом деле, имевшем место в 1580 году, судебное разбирательство отличалось от того, как оно проходило в более ранние времена. Тогда обвиняемого вызывали официальной повесткой и ему разрешалось иметь адвоката. Здесь его схватили, не сказав за что, и даже ничего похожего на формальное разбирательство в отношении него не происходило. Раньше, когда люди приближались даже случайно к месту проведения суда фемы,

они крестились и спешили прочь от этого места, счастливые, что спасли свою жизнь. Теперь они спешили туда, не опасаясь найти место, где он заседал, а члены трибунала сами бежали при их появлении. Наконец, в суровости наказания, как и в справедливости, преимущества были на стороне старых судов. Преступник мучился в петле. Ничего не упоминалось о присутствии святого отца, утешающего его в последние минуты, а тело казненного вместо захоронения в освященную землю оставалось на растерзание стервятникам и диким зверям. Явно времена поменялись.

Суды фемы формально никогда не были устранены. Тем не менее прекрасные гражданские нововведения императоров Максимилиана и Карла V, последовавшее укрощение духа анархии и беспорядка, появление римского права, распространение протестантской религии и множество других событий того периода вселили людям неприязнь к тому, что теперь выглядело варварскими порядками, пригодными лишь для времен, к которым лучше бы никогда не возвращаться. Некоторые из трибуналов были упразднены, освобождения и привилегии неподсудности им во многом увеличились, незамедлительное вынесение решений им вообще было запрещено, они постепенно теряли свою власть до полной утраты своего значения. И хотя вплоть до XIX века их тень еще бродила по некоторым уголкам Вестфалии, они давно стали предметом антикварных забав, как одного из самых удивительных феноменов Средних веков. Они подходили лишь к определенному упадочному состоянию общества. До тех пор пока такие условия сохранялись, они приносили пользу, когда все изменилось, они вошли в противоречие с новым положением вещей, стали пагубными, начали вызывать ненависть и отвращение, потеряли все свое влияние и репутацию, разделили судьбу любого живого существа, которому свойственны недолговечность и угасание. Все, что от них осталось, – это воспоминания.

Рис. 16. Печать тайных трибуналов

Для цивилизации избавиться от всякого рода тайных обществ – огромный прогресс и существенное социальное достижение. Как и большинство других вышедших из употребления форм, которые в тот или иной момент приобретают общественные значение, некоторые из этих, предназначенных лишь для избранных, организаций, хоть для сохранения знаний, хоть для поддержания справедливости, каждая в свое время служили крайне полезным целям, которых, вероятно, невозможно было достичь существующим доступным способом, что было в достаточной степени раскрыто описанием деятельности некоторых из наиболее примечательных подобных общественных устройств. Однако по меньшей мере столь же веско было доказано, что присущие их деятельности и природе недостатки были также весьма огромными, и, даже допуская, что это было необходимой горькой пилюлей в периоды наибольшей дезорганизации человеческих взаимоотношений, они в лучшем случае были не хуже, чем сама болезнь. Одни были созданы для сдерживания, а не для распространения знаний, не способствовали, а предотвращали их расширение, которое, помимо прочего, и увеличивает их главную ценность, а при нормальном положении вещей наиболее эффективно

способствует их очищению от ошибочных представлений и развитию. Другие – для обеспечения правопорядка путем втаптывания в грязь прав как злодеев, так и их же жертв. Человечество, можно сказать, вышло на свет из тьмы, сбросив с себя тяжелую ношу и путы подобных форм социального устройства и получив возможность стремиться к знаниям в гармонии с духом процесса познания и к справедливости на основе права. Мы выбрались из состояния вечных столкновений и конфликтов, в котором приобретения одного человека всегда означали потери другого, и уверенно встали на путь движения к другому положению вещей, когда во всем, насколько позволят естественные законы этого мира, приобретения одного будут приносить пользу всем остальным. Именно последнее, в какой степени это только может быть достигнуто в реальности, является истинной надеждой и стремлением человека.

Культурное столкновение христианства и ислама, которое сотрясло мир тысячелетия назад, вновь появилось в качестве центральной темы современной жизни, актуальной для миллионов людей во всех странах. В этой книге отображены источники происхождения этих конфликтов через рассказ о развитии тайных обществ, созданных людьми, которые стремились постичь мистические знания за пределами догм своих основных вероучений: тамплиеры – воинствующие монахи, которые реализовывали преданность своей религии силою оружия, и ассасины – первый монашеский военный орден в исламе, который, распространяя свое вероучение, устранял со своего пути и мусульман, и христиан, без разбора.

Помимо изложения истории ассасинов и тамплиеров, эта историческая книга повествует о тайных трибуналах Вестфалии, известных также как суды фемы, своеобразный комитет бдительности, вершивший суд и приводивший в исполнение приговоры в Средние века, когда в Германии царило беззаконие. Первоначально опубликованная в 1837 году, это была первая книга, предлагающая информацию об этих трех организациях. Написанная автором, обладающим обширными знаниями и глубоким пониманием этой темы, она стала и остается классикой и книгой, на которую ссылаются и полагаются многие современные авторы.

notes

Примечания

1

Подробнее об этом см. в «Аглаофамусе» Лобека.

Пока данная книга готовилась к публикации, доктором Освальдом Чарльзом Вудом был издан перевод «Истории ассасинов» Хаммера.

При написании главы об ассасинах использовались главным образом следующие источники: «История ассасинов» Хаммера и его же «Сокровища Востока», *Extrait de l'Ouvrage de Mirkhond sur la Dynastie des Ismaelites* М. Журдена и «История Персии» Малколма.

Сасаниды – название династии, основанной Ардаширом, по имени его предположительного предка Сасана, внука Хшаярша, весьма почитаемого в античной истории Персии героя. Хшаярша был сыном Гистаспа, который в греческой истории, как предполагается, был Дарием Гистаспом. Сэр Джон Малколм в своем исследовании считает Хшаяршу Ксерксом у греков.

Восточные собственные имена обычно все имеют определенное значение, при их первом упоминании будет даваться их перевод. Но поскольку не всегда возможно достоверно определить, как было написано арабской вязью восточное слово, которое встречается в римских письменах, в некоторых случаях имена будут оставаться непереуведенными, а в других случаях будут предприниматься попытки предоставить гипотетические разьяснения. В последнем случае к ним следует относиться с долей сомнения.

Поэма «Кубла-Хан» – прекрасный пример подобной силы воображения, когда ум поглощен созерцанием материальных объектов. Читатель, возможно, вспомнит знак свыше, посланный лорду Герберту Чербери, когда он сомневался, публиковать или нет свой труд «Об истине». Автор сам недавно слышал историю об одной гадалке, которой, когда она прилегла на софе, почудился голос из ниоткуда, известивший ее о том, что она избрана в качестве инструмента в руках Господа для осуществления великой работы. А в качестве знака ей указывалось, что через определенное количество месяцев она уже не сможет встать с софы, на которой сейчас лежит. Сила воображения настолько велика, что это сообщение, которое могло бы стать знаком, действительно реализовалось. Она сама убедила себя, что потеряла силы двигаться и в результате на самом деле лишилась их.

В «Истории Персии» Дж. Малколма приводится диалог между персидским правителем Йезджирдом и арабским посланником, который говорит: «Все, что ты сказал мне о том, как раньше жили арабы, – это правда. Их едою были зеленые ящерицы; новорожденных девочек они хоронили заживо; более того, некоторые с наслаждением поедали мясо трупов и пили кровь, а прочие изничтожали своих родственников и тем самым полагали себя могучими и доблестными, если подобным деянием они приобретали больше богатств. Облачены они были в одежды из волосяных тканей, не отличали добра от зла, а также не ведали, что является законным, а что противозаконным. Таково было положение вещей у нас. Но по милости Божьей, через святого пророка нам было ниспослано Священное Писание, которое учит нас истинной вере».

Халлам. Средние века.

Ветхий Завет, как следует из поэтических частей Священного Писания, вызывает такое же восхищение звучанием рифмы, что и арабский текст. Например, у Исайи в оригинале.

Подробнее в «Истории сарацин» Оксли.

Поэтому они были названы «вечные» (*вакфийя*).

Аббас – прародитель этой династии – был дядей пророка. Он получил халифат в свое владение в 750 г. И, передавая власть по наследству от принца к принцу, его наследники сохраняли ее в течение 500 лет. Аль-Мансур – второй халиф этой династии – переместил королевскую резиденцию из Дамаска, где жили Омейяды, в Багдад, который он основал на берегах Тигра. Этот город, который также называли Городом мира, Долиной мира, Домом мира, помимо того, на что может претендовать любой город, приобрел определенную романтическую известность благодаря непревзойденной «Тысяче и одной ночи». Такова великая облагораживающая сила гения.

Хизир, как предполагают, но возможно, ошибочно, являясь пророком Илиасом, почитается мусульманами за необычайно щедрую благодетельность. Он – даритель молодости в животном и растительном мире. Он облачен в одеяния самых ярких зеленых тонов и стоит на страже Колодца жизни в Стране тьмы. Согласно былинам Востока, Искандер, то есть Александр Великий, решил отправиться на Запад в Страну тьмы, чтобы испить воды, дающей бессмертие. В течение семи дней он и его спутники продвигались через мрачные и зловещие пустыни. Наконец, они еле-еле различили вдали зеленый свет, который излучала одежда Хизира. По мере того как они приближались, сияние становилось все более и более ослепительным, как самые яркие и чистейшие изумруды. Когда монарх подошел, Хизир опустил чашу в зеленоватую живую воду и протянул ее Искандеру. Однако нетерпение того было столь велико, что он расплескал содержимое чаши, закон же судьбы не позволял стражу источника наполнять ее повторно. Мораль этой истории очевидна. Эта история основывается на историческом факте – путешествии македонцев к храму Амона.

Подробнее у Фрейзера в «Хорасане».

Лари и Макриси, процитированные Хаммером.

Макризи является главным авторитетом Хаммера относительно более ранних сведений об Абдалле. Стоит обратить внимание на то, что Абдалла остался незамеченным у Хербелота.

Истинное происхождение Обейд-Аллаха стало предметом отчаянных споров среди историков и юристов-востоковедов. Те, кто отстаивали интересы династии Аббасидов, напрягали все свои силы, чтобы выставить его самозванцем.

Проповедник проповедников.

У Хаммера.

Г-н де Саси придерживается мнения, что арабские слова «талил» и «ибахат» не несут в себе столь сильного смысла, который в них вкладывает Хаммер. Первое, по его мнению, обозначает такой деизм, который рассматривает Всевышнего как нечто умозрительное и отрицает какие-либо моральные отношения между ним и человеком; последнее указывает лишь на освобождение от прямых религиозных заповедей, таких как пост, молитва и т. п., но не от моральных обязательств.

Также Хасан бен-Сабах (сын Сабаха), названный по имени Сабаха Хомайри, якобы одного из его арабских предков.

Сунна – свод основных устоев у правоверных мусульман, соответствующий Мишне у евреев.

Рейс – от арабского *рэс* (лидер), в определенной мере соответствует слову «капитан» с похожим происхождением. Так, человек, управляющий кораблем, называется рейс. По словам сэра Дж. Малколма, «оно является эквивалентом слова «эсквайр» в его первоначальном понимании. В Персии это подразумевает владение землей и некой судейской властью. Рейс – это обычно потомственный предводитель в деревне».

Мирхонд.

Сэр Дж. Малколм рассказывает, что человек, с которым он читал эту историю в Персии, отметил, что данная хитрость была хорошо известна англичанам, поскольку именно с ее помощью они отобрали Калькутту у незадачливого императора в Дели.

Этот замок был построен султаном Малек-Шахом. История его появления такова. Когда Малек-Шах, большой любитель поохотиться, предавался однажды этому развлечению, одна из собак, сбившись с пути, оказалась на почти недоступной горе, на которой впоследствии и был возведен замок. Посол византийского императора, участвовавший в охоте, обратил внимание султана на то, что во владениях его государя столь выгодное место не осталось бы незанятым и на нем уже давно бы воцарился замок. Султан последовал совету посла и построил замок «Жемчужина короля» на этой высокой горе. Когда «Жемчужина» попала в руки исмаилитов, набожные мусульмане подметили, что по-другому с ней быть и не могло, поскольку место было указано собакой (нечестивое животное, с их точки зрения), а ее строительство посоветовал неверный.

То есть Иисус. В данном случае можно увидеть, что имена из Ветхого Завета все еще используются на Востоке. Ибрагим – Авраам; Исмаил – Ишмаил; Яшуа – Якоб; Юсуф – Иосиф; Мусса – Моисей; Дауд – Давид; Сулейман – Соломон и Исса – Йошуа или Иисус.

Ахмар, *жен.* Хамра – по-арабски «красная», поэтому известная Муришская крепость-дворец в Гренаде называлась Альхамбра (Альгамбра [al-Hamra]), то есть Красная.

Отсюда испанское *Цид*.

30

Хаммер.

Вилькен. История Крестовых походов.

В переводе (на англ. – *Пер.*) Мардена.

Сокровища Востока.

Бенжи – арабское название хиосциамуса, или черной белены. Хаммер выдвинул гипотезу, что слово *бенжи*, либо с приставкой множественного числа на коптском языке *ни-бенжи*, – это то же самое, что и напиток забвения у Гомера («Сокровища Востока»).

Сокровища Востока.

История Персии.

Ильмацин. История сарацин.

Мринус Санутус.

Имеется в виду Армения в Силиции (современная провинция Адана в Турции. – *Пер.*; так называемая Малая Армения, в отличие от Великой Армении. – *Ред.*).

Де Хербелот. Кармат.

Количество убитых составило 6 тысяч человек.

Это было в декабре.

Поскольку Санжар был долгожителем, несколько исмаилитских шейхов были его современниками.

Кебла – точка, в сторону которой мусульмане поворачиваются при молитве, а именно Мекка.

Первое из этих имен арабское, второе – персидское.

Его сопровождал Саладин, который дает следующее описание того, насколько нерасположен он был к этому походу: «Когда Нур-эд-Дин приказал мне отправиться в Египет вместе с дядей, на слова Ширкуха, сказанные в его присутствии: «Давай, Юсуф, приготовься к путешествию!» – я ответил:

– Ради бога, даже если бы вы отдали мне все египетское королевство, я не отправился бы туда, поскольку то, что я пережил в Египте, я не забуду всю свою жизнь.

Но Ширкух заявил Нур-эд-Дину:

– Не может быть и речи, чтобы он не сопровождал меня.

После этого Нур-эд-Дин повторил свой приказ, но я настаивал на своем нежелании. Поскольку Нур-эд-Дин также продолжал твердо отстаивать свое решение, я сослался на тяжелое финансовое положение. Нур-эд-Дин тогда предоставил все, что требовалось для моего снаряжения, но я чувствовал себя так, как будто меня отправляют на смерть» (Абулфеда).

Уильям Тирский.

22,8 см. (*Примеч. пер.*)

Gesta Dei per Francos.

Уильям Тирский приводит число 60 тысяч. Он также отметил, что не может установить происхождение названия «ассасины».

Раумер. История Гогенштауфенов; *Вилькен.* История Крестовых походов.

Annales Muslemici. Хафние, 1792.

Система летоисчисления по эре Селевкидов, берущей начало от 312 г. до н. э. (год прихода к власти одного из полководцев Александра Македонского и основателя новой династии Селевка I Никатора). MDV (1505) соответствует 1193 г. н. э. (*Примеч. пер.*)

Пример близкого знакомства Генри с ассасинами приводился выше. (*Примеч. пер.*)

Сэр Дж. Макинтош («История Англии»), как представляется, считает эти письма подлинными.

Имеется в виду Вальтер Скотт. (*Примеч. пер.*)

Не следует ли отметить, что реальные исторические персонажи не должны изображаться в искаженном свете? Сэр Вальтер Скотт имел полную свободу изображать своих Варнея и Бой Гилберта настолько конченными негодьями, насколько ему хотелось. Он мог делать все, что ему вздумается, со своими собственными героями, но давала ли ему история какое-либо право изображать Конрада Монферратского и тогдашнего магистра ордена тамплиеров в таких одиозных тонах, как он это сделал?

Автор неизменно пишет Монтсеррат вместо Монферрат. Первый жил в Испании и никогда не был маркизом. Как будто бы в подтверждение того, что это не была ошибка, допущенная при печати, было написано: «На щите маркиза, как напоминание о его титуле, была нарисована зубчатая (*англ. serrated. – Пер.*) скалистая гора». Также в тексте встречаются перепутанные между собой понятия «нафта» (сырая нефть. – *Пер.*) и «битум», первое описывается как твердая субстанция, второе – как жидкая.

«*Себил* – по-арабски в общепринятом понимании означает «дорога», и путешественник поэтому называется *ибн-ис-себил*, то есть «сын дороги», однако в более узком смысле это слово обозначает путь благочестия и добрых дел, который ведет в рай. Любые похвальные дела, которые совершаются мусульманином, делаются им на Божьем пути или на пути любви Господней (*фи себил Аллах*). А наивысшего одобрения из того, что он может предпринять, заслуживает священная война, то есть борьба за свою веру и свою страну *на Божьем пути*. Но поскольку женщины-праведницы не могут принимать непосредственное участие в битвах, все, чем они могут послужить излечению раненых и восстановлению сил изнуренных, засчитывается им как столь же благочестивое, как если бы они сами принимали участие в битве. Раздача воды истощенным и раненым воинам является наивысшей заслугой женщин в священной войне на божьем пути» (*Хаммер. История ассасинов, пер. Вуда*).

Азид уд-Доулах, один из наиболее известных представителей этого рода, построил дамбу через реку Кур в долине Мурдашт вблизи руин Персеполиса, чтобы сохранять воду и распространять ее по другим регионам страны. Она называлась Бунд-Амир (*Королевская плотина*), и путешественники, незнакомые с персидским языком, называли этим именем саму реку. Поэтому не стоит удивляться тому, что в «Лалла Рух» девушка поет: «У реки Бендамир есть беседка, полная роз», – и задает вопрос: «Цветут ли все еще те розы у спокойной Бендамир?» Несомненно, Бендамир тиха и спокойна.

Четверостишие, процитированное сэром Дж. Малколмом из «Гулистана Саадийского», может служить оценкой прообраза:

Благословенный Феридун ангелом не был,
Из мускуса и янтаря сделан не был,
Справедливостью и милостью добрые дела он вершил,
Справедлив и милостив навеки Феридун.

Следует учесть, что слово «рай» (*англ. Paradise. – Пер.*) имеет персидские корни и было перенято греками, от которых перешло в английский язык. Рай – место, усаженное деревьями, парк, сад либо площадка для развлечений, так можно определить это слово.

Это имя, которое в форме Аладдин столь известно всем по сказке «Волшебная лампа Аладдина».

Малколм. История Персии. В талантливой книге под названием «Особенности и сказания крестьянства Персии», которая является лучшей среди других по описанию языка, обычаев и образа мыслей этого класса, приводится забавный случай (и несомненно, правдивый), демонстрирующий тягу к знаниям, «Похищение Мэтта Каванага», одного из того любопытного типа людей, которых в этой стране называли учителями бедноты. Эта история вполне сопоставима с приказом Ала-эд-Дина.

И день, раскрыв знамена света,
Сияет через горные врата, что из долины
Счастья величаво миру растворяются, —

так пишет Муре в своей «Лала Рух», и несомненно, даже не ведая той восточной песни. Его первоисточником, возможно, были строчки Кэмпбелла:

Андес, гигант среди звезд,
Знамя его метеора развернуто ветрам,
Взирает с трона своего в облаках на половину мира, —

которые, в свою очередь, весьма вероятно, наводили на мысль Грея:

Растрепав бороду и побеленные сединой волосы,
Устремился как метеор в растревоженную атмосферу.

Или Милтона:

Имперский вымпел, что ввысь вознесся,
Сиял как метеор, за ветром бегущий.

Так поэтические образы, как в приведенных строчках, находятся в постоянной трансформации, образуя новые комбинации.

Основными работами по теме тамплиеров являются: *Raynouard. Monumens historiques relatifs à la Condamnation des Templiers*; *Dupuy. Histoire de la Condamnation des Templiers*; *Münter. Statutenbuch des Ordens der Tempelherren* и *Wilke Geschichte des Tempelherrenordens*. На английском языке литература об этом практически отсутствует.

О рыцарстве можно прочитать у Ste. Palaye в *Mémoires sur la Chevalerie*, у В. Скотта в эссе на эту же тему, в истории кавалерии Миллса и Джеймса. Здесь не утверждается, что кто-либо из этих авторов должным образом доказал, что описываемое ими рыцарство когда-нибудь существовало как институт, и следует усомниться в источниках, которые многое заимствуют из рыцарских романов типа «Персефореста» (полное название – «Древние хроники Англии, события и деяния короля Персефореста и рыцарей вольного чертога». Аполитичный прозаический рыцарский роман XIV в. – *Ред.*) как надежного источника для воссоздания жизни тех веков.

Михауд. История Крестовых походов.

Другие летописцы того времени соглашались с этим утверждением. На авторитет Бромптона предпочитали полагаться и некоторые современные авторы, которые, возможно, тем самым желали отдать почтение Мальтийскому ордену.

В «Айвенго» В. Скотт описывает своего тамплиера одетым в белую мантию с черным крестом, имеющим восемь углов. Первоначальный крест госпитальеров, как можно видеть, не имел восьми краев. Этой формы был крест у Мальтийского ордена.

Босеан (*bauseant*, или *bausant*) на старом французском языке означал пегую лошадь либо лошадь черно-белой масти (словари Шарля Дюканжи и Жана Батиста Рокфора). Слово все еще сохранило свое первоначальное значение в шотландском диалекте в форме *bawsent*.

Честная, добродушная *пегая* морда его
Всегда во всех местах завоевывала ему друзей, —

так описывает Бернс крестьянскую колли в балладе «Две собаки». В своем словаре Кюри истолковывает слово *baws'nt* как «имеющий белую полосу вниз по морде». Но поскольку некоторый оттенок красоты и привлекательности, похоже, все-таки присутствовал в этом эпитете, слово «босеан», вполне возможно, было всего лишь старой формой современного французского слова «благопристойный» (*bienseant*).

Всякий дар совершенен (*лат. – Прим. пер.*).

См. гл. 6 в разделе «Ассасины».

См. гл. 9 в разделе «Ассасины».

Вилькен. История Крестовых походов.

Организация и правила госпитальеров были очень схожи с теми, что были у тамплиеров, однако, поскольку данный орден существовал вплоть до нашего времени, их правила и прочее, описанные у Вертота, содержат множество современных добавлений.

Под «магистром» здесь и далее понимается Верховный магистр ордена либо его представитель.

То есть обет никогда не выходить из членства в ордене.

Подобное влияние духовенства вызывало раздражение у рыцарей. Жерар де Кокс впоследствии в своих показаниях, что примечательно, говорил: «Пожилые члены ордена были едины во мнении, что общество ничего ценного для себя не приобрело, принимая в свои ряды образованных членов».

В. Скотт очень правильно сделал кузнеца столь важным персонажем в романе «Валентинов день».

Армения времен Крестовых походов была частью Киликии.

Их имена можно найти у Кампомана и Мюнтера.

О владениях тамплиеров в Англии можно узнать из работ Дагдейла и Таннера.

Магистр – термин, который постоянно используется историками, упоминается в уставе ордена и почти во всех документах. Тем не менее обозначение «Великий магистр» начало использоваться достаточно рано. Магистр ордена в ответе королю Англии Генри II подписался террикусом. Этот термин внушает большинству читателей ложные представления в помпезности и превосходстве магистра.

Полутюрки – дети, рожденные христианкой от тюркского отца, либо те, кто был воспитан среди тюрков и обучен их боевому искусству. Христиане использовали их в качестве легкой кавалерии, и у тамплиеров некоторое их количество всегда было среди наемников.

Тюркмены, как следует из названия, были тюрками по происхождению.

Le pas de chien. Мюнтер заявляет, что ему неизвестно, где находится это место. Возможно, это был опасное ущелье Нар-аль-Кельб (река Пса) вблизи моря по дороге в Антиох.

Сенешаль – тот, *кто представляет другое лицо*, по дополнениям Луи Шарпентье к словарю Дюфресни.

Каррочо итальянских республик.

Сэру В. Скотту, вероятно, было проблематично позволить своему тамплиеру согласиться сразиться не на жизнь, а на смерть в ходе «благородного и веселого ратного игрища при Ашби-де-ла-Зуш».

Неясно, как эти слова понимать – буквально или метафорически.

Материалы судебного процесса против тамплиеров были опубликованы Моуденхалером в Германии на основании оригинальных документов. Однако этот труд был выкуплен франкмасонами, которые считают себя наследниками тамплиеров, поэтому не представилось возможности ознакомиться с их копиями. Тем не менее Вилайк основывался главным образом именно на них.

Sismondi Républiques Italiennes.

В Англии аресты были проведены столь же секретным и неожиданным способом, как и во Франции (*Раймер*).

В церкви в романтической деревушке Гаварник, в нескольких лье от г. Барегас по дороге в Испанию, в центре Верхних Пиренеев, выставлены двенадцать черепов, которые якобы принадлежат тем тамплиерам, которые были обезглавлены в этих местах. Предание, вероятнее всего, ошибочно, но у тамплиеров были владения в Бигорре.

Упоминание об этом имеется в письме Климента, адресованном Филиппу, от 30 декабря 1308 г.

Monumens Historiques &c.

Ф. Ренуар.

Все эти преступления были признаны разными членами ордена. Но что может быть более невероятным, чем поклонение коту, к примеру? Это обвинение, кстати, уже предъявлялось к секте катаров, которые якобы получили свое название от слова «кот», хотя более вероятно, что именно их название породило это изобретение инквизиции.

Почти все обвинения, выдвинутые против тамплиеров, ранее предъявлялись секте альбигойцев, насколько правдивыми они были, объяснять не приходится.

Здесь уместно вспомнить хорошо известный анекдот о короле Ричарде I. Когда ретивый священник Фульк из Нейи стал увещевать его избавиться от трех своих любимых дочерей: гордыни, жадности и похоти, король ответил: «Ты даешь добрый совет, и я отдаю первую тамплиерам, вторую – бенедиктинцам, а третью – моим прелатам».

Схожие обвинения, как утверждается, были выдвинуты против госпитальеров в 1238 г., но безрезультатно. В то время во Франции уже не было Филиппа Красивого.

Климент в булле, вышедшей всего лишь через четыре дня после той, которой он распустил орден, признал, что все доказательства его вины сводились лишь к подозрениям!

Речь идет о блистательном Йозефе фон Хаммере, чьи эссе по этой теме можно найти в шестом томе *Mines de l'Orient*, из которых можно узнать, что он считает сэра В. Скотта с его «Айвенго» подходящим свидетелем против тамплиеров на основании его *верного и достоверного* описания образа жизни и нравов Средневековья. Можно предположить, что многие теперь по-другому начали смотреть на вопрос точности художественных образов великого романиста, отдельные примеры которой приводились на этих страницах.

Согласно книге Manuel des Templiers. Поскольку она распространяется только среди членов общества, достать ее копию не удалось. Представленные здесь сведения взяты из «Истории рыцарства» Миллса. То, что данный автор безоговорочно верил им, как представляется, не является доказательством их правдивости.

Это, как представляется, было полностью доказано сэром Розетти. Не следует скрывать, что данный автор настаивает на том, что тамплиеры были филиалом общества масонов.

Доктор Берк в своей замечательной работе по этой теме (История вестфальских фемгерихтов. Бремен, 1815) собрал, как представляется, почти всю доступную на тот момент информацию. Эта работа была основным источником для данной книги, поскольку, хотя имеются и другие публикации, нельзя сказать, что из них была почерпнута сколь-нибудь важная информация. Поскольку эта тема в своем историческом значении совершенно новая для англоязычной литературы, в данной главе, хоть автор и опасался показаться излишне сухим, подробно изложены организация и порядок деятельности этих известных судов.

Литературное описание тайных трибуналов можно найти в переводе сэром В. Скоттом трагедии Гете «Гец фон Берлихинген» и в его «Доме Аспенов» и «Анне Гейерштейнской». По различным отрывкам в автобиографических и других эссе В. Скотта можно судить, что он верил в правдивость именно такого представления о тайных трибуналах.

Венды были одним из племен славянской расы, проживавших по южным берегам Балтики.

Арнольд Любекский. Славянская хроника; Лейбниц. Scriptores Rerum Brunsvicarum.

111

Берк.

112

Берк.

Можно записать также как *Fem*, *Fäm*, *Vem*, *Vehm*. В немецком буквы *f* и *v* произносятся одинаково, равно как *ä* и *e*. Слово, от которого пошло название «фем», могло быть образовано от: *Fahne* – знамя; *Femen* – сдирать шкуру; *Fehde* – вражда; *Vemi* (то есть *væ mihi*) – где я, *Ve* или *Vaem* – что, согласно Дрейеру, на северных языках означает святой; *Vitte* – рассудок на старонемецком; *Vette* – наказание; *Fimmihä* – по салическим законам; *Fem*, по-шведски, и *Fimm*, по-исландски, – пять, столько, как ошибочно считалось, было судей в суде фемы. Наконец, Мезер выводит это название от слова *Fahm*, которое, как он считает, используется в Австрии и некоторых других странах вместо *Rahm* – сливки.

Общественное мнение было достаточным основанием для привлечения к суду в Англии, даже во времена англосаксов.

На северных наречиях «тинг», отсюда «Сторк Тинг» (стортинг), то есть «Великий Тинг» – парламент в Норвегии.

Stuhlherr – председатель трибунала, в буквальном переводе означает «хозяин трона» (суда), *Stuhl* – место, стул, трон.

Это слово, которое не поддается точному переводу, соответствует позднелатинскому *Scabini* и французскому *Echevins* (судебные заседатели во Франкском государстве). Поэтому здесь и далее оно будет использоваться без перевода. Шоффенов называли «вольными», фрайшоффенами, поскольку граф был «вольным» и суд тоже «вольным», по той причине, что под юрисдикцию суда попадали лишь свободные граждане.

Когда человека принимали в общество, он, помимо уже упоминавшегося вступительного взноса графу, уплачивал каждому участвовавшему в церемонии шоффену и каждому фронботу четыре турских ливра.

Жители Пруссии в те времена все еще были язычниками.

120

От немецкого *Verfehmt*.

В переводе с немецкого *Dienstag* означает «судный день».

Берк, по «Истории Ганновера» Шпиттлера.

Немецкое слово *Vimricht*, то есть суд фемы, более просторечную этимологию которого здесь приводит автор.

Брун Фредерика. Episoden aus Reisen durch das Südliche Deutschland, &c.

Голбери. Voyage en Afrique.

Здесь можно привести одно из его предсказаний, сделанных под именем магистра Фон Долете в 1457 г.: «В следующем месяце, сентябре, солнце предстанет в виде черного дракона, будут дуть жестокие ветры, море взревет, а людей на куски будет разносить ветер. Солнце тогда превратится в кровь, что олицетворит войну на Востоке и Западе. Умрет могущественный император, земля сотрясется, и лишь немногие из людей останутся в живых. Поэтому защитите свои жилища и помещения, запасите в подвалах еды на 30 дней...» и т. д. и т. п. Плутовское искусство и язык мошенников остается одним и тем же во все века и в любых странах.